

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

А. В. Зайцев

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГА
ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА: КОМПАРАТИВНЫЙ
АНАЛИЗ**

Кострома
КГУ им. Н. А. Некрасова
2014

УДК 316.4
ББК 60.027.1
3 117

Печатается по решению редакционно-издательского совета
КГУ им. Н. А. Некрасова

Рецензенты:

Кафедра социально-политических теорий
факультета политологии Ярославского государственного университета
имени П. Г. Демидова;

А. Г. Большаков, доктор политических наук, профессор;
О. А. Коряковцева, доктор политических наук, профессор

Зайцев А. В.

Институционализация диалога государства и гражданского общества: компаративный анализ / А. В. Зайцев. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. – 446 с.

ISBN 978-5-7591-1437-6

В монографии на основе сравнительного анализа рассматривается процесс институционализации диалога и государства. Для обоснования своего взгляда на этот сложный и достаточно противоречивый процесс автор сопоставляет диалог государства и гражданского общества с другими формами общественного диалога, совершает исторический экскурс в прошлое России, выявляя диалектическое взаимодействие и социокультурную борьбу диалогического и монологического начал в процессе политического управления. Процесс институционализации диалога государства и гражданского общества рассматривается не только на общенациональном, но и на региональном уровнях на основе сравнения состояния публичной политики и диалога в трех субъектах РФ – Костромской, Курской и Ярославской областях.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам и студентам вузов, а также всем, кто интересуется политологией, социальной философией, политической историей, конфликтологией, коммуникативистикой, PR и GR-технологиями.

УДК 316.4
ББК 60.027.1

ISBN 978-5-7591-1437-6

© А. В. Зайцев, 2014

© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014

Оглавление

Введение	7
----------------	---

Часть 1

Теоретико-методологические основания исследования диалога государства и гражданского общества и его институционализации	17
---	----

Глава 1. Исходные теоретико-методологические основания: диалог, общественный диалог, диалог государства и гражданского общества.....	17
1.1. Многообразие модусов диалога: от сотрудничества до конфликта	17
1.1.1. Диалог как кооперация и взаимопонимание	18
1.1.2. Конфликтный потенциал диалога	30
1.2. Типология диалога.....	38
1.3. Диалог государства и гражданского общества в контексте констелляции форм общественного диалога	57
1.3.1. Диалог государства и гражданского общества как форма общественного диалога	59
1.3.2. Социальный диалог и диалог государства и гражданского общества: сходство и отличие.....	69
1.3.3. Диалог государства и гражданского общества как политический диалог	80
1.3.4. Диалог государства и гражданского общества как социально-политическая категория: понятие, структура, функции.....	83
1.3.5. Обратная связь и диалог государства и гражданского общества	89

Глава 2. Теоретико-методологические основания институционализации диалога государства и гражданского общества.....	95
2.1. Институциональная теория: социальные и политические и институты.....	95
2.2. Неоинституционализм в политической науке.....	99
2.3. Институционализация как процесс.....	107
2.4. Дискурсивный институционализм и теория диалога.....	110
2.5. Диалогическая демократия и процесс институционализации диалога государства и гражданского общества.....	114

Часть 2

Практика институционализации диалога.....	127
--	------------

Глава 3. Институционализация гражданского диалога в Евросоюзе.....	127
3.1. Ностальгия по агоре?.....	127
3.2. Лиссабонский договор, демократия участия и диалог.....	130
3.3. Гражданский диалог в ЕС.....	132
3.4. Диалог vs дефицит демократии.....	137
3.5. Диалог в политической системе ЕС.....	142
3.6. Репрезентативность акторов гражданского диалога.....	145
3.7. Диалогический опыт ЕС и проблема реинтеграции на постсоветском пространстве.....	148

Глава 4. Институционализация публичных дебатов во Франции.....	151
4.1. Публичные дебаты как диалог по-французски.....	151
4.2. Первый этап институционализации публичных дебатов.....	153
4.3. Второй этап институционализации публичных дебатов.....	157
4.4. Третий этап институционализации публичных дебатов.....	161

4.5. Начало четвертого этапа институционализации публичных дебатов: проблема репрезентативности.....	165
Глава 5. Институционализация диалогической модели связей с общественностью	171
5.1. Возникновение и формирование диалогической модели связей с общественностью: зарубежный опыт и современная Россия.....	171
5.2. Диалогическая модель связей с общественностью: состояние и перспективы.....	180
Глава 6. Авторитарная делиберация и общественный диалог в Китае.....	195
6.1. Авторитарная делиберация в Китае	195
6.2. Специфика общественного диалога в Китае	201

Часть 3

Процесс институционализация диалога в России	205
Глава 7. Доинституциональная фаза диалога власти и общества	208
7.1. Общественный диалог в дореволюционной России.....	208
7.1.1. Социокультурные аспекты и институциональные диалога власти общества в истории России	208
7.1.2. Институты диалога в Древней и Средневековой Руси	213
7.1.3. Институционализация авторитарного монолога в имперской России.....	230
7.1.4. Публичная сфера и диалог с властью в дореволюционной России	236
7.1.5. От конфликтного диалога к революции.....	243
7.2. Общественный диалог в СССР	253
7.2.1. Монологизация политического дискурса советской власти	253
7.2.2. Реинституционализация властного монолога.....	262
7.2.3. Трагедия общественного диалога: от дискурсивной «оттепели» к коммуникативным «заморозкам»	266

Глава 8. Преинституциональный период диалога государства и гражданского общества.....	279
8.1. Общественный диалог в дискурсивном взаимодействии власти и общества: эпоха перестройки.....	280
8.2. Диалог и монолог власти в контексте политических реформ Б. Н. Ельцина.....	290
Глава 9. Институционализация диалога государства и гражданского общества в публичной политике современной России	300
9.1. Первоначальный этап институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России: противоречия и проблемы	300
9.1.1. Диалогический нарратив публичного дискурса В. В. Путина и имитационные практики диалога государства и гражданского общества.....	301
9.1.2. Дискурсивные практики взаимодействия государства и гражданского общества: 2000-е годы.....	309
9.1.3. Коммуникативная инноватика Д. А. Медведева в диалоге государства и гражданского общества.....	329
9.2. Второй этап институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России: состояние дискурса и его перспективы	341
9.2.1. Избирательный цикл 2011–2012 годов и диалогический запрос общества к власти.....	342
9.2.2. Ведущие коммуникативные тренды в процессе второго этапа институционализации диалога государства и гражданского общества (2012 – начало 2014 годов).....	355
9.3. Диалог государства и гражданского общества в контексте публичной политики в регионах России: сравнительный анализ (на примере Костромской, Курской и Ярославской областей)	367
Заключение	389
Библиографический список	394

Введение

Диалог всегда занимал и продолжает занимать особое место в жизни общества, являясь разумной альтернативой насилию, войне, терроризму, революциям, восстаниям, бунтам и другим проявлениям политического экстремизма, радикализма и нетерпимости, наряду с этим диалог власти и общества – это процедура и технология осуществления обратной связи управляющей подсистемы общества с гражданами и населением страны.

Диалог государства и гражданского общества предполагает не просто информирование, а реальное привлечение неполитических акторов к участию в управлении государством и решению политических проблем. Под таким диалогом понимается не разговор двух и более лиц по общественно-политической проблематике, а определенная конфигурация intersubjectивного взаимодействия в сфере политики, строящегося на принципах дискурсивного равноправия и симметрии между субъектами коммуникации, стремящимися к взаимопониманию и достижению взаимовыгодного результата и учитывающими широкий спектр существующих мнений и интересов.

Необходимыми условиями диалога в сфере публичной политики являются, во-первых, наличие политического плюрализма, во-вторых, обладание субъектами диалога политической и гражданской культурой и толерантностью и, в-третьих, их коммуникативная компетенция, умение слушать, понимать и идти навстречу друг другу ради сохранения мира, стабильности и преодоления разногласий. Диалог в постиндустриальном информационном обществе становится нормой цивилизованного и демократического взаимодействия, участники которого признают право на существование каких-то иных, даже альтернативных политических взглядов, мнений, убеждений, ценно-

стей, идеологий и так далее. Ведь современная демократия – это «не столько совокупность процедур и их применения, сколько диалогическое взаимодействие между различными политическими партиями, общественными движениями и даже отдельными людьми» [25, с. 6].

Диалог государства и гражданского общества, являясь одной из разновидностей политического диалога, в то же время представляет собой социальный (в широком смысле) или гражданский (общественный) диалог. В такой диалог вовлечены не только институциональные субъекты, акторы или агенты политики (государство, политические партии, политические лидеры, профессиональные политтехнологи, лоббисты и т. д.), но и рядовые граждане, общественные объединения и некоммерческие организации «третьего сектора», напрямую не связанные со сферой политики, но играющие все более возрастающую роль в общественно-политической жизни общества.

Данная тенденция вполне отчетлива в практике взаимодействия власти и институтов гражданского общества в развитых демократических режимах Европы, северной Америки, Австралии и, отчасти, в ряде государств восточной Азии. На смену конфронтации государства и гражданского общества, недоверию и настороженности по отношению к НКО постепенно приходит осознание необходимости партнерства, сотрудничества и взаимодействия, расширения публичной сферы, совершенствования механизмов социальной коммуникации, институционализации диалога и вовлечения широких слоев общества в публичную политику.

В политической науке и политической практике данные процессы сопровождалась критикой либеральной модели демократии, где центральным моментом признавались электоральные процедуры и механизмы формирования представительной системы власти. Данное обстоятельство обуславливало, с точки зрения критиков либеральной демократии, отчуждение широких слоев общества от реального участия в политике, и, как следствие, рост пассивности избирателей, снижение политиче-

ской и гражданской активности, легитимности власти и принимаемых ею решений. Выход был найден в соединении ценностей электоральной демократии с инновационными механизмами и процедурами новейших форм демократии: демократии участия (патриципаторной демократии) и дискурсивно-совещательной (делиберативной) демократии, существенно расширивших публичную сферу и институционализировавших коммуникацию власти и общества в диалогическом формате. Механизмы и технологии связей с общественностью (PR) в области политического и государственного управления были дополнены GR-технологиями, где уже общественность (третий сектор) и бизнес (второй сектор) выступали инициаторами взаимодействия, коммуникации и диалога с государством, правительством и властью (первым сектором).

Прежде казавшиеся утопическими многие нормативные идеи делиберативной демократии и публичного дискурса, технологий симметричных и равноправных PR и GR-коммуникаций в режиме диалога, в конце в начале XXI века получили дальнейшее развитие в коммуникативных практиках «электронного правительства», «электронного государства», «электронной демократии», «электронного парламента». Реляционные сетевые сообщества с диалоговыми горизонтальными связями и отношениями сформировали сетевое гражданское общество, неподконтрольное государству и играющее все более заметную роль в общественной и политической жизни. Новые гражданские коммуникации и интерактивные медиа, функционирующие в режиме онлайн, стали реальной альтернативой медиаполитике государства, прежде строившейся на информационной монополии власти, монологе, пропаганде и манипулятивных технологиях обработки и формирования общественного мнения.

В результате этих и других инновационных процессов в области политической коммуникации гражданское общество и некоммерческие организации третьего сектора все более и более признаются государствами в качестве равноправных партнеров по внутривластному диалогу. Формирование органов

и институтов власти, их легитимация и легитимность принимаемых ими решений принимает новое, дискурсивное измерение, связанное с развитием диалоговых процедур и симметричных форматов в интеракции государственных институтов и институтов гражданского общества, что находит закрепление в соответствующих законах и других нормативно-правовых актах.

В современной России ситуация выглядит иначе. С одной стороны, государственная власть признает необходимость развития и укрепления гражданского общества и расширения общественного диалога. С другой – эти процессы осуществляются под контролем со стороны самой власти. Гражданское общество в России фактически оказывается встроенным в единую вертикаль государственной власти. Соответственно этому, горизонтальные, то есть партнерские, диалоговые связи, разрушаются или симулируются.

На смену так и не укоренившемуся в политической культуре диалогу государства и гражданского общества возвращается характерный для российской социокультурной и политической традиции монолог власти. Аберрация диалога и реинкарнация традиционной авторитарно-тоталитарной модели коммуникации, где государство доминирует, а слабое гражданское общество действует в информационном анклаве жестко очерченных властью дискурсивных границ, еще более убивает гражданскую инициативу, порождает паттерны отчуждения, общественной апатии, разочарования, сводит на нет усилия по модернизации экономической, социальной и политической сфер жизни российского общества. Политическая риторика российской власти не только становится все более монологична, но зачастую приобретает пропагандистские оттенки времен холодной (информационной) войны, поиска «врагов народа», охоты на «ведьм», борьбы с диссидентством и инакомыслием, разоблачения «агентов» и пособников Запада.

Вместо налаживания диалога с несистемной и внепарламентской оппозицией в политическом дискурсе власти доминирует желание скомпрометировать оппозиционных стейкхолде-

ров в глазах общества и даже подвести их действия под ту или иную статью Уголовного кодекса РФ, продемонстрировав тем самым несостоятельность обвинений с их стороны и критики российского государства и его лидеров. Бюрократический произвол, коррупция, всевластие чиновников, отстранение от политического управления и механизмов контроля за властью представителей гражданского общества, тотальная коррупция, отчетливый тренд к построению милитаризированного общества и полицейского государства, амбивалентны по отношению к общемировым векторам развития отношений между государством и гражданским обществом.

Вместо институционализации демократических дискуссионных механизмов и формирования полноценных дискуссионных площадок для честного и открытого диалога государства и гражданского общества, российская власть нередко создает многочисленные симулякры в виде псевдиалоговых социокоммуникативных институтов, ангажированных и созданных самым же государством фиктивных ассоциаций и организаций гражданского общества. Эти симулякры, то есть созданные государством фальшивые инструменты и институты диалога с обществом, не способны к полноценному публичному дискурсу с властью, от которой они находятся в финансовой, организационной, кадровой и политико-управленческой зависимости.

Отсутствие полноценного и симметричного диалога власти и общества, эффективных механизмов обратной власти от гражданского общества к государству и назад, лишают власть респонзивности, делают ее инертной, костной, не способной к своевременному реагированию на трансформацию общественного мнения, политических настроений и ожиданий в обществе. Логическим следствием и финалом данного негативного тренда может стать социокультурный и политический раскол общества, перманентная эскалация все новых и новых конфликтов, институциональный политический кризис и даже, быть может, гражданская война, распад России и утрата ею политической

самостоятельности. Чтобы не допустить того или иного варианта негативного сценария развития политической ситуации в современной России, требуется серьезная реконфигурация взаимодействия государства и гражданского общества на основе институционализации двухстороннего и симметричного диалога между ними. Тем более что «о необходимости гражданского диалога как средства единения общества говорят и представители высшего политического руководства, и конструктивная оппозиция». С этой точкой зрения солидарны и ведущие российские политологи, которые «практически единодушны во мнении, что развертывание диалога власти с обществом есть единственная альтернатива негативному сценарию развития страны» [293, с. 5].

В том случае, если российская власть пойдет на серьезную корректировку ныне существующей практики взаимодействия с гражданским обществом, ей понадобятся соответствующие теоретические разработки, сделанные учеными-политологами. Однако, несмотря на множество научных изысканий в сфере взаимодействия государства и гражданского общества, российская политическая наука оставила без должного внимания проблему их коммуникации в формате симметричного диалога. И хотя в большинстве научных публикаций или исследований по данной тематике упоминается необходимость выстраивания (равноправного, конструктивного, полноценного, подлинного, двухстороннего, симметричного, взаимовыгодного, обоюдного и т. д.) диалога, концепт «диалог государства и гражданского общества», превратившийся в расхожий штамп с массой сопутствующих определений, до сих пор современной российской политической наукой остается неизученным и неисследованным.

В чем причина такой, по сути дела, парадоксальной ситуации? Почему ученые-политологи, признавая теоретическую и практическую актуальность диалогической коммуникации государства и гражданского общества, оставляют данную актуальную и жизненно важную проблему без адекватной глубо-

кой проработки и, в целом, как бы в стороне от магистральной линии развития политической науки в современной России? На наш взгляд, причин здесь может быть несколько.

Во-первых, это самоочевидность и даже превращение утверждения о необходимости дискурсивного взаимодействия государства и гражданского общества в коммуникативном режиме диалога в шаблон, трафарет, штамп. «Распространенность, обычность диалога столь на первый взгляд интуитивно достоверна и очевидна, что это порой ведет к взгляду на диалог, как на нечто недостойное особого исследования», – пишет философ-логик К. Д. Скрипник [358, с. 4]. В результате возникает непонимание, что представляет собой диалог, являющийся, на первый взгляд, вполне самоочевидной реальностью. «Термин *диалог*, – по мнению философа-культуролога А. А. Пелипенко, – может в известном смысле служить примером того, как современное научное сознание работает с общими понятиями: все примерно представляют, о чем идет речь, но никто ясно не может определить, что же это такое» [271, с. 64].

Во-вторых, диалог изначально являлся формой речевого взаимодействия между людьми. Следовательно, диалог в целом – это предмет исследования лингвистики, которая занимается изучением языковых явлений, в том числе общественно-политической лексики. Диалог в политике – это разновидность языкового взаимодействия. Значит, осмысление теории и практики диалога должно быть отнесено если не к классической лингвистике, то к социолингвистике или к ее такой новой разновидности как политическая лингвистика.

В-третьих, диалог является не только объектом изучения лингвистики, но и привлекает к себе внимание литературоведов, философов, педагогов, психологов, религиоведов, культурологов, социологов, специалистов в сфере коммуникативистики, связей с общественностью и других областей социогуманитарного знания. Диалог в политике, в том числе диалог государства и гражданского общества – это всего лишь частный случай применения диалога в тех научных дисциплинах и отраслях знания,

которые традиционно изучают диалог. Поэтому, якобы, специального исследования диалога государства и гражданского общества политической науке не требуется.

В-четвертых, внимание современной политической науки как бы «по инерции» все еще направлено на агитационно-пропагандистский и манипулятивный политический дискурсы, характерные для информационного противоборства, информационных войн и политического противостояния. Данные коммуникативные технологии, активно применявшиеся в середине XX века, вплоть до настоящего времени окончательно не исчерпали своего милитаристского потенциала и продолжают использоваться в современных политических коммуникациях, тем более что реальной альтернативы им российская политическая наука до сих пор так и не выработала. Прежние формы и жанры политической коммуникации востребованы и самой властью, все еще предпочитающей не диалог, а монолог, не взаимодействие, а воздействие, не аргументацию, а манипуляцию, не делиберацию, а приказ, команду или распоряжение.

В-пятых, политика все еще в ряде случаев остается наиболее конкурентной сферой деятельности (в духе а-ля Никколо Макиавелли), где преобладает не стремление к согласию, компромиссу, консенсусу и к диалогу, а к победе любой ценой. При этом интенция к обладанию власти рассматривается не столько как состязание, соперничество, сколько как борьба, вражда или даже как война. В такой парадигме понимания политики и политической власти диалог вытесняется за пределы политического процесса и рассматривается как проявление политического романтизма, не имеющего никакого отношения к «реальной политике» и политическим интересам.

Диалог государства и гражданского общества, недооцененный и незаслуженно отвергнутый российской политической наукой, обладает большим эвристическим потенциалом. С. П. Поцелуев, первым среди российских политологов детально исследовавший политический диалог в его соотносительности с коммуникативными теориями демократии, пришел

к неутешительному выводу о практически полном отсутствии в российской политической науке серьезных исследований как политического, так и гражданского диалога: «В России парадоксальным образом к проблеме концептуализации политического диалога ближе всего подходят не столько политологи, сколько их коллеги из смежных отраслей знания: философы, лингвисты, социологи, медиаведы» [293, с. 6].

Эти исследования тоже очень важны для нас, и разрабатывая теорию диалога государства и гражданского общества, мы не можем не учитывать то, что уже сделано в смежных с политической наукой областях социогуманитарного знания. В то же самое время, необходимо учитывать и то обстоятельство, что диалог государства и гражданского общества имеют свою собственную специфику и особенности. Поэтому изучение диалога и разработка технологий практического применения диалогической коммуникации, не может быть целиком заимствована ни одной из смежных с политологией наук, каждая из которых имеет свой особый, отличный от нее предмет и объект исследования. Соответственно этому, понимание и интерпретация диалога будут существенно дифференцированы в каждой из смежных с политологией наук. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что образовавшаяся лакуна в политической науке может быть восполнена хотя и с учетом успехов и достижений других наук в сфере изучения диалога, но лишь на основе специфики политологического знания с его особым объектом и предметом научного познания.

Творческая рецепция имеющихся подходов в смежных областях знания должна быть сопряжена с выработкой собственного подхода к классификации и типологии диалогов, разработкой его коммуникативных жанров, компаративным анализом диалогических практик в различных странах, имеющих опыт институционализации диалогического взаимодействия власти и гражданского общества. Кроме этого мы ставим задачи изучения различных диалогических моделей в сфере PR-коммуникации, анализа состояния и перспектив

институционализации процедур и механизмов диалогической интеракции власти и общества в российском социуме. И, наконец, мы попытаемся выработать практические рекомендации по приданию большей динамики процессу институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России и его регионах.

Часть 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Глава 1

Исходные теоретико-методологические основания: диалог, общественный диалог, диалог государства и гражданского общества

1.1. Многообразие модусов диалога: от сотрудничества до конфликта

В современной литературе диалог рассматривается то как кооперация, сотрудничество, бесконфликтное взаимодействие, согласие, унисон и т. д., то предстает как проявление агонистического начала и эвристического духа состязательности, спора, дискуссии, полемики, дебатов, диспутации и т. д.

Что же такое диалог на самом деле? Каковы его модусы, ведущие типы? И, наконец, в каком соотношении находится диалог государства и гражданского общества в сопоставлении с другими формами общественного диалога такими, как общественный, политический и социальный диалог? От ответа на эти и другие вопросы будет зависеть избранная теоретико-методологическая ориентация, призванная, в свою очередь, адекватно осветить проблему поступательного процесса институционализации диалога государства и гражданского общества.

1.1.1. Диалог как кооперация и взаимопонимание

Диалогическая традиция европейской цивилизации и культуры простирается от древнегреческого идеала философского диалога (как совместного поиска истины), классических либеральных идей правового равенства граждан и договорной природы государства (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.), диалектической философии Г. Гегеля, концепций межкультурного диалога (М. Бахтин), диалога культур (В. Библер), диалогической философии (М. Бубер), теории коммуникативного действия (Ю. Хабермас) и вплоть до новейших концепций сетевого гражданского общества, публичной сферы и делиберативной (дискурсивной) демократии.

В данной традиции налицо две тенденции, нашедшие воплощение в современной политической теории. Первая – это отказ от применения силы в сфере международной политики и межгосударственных отношений. Вторая – это привлечение широких слоев общества к участию во внутривнутриполитической жизни, к управлению государством, к публичному обсуждению общественно значимых проблем и совместной, с участием государственной власти и институтов гражданского общества, выработке управленческих и политических решений.

Предметом данного исследования является вторая тенденция, связанная с углублением и институционализацией диалогового взаимодействия государства и гражданского общества в современной России. Но прежде чем перейти непосредственно к анализу характера и форм интеракции этих двух макросоциальных институтов, нам необходимо провести исследование существующего спектра типов диалога, а уже затем определить место и роль диалогического дискурса государства и гражданского общества в констелляции достаточно разнообразных форм общественного диалога.

Массив существующих подходов к диалогу весьма впечатляющ. А современные исследования диалога далеки от формирования гетерогенной теории диалога. Диалог до сих пор является предметом многочисленных дискуссий, оспаривающих существующие подходы и интерпретирующих его новейшие трактовки и

определения. При этом если одни авторы под диалогом понимают исключительно бесконфликтное и гармоничное сотрудничество его участников, то другие, напротив, считают конфликт, спор, дискуссии, борьбу мнений, сущностной чертой диалогического взаимодействия. Исходя из этого, существуют различные теоретико-методологические подходы к классификации и типологии диалогов.

«Вопрос о классификации диалогических дискурсов является достаточно сложным, – считает лингвист Т. Н. Колокольцева, – поскольку в науке существует большое количество разноречивых точек зрения на этот счет» [184, с. 25]. Многообразии диалогических дискурсов, сложность их организации, продолжающееся расширение границ диалогической коммуникации «ставят исследователей перед необходимостью вновь и вновь обращаться к проблеме классификации диалогов» [185, с. 76].

Междисциплинарный характер предмета исследования, специфика задач, решаемых той или иной отраслью научного знания, особенности исследовательского и методологического инструментария, исходные предпосылки и другие аспекты изучения диалога в значительной степени определяет объективно существующую диверсификацию и разнородность научных парадигм, присущих этой проблеме. Российская политическая наука, не имеющая, в отличие от целого ряда смежных наук, собственной научной школы изучения диалога, вынуждена обращаться к уже существующим наработкам в иных областях научного знания, которые, в той или иной степени, будут полезны для выработки политологической концепции диалога государства и гражданского общества.

Р. Арнетт, профессор Высшей школы гуманитарных наук, коммуникации и риторических исследований из США полагает, что расплывчатые и туманные очертания диалога больше напоминают картину художника-импрессиониста, нежели чем четкий фотографический снимок [477, р. 3]. Т. А. Топольская в надежде найти ответ на вопрос «что же такое диалог?», проанализировала 30 работ своих коллег по психологической науке и в результате

выявила 6 различных определений понятия «диалог» [388, с. 70]. В действительности, определений и исследовательских подходов к тому, что собой представляет собой диалог, гораздо больше, в том числе в социологии, политологии, коммуникативистике и иных областях научного знания, наиболее тесно связанных с исследованием диалога с точки зрения коммуникации государства (правительства, власти) и гражданского общества.

Л. Эллинар и Ж. Жерар описывают диалог как основополагающий процесс коммуникации, который способствует созданию условий высокого уровня взаимного доверия и открытости. Осуществлению диалога не препятствует наличие разногласий. Диалог, с точки зрения этих авторов, используется для лучшего понимания характера существующей проблемы [500, р. 22].

С. Диц и Дж. Симпсон полагают, что диалог, начиная со второй половины XX века, стал основной чертой общества и символом надежды человечества на то, что оно когда-нибудь окажется в состоянии противостоять глобальным вызовам современности. Ими на основе идей Ю. Хабермаса и Г.-Х. Гадамера была разработана политически отзывчивая коммуникативная теория (PRCT) конструкционистского диалога, которая признает особую важность политической ситуативности и понимания «другого» [497, р. 5]. Для С. Диц и Дж. Симпсон диалог органически связан с общением по социально значимым общественным проблемам между заинтересованными сторонами. Для них такой диалог синонимичен общественной дискуссии. Для Л. К. Хос главной составляющей диалога является сокращение степени конфликтности, поскольку диалог – это «практика посредничества в противоречивых и конфликтных общественных дискурсах» [515, р. 229].

Д. Таннен профессор лингвистики и культурологии Джорджтауна полагает, что главный аргумент современной культуры – это всепроникающая воинственная атмосфера, которая побуждает относиться к миру и людям, живущим в нем, в состязательно-агонистическом наклонении. В связи с этим свою, пожалуй, самую главную книгу, она так и назвала: «Аргумент культуры:

переход от дебатов к диалогу» [559]. «Существуют моменты, – пишет по этому поводу Д. Таннен, – когда это необходимо и правильно бороться: защищать свою страну или себя, чтобы отстаивать свои права или бороться против агрессивных или опасных идей или действий» [559]. Однако в современной цивилизации, по ее мнению, основным содержанием культуры стало «критическое мышление». Отсюда «главный аргумент» такого рода культуры: непрекращающаяся критика, словесные перепалки, вербальные дуэли, конфронтация мнений и, подчас, даже откровенная ругань, оскорбления, компромат. «Одной из сильных сторон нашего общества является то, что мы можем открыто выражать свои конфликты. Но так же, как супруги, должны научиться путям урегулирования своих разногласий без причинения реального ущерба, так что мы, как общество, должны найти конструктивные способы разрешения споров и разногласий». Общество поляризовано между крайними полюсами, которые, по мнению Д. Таннен, ведут непрекращающуюся словесную борьбу: «Наша решимость добиваться правды путем создания сражения между двумя сторонами заставляет нас полагать, что каждый вопрос имеет лишь две стороны – ни больше, ни меньше» [559].

Война с наркотиками, война с раком, борьба полов, борьба за сферы влияния в политике – это все аргументы культуры, это военные, либо, в лучшем случае, спортивные метафоры, которые буквально пронизывают своей агрессивностью любой дискурс и формируют соответствующее милитаризованное мышление. Поэтому, с точки зрения Д. Таннен, современному обществу нужны другие метафоры, которые «позволили бы использовать наше воображение и изобретательность, чтобы найти иные способы поиска истины и получения информации посредством интеллектуального обмена». В том числе, как полагает Д. Таннен, и на основе поворота от конфронтационного дискурса к конструктивному диалогу, пересмотрев бытующее «предположение, что зрители всегда предпочитают драку» [559].

Г. П. Грайс сформулировал основные положения ведения спора, дебатов и диалога которые, по его мнению, должны

базироваться на принципе кооперации. Согласно принципам Г. П. Грайса, участник кооперативной диалогической коммуникации должен вносить свой вклад в разговор, понимать цель или направление разговора, в который он вовлечен, высказывания участников должны быть ясными, честными, эффективными и уместными (релевантными) [85]. Однако, как известно, «на практике обычно одна или другая сторона в полемике проваливает принципы правильной аргументации. И тогда дискуссия, диалог собеседников терпит неудачу» [89]. Особенно утопично идеи Г. П. Грайса выглядят при попытке их реализации в сфере политического диалога с явным доминированием в нем агональных интенций, борьбы за власть, конфликтных трендов, но никак не грайсовских принципов кооперации. В то же время кооперация, сотрудничество, взаимопонимание, учет чужого мнения, симметрия коммуникации, отказ от манипуляции и навязывания своей субъективной точки зрения – объективно необходимы для диалога, особенно диалога государства и гражданского общества.

Физик Д. Бом – один из наиболее оригинальных теоретиков диалога. К его собственному удивлению уже в преклонном возрасте он узнал, что многие физики мирового уровня развивали свои самые креативные идеи не в уединенном одиночестве, а через общение и диалог друг с другом. В своих исследованиях Д. Бом описывает процесс диалога как систему коммуникации, которая обладает потенциалом для формирования новых идей и взглядов мировоззренческого уровня.

Д. Бом полагает, что понятие диалог довольно «часто используется для обозначения других вещей, например, компромиссов, переговоров или дискуссий» [455, р. 8]. Для Д. Бома, как и для его последователей в лице В. Айзекса, Д. Янкеловича, П. Сенжа и др., полемика, дискуссия, дебаты, споры, обсуждения и даже переговоры – это не диалог. Д. Бом определяет диалог как форму общения, направленную на взаимопонимание индивидов, в процессе которого его участники совместно создают что-то новое. При этом он акцентирует внимание на межличностном и групповом общении, но не на общественном, и не на публичном диалоге.

Для того чтобы диалог в его – бомовской – интерпретации состоялся, необходимы три условия.

Во-первых, участники диалога должны «заблокировать» свои уже сложившиеся мнения и предположения. Дело в том, что участники коммуникации в таком формате стремятся не к победе, не к утверждению своей собственной точки зрения или к получению каких-либо выгод и преимуществ. В соответствии с точкой зрения Д. Бома, подлинный диалог состоит в том, чтобы, временно «законсервировав» свою собственную точку зрения, понять иные взгляды. Такому диалогу требуется особое коммуникативное пространство, которое Д. Бом называет как изначально «пустое место» («empty place»), где должен осуществляться процесс диалога.

Во-вторых, все участники коммуникации должны воздерживаться от критики чужих взглядов или навязывания своего мнения, то есть избегать перерастания диалога в дебаты, дискуссию или переговоры. В то время как отношения власти, зависимости и иерархии буквально пронизывают общественные отношения, диалог может иметь место только тогда, когда властная асимметрия или социально-политическое неравенство между партнерами устранены.

В-третьих, все участники диалога должны иметь право и реальную возможность высказать свои суждения и взгляды, не опасаясь, что они будут подвергнуты критике со стороны других участников коммуникации или трансформированы под воздействием оппонентов. Такой диалог способствует установлению духа взаимопонимания, снимает тревогу и напряженность, предотвращает потенциально возможные споры, конфронтацию и конфликты.

Сторонники бомовской теории диалога, обращают внимание на то, что в «рамках дискуссии участники, как правило, остаются привержены к своей конкретной точке зрения. Каждый участник в первую очередь пытается убедить других принять его точку зрения». В отличие от дебатов, дискуссии и даже переговоров, участники диалога пытаются выслушать других, понять их взгляды, не навязывая своего мнения [507].

В «Школе диалога» Д. Бома была разработана сравнительная характеристика «подлинного диалога» и диалога риторического, то есть всякого рода споров, дискуссий, полемики, то есть того, что сам Д. Бом и его единомышленники называли «дебатами» (табл. 1 [477]).

Т а б л и ц а 1

Сравнительная таблица диалога и дебатов по Д. Бому

ДИАЛОГ	ДЕБАТЫ
Диалог – это сотрудничество двух или более сторон, которые сообща работают для достижения общего понимания	Дебаты строятся на оппозиции: две или более сторон противостоят друг другу и пытаются доказать, что все, кроме одной позиции, не правы
В диалоге цель – создание общей основы	В дебатах цель – победа одной стороны
В диалоге один участник слушает других, чтобы понять, найти смысл и обрести согласие	В дебатах один участник слушает других, чтобы найти слабые места и выдвинуть контраргументы
Диалог формирует плюрализм, расширяет кругозор и может изменить позиции и взгляды его участников	Дебаты утверждают точку зрения лишь одного участника, отвергая и опровергая другие существующие мнения
В диалоге исходные положения открыты для их переоценки, переосмысления и последующей трансформации	В дебатах исходное положение каждого из участников отстаивается как единственно возможная истина
Диалог вызывает рефлексию и самоанализ	Дебаты вызывает упорство, стремление навязать свою точку зрения другим, неприятие и критику других позиций
Диалог открывает возможность достижения лучшего решения, чем любое изначально существовавшее	Дебаты сохраняют уже сформулированную позицию как самое лучшее решение, отвергая другие подходы и мнения.
Диалог создает отношения мобильности и открытости к переменам.	Дебаты создают отношения упертости и закрытости к переменам

Окончание табл. 1

ДИАЛОГ	ДЕБАТЫ
В диалоге каждый выносит на обсуждение свою идею, зная, что суждения о ней со стороны других людей будут доброжелательны и помогут ее улучшить	В дебатах каждый соперничает лишь за свою идею и упорно отстаивает лишь ее вопреки попыткам других участников коммуникации ее исправить, улучшить или же доказать, что она в корне ошибочна
Диалог призывает временно воздерживаться от выражения своих убеждений	Дебаты призывают быть беззаветно преданным своим убеждениям
В диалоге каждый ищет основания для взаимного согласия и компромисса	В дебатах каждый ищет различия и основания для конфронтации
В диалоге каждый ищет сильные стороны в позициях других, воспринимаемых как партнеры	В дебатах каждый ищет недостатки и слабые стороны в позициях других, воспринимаемых как соперники
Диалог подразумевает подлинную заботу о других, исключая обиды или отчуждение	Дебаты подразумевают противостояние, вызов другим, без всякого внимания к их чувствам и нередко приводят к принижению или осуждению мнений других
Диалог исходит из того, что у многих людей есть часть ответа, а сообщая они могут сложить эти части в совместное решение вопроса	Дебаты исходят из того, что уже имеется правильный ответ, и что им обладает кто-то один
Диалог всегда не завершен, оставаясь коммуникацией, всегда открытой для дальнейшего продолжения разговора; конец одной интеракции вместе с тем является началом нового диалога	Дебаты подразумевают завершение коммуникации на основании утверждения и победы одной из множества существующих на данную проблему точек зрения

Под влиянием идей Д. Бома диалог стал использоваться в сфере, связанной с психологическим тренингом, коллективным обучением, организационным развитием и командной работой. П. Сенж, В. Айзекс, Д. Янkelович и другие теоретики и практики диалога использовали диалог в его бомовской интерпретации.

Так, П. Сенж в своей книге «Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающихся организаций» обращается к бомовскому диалогу в связи с рассмотрением проблем командного обучения, позиционируя диалог как инструмент для развития организации и изменений внутри нее [353].

Книга «Искусство думать вместе» В. Айзекса так же была вдохновлена теорией диалога Д. Бома [519]. Для В. Айзекса диалог это нечто больше, чем просто обмен информацией. Диалог для него представляет собой искусство думать вместе, рассматривая различные точки зрения. Диалог это процесс коллективного мышления и познания. «Диалог – это особая форма общения с возможностью совершенствования процессов совместного познания, координации действий внутри коллектива и достижения подлинных социальных изменений» [520, р. 20]. Цель переговоров – достижение согласия между сторонами, у которых есть разногласия. Диалог же нацелен на достижение нового понимания проблемы и, таким образом, на формирование абсолютно новой основы для мышления и действий. В ходе диалога проблемы не только решаются, но и исчезают.

По мнению В. Айзекса, целью диалога является не столько решение проблем, сколько «растворение их» [519, р. 19]. Диалог определяется В. Айзексом в русле герменевтики, как процесс коммуникации, целенаправленно обращенный на поиск, изучение и формирование понимания. Диалог создает пространство и способ для изучения и исследования сущности вопроса на основе анализа коллективных и индивидуальных идей, убеждений и чувств. В диалоге не идет речи об изменении убеждения людей или их поведения, а о информировании и обучении. Диалог предоставляет возможности для его участников слушать и быть услышанными; говорить и с другими и при этом разговаривать уважительно; развивать или углублять взаимопонимание; узнавать о других мнениях, говорить о собственной точке зрения; строить отношения в позитивном плане. Диалог создает пространство и способ для изучения и исследования сущности вопроса на основе анализа коллективных и индивидуальных идей, убеждений и чувств. В диалоге

не идет речь об изменении убеждений людей или их поведения, а о информировании и обучении. Диалог предоставляет возможности для его участников слушать и быть услышанными; говорить с другими уважительно; развивать или углублять взаимопонимание; узнавать о других мнениях, говорить о собственной точке зрения; строить отношения в позитивном плане.

Еще более четко разграничение между диалогом, с одной стороны, и дебатами, с другой, проводит Д. Янкелович, который в течение сорока лет изучал изменения в американской культуре и общественном мнении. За это время ему пришлось наблюдать бесчисленное множество общественных и частных диалогов. Со временем этот исследователь оценил важности диалога как успешного процесса для построения взаимоотношений, который при эффективном осуществлении ведет к взаимопониманию и уважению, что, в свою очередь, имеет потенциал для достижения непредвиденного успеха. По определению ученого, диалог характеризуется тремя четкими признаками:

1. Равенство и отсутствие принуждения. Диалог возможен только при условии, что достигнуто взаимное доверие, а представители власти участвуют в диалоге на равных условиях с другими.

2. Слушание с эмпатией. Согласно Д. Янкеловичу, эмпатия – это способность воспринимать чужие мысли, проникаться ими и ощущать чужие чувства, сопереживая им как своим собственным.

3. Представление своих предположений на всеобщее обозрение. Кроме этого участникам диалога необходимо воздержаться от оценок в адрес чужих суждений и мнений.

Для Д. Янкеловича диалог – это узкоспециализированная форма общественного дискурса, который нельзя смешивать ни с полемикой, ни с переговорами, ни с делиберацией [578, р. 41–44].

С. Лондон также отделяет диалог, в том числе делиберативный диалог от дискуссии и дебатов. По его мнению, цель диалога состоит не в том, решить или устранить проблему, а в том, «чтобы изучить наиболее перспективные направления для действий»: диалог акцентирует внимание на общих интересах, а не на разногласиях [535]. С. Лондон разводит делиберативный диалог и, как

он пишет, «другие формы публичного дискурса – такие как дебаты, переговоры, мозговой штурм, консенсус». Их отличие состоит в том, что смысл делиберативного диалога состоит не в обычном дискурсе, а в коллективном размышлении, выслушивании различных точек зрения, мнений, идей и поиске общих точек соприкосновения для решения, вынесенного на совместное обсуждение вопроса. Это не путь к консенсусу, не поиск компромисса, а процесс достижения взаимопонимания. Благодаря этому разногласия нивелируются, конфликты сглаживаются, трансформируются и преобразуются в социальную практику общих действий и совместных дел [535].

Т а б л и ц а 2

Основные характеристики дебатов, диалога и делиберации

Дебаты	Диалог	Обсуждение (делиберация)
Конкуренция	Обмен	Взвешивание и оценка
Спор	Обсуждение	Выбор
Продвижение мнения	Выстраивание отношений	Осуществление выбора
Привлечение большинства	Понимание	Поиски нестыковок и противоречий
Убеждение	Поиски согласия	Поиски точек соприкосновения
Упорство	Объединение	Созидание основы для выбора
Напряженная структура	Свободная (рыхлая) структура	Гибкая структура
Выражать	Слушать	Учиться
Обычно быстрые	Обычно медленный	Обычно медленное
Победить/проиграть	Нет решения	Точки сближения
Наиболее полезен , когда позиция или образ действия защищаются, и победа – цель	Наиболее полезен , когда люди хотят говорить вместе о чем-нибудь, без того, чтобы желать любого специфического результата от беседы	Наиболее полезна , когда решение или критерии для решения о лучшем способе приблизиться к вопросу или проблеме необходимы

Эдинбургская школа изучения диалога в шотландском университете имени королевы Магды (О. Эскобар, М. Печка и др.) исходит из разделения не только дебатов и диалога, но и публичного диалога, дебатов и делиберации [501, 502, 548, 549 и др.]. Суть этих разграничений представлена в таблице 2 [476, р. 9].

По мнению И. А. Кумкина, «диалог – это форма интерсубъективного, коммуникативного взаимодействия, процесс двустороннего общения, располагающий смыслом и ориентированный на выявление взаимных интересов, поиск общей позиции, процесс согласования намерений и выработку целей, действий (стратегии и тактики)» [203, с. 2]. Для диалога, если он несет обоюдную заинтересованность, характерны открытость и ориентир на взаимопонимание, поиск согласия, он может закрыться согласованием позиций и найти оформление в соглашении, взаимных обязательствах коммуникантов, договоре, пакте и т. д. Один из наиболее приемлемых способов осуществления диалога – компромисс. Компромисс – это демонстрация способности идти на взаимные уступки, достигать определенного соглашения. Но компромисс, открывая широкие возможности разрешения сложившейся проблемы, предполагает свои границы, которые ни одной стороне не дано переступить или уступать. В противном случае ожидает экспансия или поражение. Настоящий компромисс исключает связку «победитель – побежденный». Он ориентирован на взаимную уступку на уровне частного интереса, чтобы добиться успеха на уровне общего интереса.

Диалог трудно представить не только без компромисса, но и без толерантности. Толерантность же – это «позиция готовности принимать инакомыслие другого лица, допускать деятельность оппозиции в границах, очерченных общим интересом» [203, с. 2–3]. Диалог как средство общения, предполагает не только «уникальность участников диалога, но и их принципиальное равенство друг другу, ориентацию на понимание и даже на предвосхищение ответа, а также на взаимную дополнительную ответность, при сохранении своей оригинальной точки зрения» [204].

Однако существуют и принципиально иные подходы к соотношению диалога, дебатов, дискусии, полемики и делиберации.

1.1.2. Конфликтный потенциал диалога

Безусловно, что диалог это не только сотрудничество, согласие, взаимопонимание и кооперация. Диалог, вместе с тем, это и борьба мнений, конкуренция взглядов, состязательность идей. М. М. Бахтин, понимая диалог предельно широко, характеризовал такие его агональные разновидности как спор, полемику, пародию и т. д., как «грубые формы диалогизма» [29, с. 300]. Но при этом он, в отличие от взглядов вышеназванных авторов, допускал в диалоге не только кооперацию, но и «благожелательное размежевание (без драк на меже)» [29, с. 341], понимая под «межой» наиболее насыщенную конфликтами сферу общественно-политического бытия диалога.

Начиная с древнейших времен, диалог – это не только приватная беседа, приятное общение собеседников или игровое состязание в мудрости. Диалог в античном полисе это публичный спор, общественная дискуссия, открытые дебаты, конкуренция мнений между гражданами полиса. Быть гражданином полиса означало владеть искусством полемики, которая является определяющим элементом философии еще у Гераклита. По мнению Д. В. Джохадзе «характерной чертой диалога в античной философии является то, что здесь он – арена диспута, “ристалище” спорящих, докапывающихся до последних оснований и значений слов, понятий, категорий» [110, с. 24].

В версии Ж.-Н. Вернана, публичное слово или, используя современную терминологию, публичный дискурс в эпоху античности «становится главным образом политическим инструментом, ключом к влиянию в государстве, средством управления и господства над другим». При этом обычное слово утрачивает ритуальную сущность и принимает вид «спора, дискуссии, диалога, предполагает наличие публики, к которой оно обращено как к арбитру и которая поднятием рук выносит решение в последней инстанции». Убедительность и аргументированность речи публичного политика или оратора становится решающим моментом для принятия политического решения, преобразуя политику в дискурсивное умение владеть речью, и наоборот – умение

владеть речью осознаёт свою эффективность через политическую функцию, связанную с дискурсивно-диалоговым управлением государством [50, с. 68, 68–69].

Аристотелем была разработана концепция, согласно которой настоящая политика должна быть коммуникативным взаимодействием равноправных граждан, которые, взаимно информируя и просвещая друг друга, обретают знание, позволяющее им выработать наиболее приемлемое решение относительно их совместной жизни. Важнейшую роль в этом процессе играл публичный диалог, выступающий в трактовке Аристотеля, как общение граждан в рамках государства. «Мы считаем гражданами тех, кто участвует в суде и народном собрании», – писал по этому поводу античный мыслитель [10, с. 445].

В трактовке Х. Арндт греческий полис представлял собой публичную сферу, возникающую из диалогического общения свободных граждан и их последующего вербально осмысленного совместного взаимодействия. «...Действие и говорение учреждают некое пространство между, – пишет Х. Арндт. – Пространственное “между” есть пространство явленности... пространство, возникающее благодаря тому, что люди тут являются друг перед другом и... выступают с открытым лицом» [9, с. 236].

Можно утверждать, что первые попытки классификации многообразия форм и типов диалогического общения появились едва ли не вместе с появлением диалога или же чуть позже. Так, например, Диоген Лаэртский на основе тщательного анализа диалогов Платона пришел к выводу, что «платоновский диалог имеет два самых общих вида: наставительный (*hyphêgêticos*) и исследовательный (*zêteticos*). Наставительный в свою очередь разделяется на два вида: теоретический и практический; теоретический разделяется на физический и логический, а практический – на этический и политический. Исследовательный же в свою очередь разделяется на два вида: упражнительный и состязательный; упражнительный разделяется на повивальный и испытательный, а состязательный – на доказующий и опровергающий» [111, с. 150].

В начале XX столетия в связи возникновением так называемой социологии разговора Т. Гардом была апробирована следующая типология диалога в зависимости от социальных параметров дискурса:

«а) диалог между подчиненными и начальником в противоположность диалогу равных;

б) диалог как борьба и диалог как обмен;

в) диалог регламентированный (например, церемониальный) в противоположность нерегламентированному» [107, с. 23; 96; 184, с. 25].

Идеи Т. Гарда не потеряли актуальности и используются многими исследователями социально опосредованного дискурса и коммуникации вплоть до наших дней по схеме «доминирование – кооперированность – конфликт». Но, к сожалению, и в современной российской и зарубежной лингвистике до сих пор отсутствует сколько-нибудь общепризнанная единая типология не только общественного или политического диалога, но, также, значительно более распространенного, обыденного межиндивидуального или бытового диалога.

К примеру, М. Л. Макаров выделяет диалоги конфликтного типа и кооперативные диалоги [212, с. 67]. Т. В. Винокур [53, с. 147] и «целый ряд российских лингвистов противопоставляют диалог равных и диалог неравных» [184, с. 26]. А. Р. Балаян разграничивает унисонное и диссонансное реагирование в диалоге [24]. В. И. Карасик противопоставляет агональный (состязательный) диалог этикетному или кооперативному, когда участники коммуникации «намеренно обостряют обстановку, оскорбляя и высмеивая друг друга или присутствующих» [168, с. 84].

Достаточно широкую известность среди российских лингвистов и социолингвистов приобрела классификация диалогов, предложенная А. К. Соловьевой. Виды диалогов классифицируются ей с учетом особенностей социально-психологического взаимодействия партнеров по коммуникации. А. К. Соловьева выделила четыре типа диалога: диалог-спор, конфиденциальный диалог, диалог-конфликт (ссору) и диалог-унисон [369, с. 104].

При этом она отмечает, что не только спор и конфликт, но еще и «интеллектуальное и эмоциональное согласие – такой же важный компонент диалога, как интеллектуальное и эмоциональное несогласие» [369, с. 104]. Проводя демаркацию между диалогом-спором и диалогом-ссорой, А. К. Соловьева замечает, что «момент логической аргументации, свойственный спору, в диалогессоре уступает место выпадам эмоционального порядка, резким нареканиям его участников друг на друга» [369, с. 108].

В отличие от этих двух видов диалога, диалог-унисон более однообразен, поскольку он характерен для ситуации, когда «разговор происходит в объединяющей собеседников атмосфере» [369, с. 109]. Эта классификация видов диалога «полностью или же частично принимается многими исследователями диалога» в современной России [184, с. 26].

В противоположность сторонникам кооперативного или унисонного типов диалога, В. Б. Родос категорично утверждает, что «полемика – самый демократичный вид диалога», который в большей степени, нежели чем все другие типы диалога, включая дебаты, дискуссии, диспуты, содержит «элемент состязательности, борьбы, соперничества» [335, с. 22, 13].

А. И. Рузавин подразделяет все многообразие форм и типов дискурса на две предельно широкие группы: диалог либо монолог. К диалогу он относит «активные» типы дискурса. «Спор, дискуссия, полемика и, в принципе, любое обсуждение носят активный характер, так как предполагают столкновение мнений, точек зрения и позиций по обсуждаемому вопросу, – пишет вышеназванный философ, – поэтому они происходят не в форме монолога, а диалога» [345, с. 118].

Зарубежный исследователь А. Лайн, рассуждая о конфликтном потенциале диалога, образно сравнивает процесс диалога с ключом к «ящику Пандоры» [526].

Конфликтолог Н. В. Гришина интерпретирует диалог как деятельность по преодолению противоречий. По мнению данного автора, диалог может осуществляться в различных формах. Например, может существовать диалог, когда его «стороны, разделяя

общие позиции, в процессе их обсуждения соглашаются друг с другом, поддерживают друг друга, обнаруживают новые грани в своих взглядах и тем самым приходят к новому углубленному и развитому пониманию». Но может быть и совершенно «иной диалог, предметом которого является противоречие или несовместимость позиций сторон, и тогда он принимает характер спора, полемики или даже их “борьбы” друг с другом» [91, с. 238].

Понятие «диалог» используется Н. В. Гришиной как собирательное обозначение «стратегий, используемых с целью поиска оптимальной альтернативы решения проблемы или выработки интегративного решения, объединяющего противостоящие позиции, или компромисса, их примиряющего» [91, с. 237]. Ключевыми признаками такого диалога являются: субъект-субъектный характер отношений, партнерство; наличие установки на открытость, искренность; раскрытие в общении действительных мотивов своей деятельности; проникновение партнера в мир действительных мотивов деятельности собеседника; встреча личностных позиций, смыслов; отношения доверия, сотворчества, взаимной поддержки, взаимопомощи; сосредоточенность акторов на предмете диалога, включенность в общую тему; высокая значимость предмета диалога для обоих партнеров; появление нового содержания в сознании участников коммуникации и так далее [91, с. 238].

Т. Ф. Плеханова выделяет следующие «виды риторического диалога: диалог-спор, диалог-полемика, диалог-дискуссия» [280a].

Диалог, по мнению К. Д. Скрипника, «может определяться различным образом – в терминах действия и противодействия, вопроса и ответа, атаки и обороны или контратаки, доказательства и опровержения или критики, вызова и защиты и целого ряда иных терминов» [358, с. 5].

Мы полагаем, что существует достаточно широкий спектр диалогических типов, простирающийся, особенно в сфере политики, от диалогов кооперативного типа до конфликтных и агонистических разновидностей диалога. Политика, как ни одна другая сфера общественной жизни, неразрывно связана

с конкуренцией, со стремлением к победе, с необходимостью убеждения масс в истинности той или иной точки зрения, конкурирующей или противостоящей другим позициям. В то же время амбивалентным полюсом политики является необходимость координации взаимодействия, солидарных действий на основе договоренностей и компромиссов, достигаемых в процессе политических консультаций, совещаний, соглашений, союзов, уступок и переговоров.

Достаточно интересна классификация политических диалогов, предложенная современным российским политологом С. П. Поцелуевым, который подразделяет политический диалог на две большие группы: «нормальных» и «паранормальных» диалогов, то есть квазидиалогов, псевдодиалогов или же иммитационных, по своей сути, диалогов. В свою очередь, «нормальные» политические диалоги он подразделяет на три типа:

- 1) «закалка стали»: диалог ради укрепления (защиты) своей позиции;
- 2) «поиск компромисса»: диалог ради политически проходного решения при неизменности исходного решения;
- 3) «обретение истины»: диалог ради коррекции воззрений при осознании своего заблуждения [294, с. 71].

Признавая правомочность существования данной классификации политического диалога, предложенной С. П. Поцелуевым, мы в то же время, полагаем, что она, во-первых, достаточно узка, чтобы охватить все многообразие реально существующих диалогических типов в сфере политики. И, во-вторых, неприменима к анализу и исследованию диалога государства и гражданского общества в силу определенной специфики их интеракции.

Диалог государства и гражданского общества, хотя и является политической интеракцией, но относится, прежде всего, к сфере публичной политики, где власть и НКО не конкурируют и не борются друг с другом за власть, а взаимодействуют, сотрудничают, совещаются, дискутируют и даже конфликтуют. Некоммерческие организации не пытаются завоевать власть, они лишь

пытаются воздействовать на нее в процессе коммуникации и диалогического взаимодействия с целью принятия тех или иных социально значимых политических решений. В этом смысле диалог государства и гражданского общества является политическим, протекая в сфере публичной политики. Поэтому их диалог, имея политические черты, в то же самое время представляет собой общественный диалог, затрагивающий и социальные, и моральные, и гуманитарные, и правовые, и другие проблемы.

Для дифференциации различных реально существующих типов и форм диалога существуют эмпирически определяемые способы и критерии их фиксации. Так, к примеру, диалоги могут быть классифицированы в соответствии с политическими целями и мотивами, которые ставят перед собой субъекты и акторы общественно-политического процесса.

Диалог может носить кулуарный, закрытый для общества характер непубличной (тайной) коммуникации двух или, в ряде случаев, нескольких политических субъектов. Такой диалог можно назвать политическим общением «с глазу на глаз», коммуникацией или переговорами при «закрытых дверях», дискурсом «один на один» без присутствия каких бы то ни было иных участников за исключением узкого круга лиц.

Коммуникация может носить прозрачный характер, то есть быть открытой для общества и иметь вполне публичный характер. Диалог – это, прежде всего, коммуникация, общение, взаимодействие. Причем далеко не всегда приватное, но еще и, в значительной степени, публичное, то есть обращенное к обществу, государству, к его гражданам, общественным и политическим институтам.

Публичный диалог может протекать «лицом к лицу» либо быть опосредованным средствами массовой коммуникации. Информация, содержащаяся в таком публичном диалоге, может быть адресована не только непосредственным участникам и партнерам по диалогу, но и наадресатно быть предназначенной для всего общества, публики, электората. К примеру, такая коммуникация нередко осуществляется между президентом и лидера-

ми политических партий. Зачастую такой способ интерактивной коммуникации граждане могут наблюдать на экране телевизоров в режиме онлайн или узнавать о его содержании из информационных сообщений в электронных или печатных средствах массовой информации. Еще один способ осуществления публичного диалога – это публичные, в том числе парламентские или предвыборные дебаты.

Третий вариант для классификации разновидностей общественно-политического диалога – это симметрия или асимметрия в коммуникации между субъектами диалога, обладающими приблизительно равными или отличными социальными статусами. Так, к примеру, это может быть неиерархический горизонтальный диалог внутри гражданского общества между отдельными личностями, общественными организациями и институтами. Или же это может быть диалог (с различной степенью напряженности) между политическими партиями, общественные дискуссии, обсуждения и референдумы по наиболее актуальным и злободневным вопросам общественно-политической жизни.

Сюда же, пожалуй, можно отнести и межсекторное взаимодействие, и партнерство между государством, бизнесом и гражданским обществом. Особо следует остановиться на диалоге государства и гражданского общества, нормативно являющимся симметричным диалогом между двумя равноправными субъектами. Но, фактически, до сих пор представляющим собой неравноправный диалогический дискурс, символизирующий традиционную для социокультурной ситуации в России гипертрофию и доминирование государства, где гражданское общество оказалось встроенным в единую вертикаль власти и где ему отводится роль статиста или же псевдопартнера в симулятивном парадиалоге или в диалоге унисонного типа.

1.2. Типология диалога

Для разработки релевантной типологии диалога, применимой для исследования специфики диалогического взаимодействия между государством и гражданским обществом, наиболее приемлемой, с точки зрения автора данной работы, является современная теория аргументация, находящаяся в стадии формирования в качестве нового междисциплинарного научного направления и сочетающая в себе логику, риторику и прагматику. Аргументация (*лат.* *arguo* – «показываю, доказываю, выясняю»), по определению представителей голландской школы аргументологов, это «вид словесной и социальной деятельности, задачей которой является увеличение (или уменьшение) приемлемости спорной точки зрения посредством приведения ряда взаимосвязанных доводов, направленных на доказательство или (опровержение) этой точки зрения» [499, р. 5]. При этом диалог с позиции теории аргументации – это логико-коммуникативный процесс, в котором люди взаимодействуют посредством словесного выражения своих взглядов и суждений. Такое взаимодействие ведет к кристаллизации идей и к их творческому синтезу.

Теория аргументации, начавшая формироваться еще в античности, прошла долгую и противоречивую историю существования, богатую взлетами и падениями. Общие контуры новой теории аргументации наметились в несколько последних десятилетий. Однако и до сих пор теория аргументации не является чем-то единым, а представляет собой множество различных школ и направлений.

Современная теория аргументации восстанавливает то позитивное, что было в античной риторике и тесно переплетается с логикой и прагматикой. Центральными понятиями общей теории аргументации «являются: способ аргументации и ее основание, стиль аргументации, контекст аргументации, позиция участника аргументации, диссонанс и консонанс позиций, спор (полемика и дискуссия) и диалог, истина и ценность в аргументации, аргументация и доказательство и др.» [8, с. 25].

Х. Перельман, основатель неориторического направления в теории аргументации, акцентировал внимание на том, что диалогический подход к аргументации предполагает определенные требования, которым должен соответствовать собеседник в диалоге или аудитория. Он подчеркивал, что «аргументация... предполагает встречу умов, когда оратор желает побуждать, а не вынуждать или командовать, а аудитория расположена слушать. Такая взаимная, добрая воля должна не только быть общей, но должна быть также применена к частному вопросу, который обсуждается» [547а, р. 11].

Аргументация, риторика, прагматика всегда были тесно взаимосвязаны с реальной политикой, политическими интересами, политической идеологией, политической коммуникативистикой, политическими переговорами, PR-коммуникациями, политической дискурсологией, политическим языком и другими политологически ориентированными отраслями и областями социогуманитарного знания.

Изучение интеракции государства и гражданского общества, власти и оппозиции предполагает выяснение зависимости ведущих форм и типов аргументации от контекстуального аспекта политического процесса, его ведущих тенденций и транзитологических трендов, а также степени институционализации этого процесса и коммуникативных процедур.

К сожалению, современная российская политическая теория и политическая практика все еще недооценивают значение аргументативно обоснованного дискурса, под которым Ю. Хабермас подразумевает диалог. «Аргументация гарантирует, – пишет Ю. Хабермас, – что все заинтересованные стороны, свободно и на общих принципах, могут принять участие в коллективном поиске истины, где ничто не принуждает кого-либо, кроме силы лучшего аргумента» [514, р. 198]. А дискуссии, как утверждает этот немецкий философ, предназначены именно для того, чтобы «производить верные, убедительные... аргументы» [398, с. 137]. Но если теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса в России уже получила достаточно широкую

известность, то теория «критической аргументации» и концепция «новой диалектики» [577] на основе аргументированного диалога, разработанная Д. Уолтоном, остается практически неизвестной и невостребованной в российской политической науке.

Д. Уолтон (D. Walton), профессор философии канадского университета в Виннипеге, утверждает, что в современных условиях «любая аргументация, которую мы пытаемся оценить, должна быть представлена и, соответственно, оценена в контексте диалога, в котором эта аргументация осуществляется» [570, р. 9]. Логическая направленность аргументации, прагматические цели участников коммуникации, специфика риторических приемов – эти критерии положены Д. Уолтоном в основу разработанной им типологии диалогов. Именно она является сердцевиной его теории под названием «новая диалектика», в которой диалектика рассматривается сквозь призму логической аргументации в диалоге.

В «новой диалектике» Д. Уолтон попытался заново переосмыслить соотношение таких фундаментальных философских понятий, как логика, риторика, диалектика и диалог. При этом примат он всецело отдает диалогу, противопоставляя диалектической логике логику диалога. В «новой диалектике» на авансцену вызывается диалог, а диалектика вполне заслуженно возвращается в лоно логики как «раздел прикладной логики» [572, р. 71, 47]. Кроме этого, в прикладную логику, то есть в «новую логику» Д. Уолтона, включены неформальная и формальная логики [89]. Иными словами диалектика в уолтоновской интерпретации стала инструментом логической аргументации в процессе диалога, типологически дифференцированного в зависимости от цели коммуникации и остроты риторики. Диалектика, в исходном значении этого слова, – это «искусство ведения беседы, диалога – термин, происходящий от древнегреческого слова *διαλεγομαι* – беседовать, рассуждать, переговариваться» [110, с. 36–37].

Идея аргументативного диалога сквозной нитью проходит через многие работы Д. Уолтона. Под диалогом он понимает

партнерское взаимодействие между двумя субъектами на основе использования тех или иных логических и риторических приемов аргументации. При этом спектр модальности аргументов, используемых в двухсторонней коммуникации, достаточно широк, начиная от совместного поиска истины (знаний, информации), обсуждения проблемы, экспертизы, убеждения, переговоров и вплоть до критической дискуссии, полемики, эристического спора, ссоры, скандала.

В соответствии с этими методологическими установками Д. Уолтон выделил 6 нормативных типов или видов диалога (*types of dialogue*). Следует иметь в виду, что предложенная канадским исследователем типология диалога, не является исчерпывающей классификацией, поскольку он сам, кроме этих шести типов диалога, выводит еще и подтипы диалога, представляющие собой более конкретизированные разновидности того или иного нормативного диалогического типа.

Важно отметить, что Д. Уолтон пять из шести нормативных типов диалога отнес к сфере политического дискурса. По его утверждению, «в политическом дискурсе... используются элементы нескольких типов диалога – критической дискуссии, переговоров, обсуждения, диалога, направленного на получение информации, спора» [175, с. 131]. Неполитическим типом диалога у Д. Уолтона остался так называемый «исследовательский диалог».

Теория диалогических типов, представленная в «новой диалектике» как нормативная модель, обладает большой эвристичностью и может использоваться для интерпретации фундаментальных аспектов аргументации, в том числе в сфере политической коммуникации, о чем пишет и сам Д. Уолтон. Представляется, что эта, адаптированная к нашему исследованию, уолтоновская типология диалогов вполне может быть использована при анализе как в целом всей совокупности общественных и политических диалогов, так и диалога государства и гражданского общества в частности.

В целом типология диалогов, предложенная Д. Уолтоном, в виде схемы отражена в таблице 3 [568, р. 66].

Таблица 3

Типы аргументативного диалога и их базовые характеристики

Тип диалога	Исходная ситуация	Предназначение диалога	Цель участников	Дополнительные преимущества
Персуазивный диалог (диалог-убеждение)	Конфликт мнений	Решение конфликта вербальными средствами	Убеждение партнера и публики	Выявление и уточнение существующих точек зрения; укрепление уверенности, воздействие на публику; укрепление авторитета.
Переговоры	Конфликт интересов, необходимость взаимодействия и урегулирования ситуации мирными средствами	Достижение соглашения, которое устроит все стороны	Получить желаемое	Выявление существующих точек зрения; укрепление авторитета
Исследовательский диалог	Общее незнание	Увеличение знаний; достижения согласия	Нахождение или опровержение доказательств	Укрепление авторитета; получение опыта; привлечь материальные средства
Обсуждение (Делиберативный диалог)	Необходимость действий	Принять решение	Повлиять на результат	Достичь соглашения; выявить и развить точки зрения; укрепить авторитет; выпустить эмоции

Окончание табл. 3

Тип диалога	Исходная ситуация	Предназначение диалога	Цель участников	Дополнительные преимущества
Поиск информации	Личная неосведомленность	Распространение знаний и выявление точек зрения	Приобретение, передача, демонстрация или сокрытие знания	Достижение соглашения; выявление и развитие точек зрения; укрепление авторитета; высвобождение эмоций
Эристический диалог (полемика, спор)	Конфликт и противодействие (антагонизм)	Достижение (предварительного) соглашения	Победа над другой стороной; завоевание внимания и симпатии аудитории.	Достижение соглашения; выявление и развитие точек зрения; укрепление авторитета; высвобождение эмоций; получение опыта; получение удовлетворения.

Рассмотрим более подробно каждый из шести типов аргументативного диалога, которые сам Д. Уолтон считал нормативными или идеальными типами диалога и которые, по его утверждению, редко когда встречаются в «чистом» виде, взаимопереходя, накладываясь один на другой и взаимодополняя друг друга в контексте динамики реального дискурса:

1. Убеждающий или персуазивный диалог (persuasion dialogue). Цель диалога такого типа состоит в том, чтобы один участник дискурса убедил другого (или других) участника коммуникации в приемлемости своего предложения. По словам Д. Уолтона, данный тип диалога достаточно подробно еще до него был рассмотрен двумя голландскими учеными Ф. Х. ван Еемеренем и Р. Гроотендорстом в книге под названием «Речевые акты в аргументированной дискуссии» [565]. Персуазивный диалог

используется довольно часто в различных ситуациях. Особенно в сфере политики, где убеждение (но не пропаганда!) всегда было и остается ведущим видом политического дискурса.

Кроме того, в некоторых других типах диалога убеждение тоже играет достаточно важную роль. К примеру, в переговорах и в дебатах убеждение как ведущий тип диалога имеет свои подтипы. Один из таких подтипов – критическая дискуссия. От участника критической дискуссии ожидается, что он приложит максимум усилий для отстаивания своего тезиса, выдвигая аргументы в его защиту. При этом предполагается, что он будет проявлять в соответствующие моменты такие качества, как:

– *Гибкость*. Участник дискуссии должен придерживаться своей позиции, но он также должен быть готов пересмотреть ее при соответствующих обстоятельствах.

– *Эмпатия*. Участник дискуссии должен строить свою аргументацию с учетом позиции противной стороны, отображая эту позицию аккуратно, точно и добросовестно.

– *Непредубежденность*. Участник дискуссии должен рассматривать и оценивать аргументы противоположной стороны по их достоинствам, а не отвергать их изначально.

– *Критическое сомнение*. Рассматривая возражения на свои аргументы, участник дискуссии должен быть способен усомниться в своих собственных аргументах (гипотетически).

– *Принятие очевидного*. Участник дискуссии должен пересмотреть или модифицировать свою позицию при столкновении с аргументом, базирующимся на доказательстве, которое считается безусловным в данном типе диалога [405, 406]. Спор (dispute) – это еще один особый подтип диалога, где тезис одного участника дискурса противостоит или даже полностью отрицает позицию другого участника коммуникации. Д. Уолтон считает, что парламентские дебаты и уголовный процесс, в свою очередь, являются разновидностями или, точнее, подтипами спора [572, р. 170–171].

По мнению российского специалиста в области риторики И. А. Стернина, Сократ стал «изобретателем особого убеждающего диалога, которым сам владел в совершенстве». Не случайно

говорится, что истина рождается в споре. Ведь Сократ, ведя «диалог с собеседником, своими вопросами показывал ошибочность его взглядов и подводил к пониманию истины» [377, с. 11].

С этой точкой зрения солидарен и российский философ-логик А. И. Рузавин, который настаивает на том, что «спор является древнейшей формой диалога, в ходе которого каждая из сторон стремится убедить другую в обоснованности и истинности своей позиции, точки зрения или мнения по обсуждаемому вопросу, когда не существует единого мнения по его решению» [345, с. 122].

Искусство ведения спора в древности было названо эристической, и представляло собой набор полезных рекомендаций, советов и приемов, с помощью которых можно было бы убедить оппонента и слушателей в истинности или справедливости своего мнения по спорному вопросу. И если первоначально эристика и риторика рассматривали спор, как способ поиска истины путем столкновения различных мнений и выявления тех из них, которые в наибольшей мере соответствуют действительности, то в дальнейшем софисты «превратили спор в средство достижения победы над оппонентом любой ценой» [345, с. 122].

Именно против этой софистической риторики боролся Сократ. Поэтому надо, с одной стороны, различать спор как поиск истины и, с другой стороны, эристический спор и софистический спор как различные типы диалога. Если спор ради истины – это разновидность персуазивного диалога, то эристический и софистический споры – подвиды эристического диалога, отличающиеся друг от друга используемыми приемами и степенью напряженности остроты дискурса, а от спора ради истины – целью коммуникации.

К разновидностям персуазивного политического диалога можно отнести и предвыборные дебаты, которые направлены на завоевание симпатий со стороны электората, на убеждение избирателей в необходимости отдать голоса за ту или иную политическую партию или политического лидера. Можно сказать, что вся политическая реклама и политический PR, имеющие диалогические признаки, так же относятся именно к персуазивному типу диалога.

В диалоге убеждения, один участник выдвигает тезис и пытается его доказать, в то время как другие участники диалога выдвигают тезисы против него, либо ставят под сомнение утверждение первой стороны. Д. Уолтон и Э. Краббе выделяют три основных этапа диалога: начальный этап, этап аргументации и завершающий этап. В процессе диалога-убеждения всегда на его начальной стадии возникает конфликт мнений [568, р. 79]. На этой стадии манифестируется различие во мнениях посредством оппозиции между одной точкой зрения и неприятием данной точки зрения противоположной стороной. Если противостояния взглядов не возникает, то необходимость в критической дискуссии в формате персуазивного диалога отпадает.

На этапе аргументации, каждая сторона выдвигает аргументы с целью доказать свой тезис. Бремя доказывания или, точнее, бремя убеждения, лежит на стороне, первоначально выдвинувшей свой тезис, которая выступает в роли протагониста, а ее оппонент в роли антогониста. Затем, в процессе развития дискурсивного взаимодействия протагонист защищает собственную точку зрения от критических возражений антагониста. Успех зависит от силы аргументов, подтверждающих тезис или антитезис. «Победа» означает использование более веских аргументов, чем у противоположной стороны, и достаточных для принятия или опровержения тезиса.

В процессе диалога-убеждения его участники взаимно стремятся убедить друг друга и разрешить конфликт мнений мирными способами. По своей сути персуазивный диалог близок к пропаганде. Но в отличие от пропаганды осуществляется не на основе субъект-объектной парадигмы социальной коммуникации в контексте приказа, команды, распоряжения, агитации, внушения и одностороннего воздействия, то есть в режиме монологической коммуникации, а в процессе взаимодействия на основе субъект-субъектного диалогического дискурса.

2. Переговорный диалог (negotiation dialogue) – это еще один тип диалога, в процессе которого каждая сторона сначала выдвигает свои предложения, и дальше обычно дискуссия сводится

к обсуждению уступок, на которые стороны должны или смогут пойти. Для переговорного диалога на первый план выходят не политические идеалы или политические ценности, а политические интересы. Переговорный диалог – это, по сути дела, политический торг, направленный на достижение некоего баланса или даже компромисса между разнонаправленными интересами.

Переговоры предполагают ситуацию, где существуют ограниченные ресурсы, которые стороны договариваются использовать наилучшим из приемлемых способов.

3. Исследовательский диалог (inquiry dialogue) основан на вопросно-ответной форме осуществления дискурса. Это может быть обычное политическое общение, исследовательское или журналистское интервью, социологический опрос и даже допрос. Такой диалог применяется в педагогико-образовательной деятельности, в общении учителя и ученика, врача и пациента.

Этот тип диалога также связан с наукой или с различного рода расследованиями. Суть в том, что существует гипотеза или версия, которую надо опровергнуть или подтвердить на основе собранных фактов. В зависимости от дисциплины и области деятельности форма или правила ведения этой дискуссии будут существенно отличаться. Цель такого диалога состоит в получении нового знания, в его увеличении и росте для того, чтобы сделать правильные выводы и принять верное и обоснованное решение.

В качестве подтипов данного нормативного диалога Д. Уолтон рассматривает интервью и консультации со специалистами [573, р. 134]. И хотя сам Д. Уолтон данный тип диалога считает неполитической формой дискурса, на наш взгляд, этот тип диалога в сфере публичной политики современной России используется достаточно широко.

В качестве примеров можно назвать публичные пресс-конференции В. В. Путина и Д. А. Медведева, демонстрируемые в «прямом эфире», вошедшие в традицию многочасовые интерактивные «прямые линии» с В. В. Путиным, а также работу многочисленных общественных консультативных советов при органах государственной власти, проведение общественных экс-

пертиз, общественных слушаний, публичных обсуждений, функционирование структур гражданского управления в сфере борьбы с коррупцией и контроля за деятельностью власти и т. д. Данные форматы диалога, получившие достаточно широкое распространение в современной России, напрямую с политикой хотя и не связаны, но, в тоже время, их, на наш взгляд, вполне можно отнести как к исследовательскому, так и делиберативному типам диалога в сфере публичной политики.

4. Обсуждение, или делиберативный диалог (deliberative dialogue). Как пишет Д. Уолтон, делиберация – «это вид диалога, в котором каждая сторона представляет свою точку зрения на решение какой-либо практической проблемы» [406]. Делиберация представляет собой кооперативный диалог, в процессе которого участники совместно решают общие для них проблемы. «Типичным примером обсуждения является собрание в муниципалитете группы активистов, для того чтобы решить, принимать или нет проект новой канализационной системы» [406]. Цель делиберативного диалога состоит в том, чтобы «прийти к согласию относительно действий, которые могут рассматриваться как решение практической проблемы; при этом требуется сделать выбор между двумя или более взаимоисключающими вариантами» [406].

Как отмечает Д. Уолтон, на первый взгляд может показаться, что делиберативный диалог и критическая дискуссия тождественны друг другу. Но на самом деле это два различных типа диалога. «Цель критической дискуссии – разрешить конфликт мнений, – пишет Д. Уолтон. – Критическая дискуссия является видом диалога-убеждения, где каждая сторона старается убедить противоположную в своей правоте, приводя для этого определенные доказательства». В делиберативном диалоге «позиции участников гораздо менее антагонистичны, их целью является совместный поиск оптимальной для всех линии поведения с учетом конкретных обстоятельств и долговременных последствий» [406].

К тому же в делиберативном диалоге, в отличие от персуазивного диалога в формате критической дискуссии, у участников обсуждения отсутствует изначальная приверженность к какой-

то одной точке зрения. Здесь нет конфликта мнений. И, следовательно, никто не стремится к победе над другими. Делиберативная аргументация состоит в дискурсивном рассмотрении всех «за» и «против» в отношении существующих мнений и взглядов. Здесь проблема заключается в осуществлении выбора между несколькими различными вариантами действия. В процессе делиберации участникам этого вида диалога от каких-то позиций придется отказаться.

Еще одно различие состоит в том, что в процессе делиберации, в отличие от диалога-убеждения, используется более сложная процедура аргументации и презентации доказательств. Дело в том, что участники делиберативного диалога должны хорошо понимать реальные цели, которые скрываются за теми или иными, подчас внешне привлекательными, предложениями и аргументами по разрешению существующей проблемы.

Делиберативный диалог отличается и от переговорного диалога, который имеет дело с конкурирующими интересами и заведомой приверженностью его участников к какой-то уже сформированной точке зрения или идее.

5. Поиск информации (information-seeking). Специфика формата данного типа диалога, по Д. Уолтону, заключается в том, что в процессе диалогического взаимодействия один из агентов коммуникации ищет ответ на какой-то вопрос (вопросы), обращаясь к другим агентам, которые, по его мнению, знают (или же могут знать) ответ на данный. В отличие от иных видов диалога, диалог поиска информации субстанционально основан на асимметричных отношениях между его участниками. Здесь целью коммуникации является не стремление что-либо доказать другим, а получить (адресатом) или распространить (адресантом) какие-либо знания или информацию. Однако это не монолог, но асимметричный диалог.

В качестве примера такого диалога можно привести консультации органов государственной власти с организациями гражданского общества, где власть информирует представителей общества о своей деятельности, отвечая на возникшие вопросы, информируя

и просвещая граждан, микшируя непонимание и предотвращая возникновение на данной основе каких-либо проблемных или же конфликтных ситуаций.

6. Эристический диалог (eristic dialogue) или полемический диалог – это, можно сказать, целая семья диалогов, которая характеризуется словесными спорами, направленными на достижение определенных отношений. Полемика, в переводе с греческого языка, обозначает воинственный, враждебный спор. Обычно участники таких диалогов не только стремятся к победе над оппонентом, но и, вместе с тем, пытаются произвести впечатление на зрителей, например, чем-то унизив партнера по коммуникации, чем, к примеру, отличается коммуникативный стиль общения В. В. Жириновского. В качестве эристического диалога может быть представлен публичный скандалы, ссора, ругань, перебранка, распря, внутривнутрипартийная склока и т. п.

Ссора, по Д. Уолтону, это одна из разновидностей эристического диалога [573, р. 136]. При этом достаточно часто можно наблюдать, как какой-то другой, достаточно мирный диалог на начальной стадии своего протекания, постепенно трансформируется в эристический диалог, перебранку, обмен «любезностями», ссору и даже в открытый конфликт. Более того, немало популярных телепередач сегодня строится именно вокруг этого типа диалога, где цель участников (как и ведущих, к примеру, тележурналиста В. Соловьева), состоит не в том, чтобы убедить другую сторону (хотя такая видимость может специально создаваться), не в том, чтобы решить проблему, не договориться, а на вербальном уровне атаковать другую сторону – обругать, оскорбить, унизить, скомпрометировать в глазах аудитории и т. д.

Под эристическим спором подразумевается предельно эмоциональное выражение мнений не по поводу темы разговора, а по поводу каких-то качеств другой стороны. Зачастую эристический диалог может выступать в роли своеобразного клапана, с его помощью происходит высвобождение накопившихся эмоций, которые, при отсутствии каналов их выражения, вполне могут вылиться в более радикальные и даже экстремальные формы

политического противостояния. Полемический диалог выражает подавленные эмоции и, нередко, отличается анархией в правилах и процедурах коммуникации.

Д. Уолтон пишет, что по установившейся традиции ссора воспринимается как нечто отрицательное, чего следует опасаться и тщательно избегать. Однако, по его словам, ссора как подтип эристического диалога, имеет ряд ценных преимуществ по сравнению с другими видами и разновидностями диалога, поскольку позволяет выразить накопившиеся обиды через их открытую артикуляцию и улучшить взаимопонимание, став дискурсивным эквивалентом физической борьбы и противоборства [573, р. 136–137].

Данная типология диалога в окончательном виде была представлена Д. Уолтоном в книге «Обязательства в диалоге», написанной им в соавторстве с Э. Краббе в 1995 году. А в 2007 году в книге «Медиа аргументация: Диалектика, убеждение и риторика» Д. Уолтон представил несколько иную, слегка скорректированную версию диалогических типов, но принципиально не отличающуюся от его первоначальной типологии диалогов (табл. 4 [569, р. 60]).

Т а б л и ц а 4

Типы диалога и их базовые характеристики, версия 2007 года

Тип диалога	Исходная ситуация	Цель участников	Назначение диалога
Убеждение	Конфликт мнений	Убедить другую сторону	Разрешить или прояснить проблему
Исследование	Необходимость иметь подтверждение	Найти и перепроверить доказательства	Подтвердить или опровергнуть гипотезу
Переговоры	Конфликт интересов	Получить желаемое	Согласие, которое устроит обе стороны
Поиск информации	Потребность в информации	Получить или предоставить информацию	Обмен информацией
Обсуждение	Дилемма или практический выбор	Согласовать цели и действия	Определить наилучший образ действия
Эристика	Конфликт	Атаковать оппонента вербально	Выявить более глубокое основание конфликта

По утверждению Д. Уолтона, представленная им типология диалогов носит нормативный характер. В реальной действительности эти диалогические типы в «чистом виде» встречаются достаточно редко.

Так, кроме нормативных диалогических типов, в предложенной Д. Уолтоном аргументационной системе классификации диалогов, присутствуют такие разновидности диалогов, как:

– *Диалогические подтипы*, о которых уже шла речь выше.

– *Смешанные диалоги*. «Понятие смешанности представляет один из наиболее важных и ведущих аспектов теории диалогических типов» Д. Уолтона [538, р. 5]. Так, к примеру, дебаты – это такой смешанный диалог, где одновременно присутствуют элементы персуазивного и делиберативного диалогов. Цель дебатов, особенно публичных дебатов, заключается в том, чтобы субъекты диалога повлияли не только друг на друга, но еще и на публику, наблюдающую за процессом этого смешанного диалога.

Еще один смешанный тип диалога, по Д. Уолтону – это сократический диалог (*socratic dialogue*). В нем одновременно присутствуют элементы поиска информации и персуазивности.

Третий тип смешанного диалога – это переговорные площадки (*committee meeting*). Данный формат диалога одновременно в себя включает полемику, споры, попытки убедить друг друга, то есть персуазивный, переговорный и совещательный нормативные типы диалога при доминировании делиберативного диалога (*mainly deliberation*). Не смотря на то, что Д. Уолтон выделяет только «три наиболее важных смешанных диалога» [538, р. 4; 568, р. 66], в реальной практике общественно-политической коммуникации их можно обнаружить гораздо больше.

– *Трансформация и переход одного нормативного типа диалога в другой* в результате так называемого диалектического сдвига, происходящего по различным причинам.

В процессе коммуникации нередко происходит наложение одного типа диалога на другой. Такой переход Д. Уолтон называет «диалектическим сдвигом» (*dialectical shifts*) или диалектическим переходом [573, р. 137–140]. К примеру, переговоры неред-

ко переходят в персуазивный диалог, а затем и в конфликтный диалог эристического типа, во взаимные обвинения и ссору как разновидности (подтипы) эристики. Или, наоборот, диалогическое взаимодействие в процессе конфликта может способствовать диалектическому сдвигу эристического дискурса в сторону консультаций (исследовательскому диалогу), а затем привести к институционализации делиберативного диалога. В результате между конфликтующими сторонами устанавливается регулярный дискурсивный режим взаимопонимания и сотрудничества.

Диалектические переходы от одного нормативного типа диалога к другому, которые ухудшают отношения, Д. Уолтон считает заблуждениями, связанными с неправильным и ошибочным использованием аргументов в процессе диалогического общения, и называет их неправомерными диалектическими сдвигами. Это происходит тогда, когда субъект коммуникации, совершающий аргументативную ошибку, переводит беседу из рамок одного нормативного типа диалога, в который стороны вступили первоначально, в плоскость иного нормативного диалога. К примеру, так называемый довод (аргумент) к «палке» (*ad baculum*), представляющий собой замаскированную угрозу или риторический способ давления на собеседника, может быть дозволенным средством ведения беседы и аргументации в рамках переговорного диалога, но является некорректным (ошибочным) действием в убеждающем или совещательном диалогах.

Вопросы использования аргументов *ad hominem* в политической дискуссии подробно рассмотрены Д. Уолтоном в седьмой заключительной главе его книги под названием «Аргументы *ad hominem*», изданной в 2002 году в русском переводе. К сожалению, это единственная работа из более чем двадцати книг и огромного количества статей, опубликованных Д. Уолтоном в США, Канаде, Великобритании и в других странах [405]. К наиболее распространенным ошибкам в аргументации (а иногда, добавим от себя, и сознательному использованию такого рода софистических аргументов) Д. Уолтон относит такие неправомерные диалектические сдвиги в процессе диалога, как аргумент к человеку

(*ad hominem arguments*), довод к незнанию, сведению многих вопросов к одному, довод к авторитету и другие.

Ad hominem, или *argumentum ad hominem* («аргумент к человеку») – это аргумент, как правило, основанный на личности оппонента, на каких-то его индивидуальных особенностях, а не на сути дискуссии, объективных фактах и логических рассуждениях. В российской политической практике наиболее часто аргумент *ad hominem* софистически используется в масс-медийных публичных дебатах В. В. Жириновским, в том числе в его артикуляциях в адрес М. Д. Прохорова, Г. А. Зюганова, С. Б. Миронова и других представителей «правой» и «левой» оппозиции.

Аргументы *ad hominem* достаточно широко распространены в предвыборных политических дебатах и публичных дискуссиях эристической направленностью между властью и оппозициям. Например, во время митингов на Болотной площади и на проспекте Академика Сахарова в конце 2011 – начале 2012 годов, оппозиционеры широко использовали в опосредованном заочном диалоге с властью аргументы *ad hominem* в отношении личности В. В. Путина, в том числе в приватной сфере его семейных отношений (жена, дочери, друзья, любовницы и т. д.).

Специфика подобной аргументации заключается в том, что критика личности оппонента, его характера и поведения прежде подрывают доверие к нему и тем самым лишают возможности защитить свою общественно-политическую позицию. Обвинения и аргументы *ad hominem* весьма непросто опровергнуть, и, вместе с тем, они обладают свойством впечатлять аудиторию даже тогда, когда подкрепляющие их доказательства достаточно спорны и сомнительны, в том числе с точки зрения приличия и морально-нравственных норм.

Российская политическая практика свидетельствует, что аргументы *ad hominem* используются не только оппозицией, но правительственными масс-медиа для дискредитации оппозиции и в целях укрепления авторитета власти. Этим аргументам достаточно трудно противостоять, поскольку они, как правило, транслируются в одностороннем режиме и представляют собою атаку не столько

на политические позиции, сколько на личности оппонентов. В процессе такой критики дискредитации подвергаются нравственные, человеческие, патриотические («шакалят у американского посольства», «иностранцы агенты» и т. д.), семейно-бытовые или даже хозяйственно-деловые качества личности оппонентов власти. Именно так, например, это было в судебном процессе против А. А. Навального по так называемому уголовному «делу Кировлеса». В качестве массмедийных нападок на личности оппозиционеров можно назвать попытки дискредитации аргументами *ad hominem* Б. Е. Немцова, Г. В. Гудкова, И. В. Пономарева, Б. Л. Рыньску, С. С. Удальцова и др.

Проблему аргументативных ошибок в рамках «новой диалектики» Д. Уолтон начал развивать еще в книге «Позиция аргументатора» [575], где рассматривался вопрос о том, при каких условиях довод к человеку может считаться приемлемым способом аргументации. В результате проведенного анализа, Д. Уолтон приходит к выводу, что нередко «довод к человеку может служить очень эффективным средством опровержения, но если довод к человеку используется как средство нападения, то в большинстве случаев он становится некорректным аргументативным приемом» [46, с. 177].

В дальнейшем Д. Уолтон приходит к выводам о том, что в ряде случаев аргументация, обычно признаваемая аргументативной ошибкой, вполне может быть признана разумной и эффективно использоваться в том или ином типе диалога. В книге «Место чувств в аргументации» [576] он утверждает, что в персуазивном диалоге воздействие на эмоции и чувства собеседника, в отличие от иных типов диалога, нередко является допустимым приемом убеждения.

В дальнейшем «Д. Уолтон и вовсе приходит к выводу, что более двадцати пяти аргументативных ошибок, известных по учебникам логики, вполне допустимы и коммуникативно оправданны и эффективны. Но, используя “в неподходящей нормативной диалогической структуре”, они стали недопустимыми аргументами по причине неправомерной “трансформации диалога из одного типа в другой”» [46, с. 126]. Таким образом, мы можем сказать, что практическая значимость разработанной Д. Уолтоном типологии диалога, достаточно велика, а ее теория аргументативного диалога

применима не только к межличностному общению, но и к констелляции широкого спектра общественного дискурса, в том числе в сфере диалога государства и гражданского общества.

В то же самое время необходимо иметь в виду, что типология диалога, данная Д. Уолтоном, должна быть дополнена кооперативным типом диалога, в том числе такими его подтипами, как диалог-унисон, диалог-компромисс, диалог-согласие, диалог-консенсус, диалог-сотрудничество и др. Четко выраженных демаркационных разграничений между этими подвидами (подтипами) кооперативного диалога не существует. Однако нам необходимо признать, что в сфере политики, в том числе во взаимодействии государства и гражданского общества существуют не только убеждающие, переговорные, делиберативные, полемические и другие виды аргументативного диалога, но так же и согласительные, внеаргументативные разновидности диалогического взаимодействия.

В констелляции видов диалога государства и гражданского общества, особенно в условиях современной России, как и в ее исторической ретроспективе, согласие и единство всегда, без всякого преувеличения, играли и, по всей вероятности, еще достаточно долго будут играть очень большую и существенную роль. Диалог-унисон в общении высших лиц государства со своими сторонниками всегда строился не на политических аргументах, а на социально-психологических аспектах коммуникации власти и социума. В том числе как на доверии, так же и на конформизме, мимикрии, на подобострастии, страхе, угодничестве и так далее. Поэтому сводить диалог государства и гражданского общества исключительно к аргументативным разновидностям дискурса между ними было бы не верно. Точно так же, как и к одним кооперативным форматам коммуникации сводить диалог было бы неправомерно.

Аргументация, воздействуя на разум и сознание, играет огромную роль с точки зрения теории рационального выбора. Но не менее важны и прагматический, социально-психологический, внерациональный и даже иррациональный аспекты диалогической коммуникации, без учета которых типология видов диалога государства и гражданского общества была бы неполна.

1.3. Диалог государства и гражданского общества в контексте констелляции форм общественного диалога

Российские лингвисты зафиксировали, что концепт «диалог» в России появился достаточно поздно. Произошло это где-то примерно в начале XVII века, когда данный термин стал использоваться сначала на территории Западной Руси, где его употребление было связано с театральным искусством. Там, в соответствии с польскими обычаями, спектакли, пьесы и другие школьные постановки стали называть диалогами [34].

В общее словоупотребление на территории всей страны термин диалог вошел лишь в начале 1720-х годов. Но вплоть до появления русского профессионального театра обозначал пьесу в школьном театре или жанр эпического произведения [178]. Дальнейшая эволюция концепта была связана с изданием в 1777–1778 годах на русском языке Н. И. Новиковым первой публикации диалогов Платона [2]. Но более всего речевая адаптация термина «диалог» была обусловлена русско-французскими культурными связями и заимствованием из французского языка целого ряда понятий и терминов. Поэтому, как утверждают лингвисты, лишь только в конце XVIII века в русском языке появляется значение слова диалог как «беседы, разговора двух или более лиц», которое, на этот раз «пришло в русский язык из французского языка, где оно развилось на базе латинского» [178, с. 89].

Современное понимание диалога, как специфического смыслового концепта, достаточно далеко ушло от его ставшего традиционным истолкования как разговора, общения или беседы двух или более лиц. Диалог – это не только литературный, драматургический, публицистический или же философский жанр. Глобальное понимание диалога и диалогических отношений в современных гуманитарных науках восходит к трудам М. М. Бахтина. По его словам, диалогические отношения «глубоко своеобразны и не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим, ни к каким-либо другим природным отношениям» [29, с. 303]. М. М. Бахтин указывал, что

диалогические отношения являются «почти универсальным явлением, пронизывающим... все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение...» [30, с. 71]. Диалогический характер, по его мнению, имеет не только человеческое мышление, но и весь процесс понимания в целом.

На протяжении минувшего столетия, особенно с начала «перестройки» в 1985 году, и в ходе последующей трансформации ранее существовавшей общественно-экономической и социально-политической систем, а также в процессе последующей демократизации общественного бытия российского социума, неуклонно возрастала значимость понятия «диалог», которое существенно трансформировалось и изменялось, обогащаясь новыми смыслами. Содержание этого востребованного общественно-политической практикой концепта эволюционировало «от первоначальной трактовки диалога как обмена информацией до представления о диалоге как сложном творческом процессе взаимодействия субъектов, носителей двух разных сознаний, разных систем ценностей, разных идейных позиций», – отмечается в редакционном предисловии к сборнику научных статей «Диалог культур и цивилизаций» [261, с. 5].

Известный российский лингвист Т. Н. Колокольцева, специализирующаяся на изучении диалога, утверждает, что «для российской языковой действительности рубежа конца XX – начала XXI вв. характерна экспансия диалогических видов коммуникации. Уход от тоталитаризма, изменение форм общественной жизни и сознания повлекли за собой широкое распространение диалога даже в тех сферах, которые отличались отчетливо выраженной монологичностью» [185]. Диалог она определяет как форму активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов, материальным результатом которого является образование специфического дискурса, состоящего из последовательности реплик. В связи с этим заметим, что трактовка диалога, как процесса «взаимопонимания и взаимодействия», была зафиксирована и в академическом «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения», изданном в 1998 году [387, с. 210].

По мнению известного отечественного социолингвиста И. А. Стернина, объективно идущий в современном российском социуме процесс диалогизации общественных отношений «проявляется в увеличении удельного веса диалога в общении, повышении роли диалога в процессе коммуникации, расширении функций диалогической речи в структуре общения, развитии новых видов и форм диалога, расширении потребности общества в диалоге, формировании новых правил диалогического общения, увеличении общественной эффективности диалогического общения по сравнению с монологическим» [376]. Эти процессы неразрывно переплетены с плюрализацией форм общения, что «проявляется в формировании традиции сосуществования разных точек зрения при обсуждении той или иной проблемы, в демократическом, толерантном сосуществовании дискурсов различного типа» [376].

Прежде монологические отношения в сфере политической интеракции государства и гражданского общества, власти и личности существенно трансформируются в диалогические. Былые административно-командные, монологово-пропагандистские методы управления социумом уже не работают, а диалог входит в повседневную практику не только внутри горизонтали гражданского общества, в виртуальном пространстве интернет-коммуникаций, но и в сфере коммуникации институтов гражданского общества с институтами власти на федеральном, региональном и местном уровнях. Диалог в обществе все больше осознается не только как элементарная система межличностных построения отношений, но и как сложный, многофункциональный, многоуровневый, многоплановый процесс с широкой областью применения в сфере общественно-политических отношений.

1.3.1. Диалог государства и гражданского общества как форма общественного диалога

Под влиянием перемен в общественно-политической сфере, произошли глубокие изменения и в сфере языка, общения, дискурса. Следствием этих трансформаций и перемен стала «смена коммуникативной парадигмы». Это означает, что «на смену

монологической коммуникативной парадигме тоталитарного общества (“один говорит, все слушают и выполняют”) пришла диалогическая парадигма плюралистического общества» [376].

Исчезла жесткая регламентация жизни членов общества со стороны государства и административно-командной системы. Мышление и политическая деятельность человека стали раскрепощены, появились возможности для самостоятельной и независимой общественной и политической деятельности всех членов общества. Период перестройки, распад СССР, смена государственной системы изменили условия функционирования русского языка и его коммуникативно-прагматический характер.

В процессе произошедших социально-политических трансформаций и демократического транзита России различные слои общества получили возможность проявить себя в политических организациях, в социальных сетях, в рыночных отношениях. Рядовые граждане, общественные организации и институты гражданского общества стали играть более значимую роль в общественной и политической жизни страны. «Это проявляется в активизации политического дискурса, развитии полемических форм диалога, плюрализации коммуникативного поведения людей, возрастании роли публичной и вообще устной речи, существенных изменениях в языке публицистики и многом другом» [376].

Глубокие изменения, произошедшие в 1990-е и последующие годы, самым серьезным образом сказались на социальной коммуникации и на словарном составе русского языка. «Изменение государственности, отказ от прошлых социальных, экономических, политических и духовных основ общественной жизни значительно ускорили, в каких-то случаях обнаружили, вывели на поверхность эволюционно подготовленные процессы в языке и прежде всего в его словарном составе» [48]. Российские лингвисты в качестве наиболее показательного примера изменений в политическом дискурсе, социальной коммуникации и в тезаурусе общественно-политической лексики перестроечного и постперестроечного этапов российской истории, указывают

на «слово диалог, ныне явно включенное в политический словарь благодаря приобретению им новых значений» [115, с. 41].

Так, Л. Ю. Касьянова отмечает, что «лексическая единица диалог», ранее использовавшаяся в значении «разговор между двумя лицами», «была подвергнута переосмыслению, и в настоящее время в политическом дискурсе слово функционирует в новом значении – «переговоры с целью мирного урегулирования конфликта» [170, с. 6].

О. П. Ермакова утверждает, что в общественно-политических контекстах 1990-х годов появились сразу четыре новых значения прежнего достаточно узкого понятия «диалог»:

- 1) неофициальные переговоры (диалог с оппозицией);
- 2) дискуссия (манера диалога);
- 3) договоренность (диалог или переговоры с руководством завода);
- 4) общение (развитие диалога с внешним миром).

Кроме того, «особое значение диалог приобретает в деловых кругах, где слово обозначает “сотрудничество”». Ну и, наконец, теперь термин «диалог часто употребляется как антоним к слову конфронтация (диалог – мирное урегулирование конфликтов)» [115, с. 41].

С точки зрения В. М. Сергеева, изложенной в монографии под названием «Демократия как переговорный процесс», наиболее естественной формой принятия решений являются переговоры, синонимичные с точки зрения норм современного русского языка по отношению к обсуждаемому нами концепту общественного диалога. Демократия, понимаемая как подлинное «народовластие», по мнению выше названного автора, это не электоральные процессы, не политические свободы, не местное самоуправление или многопартийность и не референдумы, а система общественных переговоров, диалог власти и общества. «Каждое правительство может существовать достаточно долго только тогда, когда оно легитимно, то есть, по крайней мере, терпимо для значительного большинства подданных... – пишет В. М. Сергеев. – Следовательно, правительство или

господствующая элита должны в определенной мере всегда принимать во внимание интересы других групп и слоев общества... Но это можно сделать только в результате некоторого обмена информацией о положении дел с представителями этих групп и слоев. Фактически такой обмен информацией и учет требований выливается в систему переговоров... Степень институционализации таких переговоров может быть различный – “от молчаливого торга” в тиле Т. Шеллинга... до установления специальных институтов, обеспечивающих интеграцию мнения тех или иных групп населения в процесс принятия решений» [354, с. 16–17].

Диалог в его современном понимании это, прежде всего, коммуникация, общение, взаимодействие. При этом диалог не синонимичен коммуникации. Коммуникация – это связь между субъектами информационного обмена. А диалог – это тип дискурса. Вслед за Т. Н. Колокольцевой и другими исследователями, мы исходим из фундаментального членения дискурсов на два основополагающих типа: монологические и диалогические дискурсы [184, с. 25]. Диалогический дискурс это такая коммуникативная деятельность, в которой участвуют, по крайней мере, два (или более) субъекта коммуникации, взаимодействующие друг с другом. Монологический дискурс – это однонаправленная коммуникация между субъектом и объектом. Субъект коммуникации передает информацию, объект ее принимает. Это линейный, однонаправленный, субъект-объектный или монологический дискурс.

В соответствии с этим и коммуникация может быть монологической или диалогической. Диалогическая коммуникация – это субъект-субъектная коммуникация, где ее акторы поочередно, на основе мены ролями выступают то в качестве отправителей, то получателей информации. В отличие от монологической коммуникации в диалоге коммуникативные роли акторов строго не зафиксированы ни за одним из них. Роли отправителя информации (адресанта, донора) и получателя информации (адресата, реципиента) поочередно переходят от одного к другому субъекту диалогической коммуникации в зависимости от их количества.

Итак, мы констатируем, что отныне под диалогом мы понимаем не только обмен репликами, не литературно-художественный или драматургический прием и даже не сократический способ совместного отыскания философской истины, а пестрый спектр разнообразных способов и форм взаимодействия и коммуникаций. Эволюция по сути дела первоначально метафорических использований концепта «диалог» для описания различного рода взаимодействий простирается от «трактовки диалога как обмена информацией до представления о диалоге как сложном творческом процессе взаимодействия субъектов, носителей двух разных сознаний, разных систем ценностей, разных идейных позиций» [261, с. 5]. Даже представители естественных наук позиционируют свое взаимодействие с окружающей природной средой или с техникой как «диалог с природой» [298], диалог человека с машиной, диалог с компьютером и так далее.

Сохраняя исходные первоосновы, данный концепт вместе с развитием и демократизацией общества существенно расширил ранее существовавшие семантические границы и эвристически обогатился новыми, ранее не присущими ему значениями и сферами употребления. Благодаря этому концепт «диалог» далеко вышел за пределы ранее достаточно узкого ареала межличностного общения и теперь все более и более активно вторгается области не только социальной, но и политической коммуникации.

В обновленном и расширенном смысловом поле концепта «диалог» субъектами взаимодействия выступают не только конкретные индивиды, персоны и физические лица, обладающие способностью передавать друг другу информацию с помощью языка, но, также, неиндивидуализированные акторы межинституциональной коммуникации. Это государства, цивилизации, этносы, культуры, конфессии, эпохи, поколения и другие социальные (в широком смысле) и политические институты.

В качестве одного из примеров можно привести социокультурную репрезентацию таких ныне общеупотребительных диалогических коннотаций, как межрелигиозный диалог, диалог культур, диалог цивилизаций, диалог поколений, диалог эпох,

диалог мировоззрений и т. д. Здесь субъектами диалога выступают не конкретные одушевленные акторы, а абстрактные универсалии, обозначающие те или иные общественно-политические явления, процессы, институты, не имеющие, в отличие от конкретных индивидов, языка, не обладающие личностным началом или какими бы то ни было другими антропоморфными признаками актора диалога в его исконном, а не в институциональном смысле. Данные субъекты дискурса не физические лица, а социальные (исторические, политические, этнические, религиозные, социокультурные и др.) институты, взаимодействующие друг с другом, обменивающиеся информацией и вступающие в трансперсональную intersubjectивную коммуникацию.

Такое общение относится к области общественного (социального, в широком смысле) и институционального диалога, хотя и осуществляется посредством релевантных той или иной части социума индивидов. Диалог государства и гражданского общества – это одна из разновидностей общественного диалога, участие в котором принимают как институциональные, так и внеинституциональные субъекты, акторы и агенты социальной коммуникации.

Подобная инновационная трактовка диалога с включением в диалогический нарратив коннотации intersubjectивных аспектов трансперсональной коммуникации социально-политических институтов общества придает данному конструкту глубокий эвристический потенциал для исследования семиотики только еще формирующегося спектра типологии и форматов диалога государства и гражданского общества в современной России. Данное обстоятельство позволяет рассматривать диалог не столько в качестве традиционного объекта исследования для лингвистики, философии, психологии, педагогики, дидактики и так далее, но и включить диалог государства и гражданского общества в область исследования таких наук и отраслей научного знания как политология, социология, конфликтология, коммуникативистика и связи с общественностью. Тем более что в ряде смежных наук и научных направлений, к примеру, в так называ-

емой политической лингвистике, существуют иные, существенно отличающиеся от политической науки и политической социологии трактовки политической коммуникации.

В соответствии с этими исходными установками представители политической лингвистики рассматривают политическую коммуникацию и политический дискурс исключительно сквозь призму борьбы за власть [208, с. 126; 277; 341; 419, с. 34; 420 и др.], как способы воздействия на сознание избирателей [22, с. 64; 218, с. 13–14; 280, с. 121; 291, с.126; 422, с. 177], противоборства, дискредитации и полной победы над своими политическими оппонентами [106; 107, с. 41; 419, с. 31]. Для представителей «школы политической лингвистики» политическая коммуникация – это субъект-объектные и манипулятивные отношения [289; 412; 419; 420].

Таким образом, диалогическое взаимодействие государства и гражданского общества в коммуникативной парадигме школы политической лингвистики оказывается попросту невозможно [133, с. 71–89]. А это, как мы полагаем, совершенно не соответствует ни теории, ни новейшим коммуникативным практикам во взаимодействии государства и гражданского общества, как за рубежом, так и в современной России.

С этой точкой зрения солидарны многие российские социолингвисты. Так, А. Н. Баранов утверждает, что политический язык и политическая коммуникация предназначены не для борьбы и не для манипуляций общественным сознанием, а «для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек является не объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия» [26, с. 108].

На протяжении многовековой традиции диалог нередко выступал, словно бы под карнавальными масками, под различными псевдонимами и именами: диалектики, герменевтики, символического интеракционализма, теории социального взаимодействия, общения, дискурса, связей с общественностью, межсекторного

социального партнерства, обратной связи, переговоров и т. д. «В настоящее время термины “диалог”, “коммуникация”, “толерантность” послужили основой переименования ряда процессов, которые прежде имели другие названия, например, “дискуссия”, “обсуждение”, “взаимодействие”, “взаимоотношение противоположностей”, “компромисс”, “солидарность”, “социальность”, – полагают В. Г. Федотова и А. Ф. Яковлева. – Диалог, коммуникация – это, несомненно, и дискуссия, и обсуждение, и взаимодействие людей и идей» [394, с. 67].

Действительно, в настоящее время в одном смысловом ряду с концептом «диалог государства и гражданского общества» в политологическом и в политическом дискурсе используются и другие, тесно связанные с ним понятия: общественный диалог, социальный диалог, многосторонний диалог, публичный диалог, гражданский диалог, делиберативный диалог, межсекторное партнерство, переговоры и т. д. Поэтому для определения специфики дефиниции «диалог государства и гражданского общества», нам необходимо ее сопоставить с этими смежными разновидностями диалога, выявив их сходство и различие.

Диалог государства и гражданского общества – это одна из разновидностей общественного диалога. При этом под общественным диалогом мы понимаем любой диалог, который носит не межличностный или межиндивидуальный, а общественный характер и протекает в публичной сфере или в публичном пространстве.

Конечно, субъектами даже институционального общественного диалога могут выступать и выступают конкретные люди. Но общественный диалог тематически всегда связан не их личным межиндивидуальным общением, не с партикулярными интересами конкретных индивидов, а с коммуникацией по поводу решения каких-либо «коммунальных», то есть общественных, социально значимых вопросов и проблем. При этом предметом общественного диалога могут быть вопросы, связанные с самыми различными сферами и субсферами жизни общества.

К примеру, это могут быть какие-то актуальные и злободневные политические вопросы, собственно социальные проблемы или же предметом публичного дискурса и обсуждения может

стать широкий спектр вопросов из сферы социально-трудовых отношений, межнациональных, межрелигиозных, межкультурных, межцивилизационных отношений. Эти и другие проблемы могут соответствовать тем или иным разновидностям общественного диалога: политического диалога, социального диалога, межсекторного социального партнерства и так далее. В той или иной степени могут быть отнесены и к диалогу государства и гражданского общества, который, в силу российской социокультурной традиции, очень тесно переплетен практически со всеми видами и типами общественного диалога, но в то же время обладает своей особой спецификой и в ряде случаев существенно отличается от них.

По мнению зарубежных исследователей Дж. Паркера и П. Дюгнана, когда в современной науке «процессы диалога описываются в диапазоне разных имен», т. е. допускается использование различных названий по отношению к одному и тому же объекту исследования, то есть диалогу, возникают неоправданная путаница, непонимание и неразбериха. Поэтому объективно необходимо «сокращение числа разных имен для диалогических процессов». Дж. Паркер и П. Дюгнан утверждают, что «диалог, публичный диалог, общественное участие, гражданское участие – все эти и другие дефиниции, по сути дела, означают одно и то же: общественный диалог (community dialogue)» [542, p. 4, 5].

В основе такого диалога лежат два элемента. Во-первых, де-либерация, то есть тщательное обсуждение доказательств, социальное взаимодействие, обсуждения и прения, рассмотрение целого ряда мнений, а также возможность повторной оценки исходные позиции. И, во-вторых, включенность граждан, то есть вовлечение в общественный диалог широкого круга лиц и групп, в том числе ранее исключенных из дискурса групп общества, которые не были представлены среди заинтересованных сторон дискуссии [542, p. 4]. По мнению этих двух авторов, общественный диалог – это «специально разработанный процесс на уровне сообщества (а не на государственном и институциональном), который связан с обсуждением и включением, и основан на

убеждении, что такое право гражданского включения может улучшить верность принимаемых решений и / или поможет обществу в принятии таких решений» [542, р. 5].

Следует также иметь в виду, что использование разных смысловых конструктов в российском и зарубежном дискурсах, обозначающих те или иные аспекты диалога в обществе (общественного диалога), отнюдь не тождественно, а различно. Так, концепт диалог государства и гражданского общества преимущественно связан с отечественной теорией и практикой, в то время как за рубежом он практически не используется. В то же время дискурс общественного (публичного, гражданского, социального) диалога присущ практически всем западноевропейским и североамериканским странам без исключения, хотя российская и западная констелляции его употребления разнородны.

Современный российский политолог Э. Я. Баталов утверждает, что «общественный диалог – это свободный, перманентный, идущий на равных обмен идеями и взглядами между государством и гражданским обществом, между институтами самого гражданского общества (включая политические движения, партии, общественные организации), между Центром и регионами, между верующими и атеистами, между правыми и левыми, между отдельными группами и между индивидами. Но прежде всего – между властями и подвластными» [28]. Совершенно справедливо включая в общественный диалог коммуникацию и информационный обмен между государством и гражданским обществом, федеральным центром и регионами, правыми и левыми, верующими и атеистами и проч., уважаемый автор почему-то так же исключает из диалога бизнес.

По нашему мнению, общественный диалог – это предельно широкая междисциплинарная обществоведческая категория, в которой, присутствуют и сосуществуют самые разнообразные диалогические дискурсы, в том числе такие, как диалог власти и оппозиции, парламентский диалог, межпартийный диалог, диалог государств и стран, политических и социально-экономических систем и режимов, идеологий, наций, культур, мировоззрений,

религий, цивилизаций, поколений, исторических эпох, научных и художественных школ и направлений, стилей и образов жизни. Диалог государства и гражданского общества, равно как политический диалог и социальный диалог – это ведущие и наиболее распространенные формы общественного диалога в современной России, которые внутренне дифференцированы, но, в то же самое время, очень тесно взаимосвязаны и взаимопереплетены друг с другом.

1.3.2. Социальный диалог и диалог государства и гражданского общества: сходство и отличие

На постсоветском пространстве сложилась достаточно устойчивая традиция интерпретировать общественный диалог как «определенный тип отношений между отдельными группами, которые называются общественными партнерами, с участием государства как партнера диалога или как его гаранта» [113, с. 2]. Но общественный диалог, интерпретируемый как партнерство бизнеса, наемных работников и государства по социально-трудовым вопросам, это довольно узкая и далеко не полная характеристика общественного диалога, воспринимаемого, скорее, как социальный диалог. К тому же, в ряде случаев происходит и обратная подмена понятий, когда используя термин социальный диалог, некоторые авторы под ним понимают не только общественный диалог в целом, но так же и, собственно, диалог государства и гражданского общества.

Так, к примеру, поступает Т. В. Бородина, которая в диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата философских наук, посвященном проблеме социального диалога, заявляет, что он представляет собой «прежде всего, диалог гражданского общества и государства» [43, с. 21]. Социальный диалог, по мнению этого автора, якобы «выражается в референдумах и голосованиях, влияющих на государственную политику, и в деятельности государства на гражданское общество» [43, с. 21–22]. Мера цивилизованности общества в целом «определяется тем, насколько социальный диалог между гражданским обществом

и государством является открытым и равноправным». При этом Т. Ф. Бородина еще утверждает, что «результатом социального диалога является консенсус», а его главными целями она объявляет согласие, социальный мир и социальную стабильность» [43, с. 22]. Иными словами данный автор под социальным диалогом подразумевает то, что в России традиционно называется диалогом государства и гражданского общества, представляющего собой, с нашей точки зрения, одну из форм общественного диалога.

Российский исследователь В. И. Курбатов отождествляет социальный диалог и общественный диалог. С его точки зрения, социальный диалог имеет несколько уровней и важнейшим его уровнем является диалог государства и гражданского общества. В таком «явном или неявном диалоге государство посылает различные сигналы обществу, равно как и общество посылает такие сигналы государству о том, что те или иные государственно-административные регламентации одобряются (или не одобряются) гражданским обществом, обладают теми или иными степенями легитимности». На этом уровне социальный диалог выражает «социальные ожидания, социальные чувства, социальные настроения, которые выражаются в общественном мнении, динамике его колебаний, – утверждает В. И. Курбатов. – В социальном диалоге государства и гражданского общества первое частично делегирует свои властные полномочия второму, отчуждаясь от постоянного отправления властных функций, развивая различные формы гражданского самоуправления» [206, с. 124].

Представляется, что определение социального диалога через его отождествление с диалогом государства и гражданского общества так же малопродуктивно, поскольку создает понятийную путаницу и неразбериху в результате сведения двух, по нашему мнению, различных форм общественного диалога одной и той же разновидности общественного диалога, которая представляет собой диалог государства и гражданского общества.

Весьма интересна польская модель социального, а, фактически, общественного диалога. В статье 20 республики Польша упоминается диалог, солидарность и сотрудничество между

социальными партнерами. Но реально социальный диалог в Польше был институционализирован Советом министров Польши, который 22 октября 2002 года принял программный документ под названием «Принципы социального диалога» [552].

Польская модель социального диалога имеет очень существенную специфику, поскольку под социальным диалогом в этом документе подразумевается довольно широкий спектр общественных интеракций в формате диалога.

Во-первых, социальный диалог – диалог в области трудовых отношений и социальной политики, или «традиционный социальный диалог» в виде переговоров с участием профессиональных союзов, работодателей и органов государственной власти.

Во-вторых, социальный диалог включает в себя гражданский диалог, в котором участвуют организации гражданского общества [552а, р. 3]. Иначе говоря, это эквивалент российского диалога государства и гражданского общества, который в то же самое время достаточно существенно отличается от гражданского диалога, функционирующего в странах ЕС и о котором более подробно пойдет речь в главе 3.

В польском варианте гражданского диалога он осуществляется как «коммуникация между государственной властью и социальными партнерами», под которыми в данной разновидности социального диалога выступают НКО и другие ассоциации гражданского общества [552а, р. 41].

В-третьих, это еще и диалог с участием представителей органов местного самоуправления и государственной власти [552а, р. 3].

В главе 4 «Принципов социального диалога» определены четыре формы социального диалога:

1. Лоббирование (пропаганда), которая в рамках демократических процедур позволит артикулировать общественные интересы в адрес правительства.

2. Репрезентация или представление интересов заключается в обеспечении участия представителей общественности в процессе принятия решений. Основной формой репрезентации интересов являются консультативно-совещательные институты

и органы, которые созываются для решения каких-то конкретных задач или могут функционировать на постоянной основе.

3. Консультации, целью которых является двухсторонняя коммуникация между государством и социальными партнерами в формате разнообразных конференций, совещаний, встреч, обмена информацией и т. д.

4. Взаимодействие для согласования позиций сторон [552а, р. 10].

В. В. Давыденко, политолог из Украины, в диссертационном исследовании на соискание степени доктора политических наук так разрешает амбивалентность понимания термина социальный диалог: «В широком смысле социальный диалог – это паритетное конструктивное сотрудничество между гражданским обществом (как отдельной сферой общественных отношений, в которой реализуются частные интересы граждан и их групп, которая существует параллельно с государством, однако прямо ей не подчинена) и государством (как выразителем общественных интересов). В узком – замыкается в рамках традиционной формы ведения консультаций, переговоров и других форм социально-политических контактов, происходящих между правительством профсоюзами и объединениями работодателей» [98, с. 28].

В целом соглашаясь с таким определением социального диалога, хотелось бы возразить В. В. Давыденко и заметить, что социальный диалог (в широком понимании) или же собственно общественный диалог, как уже было отмечено выше, имеет массу разновидностей и отнюдь не сводится к диалогу государства и гражданского общества и межсекторному социальному партнерству.

Институционализация социального диалога на уровне демократического правового государства, по мнению В. В. Давыденко, «это формально-юридическое закрепление правил функционирования его субъектов, а впоследствии и органов их сотрудничества, выступающих важным механизмом влияния на политическую систему общества» [98, с. 29]. А институционализация социального диалога на уровне гражданского общества «предполагает его

легитимизации, то есть признание существования и функционирования социального диалога правомерным и целесообразным, прежде всего, основными социальными группами общества» [98, с. 29].

Процесс институционализации в Украине социального диалога (в его «узком» понимании) начался 29 декабря 2005 года, когда был издан Указ Президента Украины «О развитии социального диалога в Украине». В тексте Указа «отмечалось, что социальный диалог – это один из главных факторов обеспечения социальной стабильности, развития гражданского общества, противодействия общественным конфликтам» [441, с. 39].

А в ноябре 2011 года Президент этой страны В. Ф. Янукович подписал закон «О социальном диалоге в Украине» [250]. В этом «формально-юридическом» документе определяются правовые основы организации и порядка ведения социального диалога в Украине с целью выработки и реализации государственной социальной и экономической политики, регулирования трудовых, социальных, экономических отношений и обеспечения повышения уровня и качества жизни граждан, социальной стабильности в обществе.

Социальный диалог в украинском законе определяется как «процесс определения и сближения позиций, достижения общих договоренностей и принятия согласованных решений сторонами социального диалога, которые представляют интересы работников, работодателей и органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, по вопросам формирования и реализации государственной социальной и экономической политики, регулирования трудовых, социальных, экономических отношений» [250]. Социальный диалог осуществляется на национальном, отраслевом, территориальном и локальном (предприятие, учреждение, организация) уровнях на трехсторонней или двусторонней основе.

Для практического осуществления социального диалога был создан Национальный трехсторонний социально-экономический совет – постоянно действующий орган, который образуется Президентом Украины. Национальный совет состоит из равного количества представителей сторон социального диалога.

га национального уровня (объединения профсоюзов, объединения организаций работодателей и кабинета министров) и объединяет 60 членов, которые осуществляют свои полномочия на общественных началах: 20 членов с профсоюзной стороны; 20 членов со стороны работодателей; еще 20 членов со стороны органов исполнительной власти. Срок полномочий членов Национального совета составляет шесть лет.

Процесс взаимодействия сторон при помощи социального диалога позволяет:

- получить более полную и объективную информацию о проблемной ситуации;
- снизить социальную напряженность между сторонами;
- сблизить точки зрения сторон для достижения консенсуса;
- создать условия для конструктивного решения проблемы и т. д.

Закон «О социальном диалоге в Украине» установил специфические фильтры для участия в социальном диалоге, как для объединений профсоюзов, так и для объединений работодателей на основе их репрезентативности. Так, к примеру, репрезентативными признаются такие общенациональные объединения профсоюзов, которые насчитывают не менее 150 тысяч членов, а их подразделения функционируют в большинстве административно-территориальных единиц Украины. Объединения организаций работодателей репрезентативны в том случае, если на предприятиях их членов трудится не менее 200 тысяч работников, и если они в своем составе имеют объединения организаций работодателей из большинства административно-территориальных единиц Украины. Аналогичные критерии репрезентативности разработаны для субъектов отраслевого и территориального уровней социального диалога [250].

Наша позиция на соотношение общественного диалога, социального диалога и диалога государства и гражданского общества выглядит следующим образом. Социальный диалог (social dialogue) имеет более длительную историю существования, нежели чем такие разновидности общественного диалога,

как гражданский диалог, публичный диалог, диалог государства и гражданского общества и так далее.

Социальный диалог – это термин, определяющий участие работников, работодателей и правительства в процессе принятия решений в сфере занятости и в отношении проблем, возникающих на рабочих местах. Социальный диалог позволяет людям выражать свои мнения, и отстаивать их в своих обществах и на рабочих местах. В определении МОТ указывается, что «социальный диалог представляет все виды переговоров, консультаций и обмена информацией между представителями правительств, социальных партнеров или между партнерами по вопросам, представляющим общий интерес в сфере социально-экономической политики» [370, с. 5].

Социальный диалог может носить двусторонний характер и проводиться между работниками и работодателями (которых МОТ называет социальными партнерами). Или же он может приобретать трехсторонний характер с участием правительства или его представителей. Двухсторонний социальный диалог достаточно часто принимает «форму коллективных переговоров или других видов переговоров, а также сотрудничества и предотвращения и урегулирования трудовых споров» [370, с. 5]. Трехсторонний социальный диалог объединяет работников, работодателей и правительство, «которые совместно обсуждают вопросы государственной политики, законодательства и другие аспекты процесса принятия решений, касающиеся рабочих мест и интересов работников и работодателей» [370, с. 5].

В отличие от ряда иных форм общественного диалога (политического диалога, диалога государства и гражданского общества), акторы социального диалога не являются участниками политической и выборной конкуренции как, к примеру, политические партии. Роль социального диалога состоит, прежде всего, в улучшении качества получения информации среди основных участников социально-трудовых отношений для предотвращения внутренних разногласий и возникновения социально-трудовых конфликтов. Поэтому социальный диалог и социальное

партнерство можно рассматривать как стабилизирующие элементы политической системы общества.

Социальный диалог локализован в сфере социально-трудовых отношений. Он протекает между государством, работодателями и профсоюзами для того, чтобы найти оптимальное решение для всех партнеров в процессе трудоемкого переговорного процесса по достижению согласия и компромисса. Опыт ведущих развитых стран мира, где доминируют принципы рыночной экономики и трудовой демократии, свидетельствует, что в современных условиях вопросы обеспечения социального согласия и социального мира приобретают первостепенное значение, выходя за пределы «чисто социального диалога» и поднимаясь до уровня общегражданского и даже политического диалога. В этой точки зрения социальный диалог можно рассматривать как предтечу диалога государства и гражданского общества в российском варианте, или же гражданского диалога, как его традиционно называют в странах ЕС.

В Западной Европе и США более «молодые» разновидности общественного диалога, в первую очередь гражданского диалога, вышли из переговорных практик, партнерства и консультаций между представителями труда и капитала с участием государства на базе социального диалога. Важнейшими категориями, характеризующими содержание социального и, естественно, в целом, общественного диалога, являются: социальное взаимодействие, социальное партнерство, коммуникации, переговоры, консультации, договоренности, альянсы, общественное участие, гражданские инициативы, общественные слушания, общественные экспертизы, гражданский (общественный) контроль, публичные дебаты, дискуссии, компромиссы, взаимные уступки, консенсус, толерантность, транспарентность и так далее.

К сожалению, в России социальный диалог всегда находился и продолжает оставаться на крайне низком уровне своего развития. Дело в том, что, во-первых, в российском законодательстве нет понятия, как социального диалога, так и диалога в целом. Оно до сих пор все еще не юридически закреплено

в сфере социально-трудовых и общественных отношений. Что, на наш взгляд, серьезно тормозит процесс институционализации как социального диалога, так и диалога государства и гражданского общества.

И, во-вторых, российские профсоюзы, как все еще наиболее массовая организация гражданского общества, не только никогда не участвовала в полноценном социальном диалоге, но так даже и не создала необходимых предпосылок для развития иных видов общественного диалога, в том числе и диалога государства и гражданского общества. Отсутствие переговорных практик по коллективной защите общественных интересов крайне пагубно сказывается как на общем состоянии гражданского общества, так и на институционализации его диалога с государством.

Сегодняшнее состояние диалога государства и гражданского общества во многом объясняется отсутствием в сфере социально-трудовых отношений устойчивых практик ведения коллективных переговоров, неумения в профсоюзной среде агрегировать, артикулировать и защищать коллективные интересы, которые являются неотъемлемой частью деятельности профсоюзных организаций по осуществлению социального диалога. Исследователи профсоюзного движения отмечают, что в России до сих пор так и «не сложилась прочная система социального партнерства, основанная на постоянном трехстороннем социальном диалоге» [276, с. 55].

В отечественной науке и профсоюзной практике длительное время преобладал достаточно узкий подход к социальному партнерству, которое рассматривалось преимущественно как технология регулирования социально-трудовых отношений в обществе. В России, в отличие от большинства западноевропейских стран, включая даже Украину, понятие «социальный диалог» нормативно до сих пор не закреплено в соответствующих законодательных либо подзаконных актах. Однако в последние годы все более проявляется научный интерес к социальному партнерству как специфическому виду общественных, социальных и даже политических отношений.

Такой подход связан с развитием межсекторных взаимодействий в публичной сфере, и подразумевает под собой конструктивное взаимодействие в формате диалога между организациями трех секторов общества: государства, бизнеса и некоммерческого сектора (гражданского общества), а не только лишь одних профсоюзов, как прежде. Межсекторное партнерство, в отличие от социального партнерства (или трипартизма, как его нередко называют), далеко выходит за рамки социально-трудовых отношений. Межсекторное партнерство проявляется в возрастании роли современного гражданского общества и его организаций в решении широкого спектра общественных проблем, в том числе вопросов эффективного управления государством, контроля за деятельностью власти, выработки эффективных политических решений, защиты окружающей природной среды, проведения публичных общественных слушаний, экспертиз, обсуждений и т. д.

Для характеристики такого рода диалогов используются такие наименования, присущие концепту общественный диалог, как многосторонний диалог (Multi-Stakeholder Dialogue или, сокращенно, MSD), диалог с заинтересованными сторонами (Stakeholder Dialogues). Межсекторное партнерство и диалог государства и гражданского общества подразумевают дискурс не только трех или двух вступающих в коммуникацию макросубъектов, но и со стороны гражданского общества участие в диалоге с государством (правительством, властью федерального, регионального или местного уровней) или же бизнесом одновременно нескольких акторов коммуникации.

Дело в том, что, в отличие от государства, гражданское общество не имеет какого-то единого центра, органа или института, уполномоченного от имени всего общества на участие в переговорном процессе. Поэтому диалог гражданского общества с государством это, как правило, это не двухсторонняя, а многосторонняя коммуникация, в которой могут принимать участие все заинтересованные в решении какой-то проблемы организации «третьего», то есть некоммерческого и неправительственного сектора (НКО, НПО).

Б. Палаццо во «Введении в диалог с заинтересованными сторонами» (An Introduction to Stakeholder Dialogue) пишет, что «диалог с заинтересованными сторонами представляет собой метод для управления процессами изменений посредством кооперации» [541, р. 4]. Целью диалога заинтересованных сторон, в котором НПО принадлежит ключевая роль, является «обмен мнениями, уточнение ожиданий, укрепление взаимопонимания и, если возможно поиск новых и лучших решений». Тремя уровнями многостороннего диалога Б. Палаццо называет информирование, консультирование и принятие решений. Методами и формами общения соответствующими уровню принятия решений она называет непрерывный процесс диалогического взаимодействия (устойчивый диалог), партнерство, совместные проекты и панельные дискуссии заинтересованных сторон. Многосторонний диалог состоит из четырех последовательных фаз протекания:

- а) Исследований и консультаций;
- б) Подготовки к диалогу [541, р. 12–14];
- в) Запуска процесса диалога [541, р. 14–15];
- г) Фазы последующих действий, куда входит оценка результатов диалогического взаимодействия в сравнении с исходными целями и ожиданиями [541, р. 16];
- д) Начало нового цикла диалога [541, р. 17].

В таком долгосрочном и устойчивом социальном взаимодействии в режиме многостороннего диалога, ориентированном на стабильные коммуникативные отношения, по мнению Б. Палаццо, очень важно «доверие, выстроенное в первоначальном диалоге» [541, р. 17].

Е. Педерсон выделил пять аспектов диалога заинтересованных сторон в процессе их дискурсивного взаимодействия.

1. *Включенность*. Она состоит в выявлении и во включении в диалог всех сторон, социальных групп и отдельных лиц, заинтересованных в решении существующей проблемы. Если же какая-то из сторон такого многостороннего диалога окажется исключенной из него, то актуальность и ожидаемая выгода «от диалога будет ограничена». При этом Е. Педерсон замечает, что

при значительном росте количества участников диалога его эффективность снижается, поэтому в таких условиях «задача координации диалога и нахождение консенсуса становится все более сложной задачей» [547, р. 140].

2. *Открытость*. Диалог должен быть открытым, чтобы все заинтересованные стороны могли высказать свое мнение.

3. *Толерантность*. Одно мнение не должно превалировать над другими, никакие доводы не следует признавать более легитимными, чем другие.

4. *Расширение прав и возможностей*. Заинтересованные стороны должны чувствовать, что они имеют возможность влиять на структуру, процесс и результаты диалога. « Низкий уровень свободы и равенства в диалоге» указывает на низкий уровень демократии и «дисбаланс власти» [547, р. 142].

5. *Прозрачность*. По мнению Е. Педерсона, «степень прозрачности является важным элементом в диалоге с заинтересованными сторонами» [547, р. 142]. Поэтому информация должна быть открыта и доступна. А все стороны, участвующие в диалоге, должны обладать информацией, необходимой им для принятия решения и быть проинформированы о последующем воплощении в жизнь результатов принятого в процессе диалога решения. Многосторонний и всеобъемлющий характер общественного диалога с заинтересованными сторонами заключается в объективной необходимости формирования в обществе атмосферы доверия, открытости, готовности граждан и их организаций к включению в институционализированную систему обмена информацией.

1.3.3. Диалог государства и гражданского общества как политический диалог

Общественный диалог, несмотря на его разнообразие и пестроту, направлен на углубление взаимопонимания, улучшение взаимодействия и построения конструктивного сотрудничества между различными стратами и кластерами общества. Такой диалог представляет собой непрерывный, постоянно развивающийся и совершенствующийся коммуникативный процесс, в который

вовлечены как представители всех уровней власти, так и рядовые граждане, как работодатели, так и наемные работники.

Мы разграничили соотношение общественного и социального диалога. Однако в Западной Европе и в Северной Америке понимание общественного диалога отличается от его традиционной трактовки в России. Там в силу социокультурных и лингвоязыковых традиций, за рубежом концепт общественный диалог гораздо более к публичному диалогу (Public Dialogue), нежели чем к социальному диалогу. И хотя данное понятие (публичный диалог) нередко переводится на русский язык именно как общественный диалог, то есть диалог в обществе, но понимается при этом более узко и, в основном, сводится к его релевантности открытому или прозрачному диалогу граждан и власти, правительственных учреждений и негосударственных институтов гражданского общества. «Общественный (публичный) диалог представляет собой подход к вовлечению граждан в процесс принятия решений» [566]. Общественный или публичный диалог рассматривается как одна из важнейших процедур демократии участия, а также неразрывно с ней взаимосвязанной делиберативной демократии.

Диалог государства и гражданского общества – это не только общественный и публичный диалог, характеризующийся многосторонним характером участвующих в нем заинтересованных в нем акторов, но это еще, в целом ряде случаев и политический диалог. По мнению С. П. Поцелуева, «настоящий политический диалог предполагает, что власть заинтересована во мнении своих граждан – но не для того, чтобы сделать из них символический суррогат для дефицитов своей политики, а для реальной корректировки систем управления страной» [294, с. 10].

Отталкиваясь от теории символического интеракционализма Г. Мида, С. П. Поцелуев рассматривает политический диалог как символический обмен ролями между его участниками, что, с его точки зрения, «выражается в их установке на возможное изменение не только чужой, но и своей позиции» [294, с. 66]. От подлинного политического диалога он отделяет имитацию и симуляцию диалога, которые С. П. Поцелуев их характеризует

как политические парадиалоги, псевдиалоги, квазиалоги, которые являются условными и фиктивными «как бы диалогами». К основополагающим характеристикам «реального диалога», С. П. Поцелуев относит следующие признаки:

– формально-лингвистический: наличие языковых средств, обеспечивающих выражение мыслей (позиций, интересов) в ходе обмена репликами (есть чем вести диалог);

– диалектический: развертывание содержательной диалогичности общения (есть, как вести диалог);

– объектный: наличие реального предмета для обсуждения, а не просто для речи и мысли (есть о чем вести диалог);

– субъектный: смена реальных, а потому непредсказуемо и творчески участвующих в дискурсе субъектов общения в физическом (историческом) пространстве и времени (есть с кем вести диалог) [294, с. 78].

Политический диалог, по мнению С. П. Поцелуева, есть «форма дискурсивно-символического обмена, обусловленная принудительными факторами политического поля (рынка) и реализующаяся на основе взаимного рефлексивного перенимания ролей, в ходе которого имеет место трансформация позиций (интересов, идентичностей) политических субъектов по мере их перехода от иерархических отношений господства – подчинения к функциональной власти по принципу командного сотрудничества» [294, с. 68].

В энциклопедическом словаре «Политология» дано несколько иное, более конкретизированное и развернутое определение понятия политического диалога. С точки зрения современной политической науки, политический диалог – это «форма интерсубъективного (межсубъективного) коммуникативного взаимодействия; процесс двухстороннего общения... осуществляемый языковыми средствами, имеющими политический смысл, и направленный на выявление взаимных интересов, поиск общей политической позиции, своевременное разрешение проблем, согласование намерений, целей, действий и т. п.» [289, с. 98]. Политический диалог – это «ненасильственное осуществление власти, политической воли

сторон, обусловленное в реальной действительности, объективно, их взаимной зависимостью и субъективно – их обоюдной заинтересованностью» [289, с. 98]. В отличие от политических манипуляций, политической пропаганды и «черного PR», политический диалог «концептуально связан с открытостью и предполагает взаимопонимание» [289, с. 98]. С точки зрения политической науки, «важнейшая особенность» политического диалога – «возможность управления взаимодействием сторон при решении определенных задач: урегулирование конфликтов, координация действий, организация и укрепление сотрудничества, изменение правопорядка и др. ...Его часто называют поиском согласия или процессом согласования...» [289, с. 98]. «Основной характеристикой» политического диалога «является конструктивность: взаимная полезность» [289, с. 99].

1.3.4. Диалог государства и гражданского общества как социально-политическая категория: понятие, структура, функции

Понятие «диалог государства и гражданского общества» имеет достаточно широкое распространение, как в социально-политической практике, так и политологической теории. Однако вплоть до настоящего времени этот термин, несмотря на его весьма интенсивное использование, так и не получил сколько-нибудь обоснованного адекватного теоретического осмысления. Это обстоятельство нередко создает двусмысленное, неверное, искаженное использование данного концепта, который уже давно нуждается в специальном категориальном истолковании с точки зрения социально-гуманитарного знания в целом и, в данном случае, с позиции политической науки.

По нашему мнению, «диалог государства и гражданского общества» существует номинально и является универсально-родовым понятием по отношению к его конкретным проявлениям и разновидностям или, точнее, видам или типам диалога. Конкретными разновидностями диалога могут выступать общественные обсуждения, консультации, экспертизы, согласования

действий, переговоры, прения сторон, споры, дискуссии, дебаты, диспуты, полемика и прочее. Все они в той или иной степени субстанционально связаны с онтологизированной сущностью диалоговой коммуникации в ее амбивалентности к монологической интеракции.

Друг от друга разновидности социального (в широком смысле) диалога отличаются различной степенью напряженности (конфликтности или кооперированности) в сфере взаимодействия государства и гражданского общества. Чем выше степень отчуждения, непонимания, аномичности, тем острее тон диалогической коммуникации. И наоборот, чем более налажены когнитивные процедуры в сфере интеракции государства и гражданского общества, тем спокойнее и конструктивнее их коммуникация, протекающая в виде той или иной разновидности диалога.

Даже самый острый диалог является не столько конфликтным фактором, позволяющим его актерам лучше понять друг друга, уточнить позиции, вникнуть в суть проблем, сколько примирительной процедурой. Такой диалог требует развитой политической культуры, владения основами публичной ораторики, логики и аргументавистики.

Таким образом, диалог между государством и гражданским обществом можно определить как делиберативное интересубъективное социально-политическое взаимодействие, осуществляемое на основе двухсторонней (многосторонней) коммуникации этих макросоциальных акторов. Целью такой коммуникации является нахождение взаимопонимания, поиска и выявления общих интересов, транспарентного определения в процессе переговоров социальных приоритетов, позиций, согласования мнений, намерений, методов, форм и способов разрешения конфликтных ситуаций, координации действий, а также корректировки сложившейся ситуации и выработки, политических и управленческих решений на ближайшую и/или среднесрочную либо долгосрочную историческую перспективу. Такой диалог можно определить как диалог государства и гражданского общества в современной России, имеющий, одновременно с этим,

политическую и социальную (в широком смысле) направленность [124; 128; 129].

Институциональный диалог государства и гражданского общества обладает определенной структурной организацией. Поскольку диалог в отличие от монолога это субъект-субъектная или интересубъектная коммуникация, то в его структуре, в качестве наиболее важных элементов, можно выделить, по крайней мере, два (или несколько) субъекта диалога. При этом в начале диалога один субъект интеракции выступает в активной роли инициатора коммуникации, задающего тематику и тон дискурса. Эту активную позицию данного субъекта можно назвать как роль адресанта, актора, коммуникатора информации. В то время как другой (другие) субъект (субъекты) в этот момент коммуникации выступают в роли адресата (адресатов), реципиента, принимающего передаваемую информацию. Затем происходит смена позиций и активную роль адресанта-актора, принимает на себя другой субъект политического дискурса, а предыдущий коммуникант становится адресатом или реципиентом, то есть восприимчиком информации [124].

В случае, если в диалоге участвует более двух субъектов, роль адресанта-актора от второго субъекта диалоговой коммуникации переходит сначала к третьему, затем четвертому и так далее участникам данного диалога. Если же в диалоговом процессе задействовано лишь два субъекта, то роль адресанта (актора) вновь возвращается первому субъекту. В процессе обмена мнениями, взглядами, доводами, в ходе развернувшего обсуждения предложенной темы диалога его субъекты попеременно выступают то в роли активных коммуникаторов информации, то в роли ее восприимчиков. Если в монологовой коммуникации статусы ее участников строго фиксированы, то в диалоге роли адресанта-адресата относительно, подвижны и четкой грани между одним и другим субъектом информационного взаимодействия нет. Такой диалог вовсе не обязательно должен заканчиваться примирением субъектов и выработкой общей взаимоприемлемой для них позиции. Сама процедура состоявшегося обмена политически

значимой информацией представляет социальную ценность, поскольку позволяет в ходе ее осуществления, разрешать противоречия, выпускать скопившийся «пар» и находить какие-то пути для дальнейшего диалогового взаимодействия и углубления взаимопонимания [119; 120].

В роли субъектов такого диалога могут выступать органы государственной власти и управления, политические партии, общественные организации, НКО (НГО), церковь, бизнес-сообщество, государственные, политические и общественные деятели, СМИ, конкретные представители масс-медиа и даже отдельные граждане, являющиеся репрезентативными коммуникантами со стороны государства или гражданского общества.

Важнейшим структурным элементом институционального диалога государства и гражданского общества является аудитория, для которой, собственно говоря, и разворачивается публичный дискурс власти и общества, который, кстати, может протекать как в очной, так и в заочной форме, может быть либо локализован, либо растянут не только в пространстве, но и во времени.

Четкой грани между аудиторией публичного политического диалога и его субъектами не существует. Одна из важнейших интенций публичного дискурса состоит в том, чтобы пассивных наблюдателей превращать в активных акторов публичной коммуникации и диалога. Состав аудитории, наличие тех или иных целевых групп, широта охвата аудитории зависят от специфики канала и средств коммуникации, по которым осуществляется трансляция диалога.

Средства диалоговой коммуникации являются материально-вещественной или, точнее, инфраструктурной стороной диалога. Сюда можно отнести не только электронные и печатные СМИ, но и все более усиливающие свои позиции интернет-коммуникации в виде сайтов органов власти, политических партий, общественных структур, веб-страниц, блогов конкретных политических деятелей и т. д.

Сюда же должны быть отнесены законодательно-представительные органы власти, где народные избранники от лица

избравшего их населения взаимодействуют с исполнительными органами государственной власти, заслушивают их отчеты, дебатуют, полемизируют, спорят, договариваются и коллективно вырабатывают наиболее эффективные пути решения острых и жизненно важных вопросов государства и общества. К коммуникативным средствам институционального диалога следует отнести всевозможные дискуссионные площадки, политические клубы, общественные приемные, пресс-конференции различного масштаба и уровня, интерактивное общение высших должностных лиц нашего государства с населением регионов России и копирование этих форм властями субъектов федерации и органов местного самоуправления.

В структуру институционального диалога следует включить и саму информацию, артикулируемую от адресанта к адресату, ее форму, содержание, тематику, социальную значимость, а также приемы, стратегии и тактики ведения публичного дискурса его субъектами.

В структуре диалога можно выделить различные стадии его протекания: предварительное приглашение к диалогу, согласование его формата, порядка, регламента, затем открытие дискуссии, изложение субъектами диалога своих позиций, затем их уточнение, обмен вопросами, репликами и, наконец, формулирование своих позиций по обсуждаемой теме, ее аргументация, критика оппонентов и, как результат, подведение итогов. Это лишь общий набросок стадий диалога, которые в зависимости от избранного жанра (интервью, дебаты, дискуссия, полемика и проч.) могут быть и иными.

Несмотря на то что диалог государства и гражданского общества в виде горизонтального политического института общества, в его структуре следует выделить, по крайней мере, три уровня. Первый уровень – это макроуровень, где процесс двухсторонней коммуникации осуществляется на общенациональном уровне взаимодействия власти и структур гражданского общества. Затем следует региональный уровень взаимодействия органов власти и общественных формирований субъектов федерации

Российской Федерации. Ну и, наконец, самый низовой уровень – это уровень местного самоуправления, а также уровень внутреннего межсубъектного взаимодействия друг с другом различных институтов и структур гражданского общества.

Институциональный диалог государства и гражданского общества выполняет определенные функции. Эти функции представляют собой совокупность решаемых в ходе двухсторонней коммуникации задач и достигаемых целей. Одна отдельно взятая функция института – это его предназначение и роль, которую диалог призван играть в обществе, его практическая польза, которую он приносит в ходе реализации своей миссии. Назовем основные функции институционального диалога государства и гражданского общества:

1. *Коммуникативная функция* обеспечивает связь власти с гражданским обществом на основе двухстороннего обмена информацией.

2. *Интегративная функция* позволяет с помощью диалога добиваться объединения усилий общества и власти в решении жизненно важных политических проблем.

3. *Конфликтологическая функция* на основе политического диалога позволяет фиксировать конфликтогенные ситуации и своевременно принимать необходимые меры для их разрешения.

4. *Аксиологическая функция* состоит в совместном поиске и определении политически и социально значимых ценностей, как для власти, так и для гражданского общества.

5. *Прогностическая функция* позволяет определять на основе двухсторонней политической коммуникации перспективы и приоритетные направления развития общества и государств, а также проблемы, возникающие в политической, экономической и социальной сферах.

6. *Функция политической социализации* приобщает к активной социально-политической деятельности широкие слои населения, прежде, до вовлечения в политический диалог, не проявлявшие гражданской активности и желания непосредственного участия в общественной жизни.

7. Функция *гражданского контроля* над деятельностью власти позволяет бороться с такими негативными явлениями во власти, как бюрократизм, черствость, равнодушие, протекционализм, клиентализм, формализм, взяточничество, использование служебного положения в личных целях и так далее.

8. *Гуманистическая функция* политического диалога выражается в ненасильственном осуществлении власти.

9. *Политико-управленческая функция* призвана принимать на основе полученной властью в процессе респонзивной обратной взаимосвязи с гражданским обществом информации соответствующие политико-управленческие решения.

Как было показано выше, диалог государства и гражданского общества имеет структуру и выполняет ряд важных функций. Все это свидетельствует о том, что он, пройдя прединституциональную стадию, вступил в фазу институционализации, которая, имея несколько последовательных этапов и подэтапов, однако, пока далеко еще не завершена. Дальнейшая судьба диалога как особого социально-политического института будет во многом зависеть от гражданской активности населения страны, от развития уровня культуры диалогового взаимодействия общества и государства и, конечно, от законодательно-правового закрепления процедур симметричной двухсторонней интеракции власти и социума. С одной стороны, уровень востребованности диалоговой коммуникации в обществе определяется степенью развитости гражданской активности населения, а с другой стороны, и сама эта активность пробуждается лишь в полноценном и равноправном диалоге гражданского общества с государством.

1.3.5. Обратная связь и диалог государства и гражданского общества

Фидбэк – это относительно новое понятие в российском политическом лексиконе, которое обозначает обратную связь (*англ.* feedback «фидбэк» – обратное питание). В широком смысле *фидбэк* – отзыв, отклик, ответная реакция на какое-либо действие или событие. А в более узком и, собственно, политологическом

контексте, *фидбэк* – это респонзивность, то есть отзывчивость, и действия (или бездействия) власти в ответ на актуальную информацию, полученную в результате интеракции, коммуникации и, в первую очередь, социально значимом публичном диалоге государства с гражданским обществом. Принцип обратной связи является фундаментальным принципом всякого управления, в том числе политического управления. У истоков этой теории стоит Н. Винер [52].

Л. А. Петрушенко под управлением посредством обратной связи в сфере кибернетики понимает как «связь между управляемыми и управляющими для передачи осведомительной (или контролируемой) информации от управляемого устройства к управляющему и вместе с тем один из элементов управления обратной связью» [275, с. 28.].

О. Н. Шабров принцип обратной связи рассматривает как важнейший элемент в механизме политического управления. Научный аппарат кибернетической науки он применил для создания так называемой политической кибернетики, в которой особая роль принадлежит политической обратной связи [413; 415]. По мнению этого авторитетного политолога, применение системно-кибернетического подхода к анализу политических явлений «отвечает представлению о демократии как норме политической организации общества в связи с акцентуацией принципа обратной связи... В политическом управлении обратная связь выступает как контроль “снизу” за субъектом политического управления... и расширение сферы влияния... партий, групп интересов, независимых СМИ... на органы политической власти». Применительно к политике «процесс институционализации обратной связи» можно рассматривать как важнейший показатель уровня политического и демократического развития общества [413].

Элементами обратной связи являются технические средства связи всех видов – телефон, электронная почта и так далее; мониторинг средств массовой информации, освещающих определенные темы; мониторинг общественного мнения, его изучение и анализ; обращения и отклики; а так же диалоговые разновидности обратной связи: публичные дебаты, дискуссии и обсуждения

интересующих вопросов (сюда же можно отнести всевозможные «круглые столы», конференции и т. п.); личный прием граждан представителями властных структур; обращения к органам власти и управления, и многое другое. Обратная связь предполагает наличие двух взаимопереплетенных аспектов: управленческого и коммуникативного.

Однако не стоит смешивать между собой понятия обратная связь и диалог [126]. Не всякая обратная связь есть диалог. Однако всякий диалог подразумевает наличие обратной связи. В том числе политической обратной связи, как в государственном политическом управлении, так и в диалоге государства и гражданского общества.

Обратная связь в политическом управлении со стороны государства предполагает получение необходимой информации для более эффективного его воздействия как субъекта управления на управляемый объект. Здесь обратная связь выступает в виде контроля над действиями со стороны объекта управления в ответ на какое-либо сообщение, действие или событие, предпринятое субъектом управления. В рамках теории коммуникации такая обратная связь является реакцией получателя (адресата, реципиента) на информацию, поступившую от источника (адресанта, коммуникатора).

Механизмы обратной связи субъекта и объекта позволяют власти контролировать, как то или иное сообщение воспринято принимающей стороной, правильно ли интерпретирована информация и предприняты ли в ответ на это какие-то действия. Обратная связь позволяет власти выяснять общественное мнение, узнавать позицию людей и социальных групп на различные общественные, социально-экономические или политические события, отслеживать тенденции, настроения и ожидания в обществе, прогнозируя дальнейшее развитие ситуации.

В диалоговой коммуникации обратная связь постоянно циркулирует от одного субъекта диалога к другому, позволяя его участникам не только испытывать информационное воздействие на себе, но и самому, в процессе продолжающейся интеракции,

в свою очередь воздействовать на другого субъекта (партнера, оппонента) по коммуникации. Это и есть диалогическое взаимодействие субъектов (государства и общества) коммуникации, а не монологическое субъект-объектное воздействие власти на социум и прямое управление обществом. Репертуар коммуникативных ролей субъектов диалога строго не зафиксирован и позволяет его участникам производить смену позиций с активной на пассивную и наоборот.

В коммуникативном равенстве ролей заключается главный демократический принцип диалога государства и гражданского общества. Конечно, по своей сути политика – это борьба за доминирование, соперничество, состязание за власть. Однако диалог с участием государства и гражданского общества имеет институциональные ограничения, правила организации и проведения, с которым должны считаться все участники коммуникации. Поэтому политическое неравенство субъектов диалога, объективно существующее в социально стратифицированном обществе, преодолевается (должно преодолеваться) благодаря писанным и неписанным нормам и принципам институционального диалога, его регламенту и официальному модератору, следящему за соблюдением симметрии со стороны всех участников интеракции.

Диалог государства и гражданского общества, хотя и содержит в себе управленческие элементы, но не сводится к одностороннему управлению гражданским обществом со стороны государства. Государство принимает законы, на основе которых функционируют институты и организации гражданского общества. Но и гражданское общество через свои институты воздействует на государство в ходе общественного диалога с властью, понимаемого предельно широко. Здесь на первый план выходит не столько управленческий аспект политической обратной связи, сколько ее коммуникативно-дискурсивный аспект в духе политической философии Ю. Хабермаса [397, 398]. Благодаря этому диалогическая обратная связь выступает в качестве механизма согласования интересов, достижения консенсуса и компромисса.

И положительная и отрицательная обратная связь являются результатом обратного воздействия гражданского общества на государство. Если отрицательная обратная связь в политической сфере общества проявляет себя как адекватная реакция его управляющей подсистемы (государства) на какие-либо общественно-политические события (митинги, забастовки, акции протеста или гражданского неповиновения) и выражается в политической трансформации режима, реформировании политической системы, изменении законодательства и т. д., то положительная обратная связь ведет к еще большей политической конфронтации, углублению конфликта, расколу общества и ставит под угрозу само существование и дальнейшее функционирование всей социально-политической системы.

Если отрицательная обратная связь требует политической модернизации в сфере политической интеракции государства и гражданского общества и оперативного разрешения назревших проблем, то результатом положительной политической обратной связи может стать полная деструкция и разрушение государства как ядра политической системы общества. Обратные импульсы, идущие от общества к государству, могут восприниматься и разрешаться властью в ходе диалога с социумом. Это будет проявлением отрицательной связи. Отсутствие диалога ведет к углублению кризисных явлений и нарастанию признаков положительной связи «до тех пор, пока система не разрушится либо не включатся механизмы, обеспечивающие отрицательную обратную связь». Если отрицательная обратная связь ведет к обновлению и стабилизации социально-политической системы, то отрицательная провоцирует ее разрушение.

«Ярким примером проявления отрицательной обратной связи на национальном уровне является такой общественный феномен, как Оранжевая революция в 2004 году, – пишет И. М. Милосердина, политолог из Украины. – Можно сказать, что именно в этот момент общество попыталось продемонстрировать способность разрешения проблемы толерантным путем, без применения силы. (Если же данная попытка все же

перешла бы в открытое столкновение, можно было бы говорить о проявлении положительной обратной связи, и в таком случае произошла бы деструкция существующей системы.)» [216]. К сожалению, события конца 2013 – начала 2014 годов в Украине выявили и наличие положительной обратной связи в коммуникации украинского гражданского общества и государственной власти, результатом чего стали нарастание конфликтности, насилие, беспорядки и жертвы с обеих сторон ставшего предельно конфликтотенным диалога власти и оппозиции.

Подводя итог, необходимо отметить, что в условиях политической модернизации политической системы российского общества и нарастания волны политической активности «особенно важным становится институт обратной связи, позволяющей власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов, производить коррекцию управленческих решений, канализировать накопившееся общественное напряжение». Именно поэтому «одна из первостепенных задач трансформации политической системы в интересах инновационного развития – реанимация эффективной обратной связи» [229, с 92.]. Магистральный путь для «реанимации обратной связи», а вместе с ней и модернизации политической системы современной России – процесс институционализация диалога государства и гражданского общества.

Г л а в а 2

Теоретико-методологические основания институционализации диалога государства и гражданского общества

2.1. Институциональная теория: социальные и политические институты

Институционализм в настоящее время является одним из ведущих направлений научной мысли, которое объединяет учёных, изучающих любую систему (государственно-правовую, экономическую, социологическую, политическую и т. д.) в развитии, во взаимодействии с социальными, политическими, правовыми, психологическими и другими общественными институтами. Проблематика формирования институциональных механизмов диалоговой коммуникации государства и гражданского общества базируется на теории и практике их взаимодействия как институтов и рассматривается в рамках междисциплинарных подходов в сфере политологии, социологии, социальной философии, государствоведения и права, политической лингвистики (лингвополитологии), коммуникативистики, конфликтологии, социальной психологии, культурологии, медиавистики, социального управления, пиарологии и т. д.

В то же время в современных социальных науках существует довольно пестрая картина в определении таких фундаментальных

понятий институциональной теории как «институт» и «институционализация». В политологии и смежных с ней науках и дисциплинах имеется огромное количество работ о том, как появляются институты, как они функционируют, как они сохраняют стабильность, как трансформируются и, наконец, деинституционализируются и исчезают. Как внутри этих дисциплин, так и между ними «нет единства даже по самым существенным аспектам процесса институционализации и существования институтов» [119, с. 231]. К примеру, в одном случае под институтами понимаются специально созданные законы и формализованные правила, в другом – совокупность социальных норм, в третьем – стихийно формирующиеся неформальные практики, ограничения и привычки, в четвертом случае происходит отождествление организаций и институтов. Поэтому, даже не смотря на множество публикаций, связанных с анализом взаимодействия и различных аспектов коммуникации государства и гражданского общества, до настоящего времени остаются не исследованы, как проблемы самого диалога государства и гражданского общества, «так и формирования институциональных механизмов диалоговой интеракции власти и социума» [123, с. 13].

Рассматривать институт как организацию или группу людей с их статусами и ролями было присуще еще доперестроечной советской социологии. Трактовка института как организации, действующей в рамках договоренностей и регламентов, по-прежнему характерна и для работ некоторых современных российских политологов [1, с. 54]. В научной литературе существует широкий спектр подходов к политическим институтам. В зависимости от ориентации авторов социальные и политические институты предстают и как организации, и как моральные нормы, и как законодательно закрепленные правила деятельности, и как неформальные регуляторы поведения, и как ценности, и как идеологические убеждения и политические принципы. Таков далеко не полный перечень коннотаций понятия «институт», встречающихся в новейшей литературе по институционализму.

Современные исследователи-политологи в связи с этим вполне резонно отмечают, что «в научном сообществе отсутствует единство в трактовке категории “политический институт”, с которой неразрывно связана политическая институционализация» [1, с. 53]. Парадоксально, но факт: ряд авторов и вовсе рассуждают о невозможности дать однозначное, четкое и ясное определение понятия «институт». По их мнению, в вопросе «об определении института легче найти ответ, что институтом не является, чем выработать адекватное определение институту» [118].

«Старый» институционализм занимался изучением строго формализованных и юридически закрепленных институтов, их внутренних элементов в рамках описательно-индуктивного подхода к формальной структуре, правилам, процедурам и организациям. В соответствии с данной классической парадигмой, институты – это формализованные соглашения между индивидами и социальными группами. А взаимодействие между ними или внутри всего общества «регулируется применением четко определенных правил и процессом принятия решений и подкрепленным полномочиями одного лица или группы лиц, формально обладающих властью» [530, с. 405].

В первом российском энциклопедическом словаре «Политология» в соответствии с этой традицией зафиксировано, что политические институты – это «политические учреждения с организованной структурой, централизованным управлением, исполнительным аппаратом», а также учреждения и структуры, выполняющие политико-управленческие функции. А институционализация рассматривается как превращение «какого-либо политического явления или движения в организованное учреждение, формализованный, управленческий процесс с... признаками организации» [150, с. 122]. Даже такой известный американский политолог как Р. Даль в работе «О демократии» отмечает, что институты предполагают организации, рассчитанные на длительный период, передаваемые из поколения в поколение, «как бы по наследству» [99, с. 83]. Естественно, что такой «жестко-институциональный» процесс оставляет за пределом тонкой грани

отнесения к институциональным политическим явлениям целый ряд феноменов, в том числе и многие коммуникативные процессы, включая диалог власти с гражданским обществом.

Понятие «институт» в теории социальной системы Т. Парсонса определяется двояко. Институты, во-первых, – это нормативные модели образа действия и взаимодействия, а, во-вторых, – комплекс образцовых элементов ролевых ожиданий. Социальная система у Т. Парсонса предстает в качестве структуры статусно-ролевых отношений между участниками коммуникации и интрасубъективного взаимодействия [124; 129].

Структурный институционализм или системный анализ институтов, основы которого были заложены Т. Парсонсом, рассматривает общество, государство и другие социально-политические институты не как сумму или механическую совокупность различных элементов, а как специфические системы [270]. Структурный институционализм, хотя и является модифицированным вариантом традиционного институционализма, акцентирует внимание на влиянии, оказываемом политическими институтами на политические процессы и отношения.

Структурный институционализм Т. Парсонса, Р. Мертона, Н. Лумана и других представителей данного направления строится на основе выделения в социальной системе ее структурных элементов. Н. Луман говорит о социальной системе, как смысловой системе, элементами которой являются коммуникации [211]. В коммуникации, как минимум, участвуют двое, а самой обширной коммуникационной системой является мировое общество, которое выступает как предельная возможность повсеместного социального взаимодействия.

В рамках структурно-функциональной традиции анализа массовой коммуникации работали такие известные специалисты, как, например, Г. Лассуэлл, К. Шеннон, В. Уивер, Б. Уэтли и М. Мак-Лиэн, П. Лазарсфельд, Дж. Грюниг [120, с. 84–88] и др. Они создали ставшие впоследствии классическими коммуникативные модели, открывающие природу и механизм действия акторов коммуникативных процессов. На этой основе была

разработана новая модель коммуникации, которая особое внимание обратила на существование обратной связи между участниками коммуникативного процесса и необходимости установления двухстороннего информационного обмена на основе субъект-субъектного или интересубъективного взаимодействия [126, с. 138–142].

Эти и другие структурно-функциональные аспекты массовой коммуникации способствовали переходу от монологических форм интеракции государства и гражданского общества к симметричному диалогическому взаимодействию между ними [119; 125]. Поэтому структурный институционализм является для нас важной методологической предпосылкой, позволяющей использовать данную теорию в рамках исследования институционального дизайна и двухсторонней коммуникации государства и гражданского общества на основе рассмотрения структуры и функций институционализирующегося в новейших дискурсивных практиках диалога государства и гражданского общества. С данным обстоятельством неразрывно связана траектория структурно-функциональных изменений и институциональная реконфигурация коммуникативной и управляющей подсистем в политической системе современного российского общества.

2.2. Неоинституционализм в политической науке

Классический институционализм использовал описательно-индуктивный подход к политико-правовым нормам, формализованной структуре и задачам системы государственной власти. Появление нового институционализма (неоинституционализма) было связано со стремлением восстановить связь между теоретическими положениями и реальностью, признать посредническую роль институтов в оформлении политического поведения.

Неоинституциональный подход в политической науке возник в результате обращения исследователей к достижениям других научных дисциплин, что породило *экономический* (или институционализм рационального выбора), *социологический*

(в нормативном и когнитивном вариантах), *исторический* институционализм. К классическим работам, заложившим основы различных направлений и исследовательских традиций в рамках нового институционализма, стоит отнести труды Д. Г. Марча и Й. Ольсена, Р. Гудина, К. Шепсла, Б. Вейнгаста, П. Ди Маджио и У. Пауэлла, Дж. Найта, Д. Норта, Э. Остром, П. Холла и Р. Тейлора.

В российской политической науке утверждение нового институционализма связано, в первую очередь, с деятельностью Исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки (РАПН) по институциональным исследованиям и работами таких авторов, как С. В. Патрушев, П. В. Панов, А. Д. Хлопин, Г. Л. Кертман, Т. В. Павлова. На методологических основах неоинституционализма созданы труды отечественных ученых А. А. Аузана, О. Э. Бессоновой, С. Г. Кирдиной, А. Т. Конькова, В. С. Лисина, К. Э. Яновского, В. А. Мау, Р. М. Нуреева, А. Олейника, С. Г. Айвазова, В. В. Радаева, В. Л. Тамбовцева и др., посвященные анализу формирования и развития институтов, институциональных преобразований в политической, экономической и социальных сферах жизни современной России.

Новый институционализм, в отличие от прежнего, занимается не столько описанием политических институтов, сколько осмыслением процессов их практической деятельности. Благодаря этому институты, в том числе политические, стали рассматриваться как автономные акторы политического процесса. В 1984 году Дж. Марч и Й. Олсен дали такое определение институтов: «Институт есть относительно устойчивый набор правил и организованных практик, воплощённый в структурах значений и ресурсов, которые являются инвариантными по отношению к индивидам и устойчивыми перед специфическими предпочтениями и ожиданиями индивидов, и перед меняющимися внешними условиями» [562, р. 3].

Для большинства современных исследователей политические институты это «правила игры», которые подразделяются на «формальные» и «неформальные» [340, с. 160]. Такой подход соответствует фундаментальному и общепризнанному определению

нию института, данного Д. Нортом: «Институты – это “правила игры” в обществе, или... ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения... являются ключом к пониманию исторических перемен» [245, с. 17]. При этом Д. Норт, исходя из своего предельно широкого определения института, утверждал, что организации и институты не тождественны друг другу. Ведь по его аналогии с игрой организации – это «игроки» (субъекты, акторы, агенты), в то время как институты – это формальные и неформальные нормы, ограничения, процедуры и правила.

На основе этих правил, то есть институтов осуществляется социальное и политическое взаимодействие, коммуникация, диалог государства и гражданского общества или «игра». Развивая метафору «игры», Д. Норт пишет: «Цель команды, которая действует по этим правилам – выиграть игру, сочетая умение, стратегию и взаимодействие игроков, пользуясь честными приемами, а иногда – и нечестными» [245, с. 19]. Из этого вытекает, что организация и институт – это две различные структуры. Институты формируют коридор возможностей и определяют правовые, социальные и политические рамки, в пределах которых осуществляется практическая деятельность, взаимодействие, коммуникация и диалог. Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что организация, по Д. Норту состоит из граждан, индивидов и отдельных физических лиц, «а институты как ограничительные рамки не могут состоять из людей» [1, с. 54].

Современный российский политолог П. В. Панов, ссылаясь на Д. Норту, утверждает, что «под «институтом» понимаются «правила игры» в обществе или «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимодействие между людьми». Главная функция институтов – уменьшение неопределенности... снижение транзакционных издержек» [269, с. 58–59]. При этом П. В. Панов подразделяет институты на две группы – формальные

и неформальные. Под первыми он подразумевает правовые нормы, регламентирующие и регулирующие политический процесс, под вторыми – неформальные политические обычаи, традиции, процедуры, ставшие институтами в результате взаимных договоренностей и соглашений [269, с. 59]. Неформальные политические институты, по утверждению немецких авторов В. Меркель и А. Круассан, могут возникать «на основе регулярных взаимодействий между индивидуальными, коллективными или корпоративными акторами без обязательного формального правового предписания» [227, с. 20].

В отличие от традиционного («старого») институционализма, неинституционализм акцентирует внимание на неформальных институциональных аспектах. Неинституционалисты, в отличие от представителей классического институционализма, изучают не только государственные органы власти и нормы законодательства. Их интересуют все государственные и социетальные институты, которые формируют способы выражения политическими акторами своих интересов и структурирования их отношений по поводу власти во взаимодействии государства и с другими негосударственными агентами политического процесса.

По мнению Б. Ротстайна, «если ограничить определение институциональных правил лишь формальными, то появляется риск упустить из виду многочисленные, но, тем не менее, присущие любой политической организации, неформализованные, но, тем не менее, “само собой разумеющиеся” правила, которые детерминируют политическое поведение» [340, с. 161]. Такая методология позволяет, на взгляд автора, рассматривать диалог государства и гражданского общества в плоскости неинституциональной парадигмы, как процесс институционализации и формального закрепления неформальных и спорадически возникающих диалогических практик.

Неинституционализм, как и «просто институционализм» не является единой теорией. Он так же очень неоднороден. А в его рамках возникли и получили развитие разные подходы и концепции, которые с различных методологических позиций рассматривают многообразный круг проблем. Так, согласно точке зрения профессора Питсбургского университета из США Б. Г. Питерса,

существует несколько разновидностей нового институционализма. В качестве одной из ветвей политического неоинституционализма он выделяет «социальный институционализм». [278, с. 225–226]. Дело в том, что практически «все разновидности институционализма сосредоточили свой интерес на изучении структур государственного сектора» [278, с. 220]. Этот пробел, по мнению Б. Питерса, призван ликвидировать социальный институционализм.

Операциональными категориями для анализа политических систем, кроме институтов, в неоинституционализме признаются акторы, ресурсы и стратегии. «Акторы определяются как те субъекты политической деятельности и политического процесса, которые обладают достаточным потенциалом влияния на принятие властных решений, способны к осознанному целеполаганию и конструированию стратегий своего действия» [183, с. 210]. Политические акторы – это не только представители государственных и муниципальных органов власти, но и гражданского общества. При всех противоречиях институционалисты едины в своих базовых подходах: институты определяют политическое развитие; они обеспечивают регулярность и предсказуемость поведения; институты определяют выбор альтернатив политических проектов; институты создаются индивидами, но на них интерактивно влияет общество [183, с. 215].

«Институциональный анализ можно применять при изучении взаимоотношений между государством и обществом так же, как и институтов собственно государственного сектора, – пишет Б. Питерс, – ...некоторые из наиболее важных видов отношений между государством и обществом... вполне уместно классифицировать как структурные и институциональные» [278, с. 223]. Такой подход американский политолог называет социальным институционализмом. По его мнению, институциональная методология и терминология помогут социальному институционализму обнаружить «наличие стабильных моделей взаимодействия с государственным сектором» со стороны «групп интересов в современных обществах» в их отношениях с правительством, а также наличие взаимодействий «между группами частного сектора» [278, с. 224, 225].

Применение неoinституциональной методологии для описания, изучения и осмысления существующих практик взаимодействия, коммуникации и диалога между группами частного, то есть негосударственного, самоуправляемого общественного сектора, а также коммуникации между этими группами и государственным сектором – вот главное, чем привлек наше внимание социальный институционализм. В связи с этим Б. Питерс отмечает: «Применение мощных аналитических средств для описания этих связей еще более увеличивает значение такого варианта институционального анализа» [278, с. 225]. В том числе и изучения различных социальных практик на основе самоорганизации, самоуправления, социальной ответственности, сотрудничества, гражданской активности, проявляющихся посредством солидарности, горизонтальных неиерархических коммуникаций и интерсубъектный дискурс организаций гражданского общества. Тем более что ряд интеракций государства и гражданского общества, включая их диалоговую коммуникацию, имеет стабильный повторяющийся характер взаимодействия, на который неoinституционализм, в отличие от прежнего институционализма, обращает весьма серьезное внимание.

Что же собой представляют институты гражданского общества? В самом общем виде институты гражданского общества это «совокупность норм и правил (как формальных, так и неформальных), структурирующих взаимодействие между организациями гражданского общества и государством», а также коммуникацию между «третьим сектором», бизнесом («вторым сектором») и индивидами [350, с. 143]. Институт гражданского общества предполагает политическую и экономическую независимость, как от государства, так и бизнеса. Институт гражданского общества создается не по какому-либо указанию или команде, а возникает исключительно в силу объективно существующей общественной потребности, и функционирует на основе добровольности и равноправия индивидов, объединившихся «для достижения общих целей, связанных, в том числе с возможностью оказывать влияние на принятие управленческих решений» [404, с. 83].

Институт гражданского общества – это не только общественная организация или объединение граждан, но еще и различные процессы и процедуры взаимодействия, в том числе между институтами гражданского общества и политическими институтами, властью и государством. К институтам гражданского общества относятся, в большей или же в меньшей степени, институционализированные практики, способы, нормы и правила, по которым институты гражданского общества взаимодействуют как между собой, так и с государством и бизнесом, согласовывая и лоббируя в процессе этой коммуникации разнонаправленные интересы, договариваясь друг с другом, кооперируясь, координируя, конфликтуя, конкурируя и осуществляя совместную деятельность.

Субъекты подобного взаимодействия в процессе институционализации интересубъективных практик становятся институциональными субъектами, то есть носителями определенных официально закрепленных или же нет, норм и правил процесса согласования взаимодействий, налагающего определенные ограничения на поведение субъектов хабиитуализированной интеракции [128, с. 249–258].

Современные исследователи единодушно обращают внимание на то, что интеракция государства и гражданского общества приобрела достаточно четкие признаки институционального взаимодействия [244 с. 69–78; 209, с. 22–25; 149]. Это же относится и к институционализации взаимодействия власти и общественных объединений граждан, основанное на установлении взаимного доверия [144]. К таким институтам гражданского общества, возникшим в процессе взаимодействия с государством и последующей институционализации, исследователи относят целую группу социально-политических институтов: институт обращений граждан [97; 283; 294]; институт общественной экспертизы [42; 360]; институт общественных [69] и публичных слушаний [187; 263; 352]; институт коллективного договора [21; 147]; институт социального партнерства [90; 169; 258; 259; 348; 498] и институт межсекторного взаимодействия [110]; институт согласования интересов [163; 164]; институт общественно-гражданского [11; 41; 81; 351] и гражданского [161; 176; 349; 400; 429] контроля; институт общественного участия [165; 424] и др.

Политологи и социологи пишут о процессах институционализации социальных сетей в публичной политике [232], а также об институционализации политического дискурса [274], толерантности [177], обратной связи в российской политической системе [372], связей с общественностью [75; 332; 355] и даже о институционализации «черного PR» в качестве института гражданского общества [210]. Более того, в качестве одного из институтов общества рассматривается философский диспут в тибетском буддизме [23].

Институционализация диалога государства и гражданского общества вполне укладывается в логику социокоммуникативных подходов данной группы авторов. Проблему институционализации диалога государства и гражданского общества ставили и некоторые российские авторы*. Однако сколько-нибудь после-

* См.: *Игнатьев Н. П.* Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России: проблемы, перспективы // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 1. С. 131–140; *Асвацатурова М. А.* Общественный диалог в системе институтов гражданского общества в полиэтничном регионе // Проблемы становления гражданского общества на юге России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 апреля 2005 г.). Ставрополь, 2005. С. 310–316; *Кулинченко А. В.* О современных формах взаимодействия гражданского общества и государства (к вопросу о развитии новых форм институционализации общественного диалога в современной России) // Без темы. 2007. № 1 (3). С. 90–98; *Грязнова А. Г.* Диалог между обществом и властью нуждается в современных формах институционализации // Роль государства и гражданского общества в развитии человеческого потенциала и обеспечении рационального использования природных ресурсов России: сб. материалов. Стенограмма заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ 10 октября 2006 года. – С. 73–82. URL: <http://www.ecopolicy.ru/upload/File/FCouncil.pdf>; *Мурзина И. А.* Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России // Университетское образование: сб. статей 16-й междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 6–7 апреля 2011 г.) / под ред. В. И. Волчихина, Р. М. Печерской. Пенза, 2011. С. 325–327; *Шикина Т. С.* Динамика институционализации диалога // Регионология. 2011. № 3; *Михеев В.* Институционализация диалога власти и общества: реалии и перспективы / В. Михеев, А. Иванова // Государственная служба. 2012. № 3 (май – июнь). С. 70–74; *Велиева Д. С.* Институциональные основы социального диалога в конституционно-правовом пространстве // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: материалы общерос. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной Всемирному дню прав человека, 2–3 декабря 2011 г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 64–74.

довательного развития высказанных ими «пожеланий» о необходимости, желательности и полезности этого процесса в дальнейшем теоретизировании так и не появилось.

2.3. Институционализация как процесс

Институционализация (*англ.* institutionalization; *нем.* Institutionalisierung) – это относительно длительный процесс возникновения, образования и адаптации в обществе устойчивых форм, образцов и моделей социального взаимодействия, общения, поведения и социальных отношений, закрепляемых как формально, так и, с точки зрения неоинституциональной теории, – неформально. С. Хантингтону, которого в западной литературе называют «отцом» понятия институционализации, принадлежит ее классическое определение: «Институционализация – это процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» [399, с. 32].

По С. Хантингтону, «институты – это устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения [399, с. 32]. При этом институты – это не только организации, но еще и «процедуры, которые могут обладать различным уровнем институционализации» [399, с. 32]. Для того чтобы уровень институционализации считался высоким, формы поведения людей в обществе должны обрести устойчивость, воспроизводимость и значимость. Исходя из этого, институционализацию принято считать процессом или, точнее, совокупностью процессов, продолжающихся в течение относительно длительного отрезка времени.

Таким образом, институционализация – это не только «процесс, а также результат процесса, в котором социальные действия становятся упорядоченными в особые социально-структурные особенности». Итогом процесса институционализации является формирование новых социальных институтов, то есть установленного порядка «правил и стандартизованных моделей поведения» [40, с. 248]. При этом термин «институционализация» в институциональной политологии рассматривается двояко:

во-первых, как учреждение, создание, формирование новых институтов; во-вторых, как закрепление, укоренение и стабилизация уже существующих институтов. То есть институционализация трактуется одновременно и как учреждение, и как укоренение институтов.

Вместе с тем в литературе встречается трактовка институционализации в парсоновском духе как структуры, когда она рассматривается как координация и субординация элементов общества, представляющего собой систему институтов. Под институционализацией диалога государства и гражданского общества мы понимаем официальное, в том числе юридическое, закрепление этой процедуры в социальной и политической практике общества, ее опривычивание, легитимацию. Ведь «институционализация – это замена спонтанного и экспериментального поведения на предсказуемое поведение, которое ожидается, моделируется, регулируется» [395, с. 224]. Процесс институционализации, то есть образования нового социального института, как полагает С. С. Фролов, состоит из нескольких последовательных этапов:

1. Возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных действий.
2. Формирование общих, в том числе теоретико-методологических и практических, идей.
3. Появление спонтанно формирующихся социальных норм и правил.
4. Возникновение соответствующих формирующимся нормам и правилам процедур.
5. Институционализация этих норм, правил и процедур.
6. Установление ограничений и санкций для поддержания сложившихся норм и правил.
7. Создание системы статусов и ролей в рамках данного социального института.

Финалом процесса институционализации «можно считать создание в соответствии с нормами и правилами четкой статусно-ролевой структуры».

Институционализация у П. Бергера и Т. Лукмана выступает как процесс возникновения, установления и передачи социального порядка. В этом процессе присутствуют три последовательных этапа: типизация, объективация и легитимация. Необходимым условием типизации или процесса возникновения институтов является хабитуализация [33, с. 32]. Хабитуализация, то есть опривычивание (*англ.* habitual – опривычивание) предшествует появлению института, но именно типизация является началом появления нового института. При этом институт определяется П. Бергером и Т. Лукманом как «взаимная типизация опривыченных действий» [33, с. 92.].

Второй этап институционализации – объективация – предполагает превращение института в объективную социальную реальность. Третий этап институционализации – это легитимация, или оправдание существующего социального порядка, расширение его за пределы жизни одного поколения. «Легитимация, – как пишут П. Бергер и Н. Лукман, – создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам» [33, с. 53]. Таким образом, мы можем сказать, что П. Бергер и Н. Лукман рассматривают институционализацию как относительно длительный динамический процесс, имеющий ряд стадий и возникающий тогда, когда определенная социальная или политическая потребность начинает осознаваться как общесоциальная, а не как частная или партикулярная.

Оригинальную концепцию институционализации предложил российский экономист О. В. Иншаков, который разделяет такие понятия как «институция» и «институт». В соответствии с логикой этого автора процесс институционализации или возникновения институтов можно представить следующей схемой: социальные (политические) практики – институции – институты или комплексы однородных институций, имеющие отчетливо выраженную структуру, функции и систему специализированных органов [409].

Иную позицию занимает О. И. Зазнаев. По его мнению, в современной политологии термин «институционализация» рассматривается двояко: «во-первых, как учреждение, создание,

формирование новых институтов (например, создание множества партий и появление многопартийной системы); во-вторых, как закрепление, укоренение и стабилизация уже существующих институтов (например, многопартийная система становится необходимым элементом политической системы и партийная конкуренция рассматривается обществом как благо)» [138, с. 70]. Как промежуточный вариант – это трактовка процесса институционализации одновременно и как создание нового института, и как его укоренение. При этом институционализация обязательно рассматривается как относительно длительный процесс, результатом которого является появление нового института. Благодаря процессу институционализации «организации и процедуры приобретают новые качества, позволяющие считать их институтами» [138, с. 70].

О. А. Зазнаев, детально рассмотрев и проанализировав существующие в зарубежной и отечественной политической науке подходы к определению политической институционализации, в самом конце своего экскурса вынужден был констатировать: «Вопрос о том, что такое политическая институционализация, остается открытым» [138, с. 73].

2.4. Дискурсивный институционализм

В. Шмидт из Бостонского университета в США предлагает дополнить неoinституционализм еще одним направлением, который был назван ею «дискурсивным институционализмом». При этом речь идет не о дискурсивном анализе, а именно о дискурсивном институционализме. В. Шмидт выделяет три важнейшие направления в неoinституциональной теории: институционализм рационального выбора (RI), исторический институционализм (HI) и социологический институционализм (SI). Четвертой разновидностью неoinституционализма она называет дискурсивный институционализм (DI).

Если «три старейших» направления неoinституционализма углубляются в сферу институциональных ограничений, то

дискурсивный институционализм обращен к смысловым структурам, мышлению и речи. Как и другие ветви неоинституционализма, дискурсивный институционализм акцентирует внимание на институтах. Без дискурса, понимаемого как обмен идеями, по мнению В. Шмидт, «очень трудно объяснить, как происходит переход идей от индивидуальной мысли к коллективным действиям» [555, р. 15]. И вообще, каким образом можно объяснить «действия без артикуляции, дискуссии, обсуждения, и легитимизация представлений» о предполагаемых или уже осуществленных действиях.

Подход к дискурсивному институционализму В. Шмидт базируется на когнитивно-нормативном подходе. В соответствии с этой идеей, которые являются ключевым фактором изменений, могут быть двух видов: когнитивными (технических решений) и нормативными (какие решения должны быть приняты). Легитимизация идей осуществляется в публичной сфере путем дискурса. Дискурс это интерактивный процесс передачи идей. Он осуществляется в двух основных формах: в виде координационного дискурса среди политических структур и в виде коммуникативного дискурса между политическими деятелями и общественностью (публикой) [556, р. 303–326].

Как утверждает В. Шмидт, термин «дискурсивный институционализм» выступает в качестве своеобразного зонтичного концепта для достаточно широкого круга авторов, концентрирующих свое внимание на интерактивном дискурсе, в производстве которого участвуют политические институты и который выступает генератором идей и коммуникатором, доносящим идеи до публики. Дискурсивный институционализм акцентирует внимание на влиянии идеологий, идей и дискурсов на экономических агентов, политические институты и отношения общества к власти. Причину институциональных изменений дискурсивный институционализм видит в тех или иных идеологических представлениях о власти, консенсусе и свободе.

Дискурсивный институционализм рассматривает В. Шмидт как идейный контент и публичные репрезентации политического

дискурса в соответствии с «логикой коммуникации» [555, р. 47]. Дискурсивный институционализм эндогенен. Дело в том, что, в отличие от трех других ответвлений институционализма, институциональные изменения он объясняет внутренними причинами. При этом еще и демонстрирует, как идеи различных политических акторов в процессе их циркуляции, коммуникации, дискурсивного взаимодействия и обсуждения в ходе делиберативного диалога конструируют и осуществляют свой стратегический выбор.

К примеру, в отличие от дискурсивного институционализма, исторический институционализм ограничивает объяснение институциональных изменений лишь только внешними, то есть экзогенными причинами, принимая уже предложенные направления действия и наблюдая их в исторической перспективе. «Иначе говоря, институты, занимающиеся дискурсивными практиками, являются не внешними структурами по отношению к коммуникации идей, а в значительной степени сами трансформируются под влиянием дискурсивной идейной коммуникации, – пишет по этому поводу российский дискурсолог О. Ф. Русакова. – Каким образом идеи генерируются политическими акторами, как они проникают в публичную сферу посредством дискурса – вот ключ к объяснению институциональных изменений» [346, с. 256].

Считая исторический институционализм, равно как и два других течения в неоинституционализме, родственными дискурсивному институционализму, В. Шмидт упрекает его в том, что исторический институционализм до сих не обращал достаточного внимания на идеи, убеждения и процессы их артикуляции и циркуляции в обществе. В результате политические и идеологические дискурсы оказались вне поля зрения исторического институционализма. В рамках дискурсивного подхода институциональные изменения происходят на основании столкновения дискурсов, в ходе которого генерируются новые смыслы и конституируются субъекты, обновляющие институциональный контекст. Находясь в пределах заданного дискурса, агенты могут как воспроизводить существующие институты и отношения, так и изменять их [556, р. 315–316].

По мнению В. Шмидт, дискурсивный и исторический институционализм в значительной степени дополняют друг друга. Дискурсивный институционализм может помочь своему собрату «в объяснении динамики изменений в выявленных историческим институциональным исследованием структурах через логику коммуникаций между акторами, основанную на смыслах (meaning-based logic of communication), а второй может быть полезен первому при объяснении закономерностей, происходящих в зависимости от пройденного пути в идеях и дискурсе в различных институциональных контекстах» [117, с. 40]. Российский политолог С. В. Патрушев, специализирующийся на политическом институционализме, фактически солидаризируется с подходом, предложенным В. Шмидт, утверждая, что неоинституционализм, в первую очередь исторический институционализм, действительно должен быть дополнен «сосредоточенным на идеях дискурсивным подходом» [268, с. 145]. А известный российский экономист В. М. Ефимов, глубоко проникнувшийся идеями дискурсивного институционализма, предлагает вернуть дисциплину институциональной экономики на гуманистические позиции» и строить не только дискурсивную (делиберативную) демократию, но еще и «дискурсивную экономику» [117].

В. Шмидт выделяет координационный дискурс и коммуникативный дискурс. При этом проблематика дискурсивного институционализма перекликается с концептом моделью делиберативной демократии, субстанцией которой является делиберативный диалог. «Делиберативная демократия считается лучшей формой принятия решений, – пишет В. Шмидт, – поскольку открытый диалог может разблокировать неиспользованные знания, генерировать новые практики и ноу-хау, осуществить качественную аргументацию для большей легитимизации политики, а также создать новую, более крепкую взаимоотношения между сторонами в процессе совместного обсуждения» [555, р. 18.]

При этом следует иметь в виду, что такие понятия как дискурс, делибератия и диалог очень близки друг к другу. К примеру, в версии делиберативной демократии, предложенной

Дж. Драйзеком, она предстает как дискурсивная демократия [498]. А такое понятие современной политической науки, как политический дискурс, начиная с Ю. Хабермаса, истолковывается, в том числе и российскими учеными (А. В. Дука [114, с. 92], Л. Н. Тимофеева [381, с. 3; 382, с. 321], О. Ф. Русакова [347, с. 37] и др.), как диалог в сфере политики, включая диалог власти и оппозиции, гражданского общества и государства.

2.5. Диалогическая демократия и процесс институционализации диалога государства и гражданского общества

Идеи диалогической демократии разрабатывались Э. Гиденсом [506], М. Каллоном [459; 460], С. Лавеллем [527; 528], Б. Латуром [529] и другими зарубежными политологами, социологами и философами. В западноевропейской политической науке существует точка зрения, что в одном типологическом ряду современных моделей демократии наряду с демократией участия и делиберативной демократией, находится еще одна – демократия участия.

Демократия участия и делиберативная демократия построены на диалоге. Диалог, в том или ином виде, является их субстанциональной основой. С точки зрения П. Лавелля и его соавторов, модель диалогической демократии близка «к делиберативной демократии, хотя она иногда заимствует некоторые элементы демократии участия» [528, р. 4]. Делиберативная демократия и демократия участия в целом «входят в диалогическую модель» [528, р. 3] Они служат для того, «чтобы заполнить некоторые пробелы в диалогической модели» [528, р. 2].

Делиберативная и совещательные модели демократии, по сути дела, выступают лишь в «качестве дополнительной моделей» по отношению к диалогической демократии. Не отрицая наличия существенных отличий во всех этих трех моделях демократии, П. Лавелль настаивает на том, что делиберативная и патрисипаторная модели «принадлежат» к более широкой модели диало-

гической демократии. [528, р. 4]. При этом ни одна из этих трех моделей не замещает собой и не опровергает либеральную демократию, они лишь ее дополняют, модернизируют и, тем самым, адаптируют демократию к новым запросам со стороны общества.

Учитывая, что современная демократия институционализируется в лоне взаимодействия государства и гражданского общества, мы можем утверждать наличие тесной взаимосвязи институционализации диалога государства и гражданского общества с постепенным процессом становления диалогической демократии, в том числе и России. Правда, в отличие от западноевропейских коллег, российские политологи вплоть до настоящего времени еще так и не приступили к изучению диалогической модели демократии. Даже С. П. Поцелуев, детально рассмотрев роль политического диалога в коммуникативных теориях демократии, перебрав практически все теории, модели и формы демократии, так и не упомянул о существовании теории диалогической демократии [293; 294].

С нашей точки зрения, институционализация диалога государства и гражданского общества обуславливает и институционализацию диалогической демократии. И, наоборот, институционализация демократии (делиберативной, участия, диалога) объективно связана с институционализацией диалога государства и гражданского общества. При этом, вслед за Дж. Кином, под демократией мы понимаем «особый тип политической системы, в которой институты гражданского общества и государства имеют тенденцию функционировать как два необходимых элемента, как отдельные и одновременно стыкующиеся, разные и вместе с тем взаимозависимые, внутренние сочленения в системе, где власть... всегда может стать предметом публичного обсуждения, компромисса и соглашения» [178а, с. 20].

Определяющую роль гражданского общества в процессе институционализации демократии разделяют Дж. Коэн и Э. Арато, которые в своем фундаментальном исследовании гражданского общества в контексте политической теории заметили по этому поводу следующее: «Наш главный тезис состоит в том, что на уровне

гражданского общества демократия может идти гораздо дальше, чем на уровне политического и экономического сообществ, так как в первом координирующие механизмы коммуникативного взаимодействия имеют фундаментальный приоритет» [195, с. 526]. А для «институционального существования полностью развитого гражданского общества» с нормативной точки зрения необходимы два рода прав: во-первых, те, которые обеспечивают автономию личности, и, во-вторых, «те, что имеют дело со свободной коммуникацией» [195, с. 513].

Современная политическая наука так и не выработала универсального и общепринятого всем научным сообществом определения гражданского общества. Гражданское общество (*civil society*) представляет собой совокупность формальных и неформальных институтов, которые соединяет отдельного индивида или домохозяйство с государством (властью) и бизнесом (организациями частного сектора экономики). Основной функцией гражданского общества, как указывают А. Аузан и В. Тамбовцев, является представление интересов граждан путем их артикуляции и трансляции в процессе «переговоров» с органами государственной власти и/или бизнес-структурами [13, с. 29]. Эта информационная функции реализуются посредством увеличения переговорной силы индивида в его диалоге с государством (диалог государства и гражданского общества) и коммерческими организациями (социальный диалог) [13, с. 45]. Информационная функция организаций институтов гражданского общества так же «заключается в обеспечении действия двухстороннего канала передачи информации (выполнении роли «информационного посредника»)» между индивидами и органами государственной власти [350, с. 146], то есть в установлении и поддержании эффективного институционализированного диалога между государством и гражданским обществом.

По мнению А. Ю. Сунгурова, сущность гражданского общества проявляется именно в процессе коммуникации между государством и гражданином [380, с. 381]. Но его концепции гражданское общество понимается не просто как коммуникативный

процесс, а именно как диалог государства и гражданского общества. В связи с этим А. Ю. Сунгуров отмечает: «Мне кажется более разумным подход, в рамках которого гражданское общество можно представить себе как определенный тип коммуникационного процесса между государством и гражданином. Как показывает практика, такая коммуникация возможна лишь при дискурсивных, диалоговых отношениях между ее субъектами» [378, с. 16–17].

Коммуникативно-диалогового подхода к определению понятия и сущности гражданского общества придерживается целый ряд авторов, начиная от Ю. Хабермаса и вплоть до таких ведущих российских политологов как Ю. А. Красин, А. И. Соловьев, Л. И. Никовская и В. Н. Якимец, Л. Н. Тимофеева, К. С. Гаджиев, Т. З. Голенкова и многие другие.

Так, к примеру, П. Л. Карабушенко отмечает, что отсутствие диалога ведет не только к разрушению согласия, но еще и конфликту. «Гражданское общество, – по мнению этого автора, – это диалоговое отношение между властью и обществом. Когда его не получается, возникает множество конфликтов, по характеру которых мы можем судить о том, что в диалоге власти и общества имеется абсолютный монолог первой и молчание второго» [167, с. 58].

И. Кумкин утверждает, что «гражданское общество складывается там, где созрели предпосылки компромисса и толерантности, диалога и мировоззренческого плюрализма» [205, с. 356]. Гражданское общество по своей природе предрасположено «к диалогу, толерантности и компромиссу, а стало быть, и к утверждению гражданского согласия» [205, с. 361].

С точки зрения В. М. Межуева, общество становится гражданским в качестве не просто отделившегося от государства самостоятельного образования, но существующего наравне с ним особого социально-политического субъекта, «способного вступать с государством в отношения партнерства, диалога и даже, если необходимо, конфронтации при решении общественно важных дел» [226а]. Для В. С. Библера «гражданское общество –

форма общения работников... граждан, т. е. отдельных самостоятельных (юридических) субъектов и участников экономической, общественной, политической жизни», всех субъектов общественного диалога. Или, как считает В. С. Библер, находя эквивалент понятия диалог в слове «форум» [37].

По мнению Е. В. Соцкой, диалог есть важнейший инструмент общественной жизни в гражданском обществе, который выступает средством достижения согласия или нейтрализации противника на основе принятого с ним соглашения. «Диалог является непосредственным выражением той реальной системы взаимосвязей, которая существует в гражданском обществе» [371]. С этой позицией солидарен и О. В. Омеличкин, который отмечает, что гражданский диалог выступает неотъемлемой чертой не только демократической, но и любой зрелой гражданской культуры. «Диалог отражает культуру политических взаимоотношений, в которой проявляются интегративные, объединяющие гражданские ценности, – пишет О. В. Омеличкин. – Он предполагает установление особого информационного режима и правил, регламентирующих взаимодействие политических субъектов. Только отношения взаимного притяжения и обмена создают условия для гражданской солидарности и сотрудничества, без которых невозможна политическая жизнь в демократических странах» [264, с. 164].

С. Г. Кирдина наиболее сущностную характеристику в процессе формирования гражданского в современной России видит в институционализации его коммуникации и соучастия в процессе государственного управления. Поэтому, как она отмечает, не «столько развитие некоммерческих организаций – тоже важное, хотя и менее характерное для страны явление, сколько включенность граждан в процессы артикуляции проблем перед государственными институтами с контролем исполнения властных обязательств – магистральный, на наш взгляд, путь развития гражданского участия в нашей стране» [181, с. 16].

Для И. М. Дзялошинского главное отличие гражданского общества от негражданского – это особый, гражданский, тип

коммуникаций, а не наличие большого количества некоммерческих структур. «То есть гражданское общество – это то общество, – пишет исследователь, – где есть горизонтальные связи, которые не контролируются властью, которые позволяют людям обмениваться программами жизнедеятельности, координировать взаимодействие в публичной и общественной сферах» [109, с. 50].

Достаточно актуально, на наш взгляд, обстоятельство, которое фиксирует российский историк И. В. Проскурякова, констатируя, что «представление о гражданском обществе как коммуникативной сфере диалога... маркирует принадлежность исследователей к политологическому направлению интерпретации феномена гражданского общества» [303, с. 19]. Наша исследовательская позиция в области институционализации диалога государства и гражданского общества адекватна именно данному политологическому направлению, к которому, как уже было отмечено выше, принадлежит довольно значительная часть представителей российской политической науки.

Как справедливо отмечает В. И. Гавриленко, эффективность власти в демократическом государстве связано с качеством ее взаимодействия с гражданским обществом. По ее мнению, «судьба российской демократии теперь зависит не столько от преобразований внутри системы власти, сколько от появления в России влиятельных институтов гражданского общества. Поэтому здесь, как никогда, необходимо взаимное доверие и информационная открытость, скоординированность подлинное сотрудничество» [67, с. 42.]. Сотрудничество государства и гражданского общества может принимать различные формы: совместное нормотворчество и правотворчество, информирование, консультирование, согласование, обсуждение, дебатирование и т. д. Основной проблемой при этом видится нехватка институциональных механизмов такого взаимодействия, имеющих прочные нормативные и организационные основы [49].

Российские политологи и политологически ориентированные социологи едины во мнении, что для снижения социальной напряженности в современном российском социуме как воздух

«необходима институционализация механизмов перманентного диалога властных структур с гражданским обществом». Институционализация диалога государства и гражданского общества не только «задаст “правила игры”», но еще и сформирует элементы общественной системы, способной оказать благотворное «воздействие на бытующие в социуме ценности, коллективную идентичность, доверие и солидарность» [86, с. 8].

Как утверждает Т. С. Шикина, «становление института диалога только начинается», и на пути процесса институционализации диалога, по ее мнению, «лежит много преград, коренящихся в историческом и социокультурном прошлом социума и объективных авторитарных устремлениях власти» [418]. Институт диалога государства и гражданского общества – это результат исторически длительного процесса закрепления в социальной практике и в ходе институционализации разнообразных практик интересубъективного взаимодействия, коммуникации и дискурса этих двух макрополитических акторов. Институт диалога хабитуализируется в процессе переговоров, партнерства, консультаций, экспертиз, дебатов, обсуждений и других форм интеракции государства и гражданского общества в сфере публичной политики. Институт диалога представляет собой институционализированные практики двухстороннего продвижения, передачи и обмена социально-политической информацией между институтами государства и организациями гражданского общества.

В. С. Рахманин полагает, что «институционализация политических диалогов» – это не только их легитимация, то есть законодательное закрепление в политической практике, но и еще «явленность», открытость, транспарентность, взаимообусловленность возрастания роли диалога возрождением и трансформацией публичной сферы жизни общества и публичной политики, где, собственно, и протекает процесс институционализации диалога государства и гражданского общества [331, с. 243].

А. В. Кулинченко обращает внимание на технологический аспект институционализации диалога. По его мнению, сегодня, как никогда ранее, необходимо активно осуществлять всесторон-

ний научно-теоретический «поиск и выработку новых форм институционализации поля общественного диалога между государственными органами и организациями гражданского общества». А для практической институционализации диалога государства и гражданского общества необходимо «организационное оформление участников диалога» и создание для его реальных и потенциальных субъектов понятных «правил и процедур разработки и принятия согласованных решений». Для этого, в свою очередь, требуется, «чтобы появилась организующая сила», способная содействовать объективно необходимому процессу «институционализации новых форм общественного диалога» [202].

В. Михеев и А. Иванова, рассматривая процесс институционализации диалога государства и гражданского общества, исходят из «широкого» и «узкого понимания» процесса институционализации. Институционализация диалога государства и гражданского общества в широком ее истолковании – это «сфера публичной политики... открытая, гласная, доступная для участия сфера общественной жизни, в которой субъекты политических и общественных отношений взаимодействуют друг с другом» [219, с. 74]. В узком понимании – институционализация диалога государства и гражданского общества, как считают вышеназванные авторы, представляет собой процесс взаимодействия «институтов власти, гражданского общества, бизнеса, многообразных социальных групп, слоев по поводу реализации общественных интересов, производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа и населения определенных территорий» [219, с. 74].

В целом соглашаясь с таким пониманием диалога государства и гражданского общества, хотелось бы заметить, что в данном случае речь идет не столько о процессе институционализации диалога, сколько о перечислении и описании содержательной стороны межсубъектного взаимодействия акторов этого диалога. Институционализация – это не «сфера» и «взаимодействие». Институционализация – это относительно длительный темпоральный процесс, процедура, путь. В процессе их укоренения, когда

отдельные и спорадические практики диалогического взаимодействия государства и гражданского общества приобретают устойчивый и повторяющийся характер, они все более институционализируются, то есть становятся регулярным и повторяющимся типом двухсторонней коммуникации, симметричного обмена информацией. Институционализация является, скорее, результатом, а чем, процессом, интеракции, разворачивающимся в ходе интересубъективного взаимодействия и протекающего в лоне публичного пространства и транспарентной публичной политики с участием, как государства, так и достаточно развитого для этого гражданского общества.

Из современных западных исследователей первым об институционализации диалога заявил Б. Барбер в своей получившей мировое признание работе под названием «Сильная демократия: политика участия для нового века», вышедшей еще в 1984 году [448]. При этом, правда, автор не использует термин диалог, а обращается к его эквиваленту, именуя диалог разговором (talk). В связи с этим заметим, что существительное «talk» переводится с английского языка на русский и как «разговор», и как «диалог», и как «беседа». Кроме этого понятие «talks» обозначает еще и переговоры [561]. Во французском издании книги Б. Барбера, английское слово «talks» переведено на французский именно как «диалог» [449].

На страницах книги Б. Барбера «Сильная демократия: политика участия для нового века», термин «диалог» (talk) упоминается 180 раз, а три параграфа специально посвящены проблеме диалога. Один из параграфов получил наименование «Институционализация сильного демократического диалога» (Institutionalising Strong Democratic Talk). Институционализация диалога, по мнению Б. Барбера, теснейшим образом переплетена с использованием новейших информационно-коммуникативных, а точнее сетевых технологий в интернет-взаимодействии власти и общества.

Ч. Эссенгул, координатор из Центра социальных исследований Американского университет Центральной Азии, отмечает,

что институционализация диалога между правительством и неправительственными организациями играет исключительно важную роль в обеспечении эффективности процесса принятия политических решений. «Между тем пока еще ни одна модель институционализации не была тщательно проработана и широко признана» [431].

Авторы аналитического доклада «Реформа политического процесса: институционализация консультаций между государственными учреждениями и неправительственными организациями в странах СНГ» констатируют: «Институционализация диалога между правительственными учреждениями и неправительственными организациями, как и другие формы партнёрства и сотрудничества, подразумевает наличие очевидного и достаточно развитого сектора независимых неправительственных организаций». Впрочем, это всего «лишь общее предположение, обуславливающее наличие подобного диалога, но не являющееся для него предпосылкой» [550]. Для институционализации диалог, по мнению авторов доклада, требуются наличие, «как минимум трёх компонентов, или условий, которые смогут создать эффективный процесс институционализации»: во-первых, это необходимость мышления, склонного к сотрудничеству, и сознания того, что выгоды от институционализированных форм консультаций будет получен обеими сторонами диалога; во-вторых, это наличие правовых основ развития неправительственных организаций и законодательное закрепление процесса и процедур институционализации диалога; в-третьих, информированность об уже существующем опыте сотрудничества государства и общества, что способствует лучшему пониманию трудностей, которые могут возникнуть при появлении любых инициатив, направленных на институционализацию консультаций и диалога [550, p. 53].

Французский политолог С. Блатирикс отмечает важность юридического аспекта в процессе институционализации публичного дискурса. Однако, как она пишет в своей докторской диссертации по политологии, посвященной исследованию становления

демократии участия во Франции, «анализ процесса институционализации показывает, что создание социального или политического института не ограничивается только юридическими документами, но относится к более сложной совокупности социальной деятельности» [450, р. 14].

Социальная деятельность, в контексте демократии участия ведущая к появлению новых политических институтов, это новые демократические практики, совместные коллективные действия и общественные движения, которые только и могут создать «необходимые эффекты с точки зрения институционализации процедуры консультаций и диалога» [450, р. 16]. Иными словами, юридически-правовой аспект «является одной из сторон институционализации» [450, р. 190]. Но кроме законодательного закрепления диалоговых процедур, механизмов и норм, необходим еще и социальный аспект, позволяющий институционализировать диалог в контексте конкретных политических практик демократии участия или делиберативной демократии.

Политолог из Испании Э. Ломбардо полагает, что, несмотря на очевидные блага, «процесс институционализации диалога с гражданским обществом несет в себе ряд проблем и рисков для демократии» [536, р. 7]. Суть этих рисков можно свести к двум аспектам диалога. Первый – это проблема репрезентативности, вторая – подотчетности акторов диалога перед своими организациями и всем гражданским обществом в целом.

Дело в том, что пропорциональное и равное участие в диалоге «представителей» со стороны организаций и институтов гражданского общества осложняется открытой природой гражданского общества и практической невозможностью его адекватной репрезентации для участия в открытом диалоге с государством. Что касается второго риска, то не существует никаких механизмов для того чтобы каким-либо образом привлечь к ответственности за те или иные некорректные действия какие-либо организации или отдельных акторов гражданского общества, как этого требует демократический режим. Эти риски проистекают из процедуры институционализации диалога на основе

формализации связей и отношений между государственными учреждениями и неправительственными организациями гражданского общества.

Оборотной стороной создания системы коммуникации и институционализации связей со структурами и органами государственной власти и управления, организации гражданского общества могут в большей или меньшей степени утрачивать и даже терять свою независимость от власти. Данные риски на практике могут обернуться зависимостью и последующей бюрократизацией участников институционализированного диалога гражданского общества с государством.

Подводя некоторые итоги, мы можем констатировать, что институционализация диалога государства и гражданского общества представляет собой синергетический процесс перехода от нерегулярных спорадических практик к систематическим, упорядоченным, организованным и управляемым моделям симметричной коммуникации, диалогического дискурса и взаимодействия на основе юридически закрепленных механизмов и практик обмена информацией между государственными институтами и органами государственного управления, с одной стороны, и организациями и институтами гражданского общества, с другой стороны. Институционализация диалога государства и гражданского общества – это относительно длительный поступательный процесс эволюционного усложнения, дифференциации и интеграции системы разрозненных коммуникативных институций на основе объективного тренда к повышению социальной значимости, места и роли данного института в общественно-политической практике intersubjectивного взаимодействия государства и гражданского общества.

Этот процесс состоит из ряда этапов, отличающихся друг от друга динамикой глубиной и шириной институционализации диалога, каждый из которых способствует все большей хабитуализации и рутинизации диалога, превращению его в привычную норму коммуникации государства, граждан и их ассоциаций в режиме диалогического дискурса. Смысл и предназначение диалога

состоит в повышении качества и эффективности новой модели дискурсивного политического управления на основе партнерства государства и гражданского общества в процессе совместного обсуждения, выработки и принятия социально и политически значимых решений. Созидание такой коммуникативной системы требует значительных усилий и немалого количества времени. В конечном итоге, устойчивое функционирование такой инновационной коммуникативной системы будет означать институционализацию диалога государства и гражданского общества и трансформацию ранее существовавших коммуникативных практик в новый социально-политический институт общества.

Часть 2

ПРАКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГА

Глава 3

Институционализация гражданского диалога в Евросоюзе

3.1. Ностальгия по агоре?

Западноевропейские политологи, правоведы, социологи, философы и конкретные акторы политико-правового процесса традиционно уделяют весьма большое внимание процедурам публичного взаимодействия структур политического управления и организаций гражданского общества. В последнее время они стали все чаще и чаще обращаться к истокам демократии, родиной которой являются древнегреческие полисы. Особую роль в этом социально-политическом редукционизме принадлежит агоре, как месту и форме бытия прямой непосредственной демократии. На агоре как всенародном собрании в ходе публичного обсуждения социально-политических проблем происходила публичная выработка важнейших взаимоприемлемых, в том числе консенсусных и/или компромиссных решений. «Агора была физическим местом, которое воплотило уникальный характер греческой демократии, – утверждают ученые Никлас Дамирис из Стрэнфордского университета и Хельга Виндт из Института исследований в области образования. – Она представляла сообщество свободных и равных людей (полиса) имеющих возможность вступить в диалог друг с другом без учета наличия власти, богатства и наследия» [479, р. 3].

С этой точкой зрения солидарен и доктор философии из университета штата Пенсильвания Ю. Киттлер, который в книге под названием «Исторические метаморфозы афинской агоры: Изменение коммуникационных технологий и поиски идеальной основы публичной сферы» пишет: «В своей абстрактной форме агора стала синонимом идеального публичного пространства, которое было по силе его существования в состоянии произвести демократическое общество» [525].

Подобные ассоциации возникают не только у зарубежных, но также и у отечественных ученых. Группа современных уральских политологов и правоведов один раздел своей коллективной монографии назвала «Ностальгия по агоре: противоречивость современной демократии». Процесс обретения демократии в современной России, считают авторы названной книги, должен сопровождаться научной рефлексией демократии агоры в древнегреческом полисе. «Исчезновение агоры в физическом смысле слова не означало ее полнейшей утраты для символизации политической жизни демократии, – считают авторы упомянутой работы. – Похоже, что в “неслыханной простоте” этого изначального символа политеии приподнимается завеса над настойчивостью попыток разработать эффективные модели коммуникативной власти, способные адекватно извлекать общезначимые смыслы из мнения народа. В этой символизации берут свое начало исследования многих ведущих политологов...» [248].

Действительно, агора – это не только древняя история, а тем более не какой-нибудь анахронизм, а своеобразная квинтэссенция демократии, существующая и поныне на уровне политико-правовой онтологии. «Пересмотр идеи агоры в современном обществе, а также создание идеальной новой агоры является метафорой в контексте социального действия (или на арене публичной сферы), где люди могут принимать коллективные решения о своем будущем», – так считает Александр Хрестакис, один из теоретиков и практиков так называемого структурированного дизайн-диалога [496a].

Созданный им Институт XXI века Агоры ставит своей целью формирование гражданского общества, разрешения конфликтов, объединения людей и поддержку прав граждан на непосредственное принятие ими участия в выработке политических решений, затрагивающих их жизненные проблемы. А. Христакис стоял у истоков создания Римского клуба, а наработанные там дискурсивные практики позволили ему не только теоретически осмыслить искусство диалога с позиций современной конфликтологии, но и использовать методологию структурированного дизайн-диалога во время миротворческих процедур на Кипре, на Ближнем Востоке и в других горячих точках планеты. К сожалению, в России имя этого мыслителя и социального технолога практически не известно, а его идеи и методология не востребованы.

Метафоризация древней агоры в условиях формирующегося постиндустриального информационного общества в Евросоюзе связана с преодолением того, что получило название «дефицита демократии», а также с поиском новых моделей и форм демократического устройства общества, как, например, демократия участия, делиберативная (дискурсивно-совещательная) демократия, электронная (сетевая) демократия и демократия диалога, о которой упоминалось выше. В этих и других нормативных концепциях демократии важнейшая роль принадлежит механизму обратной связи между управляющими и управляемыми, коммуникации институтов власти и структур гражданского общества, вовлечению общественности в так называемый гражданский диалог. Евросоюз, где обязанность институтов власти вступать в диалог с организациями гражданского общества ныне превратилась в конституционную норму, а также коммуникация во «всемирной паутине», не знающая ни расстояний, ни границ, действительно трансформирует это новое надгосударственное объединение в некое подобие современной агоры.

3.2. Лиссабонский договор, демократия участия и диалог

Особую актуальность эта тенденция приобрела после вступления в силу с 1 декабря 2009 года Лиссабонского договора, теперь фактически являющегося конституцией ЕС и превратившего, согласно статье 11 этого конституционно-правового акта, гражданский диалог и в целом все практики делиберативно-дискуривного взаимодействия институтов власти с гражданским обществом в один из демократических институтов Евросоюза.

В свое время эта же самая статья 11, получившая название «демократия участия», присутствовала и в тексте отвергнутой Конституции ЕС (полное и официальное ее название – Договор о введении Конституции для Европы). Там она, правда, значилась под номером 47. После провала Конституции ЕС, на саммите ЕС, состоявшемся 22–23 июня 2007 года, была достигнута договорённость о разработке вместо Конституции «Договора о реформе» – облегчённой версии, содержащей положения о порядке функционирования институтов ЕС в новых условиях.

13 декабря 2007 года текст этого документа был подписан в столице Португалии в городе Лиссабоне и поэтому стал называться Лиссабонским договором. Полное название этого документа наряду с Лиссабонским договором и Договором о реформе звучит так: «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества».

Фактически же Лиссабонский договор – это отредактированные в конституционном духе три ранее действовавшие основополагающие документа ЕС: Договор об учреждении Европейского сообщества (Римский договор, 1957 года), Маастрихтский договор, 1992 года (Договор о Европейском союзе) и Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии, 1957 года. После подписания и ратификации Договор о реформе (Лиссабонский договор) перестал существовать как единый текст, а нововведения инкорпорировались в три перечисленные выше документа.

Однако, чтобы не путать особо важные нововведения с прежними документами, название «Лиссабонский договор» сохраняется и поныне, в том числе по отношению к статье 11, содержащейся одновременно и во второй части консолидированного текста Лиссабонского договора и в новой (лиссабонской) редакции Договора о Европейском Союзе.

Статья 11 Лиссабонского договора (демократия участия) состоит из четырех частей. Первая часть касается развития диалогичности самого гражданского общества. Она институционализирует публичную сферу гражданского дискурса и нормативно формирует диалоговые механизмы коммуникации, обязывая органы власти предоставлять возможность «гражданам и представительным ассоциациям ставить в известность о своих мнениях и публично обмениваться ими по всем сферам деятельности Союза» [411].

Вторая часть этой же статьи обязывает все институты власти ЕС (местного, регионального, национального уровней) поддерживать «открытый, прозрачный и регулярный диалог с представительными ассоциациями и гражданским обществом» [411].

Третья часть касается только лишь Еврокомиссии, которая обязана обеспечивать «последовательность и прозрачность действий» и «проводить широкие консультации с заинтересованными сторонами» [411].

Четвертая часть статьи 11 Лиссабонского договора, вступившая в силу позднее, чем три других, содержит в себе не только принципы демократии участия, но, также, элементы прямой демократии. Ее суть заключается в том, что теперь граждане ЕС, собравшие не менее одного миллиона голосов в поддержку какой-либо законодательной инициативы, могут выступить в роли субъекта таковой и обратиться в Еврокомиссию с предложением принятия нового законодательного акта. Все это представляется крайне важным с точки зрения институционализации гражданского диалога, расширения сферы публичного дискурса, появления новых каналов коммуникации и механизмов взаимодействия власти и гражданского общества Евросоюза в процессе выработки и принятия важнейших политических решений.

Выше уже было сказано, что Лиссабонский договор де-юре конституцией ЕС не является, хотя де-факто выполняет целый ряд конституционных функций. «...Концептуально Лиссабонский договор весьма близок конституции, однако нормативно он ею не является, скорее представляя собой лишь дополнение к уже действующим договорам и соглашениям, – считает Р. Регель. – Верным будет воспринимать Лиссабонский договор как промежуточный нормативный акт, который должен сформировать поле для возможного принятия конституции» [333].

С этой же позицией солидарен и Ю. Кашкин, утверждающий, что Лиссабонский договор и по содержанию, и по функциям «подобен Конституции, хотя по форме Конституцией не является. Это как бы «предконституция наднационального типа, которой еще потребуется немало времени, чтобы когда-нибудь “дозреть” до Конституции надгосударственного типа» [172].

Дело в том, что ЕС государством в традиционном понимании национального государства не является, хотя рядом признаков государства, несомненно, обладает, юридически оставаясь при этом союзом, но, не укладываясь целиком в рамки традиционалистского понимания союза государств. Интеграционные процессы, идущие в процессе глобализации, вырабатывают новые политико-правовые формы взаимодействия, адекватного наименования которым пока еще не существует.

3.3. Гражданский диалог в ЕС

В отличие от России в странах ЕС широко используется не концепт «диалог государства и гражданского общества», а понятие «гражданский диалог». Толчок и адекватное толкование данного термина отсутствует, хотя оно достаточно активно используется как в общественно-гуманитарных науках, так и в социально-политическом дискурсе за рубежом. При этом, как будет показано далее, понятие гражданский диалог не синонимично концепту диалог государства и гражданского общества, хотя и близко к нему: первый термин, как это представляется, значительно шире второго.

Автор подробного обзора, включившего в себя рассмотрение национальных моделей и особенностей действующих «механизмов политической институционализации гражданского диалога», Н. Нахтигаль в сентябре 2010 года проанализировала практику диалогической коммуникации в пятнадцати европейских стран, а также в Австралии и в Канаде, и была вынуждена констатировать, что гражданский диалог, как «центральное понятие, используемое в данном документе, не имеет твердого определения ни в теоретической литературе, ни в многочисленных документах, касающихся темы гражданского диалога» [540, р. 2].

В понимании сущности и природы гражданского диалога в Евросоюзе отсутствует консенсус и поэтому различные авторы вкладывают в него разное понимание. Так, к примеру, в Словении под гражданским диалогом понимается «включенность гражданского общества и его акторов в разработку и осуществление государственной политики».

Самой Н. Нахтигаль было предложено такое довольно неполное и неуклюжее определение гражданского диалога, как «создание возможностей для гражданского общества выражать свою обеспокоенность и представлять свои предложения относительно общественной жизни и социально-экономического развития». Гражданский диалог осуществляется в процессе взаимодействия гражданского общества с формальными государственными институтами для реального влияния на текущую политику и принимаемые политические решения с целью повышения степени их легитимности, известности и подконтрольности [540, р. 2–3].

Э. Фази и Д. Смит в проведенном ими исследовании «Гражданский диалог, как заставить его работать лучше?» констатируют «отсутствие общепринятого определения, а также теории гражданского диалога», что, по их мнению, «поразительно относительно его увеличивающейся роли в управлении дебатами, особенно в Европейском Союзе» [474, р. 32]. Исследователи полагают, что под гражданским диалогом следует понимать широкий диапазон специальных неструктурированных практик и гибких консультаций главным образом по проблемам социальной политики.

Гражданский диалог, по мнению Э. Фази и Д. Смита, возник как «параллель» к социальному диалогу. Но, в отличие от социального диалога, гражданский диалог обращается к широкому диапазону практик взаимодействий между организациями гражданского общества и государственными учреждениями и институтами власти. «Гражданский диалог представляет собой взаимодействие между государственными учреждениями и организациями гражданского общества, а не односторонние отношения» [475, р. 32–33.]. Гражданскому диалогу может быть присуща различная степень его формализации – от неофициальных контактов до юридически признанных и институционализированных процедур непрерывного обмена социально значимой информации [474, р. 33].

Гражданский диалог может характеризоваться различной степенью вовлеченностью в него организаций гражданского общества: от спорадического информирования властью своих контрагентов до постоянных устойчивых контактов и партнерства. По мнению вышеназванных исследователей, гражданский диалог с точки зрения тактики его осуществления может включать в себя ряд фаз: постановки проблемы, определения политики, принятия решения, реализации и оценки полученных результатов. В качестве акторов гражданского диалога выступают организации гражданского общества, действующие в общественных интересах.

Еще в 1999 году Еврокомиссия пришла к выводу, что гражданское общество «включает в себя следующее: профсоюзы и работодателей (“социальных партнеров”), неправительственные организации, профессиональные ассоциации, благотворительные организации, низовые организации, которые вовлекают граждан в местную и муниципальную жизнь» [564, р. 2]. Такой подход позволяет включить социальный диалог (в узком смысле) в более широкое понятие двухстороннего диалога государства с гражданским обществом или же гражданского диалога в ЕС.

В то же время, если рассматривать работодателей, наряду с государством и гражданским обществом, в качестве акторов

трехсекторного социального партнерства, то такой социальный диалог лишь отчасти совпадает диалогом государства и гражданского общества. Видимо именно в этом заключается отличие российских НКО от западноевропейских НПО (NGO): в российском варианте внимание акцентируется на независимости организаций гражданского общества (третьего сектора) от бизнес-структур, а в ЕС – на независимости организаций гражданского общества от правительства, то есть государства.

Однако было бы ошибкой, основываясь на мнения вышеприведенных авторов, отождествить принятое в Евросоюзе понятие гражданского диалога с тем, что в России традиционно подразумевают под диалогом государства и гражданского общества. Дело в том, что ЕС – это наднациональная политическая система, в которой кроме местного, регионального и национально-государственного уровней интеракции власти и социума существует еще принципиально новый, транснациональный или общеевропейский уровень взаимодействия правительственных институтов с организациями гражданского общества. Именно оттуда, с субнационального уровня, из Европарламента, Еврокомиссии, Комиссии по экономическому и социальному развитию и других институтов ЕС эмануируется на нижестоящие уровни инициатива перманентного диалога органов управления с гражданским обществом.

Можно говорить о самых разнообразных видах, жанрах и формах этого диалога. К сожалению, какой-либо более-менее приемлемой классификации такого диалога до сих пор нет ни на Западе, ни в России. В то же время, можно вполне обоснованно утверждать, что настоящее время в практике Евросоюза и входящих в него стран, сложились три основных формы гражданского диалога:

1. Это так называемый *«вертикальный диалог»* или «секторальный гражданский диалог» между организациями гражданского общества и их партнерами по диалогу в законодательной и исполнительной власти национальных государств, входящих в ЕС. (Институциональная норма этой формы диалога зафиксирована в части 2 статьи 11 Лиссабонского договора.)

2. Вторая форма гражданского диалога – это «*трансверсальный*», или «поперечный» диалог. Он понимается как структурированный и регулярный диалог между институтами ЕС и всеми компонентами гражданского общества. (Институциональный статус данной нормы закреплен в части 3 статьи 11 Лиссабонского договора.)

3. Третья форма гражданского диалога – это «*горизонтальный диалог*» между самими организациями гражданского общества по проблемам развития ЕС и его политики. (Эта форма гражданского диалога институционализована частью 1 статьи 11 Лиссабонского договора и сложившимися коммуникативными практиками в странах Евросоюза.) [564, р. 3].

Такое понимание гражданского диалога в ЕС не позволяет его полностью отождествить с диалогом государства и гражданского общества в России. Во-первых, как это уже отмечалось выше, Евросоюз хотя и имеет признаки государства, но государством в полном смысле этого слова не является. Во-вторых, диалог внутри гражданского общества (горизонтальный диалог внутри гражданского общества), хотя и является важнейшей формой социальной коммуникации, но к интеракции власти и социума отношения не имеет.

Поэтому из трех вышеуказанных форм, а все-таки, точнее, уровней гражданского диалога, в полной мере диалогу государства и гражданского общества соответствует лишь пункт № 1 и, отчасти, пункт № 2. При этом диалог государства и гражданского общества в России находится в начальной фазе своей институционализации, а внутригражданский диалог вследствие неразвитости системы гражданских коммуникаций в России отсутствует почти полностью. Организации гражданского общества предпочитают общаться с государством и с бизнесом, но не друг с другом. Отсюда – слабая солидарность, неумение отстаивать и лоббировать общие цели на основе совместных договоренностей и общих действий.

Все три формы гражданского диалога в настоящее время равносуществуют в ЕС, а развитием гражданского диалога

занимаются практически все институты ЕС. Так, Европарламент выступил с инициативой проведения на нерегулярной основе «Агоры граждан 21 века», с целью осуществления диалога между депутатами и гражданским обществом по вопросам, имеющим большое значение в европейской повестке дня. В рамках форума «Агоры граждан» прошли три широкомасштабных дискуссии с привлечением гражданского общества в общеевропейский курс по вопросам будущего ЕС, экологии и социально-экономической проблематики в виде борьбы с бедностью. Европейский экономический и социальный комитет сформировал специальную контактную группу как часть процесса создания регулярного и конструктивного диалога... по вопросам, представляющим общий интерес, а также помогает и поощряет диалог между самими организациями гражданского общества.

3.4. Диалог vs дефицит демократии

Считается, что фразу «дефицит демократии» впервые использовал Д. Маржуанд (D. Marquand) в 1979 году, ссылаясь на то, что еще Европейское экономическое сообщество – предшественник Европейского Союза – испытывал серьезный «дефицит демократии». В отношении Европейского союза он указывал на недоступность и не подотчетность органов управления для рядовых граждан Евросоюза [494].

Дебаты о дефиците демократии в европейском интеграционном измерении вышли на первый план после трудной ратификации Маастрихтского договора о Европейском союзе в 1992 году. На саммите ЕС в бельгийском Лакене в 2001 году было принято решение о демократизации Союза и Лакенская декларация о будущем Евросоюза. Новое дыхание дискуссия о нехватке демократии получила после провала референдумов 2006 и 2008 годов. Критики европейской модели интеграции указывали на ряд существенных изъянов в политической системе ЕС. Среди них: недостаток парламентского контроля над процессом принятия решений, слабая прозрачность, подотчетность и легитимность

общеевропейских институтов, отсутствие четкого разделения властей, слабая вовлеченность граждан и общественных структур в процедуру законотворчества и принятия политических решений, отсутствие общеевропейской публичной сферы и европейского гражданского общества.

Так, например, Р. Даль отмечает неравенство граждан в качестве фундаментальной проблемы во всех демократических странах [100, с. 505]. Перспектива развития демократии, с его точки зрения, зависит от степени приближения демоса (народа) к элите, принимающей решения. Совершенствование граждан, их активное участие в жизни общества и государства является необходимым условием развития демократии. И чем выше уровень политического участия, чем ближе граждане к постоянно возрастающему уровню требований к участникам политического процесса, тем ближе демократия к своему идеалу, к которому можно и нужно стремиться, но которого достичь невозможно. Данное обстоятельство, по мнению Р. Даля, проявляется в дефиците демократии в Евросоюзе.

Большое внимание теоретическому аспекту дефицита демократии уделял французский политолог Ж. Бешлер. Эти дефициты, по его мнению, бывают двух видов. Первый возникает из-за расхождения между идеалом и действительностью, поскольку демократия – это процесс демократизации, растянутый во времени, чаще всего надолго: в каждый момент существует разрыв между тем, что должно и может быть осуществлено, и тем, что в действительности сделано. Другие дефициты связаны с обстоятельствами, мешающими исторически-конкретным демократиям приблизиться к своему идеалу [96, с. 168–187].

В общеевропейском дискурсе дефицита демократии присутствовала позиция, категорически отрицающая наличие этого самого дефицита. На этой позиции стоит профессор политологии из Гарвардского университета Э. Моравчек, автор более сотни публикаций по вопросам европейской интеграции, прав человека, европейской политики, международного права и международных отношений. Он полагает, что «озабоченность по поводу дефицита

демократии в ЕС неуместна». Критики Европейского Союза «выступают с точки зрения утопической модели демократии». Если же принять разумные критерии и реалистические оценки современной системы управления ЕС, то все то, что говорится по поводу дефицита демократии, просто не подтвердится фактами. Если судить с учетом стандартов в существующих развитых индустриальных демократиях, а не тех идеальных плебисцитарных или парламентских демократиях, то ЕС следует законным демократическим путем, – пишет этот авторитетный в США и за ее пределами политолог. – Это следует, даже если исходить из либертарианских, плюралистических, социал-демократических или делиберативных концепций демократии... Институты ЕС жестко ограничены конституционными сдержками и противовесами, рамками мандатов, фискальными ограничениями, супермажоритарной системой голосования и конкуренцией» [539].

Дело в том, что в дебатах о дефиците демократии участвуют представители различных политико-политологических школ и направлений и каждое из них оценивает состояние и перспективы евродемократии на основе своих собственных критериев. В соответствии с этим критики демократии ЕС фокусируют внимание на отсутствии в общеевропейском публичном пространстве ряда важнейших атрибутов и принципов современных нормативных моделей демократии. В этом разноголосом ходе евроскептиков аналитически можно выделить три группы, хотя и взаимопротиворечивых, походов к демократии и сущности «демократического дефицита»:

1. *Политические институты против гражданского общества.* Если часть политологов, стоящих на либеральных позициях, подчеркивает важность политических учреждений и конституций как важнейших механизмов народного представительства и защиты прав граждан, то сторонники демократии участия и делиберативно-дискурсивной модели демократического политического устройства в ЕС акцентируют роль публичной сферы и гражданского общества для защиты прав «просвещенных граждан». При этом и либералы, и сторонники партисипаторно-

делиберативной версии демократии признают значимость политических институтов. Но фокусируют внимание на их различных функциях. Либералы – на защите политических прав и свобод личности. Сторонники демократии участия и совещательной демократии – на развитии гражданского общества, публичной сферы и гражданского диалога. Приоритет для первых – институциональный дизайн ЕС, для вторых – институционализация дискурса, то есть гражданского диалога и транснационального гражданского общества.

2. *Голосование против дискурса.* В то время как либералы позиционирует парламентскую демократию и голосование на выборах как ключевые элементы в механизме агрегации общественных интересов в политические решения. А сторонники республиканизма и делиберативности требуют развития предварительных переговорных процедур, дебатов, дискуссий, то есть публичных дебатов в рамках гражданского диалога.

3. *Инструментализм участия граждан против институционализации гражданского участия и диалога.* Важность общественного участия в управлении государством признают и либералы, и сторонники демократии участия. Но для либералов контроль за действиями власти со стороны гражданского общества считается внешним, по отношению к государственным институтам, инструментом демократии. Сторонники демократии участия считают гражданский контроль не инструментом, а самостоятельным демократическим институтом общественного участия в управлении государственными делами в процессе делегации и диалога [446, р. 6–7].

Кроме дебатирования путей ликвидации дефицита демократии в Евросоюзе, набирает силу процесс совершенствования парламентской демократии и развития демократии участи и элементов дискурсивно-делиберативной, а, по сути дела, диалогической модели демократии. Еще в «Белой книге по вопросам государственного управления в Европе», принятой Еврокомиссией 25 июля 2001 года, основной упор делался на реформирование «того, как Евросоюз пользуется полномочиями, которые получил

от граждан», и говорилось о необходимости более тесного взаимодействия между гражданским обществом, с одной стороны, и центральными и местными органами власти, с другой.

«Белая книга» – это политический документ, в котором провозглашается пять основополагающих принципов (открытость, участие, подотчетность, эффективность и координация) и будущие меры, основанные на этих принципах, включая диалог, консультации и партнерство [447]. В «Белой книге об управлении» были определены рекомендуемые условия для институционализации транснациональной публичной сферы и гражданского диалога.

В 2006 году в Евросоюзе стартовал так называемый «План Д: Демократия. Диалог. Дебаты». Появление этого скоординированного и согласованного плана действий было вызвано падением интереса значительной части населения к интеграционным процессам, снижения активности избирателей и появления сомнения во взаимовыгодности объединительного процесса для всех его участников и субъектов. Подробно расписанные мероприятия «Плана Д» должны были преодолеть или, по крайней мере, ослабить эту негативную тенденцию, стихийно развивавшуюся в общественном сознании формирующегося нового транснационального социума. Поэтому дебаты должны были протекать не только на общеевропейском уровне, но и захватить местный, региональный и национальный уровни каждой из стран ЕС, разворачиваясь как в только еще институционализирующемся европейском публичном пространстве, так и в рамках уже существующих коммуникативных структур, платформ, площадок и форумов. Диалоги должны были разворачиваться не только в парламентах, но также в печатных и электронных СМИ, в интернет-пространстве, посредством проведения «круглых столов», опросов общественного мнения, фокус-групп и других интерактивных форм взаимодействия. Главный инициатор и координатор этого инновационного проекта М. Вальстрем, в то время вице-президент и комиссар Европейской Комиссии, презентовала План Д как эффективную коммуникативную стратегию, направленную на стимулирование широкой общественной дискуссии по вопросам будущего ЕС [554].

Естественно, что каждая из дискуссий в рамках реализации «Плана Д» имела местное, региональное или национально-государственное своеобразие. Но в то же время каждая из таких интеракций должна была, по замыслу авторов «Плана Д», обращать внимание граждан и общества на будущее Европы, внимательно выслушивая социум и фиксируя поступающие предложения. Главные вопросы, которые были включены в повестку дня повсеместно разворачивающихся публичных дискуссий, касались взаимовыгодности европейской интеграции, последующего совместного решения экономических и социальных вопросов, создания новых рабочих мест, совершенствования работы транспорта, цен на энергоносители, состояния экологии и так далее.

Эта коммуникация носила не формальный односторонний процесс информирования, а принципиально двухсторонний, диалоговый, дискуссионный характер, заключавшийся не просто в возможности гражданского общества артикулировать свою точку зрения, но и в агрегации альтернативных точек зрения, в учете различных точек зрения и нахождения какого-то приемлемого консенсуса или даже компромисса.

3.5. Гражданский диалог в политической системе ЕС

Так в Европе с помощью диалога стали бороться с «дефицитом демократии» и на практике осуществлять ряд принципов нормативной модели делиберативной (дискурсивно-совещательной) демократии, одним из видных теоретиков которой является современный немецкий политический философ Ю. Хабермас. По мнению Е. С. Громогласовой, «идеальную модель демократического управления для ЕС можно обозначить как консолидацию, которая функционирует на основе широкой общественной делиберации. ...А делиберативный подход отводит главную роль в обеспечении демократии гражданскому обществу», публичной сфере, дискуссиям и диалогу [92, с. 107]. Гражданское общество и негосударственные организации в Евросоюзе рассматриваются

(в отличие от современной России) не в плоскости политической борьбы за власть, а как важнейшее условие формирования и циркуляции общественного мнения посредством публичного институционального диалога в виде перманентной делиберации, то есть общественных дискуссий, дебатов, обсуждений, совещаний, слушаний, «круглых столов».

Данное обстоятельство позволило легитимизировать как политическую систему ЕС, так и механизмы принимаемых на общеевропейском уровне политико-правовых актов. Вместе с тем, такая делиберативность дала возможность трансформировать и наднациональную систему управления Евросоюза. Коммуникативно-диалоговая стратегия существенно изменила политическую систему ЕС, сделав ее полицентричной.

Эта полицентричность выражается в том, что ни один из элементов политической системы теперь не играет доминирующей роли в политическом процессе. Процедура выработки и принятия политических решений постепенно превратилась в публичный трехсторонний политический дискурс. «Специфика Евросоюза заключается в том, что его политическая система строится не на двух, а на трех практически равноправных секторах – власти, экономике и гражданском обществе» [189, с. 111].

Гражданское общество, по сравнению с властными структурами, обладает гораздо большей гибкостью, а в отличие от коммерческих (рыночных) структур более тесной связью с теми территориями, на которых они функционируют. К тому же ныне многие НКО возникают и действуют не только на региональном или на национальном уровнях, но и на межнациональном уровне, что позволяет им фокусировать и артикулировать в своем диалоге с институтами власти схожие проблемы нескольких сообществ. Это делает организации гражданского общества «идеальным социальным посредником при решении бесчисленного множества проблем, с которыми сталкивается население в современном глобализированном мире [189, с. 112].

Благодаря этому ЕС стал первой политической организацией, признавшей гражданское общество и некоммерческие

организации равноправными участниками и партнерами в многоуровневом дискурсивно структурированном политическом процессе. При этом ЕС институционализирует эти отношения и рассматривает гражданское общество «как “третий компонент” своей политической системы, выполняющий посредническую функцию между государством, рынком и населением» [189, с. 112].

Специфика публичной сферы ЕС состоит в том, что в ней перманентно осуществляется циркуляция диалога посредством институционализированных механизмов и процедур коммуникации всех трех секторов социума: власти, бизнеса и гражданского общества. Это обстоятельство выгодно отличает Евросоюз, как от современной России, так и от национальных государств, входящих в это транснациональное политическое объединение, имеющих свои в чем-то схожие и в то же время особые, индивидуальные механизмы и формы институционализации гражданского диалога. Как, например, в Польше, где гражданский диалог – это одна из разновидностей социального диалога, а не наоборот – как в большинстве стран ЕС.

Исследователи политической системы ЕС отмечают, что особое влияние на процесс объединения Европы оказали «глобальные информационные и коммуникативные технологии», отказ от командных и иерархических стереотипов в политическом управлении и переход к использованию дискурсивных методов диалога, координации и согласования. В отличие от традиционных национальных государств, ЕС – это не вертикальный институт власти, отдающий приказы, распоряжения, команды, контролирующий их исполнения и требующий беспрекословного подчинения.

Политическая система в ЕС представляет собой уникальный феномен горизонтально интегрированной системы власти, выступающей в роли социального менеджера, который помогает улаживать периодически возникающие конфликты, ищет политический консенсус, разрабатывает общие концепции культурного, экономического и социального развития и так далее. Для политической системы ЕС «характерны последовательный диалог и переговоры между всеми участниками политического

процесса... Командование и подчиненность уступают здесь место координированию и согласованию». В соответствии с этим, в ЕС растет роль риторической составляющей и политической аргументации, благодаря чему «формируется и новый тип политика, который представляет собой скорее политического посредника, чем отдающего приказы начальника. Эта специфика и закрепляется в Конституции ЕС» [189, с. 110].

3.6. Репрезентативность акторов гражданского диалога

В России институционализация диалога государства и гражданского общества осуществляется главным образом на основе Общественной палаты РФ, а также соответствующих ей совещательно-консультативных органов, созданных во всех субъектах Российской Федерации, как на региональном, так и на местном уровнях. Данная модель интеракции власти и социума не является общепризнанной и вызвала критику, как в самой России, так и за ее пределами. И дело не только в том, что создание Общественной палаты было инициировано президентом страны, но еще и в том, что порядок формирования этого образования первоначально был определен таким образом, что в сферу официального дискурса государства и социума попадали лишь тщательно отобранные властью лояльные ей представители гражданского общества.

Анализ опыта создания общественных палат на региональном уровне свидетельствует, что «эти структуры не являются самостоятельными и образуются при губернаторах либо законодательных собраниях соответствующих регионов. Состав таких советов нередко утверждается главой региона, а в ряде случаев губернаторы лично возглавляют созданные при них общественные палаты. В состав некоторых общественных палат входят представители органов государственной власти, хотя это явно несовместимо с целями этих формирований, приводит к их смешению с органами государственной власти, не позволяя отнести к полноценному институту гражданского общества» [386, с. 19–20].

Данное обстоятельство ведет к произвольному ограничению числа возможных акторов диалога государства и гражданского общества в современной России, к снижению значимости этой формы социальной интеракции и, отчасти, даже к ее деинституционализации. Это же относится и к практике организации и проведения предвыборных дебатов, осуществляемых в рамках выборов в Государственную Думу и выборов президента РФ, в которых правящая партия «Единая Россия», а также поддерживаемые ею кандидаты в президенты, вплоть до конца 2011 года участия не принимали. Поэтому общенациональный предвыборный диалог вела сама с собой лишь системная оппозиция без участия представителей государственной власти. В то время как власть в своей коммуникации с обществом и электоратом использовала более традиционную для России монологическую интеракцию. Что же касается не только несистемной и внепарламентской системной оппозиции, то они вообще практически полностью были до недавнего времени выключены из диалога с государством, не имея официальных возможностей и каналов для вступления в двухстороннюю коммуникацию с властью. Причиной данного положения является отсутствие законодательных и нормативных документов, регламентирующих порядок и процедуры диалогового взаимодействия и критерии репрезентативности соответствующих структур гражданского общества, претендующих на участие в институциональном дискурсе с государством.

Кстати, на Западе уже давно выработаны четкие критерии, для того чтобы считать ту или иную общественную структуру репрезентативной и имеющей право на участие в гражданском диалоге. К таким критериям относятся, к примеру, стабильность данной структуры, уровень ее представительности и масштаб деятельности (местный, региональный, национальный, структур), прозрачность, независимость от каких бы то ни было других, в том числе бизнес структур, наличие опыта и прав участия в переговорах и так далее [499]. Это позволяет вести селекцию участников гражданского диалога на основании объективных критериев, а не произвольно, как, например, при формировании

членства общественно-консультативных органов, в том числе Общественной палаты РФ и аналогичных делиберативных структур в субъектах РФ.

Автор данной работы далек от апологии гражданского диалога в Европейском союзе и распространении его как кальки для заимствования и на этой основе развития коммуникации государства и гражданского общества в современной России.

Во-первых, в Российской Федерации совершенно иной, чем в ЕС, уровень политической, гражданской и коммуникативной культуры и совершенно другие исторические и социокультурные традиции, иной практический опыт в сфере взаимодействия государства и социума.

Во-вторых, реальная практика осуществления гражданского диалога в ЕС далеко не безупречна, вызывая серьезную и обоснованную критику.

Так, автор статьи, появившейся в печати в июне 2009 года, С. Буше подробно останавливается на тщательном анализе результатов мероприятий, предусматривавшихся «Планом Д». По его мнению, не следует обольщаться широтой охвата развернувшегося общеевропейского диалога, тем более что большинство замечаний граждан, получивших возможность высказать свои предложения и замечания о будущем Евросоюза на транснациональном уровне, не только не были учены, но даже не были услышаны [456].

Спустя два года сотрудник Института европейских исследований С. Ивич опубликовал статью «Еврокомиссия и “План Д: Демократия. Диалог. Дискуссия”: путь к делиберации?» В этом исследовании он продолжил размышления С. Буше о результативности завершившихся дискуссий. «План Д» не выполнил своих основных целей, – пишет С. Ивич. – Европейские граждане по-прежнему исключены из процесса принятия решений в ЕС» [518, р. 5]. Основная идея Плана Д, по мнению этого автора, состояла в трансформации Евросоюза в соответствии с пожеланиями населения. Однако это невозможно даже с нормативной точки зрения. Дискуссия не может быть отождествлена с делиберацией.

Так как делиберация, во-первых, более широкое понятие, чем диалог, дискуссии и дебаты, и, во-вторых, делиберация предполагает изменение и трансформацию предмета обсуждения.

«Существуют различные определения делиберации, – утверждает С. Ивич, – но все они подчеркивают ее способность к трансформации» [518, р. 5]. Однако реальной трансформации публичной сферы политической системы ЕС и текста Лиссабонского договора в ходе реализации Плана Д так и не произошло. Этот план хотя и содержал в себе зачатки делиберативной модели демократии, но традиционная для Европы система представительной демократии с незначительным вкраплением элементов демократии участия сохранилась в основании политического устройства и политической системы Евросоюза и входящих в него национальных государств.

3.7. Диалогический опыт ЕС и проблема реинтеграции на постсоветском пространстве

Опыт организации европейского институционального гражданского диалога в целях формирования общей политической воли и новой наднациональной идентичности может пригодиться и современной России. Причем не только с точки зрения развития традиционного диалога государства и гражданского общества, но и для реинтеграции национальных государств на постсоветском пространстве. С созданием таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана этот процесс приобретает вполне осязаемую не только экономическую, но и политическую перспективу. Одним из важных ресурсов реинтеграции должно стать использование позитивного опыта, учет неудач и промахов Евросоюза по организации структурированного гражданского диалога, формированию общего публичного пространства и становлению евразийского транснационального гражданского общества.

3 октября 2011 года В. В. Путин выступил в газете «Известия» со статьей «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». Ряд аналитиков уже заявили,

что данную статью вполне можно рассматривать как своеобразный месседж, адресованный не только российскому, но и мировому сообществу о том, что будет определять геополитическую стратегию на постсоветском пространстве нового президентского срока В. В. Путина.

По словам В. В. Путина, Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов. «Еще в 2003 году Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства... – писал в своей программной статье тогдашний премьер-министр РФ В. В. Путин. – В развитие этой идеи мы предложили европейцам вместе подумать о создании гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока, о зоне свободной торговли и даже более продвинутых формах интеграции. О формировании согласованной политики в сфере промышленности, технологий, энергетики, образования и науки. И, наконец, о снятии визовых барьеров. Эти предложения не повисли в воздухе – они детально обсуждаются европейскими коллегами. Теперь участником диалога с ЕС станет Таможенный, а в дальнейшем и Евразийский союз» [308].

Евразийский союз не станет точной копией Евросоюза. Однако их сопоставление вполне корректно. Нынешний Европейский союз тоже когда-то начинался с сугубо экономического партнерства; политическое объединение и интеграция пришли гораздо позже. Поэтому ряд демократических практик ЕС, в том числе для преодоления дефицита демократии, принятия странами-участницами Восточноевропейского союза некоего аналога Евразийского «Плана Д», создания и расширения их транснациональной публичной сферы, формирования союзного гражданского общества и его институтов, развития гражданских коммуникаций и гражданского диалога (горизонтального, вертикального, трансверсального) – вполне могут пригодиться и России, и Беларуси, и Казахстану. В том числе для упрочения и легитимации их союза в глазах собственных граждан, соседей по Европе и для добровольного привлечения в него новых членов.

К сожалению, реального диалога с участием национальных гражданских обществ и процесса формирования транснационального гражданского общества в рамках Евразийского союза не наблюдается. Процесс формирования Евразийского союза протекает на основе административных методов управления этим процессом. Именно отсутствие публичного диалога в Украине вызвало волну протестов в конце 2013 – начале 2014 года.

Будущее нового интеграционного процесса осуществляется властью без публичного и открытого обсуждения этих вопросов с привлечением к диалогу общественных организаций и институтов гражданского общества. Данная стратегия, как представляется, в последующем может вызвать противодействие, противостояние и конфликты. Это, в свою очередь, подорвет доверие и делегитимизируют в общественном мнении сугубо административные действия власти по формированию Евразийского союза вне публичной делиберации и дебатирования реинтегративных процессов с участием гражданского общества.

ГЛАВА 4

Институционализация публичных дебатов во Франции

4.1. Публичные дебаты как диалог по-французски

Первое упоминание термина «дебаты» в европейских языках датируется XIII веком. В старофранцузском языке слово *debatre* означало «бороться» и «сбивать» (*de* «вниз» + *batre* «бить»). Однако постепенно из области рыцарских турниров и состязания в силе и умении побеждать соперника при помощи копья и меча этот термин переместился в риторическую сферу публичного, прежде всего парламентского, дискурса, где оппонента надо было одолевать уже силой слова, логики, убеждения. Поэтому в начале XIV века слово «дебаты» стало означать «спор», «ссору», «несогласие». А с начала XIV века французское слово «*débat*» стало непосредственно применяться для обозначения словесных «прений, обсуждений, споров», в целях «обсуждения плюсов и минусов». В русском языке термин «дебаты» появился лишь в первой трети XIX века и переводился как прения, обсуждения, споры, состязания сторон, отстаивающих различные, а подчас и противоположные, поляризованные точки зрения.

Современное слово «дебаты» во французском языке мужского рода и имеет такие синонимы как семинар (*colloque*), конференция (*conférence*), оспаривание (*contestation*), спор (*controverse*), обсуждение (*délibération*), диалог (*dialogue*), лицом к лицу (*face-à-face*),

полемику (polémique) [489]. При этом французские словари фиксируют, что ближайшим синонимом понятия «диалог» является слово «дебаты» (Le synonyme le plus proche de dialogue est: débat) [495]. Поэтому, используя понятия дебаты и публичные дебаты, характерные для традиций французского дискурса, мы будем иметь в виду их синонимичность диалогу и публичному диалогу, в том числе на основе коммуникации между государством (правительством) и гражданским обществом.

Резюмируя современный аспект данного понятия, можно сказать, что дебаты – это организованный публичный диалог на определенную тему. Публичными дебаты называются потому, что обычно они протекают перед публикой. При этом зрители или слушатели могут находиться непосредственно в месте организации и проведения дебатов или же располагаться за пределами аудитории, имея опосредованную средствами массовой коммуникации возможность наблюдать за ходом дискуссии. Такой диалогический дискурс имеет строго регламентированный формат и четко структурированную процедуру обмена взглядами, мнениями и идеями между двумя (и более) участниками коммуникации по актуальным и злободневным вопросам социально-политической жизни общества. Главная интенция участников дебатов направлена не на переубеждение друг друга, а на привлечение на свою сторону публики, завоевания симпатий и поддержки со стороны общества своей точки зрения.

Во Франции существует достаточно большое количество научных исследований, посвященных французской модели публичных дебатов*. Так, один из этих авторов – французский исследователь

* Le débat public: une expérience française de démocratie participative. M. Revel et autres (dir.). Paris: Éditions La Découverte, 2007. 398 p.; *Blatrix C.* Devoir débattre : Les effets de l'institutionnalisation de la participation sur les formes de l'action collective // *Politix*. 2007. № 57. P. 79–102; *Blondiaux L.* Débat public: la genèse d'une institution singulière // *Le débat public : une expérience française de démocratie participative*. M. Revel et autres (dir.). Paris: Éditions La Découverte, 2007. – P. 37–41; *Fourniau J.-M.* Les trois scènes d'une institutionnalisation controversée de la participation du public aux décisions d'aménagement // *Le débat public en apprentissage*. L'Harmattan, 2005. P. 241–256; *Surad M.-G.* L'espace public: entre autonomie et institutionnalisation // *Communication*. 2006. Vol. 24. № 2. P. 9–28 и др.

Жан-Мишель Фурньо (Jean-Michel Fourniau), посвятил сразу несколько работ проблеме публичных дебатов. При этом он специально останавливается на вопросе их институционализации, и довольно детально анализирует траекторию процесса институционализации публичных дебатов во Франции [503, 504, 505 и др.].

Процесс институционализации публичных дебатов во Франции, согласно концепции Ж.-М. Фурньо, осуществлялся в течение трех последовательных этапов и протекал на трех соответствующих им сценах или на «трех аренах институционализации» публичных дебатов. Институционализацию публичных дебатов он рассматривает как процесс, имеющий историю и вектор движения. Траектория институционализации дебатов заключается в последовательном переходе от неинституционализированных дискурсивных практик к нормативному закреплению процедур дискурсивного взаимодействия граждан и власти, государства и гражданского общества. Публичные дебаты не только законодательно закрепляются, но и приобретают институциональный дизайн, благодаря специально созданными для этого учреждениям, распределением и закреплением ролей, статусов и функций их участников. Всего Ж.-М. Фурньо выделяет три этапа в процессе институционализации дебатов и превращения их в полноценный институт публичной политики современной Франции.

4.2. Первый этап институционализации публичных дебатов

Первоначальный этап институционализации публичных дебатов во Франции – это 1970 – начало 1990-х годов, когда экологически ориентированные общественные организации при поддержке со стороны рядовых граждан и других институтов и структур гражданского общества все чаще и чаще начинают вступать в противоречие и даже в открытый конфликт и противостояние с органами государственной власти и бизнесом, занимающимся реализацией на территории страны тех или иных инвестиционных проектов. Причем, в подавляющем большинстве

случаев, без всякой оценки меры их негативного воздействия на окружающую природную среду и без предварительных консультаций с местным населением, обществом, в целом, без учета различных общественных интересов в угоду своей собственной выгоде.

Эти проблемы касались таких социально значимых вопросов, как строительство АЭС и размещение радиоактивных отходов, сооружение высокоскоростных автомагистралей, терминалов, аэропортов, размещение промышленных предприятий и т. д. Гражданское общество требовало прозрачности и открытости информации, говорило о необходимости рассмотрения альтернативных точек зрения, настаивало на предварительном публичном обсуждении и согласовании с обществом новых инвестиционных проектов. Что, кстати, было вполне адекватно новым моделям демократии, в том числе демократии участия и делиберативно-дискусивной демократии. Однако путь от политической теории к реальной политической практике был связан с острыми и затяжными конфликтами с участием государства, бизнеса и гражданского общества, которые на этой стадии институционализации публичных дебатов еще только нащупывали основу для взаимовыгодного межсекторного партнерства и диалога.

В 1970–1980 годы Франция укрепляет свое законодательство в сфере охраны окружающей среды, создавая механизмы исследования возможного воздействия на природную среду, что позволило общественности быть в курсе экологических последствий планируемых работ.

В 1983 году во Франции был принят закон в сфере природоохраны, известный как «закон Бушардо», где было зафиксировано, что появлению новых промышленных или инфраструктурных объектов, которые в силу своей специфики могут повлиять на окружающую среду, независимо от того, кем выполняются работы (государством или же частным лицом), должны предшествовать публичные слушания (*publiques ou privées*) [532]. Публичные слушания это еще не институционализированные публичные дебаты, но уже диалоговый механизм, позволяющий обществу в определенной степени контролировать действия инвестора.

LGV (TGV) Méditerranée – это французская высокоскоростная железнодорожная линия, соединившая север и юг Франции на Средиземном море (Лазурный берег). Движущиеся здесь поезда способны двигаться со скоростями до 320 километров в час, что стало возможным благодаря строительству специальных железнодорожных линий без резких поворотов.

Это был высокоприбыльный инвестиционный проект, стоимостью в 3,8 миллиарда евро, позволивший в короткие сроки на основе современного сервиса разгрузить традиционную транспортную магистраль, пользующуюся повышенным спросом у значительной части населения Франции [490]. Проектирование этой высокоскоростной современной железнодорожной магистрали первоначально проходило в закрытом для общества режиме и только в январе 1990 года в результате произошедшей утечки документов эти планы получили публичную огласку. Документом, ставшим достоянием общественного мнения, стала подробная карта с указанием практически всех объектов, которые должны были появиться после реализации данного проекта [491, р. 9].

Практически мгновенно произошла консолидация оппозиции, которая под петицией в знак протеста против высокоскоростной линии собрала 17 тысяч подписей противников строительства: экологов, защитников ландшафта и окружающей среды, мелких фермеров и виноделов, в основном сельского населения юга страны, через традиционные ареалы проживания которых должна была пройти эта магистраль и чьи интересы, в том числе экономические, она существенно нарушала. Затем начались акции протеста, забастовки и демонстрации, марши и блокирование железнодорожных путей. Протестующие «требовали информации и диалога по проекту», демонстрируя власти свою силу и солидарность, и, постепенно формируя в спорах и дебатах друг с другом, свою собственную позицию [491, р. 9].

Первые протесты экологов против строительства скоростных железнодорожных линий во Франции прошли в мае 1990 года. Протестующие блокировали строящийся путепровод, заявляя, что новая трасса стране не нужна, и что поезда из Лиона

до Марселя могут двигаться и по существующим железнодорожным линиям. Лето 1990 года во Франции получило наименование «жаркого лета» из-за острого накала борьбы и жесткой артикуляции обществом своего несогласия, прежде всего в адрес правительства. Лишь только с осени этого же года возникают первые признаки многосторонних консультаций и диалога, в процессе которых начинается постепенная корректировка первоначально предполагавшегося маршрута высокоскоростной магистрали. Однако конструктивного и устойчивого переговорного процесса с многочисленными, раздробленными и, зачастую, конкурирующими даже друг с другом, ассоциациями защитников окружающей среды правительству наладить так и не удалось.

В результате все более усиливающейся волны сопротивления первоначальный проект под непосредственным руководством президента Франции Ф. Миттерана существенно корректируется, а скорость движения по трассе ограничивается до 220 километров в час, что, естественно, ведет к удорожанию проекта и к отсрочке введения в эксплуатацию. Во Франции организуются опросы общественного мнения, идет спонтанное и неуправляемое формирование разнообразных диалоговых площадок. В результате налаживается механизм переговоров, в которых принимают участие представители власти, бизнеса и ассоциаций гражданского общества.

Общественные конфликты, происходившие в это время, стали изначальной ареной институционализации общественного диалога или, как его принято называть во Франции, публичных дебатов. В этом процессе были апробированы спонтанные, стихийные и спорадические практики организации и проведения публичных дебатов и попытки дискурсивного урегулирования разгоревшегося конфликта.

Эти дискурсивные практики еще не носили устойчивого, регулярного, повторяющегося и организованного характера, нормативно закреплены не были, не имели четкого регламента и формальных, прописанных в законах или неформальных, но общепризнанных и тиражируемых процедур и правил. Поэтому

данный этап – это, скорее всего, еще преинституциональный, или подготовительный, этап институционализации публичных дебатов, в процессе которого не только возникает потребность в диалогической интеракции, но и неформально реализуется в процессе и практике диалогической коммуникации власти, бизнеса и организаций гражданского общества.

Главное, что предопределило последующую институционализацию публичных дебатов, заключается в том, что все участники конфликтной интеракции осознали объективную необходимость формирования площадок, каналов, механизмов, процедур и норм, регулирующих общественный дискурс и регламентирующий межсекторное взаимодействие в вопросах выработки решений, затрагивающих общественные интересы.

В подтверждение сделанного нами вывода сошлюсь на мнение авторитетного конфликтолога и специалиста по связям с общественностью, профессора философии из Марсельского университета Л. Декарло, которая, детально проанализировав выше описанную конфликтную ситуацию, пришла к мнению, что до начала институционализации публичных дебатов во Франции (как впрочем, отчасти и в современной России), считалось, что только правительство (государство) может адекватно определять общий интерес (General interest). Все другие интересы, в том числе и общественные, за исключением государственного интереса, считались партикулярными или узкими, локальными интересами, противоречащими государственной позиции и приоритетам [491, p. 5].

4.3. Второй этап институционализации публичных дебатов

Вторым этапом институционализации публичных дебатов во Франции стала государственная разработка законодательных основ и первоначального форматирования национального института публичных дебатов. Нормативное оформление инновационных коммуникативных практик во многом было связано с развитием политических компетенций субъектов гражданского

общества, открыто заявлявших о своей гражданской позиции и праве на участие в процессах выработки решений и в управлении государством.

С. Блатрикс, на наш взгляд, вполне справедливо отмечает, что «институционализация процедур общественного обсуждения опирается на изменение представлений о статусе гражданина», поскольку институционализация публичных дебатов это не изолированный процесс, а часть более широкого тренда, связанного с институционализацией новейших форм демократии: демократии участия, делиберативной демократии и диалогической демократии [451]. Происходящие изменения в публичной сфере, в публичной политике и в процессах и процедурах коммуникации власти, бизнеса и гражданского общества индуцируются дискурсивной институционализацией таких политически востребованных прав граждан, как право на защиту общественных интересов, право на коллективные действия и на защиту окружающей природной среды, подвергающейся все большему техногенному воздействию.

Дело в том, что в 1990-е годы, после ряда конфликтов вокруг крупных национальных проектов транспортной инфраструктуры, государство и гражданское общество солидаризировались в вопросе о необходимости вовлечения граждан в процесс предварительных консультаций по вопросам реализации проектов, затрагивающих публичные интересы. Признание принципа участия населения было связано не только с конфликтным противостоянием экологически ориентированной части французского социума, с одной стороны, и властью, бизнесом, с другой, но и развитием норм и требований международного экологического права. В этой связи хотелось бы обратить внимание на два международных документа, усиливших динамику процесса институционализации публичных дебатов во Франции. Во-первых, это так называемая «Декларация Рио» (1992 год) и, во-вторых, это Охрусская конвенция (1998 год), которые во многом предопределили последующий разворот Франции к демократии участия.

«Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию» – это основополагающий международный документ, содержащий основные принципы экологического права, принятый на конференции ООН по окружающей среде и развитию в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро в Бразилии. Декларация Рио является одним из основных источников экологического права большинства демократических стран мира. В этом документе содержится 27 принципов экологически корректного поведения для мирового сообщества.

В десятый принцип Декларации Рио провозглашает то, что экологические вопросы должны решаться «при участии всех заинтересованных граждан». Государству необходимо поощрять «участие населения путем широкого предоставления информации» о состоянии окружающей среды или потенциально опасных материалах и объектах. Здесь же (что особенно важно для процесса институционализации диалога) зафиксировано: граждане должны иметь «возможность участвовать в процессах принятия решений» [334].

Охрусская конвенция – это документ Европейской экономической комиссии ООН «О доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды». В статьях 6, 7 и 8 Охрусской конвенции зафиксировано право на «участие общественности в принятии решений», право на участие «в решении вопросов, касающихся планов, программ и политики, связанных с окружающей средой» и, наконец, право общественности на подготовку «нормативных положений, имеющих непосредственную исполнительную силу» [256, р. 12–15]. В статье 2 этой же Конвенции расшифровываются связанные с этими правами понятия. Так, понятие «общественность» «означает одно или более чем одно физическое или юридическое лицо» [256, р. 5]. А «заинтересованная общественность» – понятие, которое ранее было использовано в «Декларации Рио», это та часть общества, «которая затрагивается или может затрагиваться процессом принятия решений по вопросам, касающимся окружающей среды, или которая имеет заинтересованность в этом процессе» [256, р. 5].

15 декабря 1992 года во Франции, где продолжалось конфликтное противостояние между правительством и противниками общенациональных инфраструктурных проектов, появился так называемый «циркуляр Бьянко», названный так по фамилии министра транспорта этой страны. В данном документе, сыгравшем весьма существенную роль в последующем ускорении процесса институционализации диалога в формате публичных дебатов, федеральная власть обращала внимание региональных префектов на то, что «в условиях современной демократии», крупные инвестиционные проекты могут быть реализованы лишь «после широкого обсуждения», в котором «должны участвовать все заинтересованные стороны». В циркуляре говорилось о необходимости создания условий «прозрачной и демократической дискуссии для проектирования и строительства крупных объектов инфраструктуры, санкционированных государством» [461].

Ж.-М. Фурньо называет появление «циркуляра Бьянко» точкой «бифуркации» в процессе «институционализации публичных дебатов» [503]. Ведь благодаря этому официальному документу впервые на общенациональном уровне во Франции были заложены основания для привлечения и участия представителей гражданского общества к разработке и реализации крупных инфраструктурных проектов, затрагивающих общественные интересы. Конфликты и противостояние государства и граждан, возникшее при строительстве высокоскоростной железной дороги к Средиземноморью, логически привели власть к осмыслению необходимости правового закрепления и институционализации процедуры общественных консультаций. Но не только констатацией данной интенции, но и путем законодательного оформления независимого правительственного института, отвечающего за процесс организации и проведения публичных дебатов.

Им стала Национальная комиссия публичных дебатов (Commission nationale du débat public или, сокращенно, CNDP), утвержденная в 1995 году так называемым «Законом Барнье» [453] или законом об охране окружающей среды, названном по фамилии тогдашнего министра окружающей среды М. Барнье

[533]. Создание этого дискурсивно-делиберативного, а по сути дела, диалогового института, стало началом перехода к третьему этапу институционализации дебатов в публичной сфере современной Франции. «Закон Барнье» значительно расширил сферу применения «циркуляра Бьянко», включив в список объектов, подлежащих общественному обсуждению не только транспортные магистрали, но и предварительную делиберацию планов сооружения высоковольтных линий электропередач, газопроводов, морских портов, аэропортов, терминалов, мест складирования, захоронения ядерных отходов и так далее.

4.4. Третий этап институционализации публичных дебатов

Третий этап институционализации публичных дебатов во Франции – это формирование новой общенациональной диалоговой площадки в виде институционализированных общественных слушаний и делиберации по социально значимым, как правило, экологическим проблемам, в целях согласования и примирения общественных и частных интересов, которые по традиции, сложившейся во Франции, именуется публичными дебатами.

На Национальную комиссию публичных дебатов «законом Барнье» была возложена миссия обеспечения соблюдения участия общественности в процессе разработки планов землеустройства и реализации социально-экономических инвестиционных проектов, потенциально способных нанести ущерб окружающей среде. Комиссия должна была следить за соблюдением надлежащих условий информирования общественности, обеспечивая коммуникацию власти, бизнеса и гражданского общества еще на стадии разработки и предварительного проектирования инфраструктурных объектов; проводить консультации с участием экологов и инвесторов; проводить экспертизы; разрабатывать рекомендации и предложения. Публичная и открытая дискуссия была призвана обеспечить получение общественностью достоверной и полной информации об особенностях и специфике дебатлируемого проекта.

В соответствии с положениями Орхусской конвенции, закон от 27 февраля 2002 года о местной демократии включил в себя новую главу об участии общественности в подготовке развития инфраструктурных проектов со значительным воздействием на окружающую среду. Этим же законом Национальная комиссия публичных дебатов была преобразована в независимый от государства и бизнеса административный орган, которому поручалось проведение общественных дебатов и обеспечение информированности общества об основных экологически значимых проектах, затрагивающих общественные интересы [534]. Независимость CNDP выражается в ее финансовой автономии неподотчетностью правительству и другим органам власти. В состав Национальной комиссии по публичным дебатам входит 21 человек, в том числе президент, 2 вице-президента и 18 членов, назначаемых из числа парламентариев, судей и гражданских активистов НКО сроком на 5 лет.

В настоящее время деятельность Национальной комиссии публичных дебатов регламентируется Экологическим кодексом, закрепленным в сфере публичной политики Франции все тем же законом от 27 февраля 2002 года. Эта мера стала фактом официального признания и институционализации реальных практик участия общественности в процессе принятия решений по крупным проектам в области экономического и социального развития территорий страны. Закон четко определил, в каких случаях проведение публичных дебатов является обязательной процедурой при реализации данного проекта, а в каких нет. Как правило, это зависит от размера инвестиционной стоимости и ряда технико-экономических показателей, связанных с характером и масштабом воздействия нового планируемого объекта на окружающую природную среду.

После того как на этапе планирования и оценки того или иного проекта CNDP получает соответствующий пакет документов, она определяет, является ли обязательным его представление на публичное обсуждение или же нет. Если выясняется, что в соответствии с существующими критериями отбора данный проект

не подлежит публичному дебатированию, то может рекомендовать его владельцу провести консультации с заинтересованной общественностью и тем самым избежать в дальнейшем потенциально возможного осложнения ситуации, конфронтации или конфликта.

В том случае, если данный проект требует публичного дебатирования, CNDP в течение четырех недель должна сформировать специальную комиссию и назначить ее председателя. Данная комиссия в течение 6 месяцев на основании пакета документов, представленных проектировщиком, ведет подготовку к организации процесса публичных дебатов. Обычно такой пакет документов содержит описание целей и основных технико-экономических характеристик инвестиционного проекта, оценку сопряженных с ним экологических и социальных рисков, определяет степень вероятного воздействия на окружающую среду и прогноз возможных социальных издержек. В течение этого времени запрашиваются и другие недостающие документы, а с материалами досье знакомятся все заинтересованные в обсуждении этого вопроса стороны.

Затем заранее проработанный вопрос выносится на публичное дебатирование, процесс которого не должен превышать 4 месяцев. Во время первых заседаний публичных дебатов председатель специальной комиссии традиционно оглашает правила ее проведения и устанавливает порядок, в котором общественность может участвовать в обсуждении, а также информирует участников об организации дискуссии (календарь, места и темы запланированных встреч). На этих встречах «любое заинтересованное лицо могло присутствовать, слушать, говорить, задавать вопросы или делать предложения» [533, р. 3]. Обычно акторы, участвующие в дебатах со стороны гражданского общества, – это ассоциированные субъекты диалога с властью и бизнесом. «Но и рядовые граждане могут пытаться воспользоваться возможностью, чтобы принять участие в дискуссии» [533, р. 3].

Противоположная сторона представлена организациями-заказчиками данного проекта. И, наконец, третья сторона – это

члены «специальной комиссии, которые являются гарантами нейтралитета дебатов» [533, р. 3]. Процедура организации дебатов в соответствии с нормами законодательства предусматривает участие в обсуждении со стороны общественности добровольных ассоциаций, отдельных граждан и неструктурированной части общественности. При этом Национальная комиссия публичных дебатов гарантирует участие общественности на всем протяжении процесса разработки проекта, от начала предварительных изысканий до завершения общественных слушаний.

Национальная комиссия публичных дебатов стремится к обеспечению открытого и прозрачного рассмотрения всех аспектов существующей проблемы, она гарантирует сторонам диалога беспристрастность и объективность дискуссии, а также возможность артикуляции существующих точек зрения и позиций. К основным способам и формам организации и проведения публичных дебатов, которые используются CNDR, можно отнести: проведение семинаров, встреч, обмен мнениями, интернет-дискуссии на специально созданных веб-сайтах, привлечение прессы и некоторые другие. Решения по обсуждаемым вопросам в CNDR принимаются на пленарном заседании комиссии. Публичный отчет об итогах дебатов должен быть опубликован в течение двух месяцев после их официального завершения.

Предметом обязательных публичных дебатов в соответствии с французским законодательством являются вопросы, касающиеся создания автомагистралей или скоростных дорог, расширения уже существующих автодорог с двумя или тремя полосами движения, строительство железных дорог, водных путей, инфраструктуры аэродромов и портов, линий электропередач и газопроводов, нефтепроводов, ядерных установок, гидроэлектростанций, переброски вод речного бассейна, промышленного оборудования, научного и культурного туризма, спортивных сооружений – всего того, что из данного перечня в стоимостном выражении превышает объем инвестиций в размере 300 миллионов евро [551].

Только за период с 1997 и по 2007 годы было зарегистрировано 37 «сеансов» дебатов, проведенных CNDR. В том числе, 7 обсужде-

ний проектов, связанных с передачей электроэнергии, 12 проектов по автомобильным трассам и шоссе, 6 – по железнодорожным проектам (например, дебаты о высокоскоростной железнодорожной линии Бордо – Тулуза, прошедшие с 8 июня по 25 ноября 2005 года), 7 дебатов по вопросам инфраструктурной политики в области транспорта (к примеру, о продлении трамвайного пути в Париже, проходивших с 30 января по 15 мая 2006 года). Еще 5 дебатов прошли по другим инвестиционным проектам (например, дебаты о терминале сжиженного газа в городе Вердон-сюр-Мер). Кроме этого, дебатировались такие общественно значимые проблемы, как проект строительства порта в городе Руан (2007 год), Национальный план по предотвращению образования отходов в 2014–2020 годах (период консультаций длился с 4 декабря 2013 и по 4 февраля 2014 года) и т. д.

Вместе с тем, как оказалось, публичные дебаты имели целый ряд недостатков, что требовало реформирования этого института в сфере публичной политики и диалога. Так, к примеру, выяснилось, что «средняя продолжительность дебатов составляет один год и имеет среднюю стоимость около одного миллиона евро» [552, р. 51].

4.5. Начало четвертого этапа институционализации публичных дебатов: проблема репрезентативности

Четвертый этап институционализации публичных дебатов связан с тем явлением в политической жизни современной Франции, которое получило наименование «Гренель окружающей среды» (Grenelle Environnement). Именно этот форум 2007 года стал отправной точкой для выработки и принятия важных институциональных изменений и ограничений для определения более узкого круга репрезентативных акторов со стороны гражданского общества, имеющих право на участие в публичных дебатах. Кстати, чуть ранее схожие институциональные ограничения по критерию репрезентативности, а также по ряду других требований, нашли законодательное оформление во Франции для легитимации акторов социального диалога со стороны профессиональных сою-

зов [492]. В результате пять наиболее влиятельных объединений профсоюзов, которые с конца Второй мировой войны обладали «неопровержимой презумпцией репрезентативности», были вынуждены, наравне с другими, менее институционализированными профобъединениями страны, доказывать свою легитимность на участие в социальном диалоге.

Под социальным диалогом, который трактуется во Франции предельно широко, понимается «все, что способствует взаимопониманию между различными компонентами общества» [496]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что публичные дебаты, о которых мы ведем речь, это составная часть социального диалога в его французском инварианте.

Гренель или Гренельские соглашения (*accords de Grenelle*) – это специфически французский общественно-политический термин, который ведет свою генеалогию от названия места проведения исторически важных для этой страны трехсторонних переговоров (Министерство труда Франции в то время располагалось в Париже на улице Гренель) в процессе разрешения и урегулирования социально-политического кризиса конца 1970-х годов. Во время майского кризиса 1968 состоялись консультации представителей правительства Ж. Помпиду, профсоюзов и организаций работодателей. Достигнутые в процессе Гренельских переговоров соглашения, хотя официально и не были подписаны представителем правительства, но в конечном итоге удовлетворили социальные ожидания общества и привели к 35%-му увеличению минимальной заработной платы и к 10%-му росту средней реальной заработной платы. Кроме этого, в результате переговорного процесса и по требованию генерала Ш. де Голля последовал роспуск Национального собрания и новые выборы, что положило конец кризису 1968 года. Делиберативные процедуры, апробированные в процессе Гренельских консультаций, сыграли исключительно важную роль как в урегулировании данного конкретного конфликта, так и последующем дискурсивном конструировании моделей, типов и форм диалога между различными кластерами французского общества, в том числе и в сфере публичного взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества.

Именно этот опыт был востребован во время конфликта, связанного со строительством трансконтинентальной высокоскоростной магистрали и реализацией ряда других инвестиционных проектов, потенциально обладающих рисками неблагоприятного воздействия на окружающую природную среду. В то же самое время именно данная проблематика, а не социально-трудовые проблемы, характерные для социального диалога, как ранее, оказались в центре публичной политики и диалога с участием правительства, бизнеса и гражданского общества Франции в формате публичных дебатов, начиная с 1990-х годов.

Термин «Гренель» хотя и относится к конкретным переговорам мая 1968 года, но, по аналогии с этими, вошедшими в анналы политической истории Франции, консультациями в настоящее время приобрел символическое значение и означает в целом любые «дебаты между представителями государства, отраслевыми ассоциациями профсоюзов и НПО» [508]. То есть, фактически, тот же диалог государства и гражданского общества подразделяется его на гражданский диалог (публичные дебаты) и социальный (в узком смысле) диалог.

Так, во Франции существует диалоговая площадка под названием «Гренель моря» (Grenelle de la mer), которая представляет собой «публичный процесс рефлексии и переговоров между государственными, выборными должностными лицами, хозяйствующими субъектами и специалистами, связанными с морем и гражданским обществом» [509]. Институционализация «Гренеля моря» породила «беспрецедентную мобилизацию гражданского общества вокруг вопросов моря» [509]. На данной диалоговой площадке обычно встречаются и дискутируют наиболее крупные акторы из сферы морской экономики и экологических организаций гражданского общества, чтобы «определить дорожную карту для моря, побережья и продвижении морской деятельности в контексте устойчивого развития» [509].

Итогом многочисленных публичных консультаций правительства с общественностью, серии «круглых столов» и дальнейшей артикуляции, высказанных со стороны НКО предложений,

стало издание «Синей книги Гренельских морских обязательств» («*Livre bleu des engagements du grenelle de la mer*»), агрегировавшей конструктивные идеи в своеобразную «дорожную карту» для защиты, сохранения, воспроизводства и эффективного использования морской среды [537].

В сентябре и декабре 2007 года, по инициативе Президента Франции Н. Саркози, выдвинутой им еще в процессе президентской предвыборной кампании, состоялся Гренельский форум по вопросам окружающей природной среды. Форум объединил людей с различными взглядами на проблемы экологии, выработав программу долгосрочных решений в области сохранения окружающей среды и устойчивого развития. На основании работы Гренельского форума по защите окружающей среды были разработаны и приняты законы, получившие наименование «Гренель 1» (*loi № 2009-967 du 3 août 2009*) и «Гренель 2» (*loi № 2010-788 du 12 juillet 2010*). В тоже время «Гренель окружающей среды» стал предметом острой критики со стороны ряда экологических организаций и левых политических групп.

Так, еще в процессе проведения «круглых столов» на Гренельском форуме началось предварительное обсуждение критериев репрезентативности акторов публичных дебатов со стороны общественных экологических организаций Франции. В качестве наиболее важных показателей, характеризующих репрезентативность структур гражданского общества, правительством были предложены такие критерии, как компетентность, независимость, наличие достаточно большого количества членов данной общественной организации, ее прозрачность, эффективность деятельности, компетентность, способность вести дискуссию по вопросам защиты окружающей среды и так далее [251, р. 21]. А в июле 2011 года было принято несколько законов, связанных с реформированием охраны окружающей среды и введением четких критериев, на основе которых общественные объединения признавались репрезентативными участниками для участия в публичных дебатах [493].

Например, чтобы получить легитимное право для участия в публичном дискурсе по вопросам защиты окружающей среды,

общественные объединения граждан, претендующие на это, должны были иметь в своих рядах не менее двух тысяч членов и быть представлены не менее чем в восьми регионах страны. Кроме того, государственные органы получали право проверки финансирования этих структур гражданского общества, которые должны были подтвердить перед государством свою независимость от каких либо спонсоров или доноров, лоббирующих таким способом какие-то свои партикулярные интересы под прикрытием общественных негосударственных и некоммерческих ассоциаций. Принятие этих и ряда других критериев репрезентативности, ознаменовали начало четвертого этапа в институционализации публичных дебатов во Франции.

Ряд общественных организаций экологической направленности выступили за отмену принятого закона, указывая, что он будет способствовать поглощению мелких ассоциаций более крупными акторами или приведет к исключению из дискурса целого ряда структур и организаций гражданского общества. По их мнению, критерии репрезентативности, установленные законом, расплывчаты и туманны, что будет способствовать бюрократическому произволу со стороны отдельных чиновников и правительства в целом.

14 сентября 2011 года ряд общенациональных ассоциаций, функционирующих в сфере охраны окружающей среды, подали жалобы в адрес правительства Франции, указывая в них, что новые правила допуска к публичным дебатам нарушают принципы участия, изложенные в Охрусской конвенции, и потребовали их отмены [446а]. Однако правительство осталось на прежних позициях, а большинство ассоциаций гражданского общества, всерьез озабоченных проблемой своей репрезентативности, в настоящее время работают над устранением возможных проблем, которые у них могут возникнуть при рассмотрении вопроса о допуске к публичным дебатам. Время у них еще есть, новые правила будут введены в действие лишь после 31 декабря 2014.

В то время как большинство французских исследователей позитивно оценивают процесс институционализации публичных

дебатов, встречаются и иные позиции, утверждающие, что публичное пространство диалога власти и гражданского общества требует большей автономии и что процесс коммуникации правительства и организаций гражданского общества не должен сводиться лишь к дебатам. Так М.-Ж. Сурад, проанализировав практики региональных публичных дебатов, в том числе после взрыва на химическом предприятии в городе Тулуза, пришел к выводу, что «с практической точки зрения... вместо восстановления диалога и доверия, институциональные процедуры дебатов могут привести к противоположному результату, к радикализации конфликта, а не к его урегулированию» [558].

М.-Ж. Сурад сомневается в том, что «институционализация процедур является достаточным основанием для развития диалога между политиками и неправительственными лицами, принимающими решения. Поскольку институциональное пространство для публичной дискуссии, по определению, является местом противостояния между гражданским обществом и правительством, условия для формирования взглядов не могут избежать этого противостояния». А изучение проблем взаимных консультаций и диалога «не может сосредоточиться исключительно на рассмотрении процедуры дебатов».

По мнению М.-Ж. Сурада, для налаживания конструктивного взаимодействия необходимо взглянуть на данную проблему с «более широкой коммуникативной точки зрения», прежде всего с учетом такого критерия, как автономность публичного пространства и публичного дискурса [558]. Эти критерии, выдвинутые еще Ю. Хабермасом, не соблюдаются ни во Франции, ни, тем более, в современной России, где диалог государства и гражданского общества все еще находится на начальной стадии институционализации под контролем со стороны государства и недопущением в публичную сферу диалога нелояльных по отношению к действующей власти акторов публичной политики.

ГЛАВА 5

Институционализация диалогической модели связей с общественностью

5.1. Возникновение и формирование диалогической модели связей с общественностью: зарубежный опыт и современная Россия

Диалогические методы субъект-субъектного взаимодействия в политической сфере, в целом, и в управлении политическими PR-коммуникациями, в частности, используются крайне редко, неэффективно и осторожно, с большой долей подозрительности и недоверия к двухсторонним технологиям связей с общественностью. Диалогическая модель по-прежнему находится на периферии связей с общественностью. При этом многие практики откровенно скептически относятся к возможности ее институционализации в современной России, где даже в практике интеракции государства и гражданского общества традиционно доминирует монологические, пропагандистские, манипулятивные и асимметричные диалоговые коммуникации. В то же время, западноевропейская и североамериканская теория диалогических связей с общественностью, о которой речь пойдет ниже, вполне применима к российским PR-технологиям и коммуникациям.

Одновременно симметрично-диалоговые коммуникации уже не раз подтвердили большую эффективность, нежели монологические субъект-объектные модели дискурса власти и общества и продолжают свое утверждение в коммуникативных технологиях связей с общественностью современной России. По мнению М. А. Кузьменковой, специалиста в области связей с общественностью, за последние десятилетия в России происходят весьма глубокие изменения в модусах как индивидуальной, так и социальной коммуникации. Совсем недавно российское общество существовало «в ситуации жестко иерархизированного порядка, приказной монологической коммуникации», теперь же «коммуникативное пространство формируется на основе диалогичности и многоголосья, крепнущих горизонтальных связей, равноправия субъектов коммуникации» [199, с. 82]. «Постоянный диалог, конструктивное сотрудничество между органами административной власти и гражданами, их объединениями, гражданским обществом становится в современном мире повседневной реальностью, – пишет В. С. Комаровский, – при том, разумеется, что этот диалог и сотрудничество вовсе не “улица с односторонним движением” предполагает совместный поиск взаимоприемлемых решений, взаимные уступки и не исключает периодические стычки и конфронтации сторон» [188, с. 3].

Нормативная модель делиберативного, то есть по сути дела диалогического дискурса, была разработана еще Ю. Хабермасом. Но диалогическую модель коммуникации власти и общества, в том числе в сфере связей с общественностью, разрабатывал не только этот получивший достаточно широкую известность мыслитель, но и ряд других, менее именитых авторов.

Диалогическая модель связей с общественностью, достаточно широко представленная в различных инвариантах в североамериканской и западноевропейской пиарологии, к сожалению, почти неизвестна большинству российских PR-теоретиков и практиков. Данное обстоятельство, естественно, сказывается на том, что в отечественной пиарологии продолжают доминировать неэффективные и морально устаревшие монологические

подходы к общественно-политическим PR-коммуникациям. В том числе в сфере публичной политики и интеракции государства и гражданского общества, власти и оппозиции, что более чем наглядно было продемонстрировано в конце 2011 – начале 2012 года после завершения избирательных кампаний по выборам депутатов Государственной Думы и Президента РФ.

Данная проблема актуальна не только с точки зрения PR-коммуникаций, но и в связи с институционализацией GR-коммуникаций, генетически родственных связям с общественностью. В первом российском учебном пособии по GR-связям, изданном в 2012 году под редакцией Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой, дается такое определение связей с общественностью и связей с государством (правительством): «Связи с общественностью – это постоянно действующий диалог между организацией и ее общественностью с целью укрепления доверия между ними и получения взаимовыгодного результата. Связи с государством – это также постоянно действующий диалог между бизнесом или общественной организацией с государством также с целью укрепления доверия между ними и удовлетворения потребностей корпорации с помощью этого политического института» [513, с. 49].

Из этого следует, что проблемы доверия в диалогической коммуникации, особенно в сфере интеракции власти (государства) и гражданского общества, в современных общественно-политических условиях, связанных ростом гражданской активности населения России, приобретают особую актуальность.

По неформально сложившейся традиции историки и теоретики российской пиарологии возникновения диалогической модели связей с общественностью связывают исключительно с именами двух американских исследователей в сфере PR-технологий: Дж. Грюнига и Т. Ханта. При этом исключительно все отечественные авторы ограничивают свое рассмотрение диалогической модели связей с общественностью лишь ссылкой на двух вышеуказанных ученых. А в ряде случаев американских теоретиков еще и упрекают в утопизме и в идеализме, что, на наш взгляд, не вполне заслуженно и не справедливо [421].

Действительно, первое упоминание о двухсторонней симметричной, то есть, по сути дела, диалоговой модели общественных отношений, появилось в совместной работе Дж. Грюнига и Т. Ханта «Менеджмент связей с общественностью» в 1984 году [511]. Впоследствии Дж. Грюниг не раз возвращался к этой же проблеме в своих многочисленных книгах и статьях, и в конечном, наиболее подробном варианте, представил ее только к 2002 году [512].

Дж. Грюнигом действительно были детально разработаны и обоснованы четыре модели связей с общественностью: манипулятивная модель, информационная (журналистская) модель, двусторонняя асимметричная диалоговая модель и, собственно диалоговая, двусторонняя симметричная модель PR-коммуникации. Рассмотрим каждую из этих PR моделей.

Первая модель – «манипулятивная» (или «пропагандистская», «вещательная», «паблисити», «пресс-посредничества»). В этой коммуникативной модели главная цель отправителя информации (адресанта) заключается в воздействии на сознание адресата и манипулировании его политическим поведением в нужном для инициатора коммуникации направлении. Обратная связь между источником информации и его аудиторией полностью отсутствует. Известный специалист по связям с общественностью С. Блэк утверждает, что «политика должна всегда быть позитивной и конструктивной», а «паблик рилейшнз должны быть этичными». Показывая отличие связей с общественностью от пропаганды, он, со ссылкой на своего коллегу Т. Траверс-Хили, пишет так: «Паблик рилейшнз стремятся к правдивому диалогу; это совсем не свойственно для пропаганды. Методы паблик рилейшнз предполагают полную открытость, в то время как пропаганда при необходимости прибегает к сокрытию фактов. Паблик рилейшнз стремятся к пониманию, а пропаганду интересуют последователи» [38, с. 18–19].

С этой точкой зрения солидарны и некоторые российские специалисты в сфере связей с общественностью. Так, к примеру, М. А. Кузьменкова полагает, что пропаганда – это «главный антипод» связей с общественностью, «как коммуникации двухсторон-

ней, диалогической, стремящейся к учету интересов, как организации, так и общественности, а также общества в целом» [199, с. 131]. Если пропаганда делает упор на одностороннее воздействие, то PR «предполагает налаживание механизма двухсторонней связи, получение и учет встречного сигнала со стороны аудитории» [199, с. 132].

Эффект от использования односторонней (монологовой), а по сути пропагандистской, коммуникации состоит в изменении сознания адресата (избирателей) и практического поведения без каких-либо изменений в отправителе (доноре, адресанте) информации. Ограничивая свободу выражения мнений и плюрализм политического дискурса, пропаганда способствует насаждению авторитарных порядков. В XX веке пропаганда, как доминирующий способ политической коммуникации, имела место не только в фашистской Германии или в СССР, но также во многих странах Западной Европы и даже в США. Для пропагандистского типа политической коммуникации в целом характерны три основные черты:

1. Тщательный отбор информации и жесткий контроль над каналами и содержанием массовой коммуникации, отсекающее все, что не укладывается в «прокрустово ложе» официальной политической позиции.

2. Игнорирование запросов реципиентов (управляемого объекта, гражданского общества) в угоду интересам государства и правящей элиты как субъекта политического управления. Целенаправленное формирование пропагандистскими методами лояльно-конформистской по отношению к действующей власти политической культуры общества.

3. Политический монолизм в виде информационного господства государства, стремление к политическому единству власти и общества, подавлению плюрализма, инакомыслия, оппозиции и всех независимых от власти гражданских активистов.

И. А. Шелеп вполне резонно отмечает, что эта «коммуникативная стратегия, описываемая Дж. Грюнигом, вовсе не является историческим раритетом, она интенсивно используется

и в современных условиях как основная стратегия решения многих задач» [421, с. 72].

Основные характеристики второй, «информационной» модели (или модели «информирования общественности», «журналистской» модели), активно развивавшейся в 1920–1940-е годы, таковы:

1. Осознается необходимость регулярной работы со СМИ; более того, распространение информации об организации или личности является главной целью деятельности по взаимодействию с обществом.

2. Информация хотя и должна быть точной и правдивой, но только позитивной, негативные факты и события замалчиваются.

3. Как и первая модель, «информирование» относится к односторонним моделям, необходимость исследования адресатов, передаваемых сообщений, и обратной связи с ними не предполагается.

В рамках данной модели источник информации осуществляет «мягкое воздействие на сознание аудитории (получателя) через дозированную подачу информации» [66, с. 281]. Здесь цель прямого изменения поведения адресата информации ее отправителем уже не ставится, но в латентной форме эффект воздействия на сознание реципиента все равно присутствует.

Основное отличие модели информирования от пропагандистской модели в том, что «сообщения здесь не носят прямого манипулятивного характера, связанного с сознательным искажением фактов, подачей ложной, специально сконструированной или препарированной информации» [66, с. 283]. Но и здесь ожидаемый эффект от интеракции субъекта и объекта коммуникации ожидается в виде трансформации сознания и (политического) поведения аудитории.

Третья коммуникативная PR-модель – это двусторонняя асимметричная диалоговая коммуникация, которая отличается тем, что в ней впервые начинают по настоящему широко использоваться исследовательские методы (поставляемые бурно развивавшейся, начиная с 1920-х годов, эмпирической социологией),

в первую очередь, для того чтобы определить, какая информация вызовет позитивную реакцию общественности. Именно в этом смысле коммуникативная практика становится двусторонней, с наличием механизма обратной связи, то есть диалоговой. Тем не менее, процесс такого вида коммуникации является асимметричным.

В этой модели коммуникации обратная связь присутствует лишь в виде реакции аудитории на полученное сообщение. «Цель двусторонней асимметричной коммуникации – управление аудиторией, – пишет Д. П. Гавра. – Такое управление в целом имеет субъект-объектную природу» [66, с. 283]. Диалог, в котором ведущая инициатива принадлежит государству, как правило, принимает форму консультаций. В консультативном режиме диалога с гражданским обществом государство самостоятельно решает, с кем и по каким вопросам вступать в коммуникацию.

Это и есть асимметричный диалог, который служит источником важной для государства информации о состоянии общества. Такой диалог хотя и открывает канал для артикуляции мнений определенной части организаций и институтов гражданского общества, но не позволяет в полной мере обсуждать наиболее острые и злободневные социальные и общественно-политические проблемы. Получатель информации в этой коммуникативной парадигме уже не является абсолютно пассивным объектом воздействия, но приобретает определенные, правда достаточно ограниченные, качества субъекта. То есть это не полноценный актер дискурса, а все тот же объект «с определенными ресурсами влияния» [66, с. 283].

По преимуществу именно в этом формате в настоящее время реализуется коммуникация государства и гражданского общества в современной России. В связи с этим, В. С. Комаровский вполне справедливо отмечает, что при таком диалоге «структуры власти, правительство, администрация не просто доводят до граждан, их объединений уже выработанные решения и программы, добиваясь затем их поддержки, а привлекают объединения и граждан к участию в самом процессе выработки и принятия

решений» [188, с. 84]. Ведь главный ожидаемый эффект от такого общения власти с социумом заключается в ее мягком воздействии в процессе двухсторонней асимметричной коммуникации на сознание аудитории, правда уже без использования архаичных приемов политической пропаганды.

Четвертая модель – это симметричная диалоговая коммуникация, представляющая такой вид взаимодействия, «при котором каждый из его участников выступает в качестве полноправного субъекта, попеременно выполняя роль источника и получателя информации» [66, с. 283]. Именно такой симметричный информационный обмен представляет собой полноценный диалог.

В симметричном диалоге гражданское общество уже не просто приглашается к участию в диалоге по инициативе государства, но оно само может стать инициатором диалога с властью по какой-то важной для граждан теме. Такой диалог – это уже иной коммуникативный режим, нежели асимметричный диалог, служащий в основном для целей информирования и убеждения граждан в правильности действий власти и формирования благоприятного общественного мнения. Симметричный диалог (в виде делиберативного диалога, публичных дебатов, дискуссии, полемики и так далее) просто дает возможность обществу на что-либо обратить внимание власти, что-либо у нее попросить или посоветовать; такой диалог позволяет обществу публично артикулировать свои интересы и предпочтения, символически обязывая власть учитывать мнения и запросы гражданского общества при выработке тех или иных политико-управленческих решений. «Особое место в иницирующемся НКО процессе взаимодействия с властями занимает налаживание диалога в формате переговоров, консультаций, круглых столов и прочих согласительных процедур. В результате появляются определенные механизмы и институты взаимодействия в виде совместных рабочих групп, экспертных советов, общественных палат, договоров о сотрудничестве и т. п., что свидетельствует о крепнущей тенденции углубления различных технологий межсекторного социального партнерства» [242, с. 203].

В подобном диалогическом режиме полнее осуществляются принципы прозрачности и открытости власти, а на основе включения механизмов обратной связи происходит неопосредованная и неискаженная передача информации «снизу наверх», от гражданского общества к государству, от людей к власти и обратно.

Данная коммуникативная «модель, по мнению Дж. Грюнига, зародилась в корпоративной Америке в 1970-е годы после мощных преобразовательных процессов бурных шестидесятых» [421, с. 72]. Укрепляет она свои позиции и в России, в первую очередь в формате диалога между государством и гражданским обществом, сопровождаясь осторожным, избирательным и постепенным отказом от односторонних, асимметричных и манипулятивно-пропагандистских технологий воздействия власти на сознание социума. Дж. Грюниг полагал, что разработанная им модель симметричного диалога позволит избежать проблемы этического релятивизма, поскольку она определяет этику как процесс общественных отношений, а не как результат. Поэтому модель симметричных связей с общественностью представляет собой открытый форум для диалога, обсуждения и дискурса по вопросам, по которым люди с разными мнениями пришли к различным выводам.

«Модель открытых систем используют “двухсторонние симметричные” подходы, – утверждают классики PR С. Катлип, А. Сентер и Г. Брум. – Это означает, что коммуникации являются двухсторонними и что обмен информацией вызывает изменения по обе стороны отношений «организация-общественность» [171, с. 274]. В то же время «закрытые системы» используют односторонние модели коммуникации и направляют усилия на то, чтобы, пропагандируя благоприятные для своей организации (власти) идеи и взгляды, внести соответствующие изменения в сознание общественности (общества), сохраняя собственную автаркию, ригидность и не реагируя на изменения в окружающей социальной среде. Против этого решительно выступал Дж. Грюниг, считая специалистов PR, функционирующих в рамках односторонних

коммуникаций и «закрытых систем», ремесленниками, а тех, кто действовал на основе двухсторонней коммуникации и респонсивных «открытых систем», – подлинными профессионалами связей с общественностью [271, с. 274].

5.2. Диалогическая модель связей с общественностью: состояние и перспективы

В своем стремлении разработать и обосновать диалогический подход на основе этики и связей с общественностью Дж. Грюниг был не одинок. Наряду с ним, а также после него (то есть в настоящее время) над этой же проблемой работали и продолжают работать и другие зарубежные специалисты-пиарологи. Так, некоторые из самых ранних суждений о роли диалога в PR-коммуникациях можно отнести к канадцу Р. Пирсону.

Р. Пирсон написал диссертацию и опубликовал всего лишь несколько статей, в которых он применяет теорию этики дискурса Ю. Хабермаса для развития этических принципов в сфере PR-коммуникаций. Сточки зрения Р. Пирсона, этика PR-коммуникаций теснейшим образом связана с идеей диалога. Именно поэтому он одним из первых приступил к обсуждению диалогической коммуникации, утверждая, что в основе связей с общественностью лежит «управление системами коммуникации», которые должны исходить и основываться на «диалогическом стандарте», то есть «выводиться из идеи диалога» [543, p. 128].

Еще до Р. Пирсона этика связей с общественностью в 1965 году была рассмотрена А. Салливаном, который для обоснования этичности PR-коммуникаций выдвинул понятие общих ценностей, которым противостоят узкие (partisan), то есть по сути дела партикулярные интересы. Поскольку всеобщие интересы выражают защиту прав человека, то они должны быть признаны выше, нежели чем групповые или местечковые интересы [557]. Опираясь на взгляды своего предшественника, Р. Пирсон утверждает, что с точки зрения этичности связей с общественностью, должно быть признано наличие пересечения

частных и всеобщих ценностей и интересов. Поэтому в сфере PR-коммуникаций должны гармонически взаимодействовать узкие интересы клиента (заказчика, работодателя, организации) и общественные ценности, идеалы, принципы и приоритеты.

Р. Пирсон считает, что между ними необходим баланс и учет всех существующих «точек зрения, интересов и прав других лиц» [546, р. 57]. Он разделяет позицию А. Салливана, предложившего «принцип взаимности», который гласит: «Если у человека есть право, другой ... обязан уважать это право в осуществление этого права» [546, р. 57]. Одним из таких фундаментальных прав является право доступа человека к точной и полной информации в вопросах, затрагивающих его интересы [546, р. 58]. И, словно бы предчувствуя появление теории делиберативной демократии, Р. Пирсон утверждает, что человек не просто свободен, но он имеет законное право на то, чтобы «участвовать в принятии затрагивающих его или ее» решений, проблем и вопросов [546, р. 53]. Отмечая вклад А. Салливана в разработку этики связей с общественностью, Р. Пирсон также способствует развитию этических представлений в сфере пиарологии.

Для обоснования своих взглядов Р. Пирсон исходит из трех известных эпистемологических понятий постмодернистской теории риторики: объективизма, релятивизма и интерессубъективности. Все три лежат в основе теории аргументации и могут быть применимы к связям с общественностью. Он утверждает, что рационализм и эмпиризм – это два различных философских метода, направленные на то, чтобы получить достоверное знание [544, р. 113]. Именно они лежат в основе объективизма. Но наряду с этим в самом языке присутствует реляционизм, на основе чего даже откровенно софистические и ложные аргументы могут выглядеть как достоверные и истинные. А связи с общественностью вполне могут использоваться для продвижения частной выгоды в публичной «какофонии конкурирующих интересов» [545, р. 69]. Таким образом, реляционистская компонента PR может помочь ложной точке зрения, заручившись поддержкой со стороны общественности.

Интерсубъективная точка зрения описывается Р. Пирсоном как альтернатива двум первыми эпистемологическими основаниями. Она отвергает притязания на истину в последней инстанции со стороны объективизма и в то же время не принимает скептицизма и нигилизма со стороны софистической риторики. Интерсубъективность как диалектический процесс синтеза тезиса и антитезиса позволяет найти согласие и обнаружить «золотую середину» между объективизмом и риторизмом. Принцип интерсубъективности вполне релевантен многообразию и плюрализму интересов членов общества. На этой интерсубъективной основе должен осуществляться PR-дискурс, и функционировать коммуникативный механизм связей с общественностью. В отличие от монологического объективизма и реляционизма интерсубъективный подход субстанционально диалогичен и этичен, а потому применим, по мнению Р. Пирсона, к теории и практике связей с общественностью [544, p. 122].

«Важным вопросом становится, не то, что действия или политика более правы, чем другие, – пишет Р. Пирсон, – но то, что такая система коммуникации максимизирует вероятность того, что конкурирующие интересы могут быть трансформированы» [544, p. 125]. Таким образом, акцент в связях с общественностью перемещается от проблемы правильности или неправильности артикулируемых точек зрения к этическим аспектам процесса коммуникации. Эта коммуникативная модель преодолевает монологический тренд социальной коммуникации и связей с общественностью.

Р. Пирсон позиционирует свою концепцию диалога как этическую основу для связей с общественностью. В соответствии с этой установкой диалогическая модель коммуникации Р. Пирсона осуществима лишь под углом «этического императива связей с общественностью» («an ethical imperative for public relations») [544, p. 127]. В свою очередь, «этический императив» характеризуется Р. Пирсоном в качестве «ключевого» элемента в практике *паблик рилейшенз* [544, p. 123]. Этическим императивом, по Р. Пирсону, является, во-первых, коммуникативная

деятельность по наладке и поддержанию взаимоотношений со всеми группами общества, на которые организация может оказывать то или иное влияние. И, во-вторых, этическим императивом является совершенствование реляционно-коммуникативных связей по все большей трансформации и превращению их в полноценный симметричный диалог с соответствующим уровнем открытости, взаимопонимания и координации деятельности между организацией и общественностью [543, р. 377].

Переходя к практическому использованию концепта «этический императив» Р. Пирсон ссылается на концепцию Ю. Хабермаса об идеальной речевой ситуации, которая, по его мнению, может претендовать на нормативное ограничение вполне реальных правил (этики дискурса) в сфере связей с общественностью. В своей диссертации «Теория этики связей с общественностью» Р. Пирсон утверждает, что для практики этических связей с общественностью характерно наличие диалогической системы взаимодействия, а не монологической политики воздействия на общественность и общественное мнение [543, р. 206]. По мнению Р. Пирсона, диалог «является необходимым условием для любого легитимного корпоративного поведения, которое затрагивает общественность (public) этой организации» [543, р. 128].

«Этический императив» связей с общественностью Р. Пирсона непосредственно вытекают из концепции Ю. Хабермаса об идеальной речевой ситуации. Не смотря на то, что Ю. Хабермас рассматривал связи с общественностью как вмешательство в политическую публичную сферу и тем самым позиционировал политические PR-коммуникации еще и как способ отчуждения граждан от участия политической жизни общества, Р. Пирсон утверждал, что его концепция этических связей с общественностью позволит преодолеть коммуникативный барьер между организациями (властью) и общественностью (гражданским обществом). К сожалению, этот рано ушедший из жизни пиаролог так и не сумел реализовать свои идеи.

Эту же проблематику, поднятую Р. Пирсоном, продолжает Р. Липер в статье «Моральная объективность, этика дискурса

Юргена Хабермаса и связи с общественностью». Он, как и его предшественник, пытается приспособить этику дискурса Ю. Хабермаса «для практики связей с общественностью» [531, р. 133]. Его аргументация в пользу этого тезиса сводится к трем основным элементам:

1) попытка доказать, что этика дискурса «совместима с двусторонней симметричной моделью общественных отношений Грюнига и Ханта»;

2) демонстрация применимости симметричной модели для кодекса этики связей с общественностью;

3) акцентирование внимания на использовании теории Ю. Хабермаса Р. Пирсоном в качестве практики этических связей с общественностью во время катастрофического для окружающей среды разлива нефти в 1989 году из танкера Эксон Валдес (Exxon Valdes) вблизи Аляски, последствия которого удалось устранить лишь к 2010 году. Р. Липер подчеркивает важность этического исследования в области связей с общественностью, с одной стороны, и распространение апатии к этому вопросу как среди ученых-пиаролов, так и со стороны практикующих специалистов, с другой стороны [531, р. 133–135].

Р. Липер подчеркивает актуальность этических исследований в сфере связей с общественностью, которые, по его мнению, нуждаются в глубоком философском обосновании [531, р. 140]. Для теоретического обоснования двухсторонних симметричных связей с общественностью он пытается совместить идеи, высказанные Дж. Грюнигом и Ю. Хабермасом. Коммуникации, по мнению Р. Липера, ведут к пониманию. Основная цель таких коммуникаций состоит в содействии во взаимопонимании между людьми и организациями. Завершая статью, он отмечает, что этические требования Ю. Хабермаса (этика дискурса) «соответствует разработке, реализации и обоснованию кодексов этики для области связей с общественностью» [531, р. 142].

Спустя некоторое время после Р. Пирсона о диалоге заговорил К. Боцан, ныне здравствующий профессор коммуниквистики (стратегических коммуникаций) и связей с общественностью

из Университета Джорджа Мейсона в штате Виргиния США. По его мнению, идея диалога является основой для расширения и совершенствования теории и практики современных связей с общественностью. К. Боцан пишет: «традиционные подходы к связям с общественностью относят общественность на второй план, что делает ее инструментом для достижения организацией своих целей или маркетинговых потребностей... в то время как диалог поднимает общественность до состояния равноправной коммуникации с организацией» [454, р. 196].

К. Боцан, как и другие сторонники диалогической концепции связей с общественностью, рассматривает PR-коммуникации не как набор манипулятивных технологий, не как обновленную пропагандистскую практику обработки общественного мнения в нужном для реципиента направлении, а как управленческую деятельность, направленную на установление эффективной двусторонней коммуникацией между организациями и общественностью. Соответственно, сторонники этой точки зрения должны учитывать в стратегии и тактике связей с общественностью интересы своего спонсора (работодателя или клиента), с одной стороны, и ее общественности – с другой. С этой точки зрения, основные функции связей с общественностью реализуются в практике управления конфликтами на основе симметричной коммуникации (или диалога) и согласия, в то время как субъект-объектные формы воздействия на основе убеждения осуждаются как неэтичное [454].

Эту позицию К. Боцан развивает в своей теории сотворчества (cocreational, co-creational) или, точнее – творческого взаимодействия общественности и организации. Следует заметить, что в сфере маркетинговых коммуникаций co-creation – это одна из стратегий сотворчества потребителей и производителей, в соответствии с которой рынок рассматривается в качестве глобального форума, где происходит встреча фирмы и ее креативных клиентов. Потребители теперь не рассматриваются как пассивные получатели товаров и услуг, клиенты теперь играют активную роль и инкорпорируются в непосредственный процесс производства товаров и услуг. Таким образом производственно-

маркетинговые связи и отношения приобретают двухсторонний творческий (co-creation), то есть, по сути дела, диалогический характер [472].

Новые формы сотрудничества бизнеса и клиентов К. Боцан экстраполирует на PR-коммуникации, то есть на коммуникативно-дискурсивные отношения между организациями и общественностью. «Самой поразительной тенденцией в общественных отношениях за последние 20 лет, как мы полагаем, является переход от функциональной точки зрения к co-creational, – пишет К. Боцан в соавторстве с М. Тейлор. – Функциональная точка зрения, распространенная в прежние годы, видит общественностью и коммуникации как инструмент или средство для достижения организационных целей» [454, р. 651]. В отличие от этого функционально-инструментального подхода теория сотворчества (co-creational) рассматривает общественность «как творца смысла и коммуникации. Эта точка зрения... фокусируется на отношениях между общественностью и организациями» в рамках симметричной модели диалоговой PR-коммуникации [454, р. 652].

Разработка и внедрение диалоговой модели связей с общественностью, осуществляется не только в США и в Канаде. Более того, по мнению специалистов, европейская модель связей с общественностью в отличие от североамериканской, характеризуется большей степенью диалогичности. «Европейская модель строится на том принципе, что PR – это отношения, которые строятся в общественной сфере для интересов общественности и в работе совместно с представителями общественности, – утверждает М. А. Кузьменкова. – Необходимость двухсторонних симметричных коммуникаций в практике PR – принципиальная позиция европейской школы паблик рилейшнз» [199, с. 65].

Так, к примеру, диалогическую модель связей с общественностью успешно на протяжении целого ряда лет исследует Р. Буркарт, доктор философии из Института научной коммуникации в Венском университете. Им была разработана теория консенсус-ориентированных связей с общественностью (Consensus-oriented public relations, или COPR). Первый и основной

проект концепции консенсус-ориентированных связей с общественностью был опубликован Р. Буркартом в 1991 году в журнале «Publizistik».

С тех пор COPR получили дальнейшее развитие в качестве инструмента для планирования и оценки PR-коммуникаций. Исходная установка этого подхода состоит в том, чтобы «получить предложения по анализу реальных связей с общественностью с точки зрения концепции Хабермаса о взаимопонимании». При этом внимание Р. Бурхарта было сконцентрировано на «коммуникации между специалистами по связям с общественностью, информации и предложениями членов целевых групп, которые получают эту информацию» [458, р. 250]. Благодаря этому возникает некий аналог между PR-коммуникацией и хабермасианским процессом дискурсивного взаимопонимания в соответствии с его теорией коммуникативного действия. В сочетании с формальной прагматикой Ю. Хабермаса этот подход был интерпретирован К. Бурхартом для того, чтобы систематизировать, различать и анализировать коммуникативные требования, содержащиеся в соответствующих общественных практиках и отношениях.

В COPR теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса применяется К. Буркартом к разработанной им консенсуально ориентированной модели связей с общественностью в виде симметричного дискурса заинтересованных сторон в сфере их символического социального и коммуникативного взаимодействия. По аналогии с концепцией Ю. Хабермаса о мировых отношениях и обоснованности претензий К. Буркарт начинает с утверждения о том, что публичное управление всегда должно ожидать критики. Представители общественности неизбежно будут подвергать сомнению достоверность представленной публике информации, особенно когда они столкнутся с другими альтернативными данными или же фактами. В результате общественность станет ставить под сомнение не только искренность и правдивость компании и ее коммуникаторов, но даже и легитимность существования ее интересов [458, р. 251].

Таким образом, цель публичных рилейшенз состоит в том, чтобы использовать эту концепцию, основанную на прагматике, для устранения задним или (что еще лучше) для предупреждения таких критически сложных ситуаций распространением соответствующей информации, адекватной действительному положению дел [458, р. 252]. Особенно это актуально в ситуациях, которые держат высокую вероятность конфликта. Поэтому для планирования и оценки общественной практики должны учитывать эти риски и принципы коммуникативной взаимопонимания.

COPR – это концепция планирования и оценки связей с общественностью в ситуации с высокой вероятностью возникновения конфликта, когда компании или организации необходимо представить общественности веские аргументы в пользу распространения своих интересов и идей. Здесь на первый план выходят проблемы открытости и способности общаться на равных, признания допущенных ошибок, решимости к их исправлению, достижения взаимопонимания и доверия, возникающих на основе партнерского диалога организации и ее общественности.

В своем стремлении применить теорию Ю. Хабермаса к связям с общественностью, К. Буркарт формулирует четыре этапа коммуникативных практик по отношению к связям с общественностью (информация, обсуждения, дискурс и определение ситуации). Каждый из этапов может быть запланирован, проанализирован и оценен на основе понятий, введенных Ю. Хабермасом [459, р. 231–236].

Во-первых, связи с общественностью должны транслировать необходимую информацию соответствующим сегментам общественности. В качестве предварительного условия для рационального дискурса и рассуждения необходимо знание фактов. Качество коммуникации должно оцениваться на трех ключевых уровнях:

- 1) на уровне информации «из первых рук», исходящей из самой организации;
- 2) на уровне информации «из вторых рук» в средствах массовой информации;

3) на уровне отдельных знаний по соответствующему вопросу среди членов сегментированной общественностью [458, р. 232].

Во-вторых, если вопрос вызывает неоднозначную реакцию в процессе осуществления механизмов связей с общественностью, необходимо включить процедуры обсуждения. Это означает, что использование опосредованным СМИ публичных дебатов, а также через более прямые формы непосредственного взаимодействия, например, «лицо-к-лицу» или в процессе «онлайн-диалога». Для того чтобы удобно разрешать вопросы, возникающие в процессе критического дискурса, организации могут, например, систематически участвовать в переговорах в средствах массовой информации, создать специальный веб-сайт, который содержит в своей структуре доступный форум для обсуждения и обмена мнениями. Или, в дополнение, организовать общественные слушания компетентных экспертов и специалистов [458, р. 233].

Результаты этого этапа, как и предыдущего, могут быть оценены через контент-анализ, анализ средств массовой информации, анкетирование, метод интервью или с помощью методики включенного наблюдения. Если фазы обсуждения оказалось недостаточно для решения проблемы, если критика и вопросы со стороны общественности все равно остаются, то организация переходит на этап общественного дискурса.

Третий этап связан с вопросами объективной истины и нормативной правоты. Его цель состоит главным образом в содействии тому, что Р. Буркарт назвал виртуальным дискурс-анализом и дискуссией с помощью различных мультимедийных форматов, в целях снижения существующих в обществе сомнений и критики к самому минимуму.

Четвертый, заключительный этап связан с определением ситуации и включает в себя мониторинг и достижения статус-кво, то есть понимания [458, р. 235]. Это последний этап, поэтому он является итоговой оценкой всего диалогового процесса. Р. Буркарт считает, что его методология не может предотвращать конфликты, но она способна их смягчать и трансформировать через восстановление доверия общественности к организации.

Очень много для исследования диалогической модели связей с общественностью сделали М. Кент и М. Тейлор. С их точки зрения, люди, которые вступают в диалог, не обязательно должны априорно соглашаться на то, что в процессе интеракции они непременно достигнут взаимно удовлетворяющих всех позиций и взглядов. Диалог не путь к достижению согласия, это процесс открытой дискуссии и обсуждения существующих проблем [524, р. 325]. Диалогическое общение intersubjectively по своей природе, и оно не является осмыслением и сознательным поиском объективной истины во всей ее полноте [524, р. 325]. «Диалог не панацея, – пишут М. Кент и М. Тейлор. – Диалогический подход не может заставить организацию вести себя этически, ни даже уместно в некоторых обстоятельствах. ...Диалог может быть осуществлен для моральных и аморальных целей. ...Только потому, что организация и ее публика создали “диалогическую” структуру общения, не означает, что они ведут себя диалогически. Если один из партнеров подрывает диалогический процесс путем манипуляций, отказа от него, или исключения, то конечный результат не будет диалогическим. Диалог является не процессом или рядом шагов. Скорее, это продукт при изменении связей и отношений» [523, р. 24].

Диалог как ориентация включает в себя пять функций, а точнее принципов: «обоюдность (mutuality), или признание организационно-общественных отношений; единство (propinquity), или временность и непосредственность взаимодействия с общественностью; эмпатии, или подтверждение поддержки общественных целей и интересов; риск, или готовность взаимодействовать с отдельными лицами и общественностью на своих собственных условиях, и, наконец, обязательства, или в какой мере организация отдает себя диалогу, интерпретации, и понимание в его взаимодействии с общественностью. Эти принципы включают неявные и явные предположения, лежащие в основе концепции диалога» [523, р. 24]. Рассмотрим эти принципы более подробно.

1) Взаимность (mutuality) означает, что организации и общественность в нашем взаимозависимом мире тесно и неразрывно

связаны между собой и обоюдно зависят друг от друга. Взаимность характеризуется инклюзией, то есть включением, увеличением степени совместного участия, а также их «духом взаимного равенства» между общественностью и организациями. Сюда же входит и сотрудничество (collaboration) и дух подлинного равенства. В отличие от переговоров, в диалоге речь идет не о признании чьей-то победы или поражения, нанесения ущерба или получении преимуществ и выгоды. Участники диалога имеют собственные позиции и защищают их. Диалог основывается на интерсубъективности и на эпистемологии коммуникации. Диалог – это понимание и объяснение иных точек зрения. При этом в диалоге его участники выступают как полноценные субъекты, а не объекты воздействия.

2) Близость (proximity), или диалогическое единство. Для организации диалогическое единство выступает как готовность к консультациям, выстраиванию двухсторонних отношений и риторическому обмену с общественностью. Для общественности диалогическое единство обозначает возможность и готовность ясно сформулировать свои запросы к организации. Единство создается тремя особенностями диалогических отношений: «непосредственность присутствия», «темпоральное течение» и «взаимодействие».

3) Способность к сопереживанию (empathy) или сочувствию, то есть к созданию особой психологической атмосферы доверия, способности восприятия одним субъектом диалога состояния другого субъекта посредством интросубъективного проникновения в его субъективный (внутренний) мир. Это требует соучастия и поддержки, общей координации и признания друг друга в качестве полноценных субъектов диалога.

Диалог включает в себя соучастие и создание особого климата, поддерживающего и поощряющего участие в диалоге различных лиц. Кроме этого, диалог предполагает координацию действий его акторов независимо от того являются ли они индивидами или организациями, участвующими в диалоге.

4) Риск (risk) заключается в том, что диалог обладает потенциалом, способным привести к непредсказуемым последствиям.

Но стороны диалога, принимая его реляционные риски, могут рассчитывать на соответствующее вознаграждение, компенсирующие возможные имиджевые потери и издержки.

М. Кент и М. Тейлор отмечают, что участники диалога остаются уязвимы для манипуляции и насмешек со стороны своих партнеров по коммуникации. Однако уязвимость в диалоге это не самоуничтожение, а самораскрытие, самообновление и трансформация его участников. Поэтому диалог – «это возможность роста» для всех партнеров [523, р. 28].

Риск заключается еще и в наличии непредвиденных последствий от вступления в диалог. «Диалогические связи неожиданны и спонтанны, – пишут М. Кент и М. Тейлор. – Диалогические обмены не сценарии и они не предсказуемы. Эта спонтанность возникает при взаимодействии участников и их отдельных верований, ценностей и отношений» [523, р. 28].

5) Обязательства (commitment) являются пятым, заключительным принципом PR-диалога, включающим в себя три черты диалогической коммуникации: искренность, приверженность переговорам и приверженность интерпретации. Искренность (genuineness) заключается в том, что, даже несмотря на потенциальную возможность обмана, скрытности или манипуляции, диалог должен оставаться честным и открытым.

Диалог предназначен для победы одной точки зрения над другой, а «для целей взаимной выгоды и понимания» [523, р. 29]. Это обстоятельство имеет важнейшее значение для PR-коммуникаций между организациями и общественностью. Диалог интерсубъективен, и он требует понимания от всех участвующих сторон. Для достижения взаимопонимания необходимо обсуждение и на этой основе интерпретация отличающихся друг от друга позиций. Интерпретация означает, «что предпринимаются все необходимые усилия для того, чтобы понять позиции, убеждения, ценности других людей, прежде чем их позиции могут быть справедливо оценены» и интерпретированы [523, р. 29].

Таковы в самом общем виде принципы, этика и модели диалогической коммуникации в связях с общественностью. Выше

приведенный обзор нормативных моделей диалогических коммуникаций, разрабатывающихся в Западной Европе и в Северной Америке, в современной российской действительности пока еще малоизвестен либо воспринимаются скептически. Однако даже сами специалисты с сфере PR-технологий говорят об изменении коммуникативной ситуации конца 2000-х – начала 2010-х годов, о появлении социальных медиа, интернет-коммуникаций, социальных сетей, построенных на диалоге. И развитие этих новых медиа дает основания полагать, что «концепции PR, которые еще недавно казались идеализированными и отвлеченными, в настоящее время обретают второе рождение» [173].

Особенно актуальна диалогические модели связей с общественностью в политических коммуникациях, в том числе в дискурсе государства и гражданского общества. «Настоящая политика начинается с диалога. И качество демократии, в конечном счете, зависит от качества этого общественного диалога, – утверждают известные российские политические социологи Л. И. Никовская и В. Н. Якимец. – Диалог возвращает людей в политику, а общественный диалог является естественной средой демократической политики» [242, с. 110]. Тем более что диалогическая модель связей с общественностью не только априори может быть использована в сфере политической коммуникации, где главными макросубъектами интеракции выступают государство и гражданское общество, но уже и апостериори применяется в связях с общественностью [125].

Особенно технологично PR-диалог как особая коммуникативная практика используется высшими должностными лицами российского государства в общении с гражданами и населением страны или тех или иных территорий. Эта же модель коммуникации копируется, мультиплицируется и адаптируются с учетом специфики на более низких этажах власти: в министерствах и ведомствах, в национальных республиках, краях и областях, а также на уровне органов местного и даже территориального самоуправления [127].

Отметим, что время от времени «мертвое хватает живое», а из арсенала эпохи «холодной войны» на внутривнутриполитической сцене

возникают воскресшие призраки в виде и оголтелой пропаганды, и манипуляций, и мифотворчества, и борьбы с оппонентами с использованием технологий «черного PR» и даже нейролингвистического зомбирования избирателей и телезрителей ведущих государственных телеканалов. Однако, несмотря на эти и другие социокультурные издержки авторитарно-тоталитарной политической культуры, ведущим коммуникативным трендом все равно остается диалогическая модель связей с общественностью.

Данное обстоятельство начинает осознавать и руководство страны, поскольку государство выстраивает новые коммуникативные механизмы и создает инновационные социокоммуникативные технологии, которые позволили бы безболезненно и безопасно для существующего режима расширить диалогическое пространство публичного политического дискурса. Более подробно инновационные практики диалогического взаимодействия российской власти и гражданского общества мы рассмотрим в соответствующих разделах и главах данной монографии.

ГЛАВА 6

Авторитарная делиберация и общественный диалог в Китае

6.1. Авторитарная делиберация в Китае

Долгое время, после окончания Второй мировой войны и даже после распада коммунистических режимов в Западной Европе, либеральная демократия практически всеми западно-европейскими политологами и обществоведами рассматривалась как наилучшая и даже чуть ли не как универсальная модель общественно-политического и социально-экономического устройства современного общества. Однако в настоящее время либеральная модель демократии подвергается довольно существенной критике.

Дело в том, что на определенном этапе эволюции демократической теории и практики возникла необходимость коррекции классической либеральной демократии, смещения акцентов от электорально-агрегативных аспектов к совещательным, диалоговым, переговорным, консультативным. В значительной степени это было связано с усилившейся политической апатией избирателей, утратой политической активности, кризисом представительной модели демократии, трендом к расширению объема непосредственного участия граждан в политическом процессе и государственном управлении.

В отличие от устоявшейся демократической практики, где голосование все еще является центральным элементом демократического процесса (электоральная демократия), теоретики делиберативной демократии утверждают, что подлинная легитимность законодательных актов и политических решений может возникнуть лишь через их предварительное публичное обсуждение, открытость, терпимость к чужому мнению, готовность скорректировать свою первоначальную позицию в случае появления в процессе дискурса «лучшего аргумента», нежели чем артикулированный ранее. Делиберативная демократия сочетает в себе элементы представительной демократии (representative democracy), прямой демократии (direct democracy) и демократии участия (participatory democracy).

Латинское понятие «deliberatio» пришло в современный политический лексикон из словаря римского права и означает «обсуждать», «размышлять», «советоваться», «взвешивать за и против», «проводить консультации». В современном англо-американском дискурсе слово делиберация (deliberation) понимается еще и как процесс обсуждения или дискуссия. Делиберативная концепция демократии не заменяет либеральную или республиканскую модели демократического устройства социума. Она их дополняет, корректирует, реформирует, смещая акценты с электоральных процессов к дискурсивно-диалоговым процедурам интеракции государства и гражданского общества.

Современный китайский политолог Ю. Кепинг (Yu. Ping) в статье под названием «Делиберативная демократия: последние достижения в теории и практике современных западных демократий» отмечает, что делиберативная демократия – это, по сути дела, «свобода граждан путем равноправного диалога, обсуждения, рассмотрения и т. д. участвовать в принятии государственных решений и политической жизни». Общественные консультации и переговоры являются «необходимой частью демократического процесса принятия решений». Вследствие кризиса представительной и мажоритарной моделей демократии, западноевропейские теоретики, по словам Ю. Кепинга, разра-

батывают новую модель демократии – теорию делиберативной демократии и «настойчиво призывают к расширению политического диалога и повышению роли диалога в демократическом процессе принятия решений» [579].

Делиберативная модель демократии действительно смещает акцент с механизмов представления интересов граждан в органах власти к разработке дискурсивных механизмов и процедур их непосредственного участия в публичной политике и в выработке политических решений. А также их легитимации посредством общественных консультаций, переговоров, обсуждений, дебатов со стороны представителей гражданского общества и власти. По мнению ранее уже цитировавшегося китайского политолога Ю. Кепинга, «делиберативная демократия, попросту говоря, есть свобода граждан путем равноправного диалога, обсуждения, рассмотрения и т. д. участвовать в принятии государственных решений и политической жизни» [579]. В отличие от индивидуалистических ценностей либеральной демократии коллективистские процедуры патрисипаторной (участия) демократии и делиберативной (совещательной) демократии гораздо более соответствуют социокультурным и историческим традициям Китая и ряда других государств с политической культурой, основанной на так называемых «азиатских ценностях».

С конца 1980-х годов китайские спонтанно складывавшиеся практики делиберации, диалога и консультаций изучались независимо от западных теорий делиберативной демократии. В них было мало межкультурного диалога, там не было движения в направлении западной модели делиберативной демократии, что могло бы содействовать китайским институциональным дизайнерам в выборе стратегии, инструментов и техники для осмысления и внедрения в собственную общественно-политическую практику опыта европейско-американской патриципаторной и делиберативной политики.

Однако постепенно ситуация стала меняться. В ноябре 2004 года в китайском городе Ханчжоу прошла Международная конференция по делиберативной демократии и китайским практикам

участия и совещательным институтам. Цель конференции была далека от чисто теоретических вопросов или обращения к символической открытости государства с однопартийной политической системой. Непосредственное участие в конференции приняли наиболее влиятельные ученые, работающие в сфере изучения делиберативной модели демократии и специфических процессов китайской демократизации. А в 2006 году на основе докладов, сделанных на этой конференции, на английском языке была издана коллективная монография под названием «Поиски делиберативной демократии в Китае» [563]. Среди ее авторов оказались не только известные китайские политологи (Чэнь Шеньонг, Баоганг Хи и др.), но и многие видные теоретики делиберативной демократии из США (Джеймс С. Фишкин, Этан Дж. Лейба и др.) и Австралии (Дж. Дразек, Дж. Стокс).

Идеи делиберативной демократии широко обсуждаются не только учеными-политологами, но и в среде китайского политического руководства, в партийной печати, дискутируются в обществе, особенно среди интеллигенции и находят свое практическое применение, как на макро, так и, особенно, на низовом уровне государственного и местного управления в современном Китае.

Политолог Баоганг Хи ввел в политологический оборот новое понятие «авторитарной делиберации» [516, 517] для того, чтобы обосновать и признать ограниченный характер общественных обсуждений, диалога и дебатов по узловым социально-политическим вопросам в Китае. По его мнению, авторитарная публичная делиберация существует, потому что китайские политические лидеры никогда не были конкурентоспособны и потому что не избирались всенародным голосованием. Однако в изменившихся условиях и они вынуждены в процессе коммуникации с обществом обмениваться мнениями, выдвигать аргументы и контраргументы, подкрепляя это соответствующими доказательствами, то есть, китайское руководство оказалось просто обречено на диалог с обществом. Авторитарный политический режим использует демократический потенциал и политическую риторику делиберативной демократии для

самовоспроизводства неоавторитарной власти, для сглаживания социальных конфликтов, преодоления поляризации и для снятия социальной напряженности в обществе.

Современный неоавторитаризм, в отличие от «классических» авторитарных режимов, не может существовать, не обращаясь к идеям демократии, пусть и неполной, ограниченной, ущербной. Поэтому авторитарная делиберация в Китае возможна как логически, так и эмпирически. «Надо отметить, что понятие авторитарной делиберации кажется внутренне противоречивым: авторитаризм не может быть полностью делиберативным, а подлинная делиберация должна быть демократичной, – пишет Б. Хи. – Тем не менее, термин “авторитарная делиберация” отражает противоречивые и сложные реалии китайского местного самоуправления. Теоретическая и практическая напряженность между делиберативностью и авторитаризмом дает возможность на превращения ее в движущую силу на пути к демократии» [516, р. 135].

Учитывая то обстоятельство, что китайское государство поощряет и развивает совещательно-консультативные и делиберативно-диалоговые учреждения и институты, то, по мнению Б. Хи, потенциально существует возможность развития вполне реальной делиберативной демократии в Китае, даже и при полном отсутствии электоральной демократии, неотделимой от базовых ценностей западноевропейской либеральной демократии. Он уверен, что, несмотря на слабость современной делиберативной демократии в Китае, она будет развиваться даже в условиях однопартийного политического режима, отсутствия политической конкуренции и подавления оппозиции.

Современный Китай действительно представляет собой гибридный политический режим, нередко трактуемый как «пост-тоталитарный, технократический неоавторитаризм». В этом гибридном режиме, наряду с авторитарной интенцией, представлен и демократический тренд в виде разнообразных патрисипаторных и делиберативных практик в рамках усеченного и ограниченного общественного диалога.

Утвержденный в 1982 году XII съездом КПК Устав партии восстановил регулярность проведения партийных форумов, отменил архаичный порядок пожизненного пребывания на руководящих постах, ввел практику периодического обновления руководства. Возобновилась прерванная на долгие годы деятельность так называемых восьми демократических партий. Однако реальных возможностей участвовать в политическом процессе, а тем более в политической конкуренции с правящей партией, они все равно лишены.

Воспринимая идеи делиберативной демократии, Китай упорно отвергает либеральные демократические институты западного толка, в том числе многопартийность, свободные конкурентные выборы и парламентаризм. Если европейские постсоциалистические страны строят демократию в значительной мере по западным лекалам, то КНР категорически отвергает какие-либо кальки и заимствования в сфере демократического строительства, опираясь в нем на конфуцианские традиции и свои национальные представления о взаимодействии народа и власти, государства и общества. Однако это не касается устойчивого интереса китайского истеблишмента к теории и практике делиберативной демократии.

Чуть более двух десятилетий тому назад в Китае были введены прямые выборы в собрания народных представителей административных единиц, начиная от уезда и ниже, а также не прямые выборы в органы законодательной власти более высокого административно-территориального уровня. Провинциальные собрания обрели право принимать региональные законы. Другие инновации коснулись расширения автономии общественных негосударственных организаций, составляющих фундамент гражданского общества, путем введения института общественных слушаний, использования народных конгрессов для обсуждения текущих и перспективных политических вопросов, большей публичности и информационной открытости со стороны власти, появления права граждан, чтобы судиться с государством и государственными учреждениями и так далее.

6.2. Специфика общественного диалога в Китае

По мнению китайского политолога Чжоу Вэя, элементы делиберативной демократии в Китае присутствуют на двух основных уровнях: общенациональном и местном. Так, на национальном уровне после ряда изменений в действующем законодательстве в конце 1990-х – первой половине 2000-х годов, появилась целая «система публичных слушаний» [567, р. 7]. В качестве примеров он приводит публичные обсуждения проблем образования, а также ограничения использования фейерверков и корректировки цен на авиабилеты.

Широко обсуждалось в 2005 году установление порога на личный подоходный налог граждан Китая, которое почти что в течение всего этого года проходило в печатных и электронных СМИ и на Интернет-форумах путем общественных консультаций с участием представителей власти, ученых и общественности. В итоге на Всекитайском собрании народных представителей был установлен новый порог в размере даже не 1500, как ранее предлагалось, а 1600 юаней [567, р. 8]. Такой результат в СМИ был интерпретирован как ответ власти на значительное число предложений об установлении порога выше официально предложенных 1500 юаней. Впрочем, по признанию этого же автора, процедура принятия решения «не может быть расценена как дебаты» ввиду отсутствия реальной дискуссии и каких-то иных предложений, кроме выдвинутого самой же властью предмета публичной делиберации, а затем ей же и скорректированных параметров налогообложения граждан. В конечном итоге без каких-либо конкретных рекомендаций правительство «ответило народным ожиданиям» символическим добавлением еще 100 юаней [567, р. 9]. Поэтому данная процедура была не столько делиберативным актом, сколько формальной попыткой власти опереться на одобрение со стороны общества по фактически уже предпрешенному политическому решению.

В политических реформах и строительстве демократии на местном уровне китайское правительство разработало и использует несколько институтов, имеющих атрибуты и признаки

делиберативной демократии. Так, к ним могут быть отнесены различные консультативно-делиберативные встречи. На них организаторы сначала доводят до аудитории тему и повестку, потом предоставляют возможность для граждан высказать свое мнение и, наконец, отвечают на поставленные вопросы. Цель таких встреч заключается не в принятии решений на основе большинства голосов, а в достижении консенсуса. Если его не удалось добиться, то проводится еще несколько раундов консультаций вплоть до достижения взаимопонимания и формулировки общего мнения.

На уровне сельских поселений проводится что-то вроде местных ассамблей по таким вопросам, как, к примеру, коллективное землепользование или же создание и развитие сельскохозяйственных предприятий, а также в области безопасности жизнедеятельности и защиты окружающей природной среды. Эти общественные слушания осуществляются на основе принципов местного самоуправления. Но в тоже время под жестким контролем власти и строго в пределах предусмотренной законом компетенции.

При этом демократические делиберативные процедуры не только институционализируются, но и под неусыпным административно-партийным руководством весьма существенно бюрократизируются и формализуются. Так, в 2004 году «правительство провинции Фуцзянь выдало требования, чтобы каждая деревня проводила, по крайней мере четыре публичных заседания в год» и определило «подробные процедуры отбора участников и проведения заседаний, роль председателя... процесс принятия решений» и так далее [517, р. 284]. «Сверху вниз» регулярно «спускаются» обязательные к исполнению директивы по обязательному количеству и формам проведения «круглых столов» и других квазиделиберативных мероприятий. Это обстоятельство еще более наглядно демонстрирует верность определения «авторитарной делиберации» в Китае.

Гражданское общество в Китае очень слабо. В соответствии с Положением о регистрации ассоциаций, создание неправительственных организаций граждан должно проходить строгую

процедуру одобрения со стороны китайских органов государственной власти. Большинство таких общественных структур могут функционировать лишь в сфере здравоохранения, образования или защиты окружающей среды. При этом даже НКО, спонсируемым государством, для того, чтобы принять участие в какой-либо международной конференции, должно на это получить разрешение со стороны правительства.

В 1994 году Китай был подключен к Всемирной паутине. А уже к середине 1998 года количество китайских интернет-пользователей достигло одного миллиона человек, а к 2009 году их число перевалило за 298 миллионов, то есть составило более чем 22,5 % от населения страны [522, р. 3]. Власть Китая с помощью интернет-ресурсов осуществляет «взаимодействие между правительством и народом, расширяя в формате онлайн диалог между лидерами и гражданами». Так, например, «многие представители Национального народного конгресса открыли свои блоги в Интернете». А в июне 2008 года Председатель КНР Ху Цзиньтао общался онлайн к пользователем Интернета через Народную интернет-сеть И таких примеров немало. Политическая класс КНР в развитии делиберативных процессов видит путь к обеспечению легитимации и упрочению своей власти.

Осознавая делиберативный потенциал Интернета, власти КНР строго контролируют содержание дискурса в сети, не позволяя распространять оппозиционные и, тем более, антипартийные или противоправительственные взгляды. Но, тем не менее, осуществлять этот контроль и политическую цензуру очень и очень сложно, а, по сути дела, и невозможно. Поэтому в интернет-пространстве идет неформальный делиберативный диалог независимых от государства акторов, формируется, развивается и институционализируется сетевое гражданское общество. При этом все большее количество китайских интеллектуалов рассматривает развитие делиберативных процессов в рамках авторитарных институтов власти, как путь к демократии.

Неслучайно Чжоу Вэй, после изучения существующих делиберативных практик, сделал вывод о том, что, несмотря

на существующие изъяны и недостающие звенья в институциональном дизайне и дискурсивно-коммуникативной монополии государства, незрелая делиберативная демократия не только существует в Китае, но и имеет потенциальную траекторию к ее дальнейшему развитию и углублению с перспективой постепенной трансформации в настоящую демократию, правда, с сильной китайской спецификой [567, p. 15].

В этой связи серьезный интерес вызывает точка зрения Дж. Нейсбита, руководителя Института Китая (Вена), которую он изложил на политологическом форуме в Ярославле в сентябре 2009 года. По мнению этого компетентного эксперта, в Китае разворачивается процесс создания собственной версии демократии. Ее Дж. Нейсбит назвал «вертикальной демократией» в отличие от «горизонтальной демократии», исторически утвердившейся в Западной Европе и в США [247].

В демократических политических системах главенствуют горизонтальные коммуникации и связи. В Китае реляционный вектор идет сверху вниз, и власть единолично формирует базовые условия коммуникации и диалога, учитывая иерархическое построение существующей административно-политической системы (вертикаль власти). «Мне кажется, – заявил на политологическом форуме в Ярославле Дж. Нейсбит, – что новые модели вертикальной демократии могут служить своего рода вызовом для всего остального мира в XXI веке» [247]. И ситуация, складывающаяся в Китае, в чем-то довольно существенно напоминает российские поиски своей национальной модели демократии в соответствии с ее специфическим историческим опытом, евразийской национальной идентичностью, политическими традициями и политической культурой. Это, конечно, не конфуцианская модель почтительного диалога учеников со своим учителем, как в Китае, но весьма близкая к ней патерналистская и подданическая политическая культура. В итоге «китайская модель» демократии может оказаться значительно ближе для современной России, нежели чем уже апробированные в Старом и в Новом свете демократические модели, политические практики и политические институты.

Часть 3

ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГА В РОССИИ

В настоящем исследовании диалога государства и гражданского общества в России выделяются фазы, периоды и этапы в развитии процесса его институционализации. Дело в том, что, во-первых, предпосылки для возникновения полноценного диалога государства и гражданского общества для его последующей институционализации начали складываться в рамках общественного диалога и дискурсивных практиках коммуникации государства и власти, начиная с древнейших времен. Общественный диалог генеалогически гораздо старше диалога государства и гражданского общества и существовал с древнейших времен еще до возникновения гражданского общества. И, во-вторых, общественный диалог появился, существовал и развивался в различных формах коммуникации и дискурсивного взаимодействия власти и общества еще до появления и осознанного применения к этим процессам и практикам понятия «диалог» в его современной трактовке.

При этом следует иметь виду, что социокультурные традиции на этой, названной нами доинституциональной фазе общественного диалога, оказали существенное влияние на характер и культуру диалога государства и гражданского общества в современной России. Для общественного диалога в доинституциональной фазе, как это будет рассмотрено ниже, характерно противоборство двух амбивалентных трендов: диалогизации и монологизации в сфере общественно-политического управления и во взаимодействии власти и общества.

Доинституциональная фаза общественного диалога – это очень длительный промежуток времени, охватывающий Российскую историю, начиная от вечевых практик дискурсивного взаимодействия власти и общества в Древней Руси и вплоть до начала перестройки в СССР. Ретроспективное рассмотрение этих дискурсов позволит нам, во-первых, отказаться от существующего стереотипа о якобы «бессловесности» российской социокультурной традиции в сфере интеракции власти и общества. И, во-вторых, выявить специфику и характер дискурсивных практик, ставших социокультурным основанием для экзогенного возникновения и последующей институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России с соответствующей ему спецификой.

Прединституциональный период диалога государства и гражданского общества – это промежуток времени, который открывается началом перестройки в СССР и завешается приходом к власти В. В. Путина. В этот период в стране возникает полноценное гражданское общество, а с подачи М. С. Горбачева в общественно-политический дискурс входит понятие «диалог», которое начинает применяться и к сфере двухсторонней коммуникации государства и гражданского общества.

В этот период существенно трансформируется прежняя монологическая модель информационного взаимодействия власти и общества, формируются независимые от государства средства массовой информации, а гражданское общество начинает рассматриваться как партнер государства в сфере выработки и принятия, социально значимых общественно-политических решений. Именно в этот период формируется полноценная публичная сфера, и создаются необходимые предпосылки для начала процесса институционализации диалога государства и гражданского общества.

Первоначальный этап институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России связывается нами с проведением первого гражданского форума, возникновением Общественной палаты РФ, развитием интерактивных

форм коммуникации власти и общества и т. д. Этот этап достаточно противоречив, но в то же время он является достаточно важным шагом вперед для введения ранее стихийно развивавшегося дискурса государства и гражданского общества в законодательно закреплённые рамки.

Второй этап институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России связан с избирательным циклом конца 2011 – начала 2012 годов и запросом гражданского общества на формирования полноценных, а не симулятивных, как ранее, диалоговых институтов, площадок и механизмов. Этот общественный запрос получил дальнейшее подтверждение на Общероссийском гражданском форуме (ноябрь 2013 года), в процессе разработки, обсуждения и принятия ФЗ «Об общественном контроле», а также в ходе институционализации реальных коммуникативных практик между государством и гражданским обществом современной России.

Г л а в а 7

Доинституциональная фаза диалога власти и общества

7.1. Общественный диалог в дореволюционной России

7.1.1. Политическая культура и институционализация диалога власти общества в истории России

По мнению А. С. Ахиезера, важнейшая проблема развития российского общества заключается в недостаточной способности, как общества, так и власти, к диалогу друг с другом. Недостаточный диалог дезорганизует все общественные явления и парализует свободную деятельность людей, элиминируя тем самым способность социума принимать более или менее эффективные совместные управленческие решения. Речь идет не просто о диалоге, а политическом или же общественном (гражданском) диалоге, характерном для коммуникации государства и гражданского общества, являющемся предметом политической науки и особо актуальным для современной российской общественно-политической практики.

А. С. Ахиезер утверждает, что западноевропейская политическая наука возникла в условиях устойчивой государственности и «сложившегося диалогического механизма» [18, с. 74]. Поэтому

западная политология в настоящее время нацелена не столько на изучение механизмов государственности, сколько на конкретный анализ процесса политического взаимодействия, урегулирования спорных вопросов и дискурсивной, по преимуществу, борьбы за власть между различными политическими акторами.

Российская политология находится на ином этапе развития, поэтому она только еще пытается нащупать социокультурную основу диалога. По мнению А. С. Ахиезера, государство вполне может воспроизводиться на основе общественного договора и консенсуса сил, составляющих достаточно мощную социокультурную величину в масштабе всего социума. Формирование такого консенсуса, как показывает политическая практика, «происходит посредством диалога групп, попыток убедить всех, что общий интерес отвечает частному интересу той или иной группы» [18, с. 52]. А. С. Ахиезер утверждает, что российская политическая традиция имеет особую социокультурную традицию, связанную с неоднозначностью исторически только еще складывающейся политической культуры общества. Это отражается в специфике предмета отечественной политологии и обуславливает необходимость учета двух аспектов: во-первых, преодоления социокультурной традиции в виде регулярно повторяющихся и «дезорганизирующих попыток монологизировать управление»; во-вторых, осознания необходимости «воспроизводства “диалогизации” в процессе современного политического управления» [18, с. 75] на институциональной основе.

Подчеркивая связь общественного диалога и политической культуры общества, А. С. Ахиезер пишет: «В основании политической культуры должно лежать представление о том, что общество не может обеспечить свое существование в усложняющемся мире, не вовлекая в процесс диалогизации все большего числа людей». При этом он настаивает на том, что «главным предметом отечественной политологии должны быть социокультурные основания воспроизводства государственной жизни» на основе общественного диалога, то есть, по сути дела, диалога государства и гражданского общества в его современном истолковании [18, с. 75].

Социокультурный анализ общественного диалога и монолога – это одна из проблем современной политической науки. Так, М. Р. Деметрадзе рассматривает социокультурную методологию в качестве «объединяющего метода» всех социально-гуманитарных наук. И, как особо подчеркивает этот автор, социокультурный метод является «основой современной политологии» [103, с. 226].

А. С. Ахиезер, разрабатывая свой подход к изучению особенностей социокультурного развития российского общества, сблизил политологию, философию культуры, социальную антропологию и теоретическую социологию. Диалог – это не только историческая категория, но, вместе с тем, еще и специфическая форма социокультурного бытия общества. Диалог, с точки зрения социокультурного подхода, есть способность субъектов взаимопроникаться смыслами и на этой основе формировать новые смыслы, новые программы деятельности, а значит – изменять общество. Такой диалог развивается в процессе движения общественного сознания и политической практики от господства инверсии к господству медиации, которые являются двумя противоположными полюсами и бинарными оппозициями в социокультурной динамике российского общества. «Инверсия, – утверждает А. С. Ахиезер, – это абстрактный диалог, основанный не на взаимопроникновении полярностей дуальной оппозиции, но на замене одного полюса другим (например, добра – злом и наоборот)» [17, с. 153].

Медиация – это полноценный диалог, «характеризующаяся отказом от абсолютизации полярностей и максимизацией внимания к их взаимопроникновению, к их существованию друг через друга» [17, с. 271]. По сути дела, медиация – это диалог полюсов, в ходе которого укрепляется нечто третье, позволяющее диалектически снять конфликт и противостояние между противоположностями, разрешить ситуацию на основе компромисса, консенсуса, взаимопонимания в процессе диалогического дискурса различных политических субкультур.

Диалогизация общества, с точки зрения А. С. Ахиезера, возникает как ответ на исторические вызовы в виде усложнения

подлежащих разрешению проблем. Диалогизация общества – это рост значимости общественного диалога, «его институциональных форм, систем отношений, нацеленных на усиление роли диалога на всех уровнях общества... отношений людей, способности преодолевать несоответствие, противоречие, раскол между диалогизацией и стремлением утвердить монологизацию общества, между противоположными тенденциями, векторами конструктивной напряженности» [17, с. 154].

Специфика социокультурной ситуации современной России состоит в неспособности социума выйти за рамки ее промежуточного состояния двух типов цивилизации: либеральной и традиционной с двумя принципиально различными типами политических культур. Россия, хотя и покинула ареал традиционной цивилизации, но так и не перешла границу либеральной цивилизации. Или, иначе говоря, уходя от монологичности общественного дискурса, она пока не пришла к полноценной диалогичности политической коммуникации власти и общества. В результате медиационные процессы диалогизации управления сменяются инверсионным возвратом к традиционным формам монологичного отправления власти. Затем, на очередном спиралевидном этапе социокультурной динамики, происходит возврат к противоположному полюсу, потом вновь все возвращается в лоно традиционалистского типа властвования.

Россия – это расколотое общество – к такому печальному выводу приходит А. С. Ахиезер. Но это не религиозный и не социально-психологический раскол. Дело в том, что в России одновременно функционируют две противоположные, пытающиеся стать господствующими политические логики, две политические культуры. Первая из них основана на традиционной российской нравственности, складывавшейся с древнейших времен, – это традиционный тип политической культуры, где доминирует монологическая форма политической культуры, сознания и управления. Здесь «диалог существует на заднем плане». Традиционализм направлен «на сохранение сложившихся отношений, державших диалог в статичных рамках, ценности в неизменном состоянии» [17, с. 153].

Второй тип политической культуры – либеральная политическая культура, которая возникла позднее традиционалистской политической культуры как элемент социокультурного развития, динамики и эволюции российского общества. Она ориентируется «на диалогическое развитие, на формирование институтов, соответствующих массовым потребностям в диалоге, в их динамике, на диалогизацию общества» [17, с. 153]. Такая политическая культура, функционирующая в рамках либеральной цивилизации, как отмечает А. С. Ахиезер, «включает диалог, полифонию, многоплановость мнений и общения», представляя собой социокультурную основу «для превращения монологов в диалог» [20, с. 339]. Диалог в ее рамках становится основополагающим принципом организации всей социальной жизни [17, с. 247].

Осмысление и творческое использование методологии и теории диалога А. С. Ахиезера заключается не только в констатации социокультурного раскола общества, но и в социально-философской рефлексии необходимости институционализации общественного диалога, перехода в сфере политического управления от монологизации к диалогизации, развитию диалогической политической культуры общества и на этой основе нейтрализации потенциальной возможности конфликтов, расколов и катастроф в российском обществе. Разработанное А. С. Ахиезером учение о социокультурной динамике России на основе чередования этапов диалогизации и монологизации управления и общественного дискурса, позволяет нам:

Во-первых, опровергнуть бытующее мнение о том, что для России якобы свойственна лишь чисто монологическая политическая культура и основанный на монологе характер политического управления и взаимодействия власти и общества.

Во-вторых, рассмотрение диалога власти и общества в исторической ретроспективе позволит нам подтвердить нашу гипотезу о том, что начавшаяся институционализация диалога государства и гражданского общества в современной России:

– это объективно необходимый процесс демократизации всего спектра общественно-политических отношений;

– это форма общественного диалога, которая играет, по сути дела, одну из ключевых ролей в демократическом транзите российского общества;

– без институционализации диалога государства и гражданского общества демократические преобразования в нашей стране заведомо обречены на фиаско;

– и, наконец, без использования имеющегося зарубежного опыта в сфере диалогизации политического дискурса, без диалогизации процессов и процедур PR-технологий, без институционализации диалога российское государство окажется не способным к реинтеграции на постсоветском пространстве, и вполне может оказаться на грани очередной геополитической катастрофы.

7.1.2. Институты диалога в Древней и Средневековой Руси

Вече – один из самых известных и в то же время один из самых загадочных политических институтов Древней Руси. Древнерусское слово «вече», ныне вышедшее из активного речевого оборота, синонимично таким словам как «советоваться», «вещать», «вещий».

Круг вопросов, решаемых вече, был довольно широк. Прежде всего, это вопросы войны и мира, судьбы княжеского стола и княжеской администрации. Кроме того, на вече рассматривались проблемы, связанные с денежными сборами среди горожан, распоряжением городскими финансами и земельными ресурсами. Вече представляло собой архаичный публичный совещательный орган в форме народного собрания в Древней и Средневековой Руси, а также во всех народах славянского происхождения. Так, Прокопий Кесарийский свидетельствовал: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом» [301, с. 297].

Вече обычно созывалось для обсуждения общих дел и непосредственного решения насущных вопросов общественной, политической и культурной жизни. По сути дела, это одна из исторических форм прямой демократии на территориях Древней и Средневековой Руси.

Участниками веча могли быть «мужи» – главы всех свободных семейств сообщества (племени, рода, поселения, княжества). Их права на вече могли быть равными либо различаться в зависимости от социального статуса. Это обсуждение было прозрачно, зримо и непосредственно или, говоря современным политическим языком, публично. Вече объявляло войну и заключало мир, вело переговоры с противником. Вече назначало чрезвычайные налоги для обороны города. Таким образом, наиболее древней формой управления было вече, как коллективный способ диалогового решения вопросов хозяйственной и общественно-политической жизни на общем собрании глав семей племени.

Главной функцией веча в XI–XII веке был выбор князей. Часто вече не принимало князя, которому по старшинству полагалось княжить в городе, а то и изгоняло неудобного. Однако формально функции веча и того, как на нем принимались решения, не были определены. Они диктовались лишь обычаем. Даже выбор на вечевом собрании князя не был регулярным. Вече не было государственным учреждением и потому не могло быть прочной основой государственной власти. Однако власть веча в течение всего дотатарского периода русской истории оставалась весомой и даже укреплялась за счет роста политического значения городского населения – купцов, ремесленников, духовенства. Его существование прекратилось (за исключением Пскова и Новгорода) лишь во времена татаро-монгольского ига.

Наряду с вече формировался другой полюс управления – первое лицо общности: глава рода, патриархальной семьи, староста, вождь, обладавшие значительной властью и широким спектром управленческо-распорядительных функций. Между этими полюсами управления – публичным и личным (персональным) – существовал определенный ритуализированный диалог, ограниченный ценностями статики, накладывающий на изменения средств, целей и т. п. жесткие ограничения. Главная функция такого архаического диалога заключалась в постоянной интерпретации культуры в сфере ее функционирования с целью воспроизводства жизнедеятельности, выживаемости на основе воспроизводства интеграции

обоих полюсов социума через внешний диалог в рамках соответствующих институтов. Исходная двойственность – это «лишь начало некоторой цепи двойственностей через возникновение новых уровней, уровней племен, союза племен и даже союза союзов племен...» [14, с. 26].

Определенную роль при князе играла боярская дума, которая представляла собой совещательный институт власти. До XI века боярская дума заседала совместно с городскими старейшинами – тысяцкими, начальниками ополчения, выбиравшимися вече. В XI и XII веках тысяцкие уже назначаются князем и сливаются с боярской думой. Но и дума не имела законодательно оформленных прав и обязанностей.

Князь и вече олицетворяли собой две амбивалентные системы ценностей, которые боролись между собой в политической жизни Древней Руси: авторитаризм и соборность, единоличный и коллективный способ решения важных вопросов жизни государства. И если княжеская власть эволюционировала, совершенствовалась, то вече оказалось неспособным к этому.

В применении к России социокультурного подхода, как утверждает С. Г. Кирдина, следует акцентировать внимание «на глубинных и устойчивых социально-ценностных структурах, задающих объективные границы для трансформации российского общества, выявляет социокультурные основания, позволяющие объяснить отклонения хода реформ от планов» [180, с. 27]. Но, наряду с достоинствами социокультурного подхода, С. Г. Кирдина отмечает и его недостатки, проявившиеся в работах А. С. Ахиезера, Н. И. Лапина и других исследователей, придерживающихся этой же методологии.

По мнению С. Г. Кирдиной, разделение общественных ценностей на «позитивные либеральные» и «негативные традиционные» создает замкнутый логический круг и фатально предопределяет результаты исследования социальных изменений. Неявно постулируется, что в обществах с доминированием традиционных ценностей эти изменения невозможны или чрезвычайно ограничены. Таким образом, роль социокультурного подход

заключается в том, «что с его помощью выделяются постоянные, устойчивые основания культуры, обуславливающие развитие конкретного типа общества. Они фиксируются как данность, к которой можно приспособляться, но вряд ли перспективно бороться» [180, с. 27–28]. То есть выходит, что социокультурная традиция детерминирует и предопределяет дальнейший вектор политического развития России и воспроизводство ранее сложившегося соотношения диалогических и монологических традиций.

Вряд ли можно полностью согласиться с такой категорической точкой зрения в отношении социокультурного метода. Он, как и любой другой метод, конечно, не лишен недостатков. Но на его основе в сфере политической науки вполне возможно не только объяснение и констатация, но и разработка конкретных политических технологий, новых дискурсивных практик и диалогических механизмов корректировки и трансформации сложившихся социокультурных и политико-культурных оснований существующей диалогии государства и гражданского общества.

Не противопоставляя и не отождествляя социокультурный метод А. С. Ахиезера и теорию институциональных матриц С. Г. Кирдиной, мы не считаем их двумя взаимоисключающими способами осмысления феномена диалога в российском социуме. Поэтому будем исходить из того, что сочетание этих двух методологий позволяет более глубоко и объемно представить предмет нашего исследования, то есть диалог государства и гражданского общества.

С точки зрения С. Г. Кирдиной, разработавшей теорию институциональных матриц России, институциональная матрица – это устойчивая, «исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [179, с. 24]. А базовые институты – это «глубинные, исторически устойчивые формы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах общества» [179, с. 17].

С. Г. Кирдина выделяет два типа институциональных матриц: восточную и западную (с точки зрения методологии социокультурного анализа А. С. Ахиезера – традиционную и либеральную суперцивилизации). Восточная институциональная матрица, к которой С. Г. Кирдина относит и Россию, представляет собою систему исторически сформировавшихся и устойчивых базовых институтов. Одним из базовых институтов восточной институциональной матрицы является иерархическая вертикаль власти во главе с Центром, функционирующая в унитарно-централизованной политической системе. Центр традиционно предстает «вершиной властной вертикали, задает правила и полномочия подчиненных ему органов управления по всей иерархической вертикали» [179, с. 183]. Институт властной вертикали определяет порядок делегирования полномочий между органами власти «сверху вниз» на основе законов, принимаемых верхним уровнем управления.

Государствам с восточной институциональной матрицей органически присущ институт общественно-служебной собственности и раздаточная экономика. Раздача – это другой институт восточной институциональной матрицы, с помощью которого регулируются экономические отношения.

Для темы нашего исследования наиболее актуален выделяемый С. Г. Кирдиной «институт общего согласия и единогласия», являющийся одним из «базовых институтов, регулирующих политические взаимодействия в унитарно-централизованной политической системе, свойственной государствам с восточной институциональной матрицей» [179, с. 189]. Это означает, что для принятия важнейших решений в государстве необходимо собрание общества в лице составляющих его «групп и слоев, на котором должно быть достигнуто общее согласие по поводу принимаемых решений» [173, с. 85]. Благодаря этому достигается солидарная ответственность за принятые на себя обязательства со стороны представителей территорий, социальных групп и управляющих структур пред верховным уровнем или Центром. Исторически поливариантные институты общего собрания и единогласия

(в нашем варианте – института диалога и монолога) «образуют естественный и необходимый элемент политических систем» [179, с. 86]. Необходимость существования этого института обусловлена унитаристскими принципами государства с восточной институциональной матрицей. А также общественно-служебной собственностью, раздаточной экономикой, пересечением зон компетенции разных уровней управления и ответственности различных ведомств и групп общества.

Например, если в средневековой Руси в ходе вечевого собрания, то есть в процессе архаичного диалога, стороны не могли прийти к единому мнению, или же предлагаемая позиция не была столь авторитетна, чтобы оппоненты не перестали отстаивать каждый свою точку зрения, то дело решалось «полем» или, попросту говоря, дракой, кулачным боем стенка на стенку. Та сторона, которая одерживала верх в физическом поединке, признавалась «правой» и ее точка зрения брала верх [148, с. 135]. Позиция или точка зрения победившей стороны становилась общей для всех. Это фиксировалось и закреплялось в ходе общего целования креста, застолья, братания и так далее. Достигнутое таким образом единство закреплялось публичной клятвой соблюдать принятые и таким образом легитимизированные правила, нормы и позиции.

В 1556 году эти официально нигде не зафиксированные нормы и традиции древнерусского диалогового института достижения общего согласия и единогласия были заменены процедурой «долгих сидений и прений» всех участвующих сторон спора. Такое единодушие, а не правило большинства, характерное для государств с западной институциональной матрицей, в России было неотъемлемым требованием и для института Вселенских соборов, и для института Земских соборов, означавших «собрание, заседание чинов от земли, или духовенства, для решения важных дел» [179, с. 87]. Вынесенные на обсуждение этих соборов вопросы дискутировались до тех пор, пока участники не приходили к одной для всех точке зрения. В последующем, уже в новейшей истории, рецепция средневекового диалогового института

достижения общего согласия и единогласия была сублимирована в деятельности системы Советов и КПСС.

Система власти в Киевской Руси представляла собой вид «неустойчивого равновесия» между двумя элементами государственной власти: монархическим, в лице князя, и демократическим, в лице народного собрания или веча старших волостных городов. «По сути, шла борьба двух исторически сложившихся тенденций между диалогизацией управления, то есть попытками вечевых институтов оказывать давление на князей, вести с ними диалог на основе своих сложившихся ценностей, и монологизацией управления, на которое пытались опереться высшие уровни, абсолютизирующие свои решения» [14, с. 28].

Гибель Киевской Руси, по утверждению А. С. Ахиезера, «стала результатом внутренних раздоров, недостаточной способности культурного и организационного объединения... слабостью общего диалога, нацеленного на интеграцию на основе диалогического взаимопроникновения». К тому же «в обществе формировались люди, склонные соглашаться с монологизацией управления, субъектом которой была в Киевском государстве власть князя» [14, с. 28–29]. В результате вторжения восточных кочевников хана Батыя в XIII веке в стране произошло существенное усиление власти князей над народом, над вечем. Завоеватели усилили в стране дух монологизма. Городские вечевые институты на северо-востоке Руси приходили к упадку, а затем и к окончательному исчезновению.

После освобождения страны от восточных завоевателей для российского государства возникла необходимость приспособления к новым изменившимся условиям. Централизаторские мероприятия середины XVI века имели двойственное дискурсивно-политическое значение. С одной стороны, они концентрировали прежде раздробленные силы общества, не только объединяли земли вокруг Москвы, но формировали сильную государственность и общерусскую национальную культуру, с претензией, в духовно-религиозном и политическом аспекте, на то, чтобы стать «третьим Римом».

С другой стороны, эти же центростремительные тенденции и процессы за счет все большего усиления центра ослабляли периферию, окраины, сводили на нет местную культуру. Нарастала унификация, единообразие, регламентация и монологизм управления в виде подчинения всей страны политическому контролю центра. Эта иерархия снижала креативный и эвристический потенциал социума, тормозила развитие диалога, медиации, мышления, приводило к застойным явлениям, увяданию и провинциализации таких, некогда самобытных и самостоятельных городов, как Новгород, Псков, Смоленск, Тверь, Нижний Новгород, Кострома и Ярославль.

Благодаря гению А. С. Пушкина в общественном сознании, равно как и в науке, сформировался и надежно обосновался стереотип о том, что в допетровской Руси народ – по извечной социокультурной традиции – «безмолвствует». В дальнейшем эта оценка была подхвачена и широко растиражирована другими авторами и авторитетными мыслителями.

Эту же мысль повторяет Г. Г. Шпет в своем очерке по истории русской философии, который охарактеризовал ранний период развития русской общественной мысли как «невегласие» [427, с. 20]. Н. А. Бердяев, характеризуя «Московское царство», тоже именует русский народ «бессловесным» [35, с. 8]. Он, равно как и ряд других авторов, подчеркивает молчаливость, незнание, неумение самостоятельно мыслить и высказывать свою точку зрения или, иными словами, неконтактность, недиалогичность, некоммуникабельность.

Данную тенденцию продолжает и другой русский философ, Г. Федотов, который, несколько интерпретируя пушкинскую точку зрения, называет Московскую Русь, «бессловесной», которую словно бы обуял «паралич языка». «Она похожа, – писал этот же мыслитель в статье “Трагедия русской интеллигенции”, – на немую девочку, которая так много тайн видит своими неземными глазами и может поведать о них только знаками. А ее долго считали дурочкой только потому, что она бессловесна» [396, с. 76]. Так возник устойчивый миф об аномичности, немоте

и бессловесности российской политической культуры, о недиалогичности ее социального и политического дискурса

Но есть и иные точки зрения. Так, А. Л. Янов, советский и американский историк, политолог и публицист, вопреки исторически установившейся интеллектуальной традиции сопоставляет Московскую Русь не с Римом, а с Афинами, называя средневековую Россию «Московскими Афинами». При этом он сознательно подчеркивает не исихастскую традицию религиозного и общественно-политического безмолвия, а диалогизм общественно-политической жизни. «В царствование основателя московского государства Ивана (Великого) III на Руси и в помине не было казенного монолога власти перед безмолвствующим народом, – утверждает А. Л. Янов. – Был диалог, была идейная схватка – бурная, открытая и яростная» [440, с. 73].

Это был период, когда, как ни одно из других государств, «твердо стояла Москва за гражданские права», обладая поистине «магнитными свойствами, притягивающими к себе людей из других, вполне благополучных западных земель» [440, с. 75]. При этом большинство, бежавших тогда с Запада на Восток, а не наоборот, составляли политически инакомыслящие, а не уголовные элементы. Правда, уже тогда – а точнее при И. В. Грозном – начался и обратный процесс, но диалог, споры, полемика все равно оставались.

С падением Византии в 1453 году московский князь становится главой крупнейшего в мире православного государства и рассматривает себя в качестве преемника византийских императоров. На Русь переходит византийская государственная символика (герб и регалии). Именно в этот период старец Филофей создает историософическую концепцию «Москва – третий Рим», мобилизующую усилия социума и власти на весьма амбициозные политические задачи. Постепенно царская власть концентрировалась в своих руках всю полноту верховной власти, единолично распоряжаясь жизнью и имуществом подданных, рассматривая их в качестве своих холопов.

В то же самое время, являясь верховным исполнителем военных, дипломатических, судебных и иных функций, русский

монарх широко использовал в качестве совещательного органа Боярскую думу, выросшую из прежнего совета бояр. Боярская дума была высшим советом, состоявшим из представителей феодалной аристократии. Хотя с начала XVI века великие князья стали вводить в думу даже простых дворян, усиливая тем самым демократический элемент власти и несколько ослабляя элитарный. В XV веке Дума окончательно оформила свой юридический статус. В её составе выделились служилые чины: бояре, окольные, думный дьяк.

По утверждению Л. П. и В. В. Белковец, «в течение XVI века между Думой и великокняжеской властью шел довольно бурный “диалог” за приоритет, за право участвовать в управлении, ограничивать самовластье единодержавного монарха» [31, с. 33]. Боярская дума стала важной составной частью сословно-представительной монархии как постоянно действующий высший государственный орган и как верхняя палата (своеобразная палата Лордов) русского парламента – Земского собора.

В то же самое время самостоятельной политической роли Боярская дума не имела, действуя вместе с царём (князем) и составляя совместно с ним единую верховную политическую власть государства. Председательство в думе принадлежало царю, но он не всегда присутствовал на заседаниях думы. Поэтому бояре могли совещаться и решать дела и без него. Но окончательно решения утверждались только государем. По всем думским делам выносилось решение в следующей форме: «Государь повелел, бояре приговорили». Тем самым Боярская дума продолжала архаические традиции древнерусского матричного института вечового общего собрания и общего единогласия.

Историк С. А. Веселовский утверждал, что ближайшее окружение царя именуют «советные люди», обращая внимание на то, что в Боярской думе, как в совещательном институте и учреждении власти, не было ни канцелярии, ни штата сотрудников, ни своего делопроизводства и архива решённых дел. «Царь по своему усмотрению одних думцев назначал на воеводство... других отправлял послами в иноземные государства, иным поручал,

“приказывал” какое-либо дело или целую отрасль управления, наконец, некоторых оставлял при себе в качестве постоянных советников по текущим вопросам государственного управления» [51, с. 170–171]. Таким образом, можно констатировать, что Боярская дума была постоянно действующим совещательно-диалоговым политическим учреждением в допетровской Руси. Это был элитарно-аристократический институт, деятельность которого носила непубличный и кулуарный характер. Но без Боярской думы не обходился ни один российский государь вплоть до Петра I, который около 1700 года ее упразднил.

Конечно, русский средневековый диалог представлял собой весьма специфическую разновидность отечественного политического дискурса. О его особенностях, к примеру, можно судить о полемике, развернувшейся между Иваном Грозным и Андреем Курбским (1564 год), бывшим сподвижником, активным реформатором из числа ближайшего окружения царя («Избранной Рады»). Эпистолярная техника предполагала имитацию диалога. Такая традиция установилась еще с античных теорий стиля, когда послание понималось «как бы одна из сторон в диалоге» и «письменная беседа отсутствующего с отсутствующим». В таком диалоге «отправитель был рассказчиком, а адресат – слушателем», что «создавало иллюзию непосредственного общения разлученных расстоянием людей» [166, с. 141]. И. Грозный стал первым из отечественных политических деятелей, кто понял, что высмеять – это, по сути дела, уничтожить оппонента и победить. Вот почему в его обличениях А. Курбский и его аргументация опровергаются тем, что его положение объявляется смешным и искусно пародируется.

Как известно, И. Грозный достаточно часто любил вступать в устные диспуты: в диспуты о вере или по дипломатическим вопросам – с равными себе или со своими жертвами. Он стремился обосновывать свои поступки, убеждать и издеваться, торжествовать в спорах. Эти устные приемы и практики эристического спора И. Грозный нередко переносил и в свои письменные полемические произведения [207, с. 197]. Характерно, что еще В. О. Ключевский отметил обоюдное непонимание И. Грозного

и А. Курбского, каждый из которых «твердит свое и плохо слушает противника» [182, с. 211–212].

Современный российский политолог О. А. Зиновьев считает, что это была первая в Российской истории «полемика, которая может быть соотнесена с проблематикой гражданского общества» [143, с. 78]. Данная дискуссия касалась вопросов установления пределов и ограничений бесконтрольной царской власти, о которых писал А. Курбский. В процессе этого заочного общественно-диалогового персуазивного типа впервые в русской истории был затронут вопрос о праве человека на частную автономию. И хотя у А. Курбского то, что впоследствии получило название «прав человека», выделено еще достаточно смутно, он дискурсивно обозначает эту проблему посредством апелляции к авторитету хорошо устроенного государства.

Заочная полемика царя и дворянина, конечно же, не привела к появлению в России представлений о частной и публичной автономии, но она любопытна лишь как прецедентный диалогический эпизод в эпоху средневековья, которую по традиции принято считать чуть ли не полным отсутствием хоть какого-либо намека на диалог власти и общества. В полемическом дискурсе И. Грозного и А. Курбского нашли отражение различные понимание верховной власти, принципов служения отечеству и государю, свободе совести отдельного человека и осмысление им своего долга по отношению к главе государства.

Как утверждает известный российский политолог И. Н. Панин, одним из главных политических шагов Ивана IV стал диалогический тренд в его внутривластной деятельности. Проявлением данной тенденции стало возникновение нового совещательно-диалогового института под названием Земский собор [266, 267].

В ряде памятников Древней Руси Земский собор именуется «советом всея земли», «всею землею», или просто «собором». Известный дореволюционный историк С. Ф. Платонов называет Земский собор еще и «совещательным органом» власти, который наряду с постоянно функционировавшей при государе боярской

думой, начиная с середины XVI столетия и вплоть до середины XVII, стал российской формой общественного диалога между государем, церковью, боярской аристократией и другими непривилегированными частями социума [279, с. 3].

С. Ф. Платонов в исследовании «История московских земских соборов» писал: чтобы отличить земский собор от «иного рода собраний или скопищ», необходимо иметь в виду, что собор состоял из трех частей. Во-первых, «в состав „совета всея земли” входил освященный собор русской Церкви с митрополитом, позднее патриархом во главе... Во-вторых, в состав Земского собора включалась боярская дума, составлявшая постоянный совет государя... И, в-третьих, в состав Земского собора входили земские люди, представлявшие собою различные группы населения и различные местности государства». Их присутствие «было необходимо для того, чтобы освященный собор и дума, составлявшие вместе высший правительственный совет, могли превратиться в „совет всея земли”. Без земских людей „собор” из духовенства и бояр не представлял собою „всю землю”...» [279, с. 7].

Совместное «совещание думы и духовного собора» было давним древнерусским обычаем. В процессе такого «синклита» различные ветви власти обычно «вместе и сообща обсуждали предстоящее дело». Но наряду с такими вполне традиционными совещаниями элиты к делиберативному процессу постепенно «стали призываться новые советники – „всяких чинов люди”, взятые из среды управляемого общества» [279, с. 8]. С. Ф. Платонов находит в истории, пусть и достаточно редкие и нерегулярные, но вполне реальные практики, когда к процедуре совещания с князем или с царем привлекались не только боярская или духовная аристократия, но еще и иные лица, включая воевод, воинов и даже, в отдельных случаях, простых «земских людей».

Дальнейшим развитием этих делиберативных практик стал процесс их институционализации в форме Земского собора. С. Ф. Платонов полагает, что генезис Земского собора – это не сознательное творение политической мысли, и не в результате каких-то экстремальных событий, а, говоря языком современной

институциональной политологии, результат хабитуализации «давнишней правительственной практики», выросшей «из старого обычая усиливать государев совет советниками изо „всех людей”» [279, с. 14]. По мнению И. Н. Панарина, именно этот совещательно-диалоговый институт, появившийся при И. Грозном, впоследствии «помог Руси выйти из тягот и лишений Смутного времени» [267].

Первый из Земских соборов состоялся в 1549 году и получил название «Собора примирения». «Царь пригласил на него представителей от “всякого чину” – бояр, церковных иерархов, государственных служащих, дворян, купцов, – пишет И. Н. Панарин. – С этого времени соборы вошли в практику политической жизни как своеобразный форум для поиска общественного согласия» [266].

И. Н. Панарин утверждает, что именно И. Грозный стал первым политическим деятелем в истории России, который «начал процесс диалога». Более того, «именно при Иване Грозном началось строительство гражданского общества в России» [266]. Вряд ли можно полностью согласиться с этим достаточно спорным, категорическим и малообоснованным утверждением. Но доля истины, бесспорно, в этом все-таки есть. Тем более что и некоторые другие авторы тоже согласны с тем, что через первый и другие Земские соборы в средневековой Руси «шел, хотя и ограниченный, диалог власти и общества» [162, с. 122].

В условиях роста могущества Московской Руси XVI века и централизации ее власти, объективно возникла «необходимость диалога между обществом и государством», что и было реализовано с помощью «земских соборов, на обсуждение – точнее, утверждение – которых выносились те или иные важные вопросы» [72]. Появление практики организации и проведения Земских соборов можно рассматривать как относительный процесс демократизации общества, связанный не только с объединением русских земель, но и ростом политического значения дворянства, отчасти верхов посада, а также заметного участия церкви в системе государственного управления.

Через Земский собор шел, хотя и ограниченный, но все-таки диалог власти и общества. Соборы созывались официально возглавлявшим их царем по мере надобности. Юридически никаких прав, за исключением совещательно-делиберативных процедур, они не имели, поэтому реально влиять на ход дел в государстве не могли. Обычно инициатива созыва Земского собора исходила от царя, а в условиях междуцарствования – от Боярской думы или патриарха. Определенных сроков их проведения не существовало, поэтому собор созывался по мере надобности. Состав его участников, по сути дела, был нерепрезентативен, поскольку выборных процедур для отбора делегатов не существовало.

В прерогативы Земского собора входило утверждение новых законов, решение вопросов о войне и мире, введение новых налогов, избрание царей и другие вопросы. Институционально Земские соборы поддерживали царскую власть в ее интенции к соблюдению интересов всего общества в целом и его отдельных сословий на основе артикуляции и агрегации запросов, нужд и пожеланий. Данное обстоятельство способствовало дискурсивной легитимации царской власти и принимаемых ей законов и указов, а также сближению ее со своим народом.

О росте значения Земских соборов в политической истории России свидетельствует то, что после смерти Ивана IV наследственная монархия, хотя и на небольшой срок, но все-таки трансформировалась в избирательную. Именно так были избраны или утверждены Земскими соборами цари Борис и Василий Шуйский, Михаил Федорович, Петр I, Иван V.

По мнению А. С. Ахиезера, исключительная важность Земских соборов заключается в том, что они стремились уйти от господства инверсионного типа изменений к медиации. «Существование земских соборов говорит о том, что был сделан важный шаг в развитии срединной культуры, создана ее определенная организационная форма, форма ограниченного диалога народа и власти, диалога сословий, соотношения разнообразия общества и его единства, целостности» [16, с. 134].

Деятельность нижегородского купца Кузьмы Минина – пример гражданской инициативы, который позволяет более эвристично подойти к осмыслению роли независимых гражданских инициатив и самодеятельной активности населения страны в контексте взаимодействия общества и государства, власти и народа. Избрание народом полководцем князя Дмитрия Пожарского наглядно демонстрирует жизнеспособность древнерусских вечевых обычаев в социокультурной традиции русского народа.

После освобождения Москвы, в январе 1613 года собрался Земский собор для решения вопроса о власти. Главное отличие данного собора от всех ранее проходивших в том, что он был созван не по инициативе «сверху», а «снизу», то есть, образно говоря, благодаря, словно внезапно воспрянувшей от летаргического сна, вечевой культуре, которая мобилизовала востребованные социумом диалогические архетипы. Такое выражение народной воли служит серьезным аргументом в пользу того, что государство не может и не должно подавлять политическую инициативу народных масс, ведь в таком случае власти грозит утрата ее легитимности, а государству – прекращение независимого существования.

На Соборе присутствовали бояре, высшее духовенство, дворяне, посадские люди, а также свободные крестьяне. Однако там не было представителей крепостного крестьянства и некоренных народов, проживавших на территории государства. И, тем не менее, по средневековым канонам Земский собор 1613 года был представлен и многолюден.

Борьба при обсуждении вопроса о власти была очень напряженной. Патриотично настроенный Земский собор отсекал чужеземных кандидатов, приняв решение о том, что царем обязательно должен стать выходец из российских земель. Вслед за этим развернулась острая дискуссия и политическая борьба в отношении определения кандидатов на царский престол из старинных боярских родов, в ходе которой использовалось все: агитация, демагогия, давление, интриги, лоббирование интересов и даже подкуп голосов. Полный список претендентов, к сожалению,

не сохранился. Однако известно, что выдвигались кандидатуры из таких знатных родов как Воротынские, Куракины, Милославские, а также Дмитрий Пожарский, Василий Шуйский, Дмитрий Трубецкой и Михаил Романов.

Собор открылся 16 января и в результате острой полемики, жарких дебатов и дискуссий 7 февраля 1613 года собор остановился на кандидатуре Михаила Романова. Согласно официальной версии, избрание представителя боярского клана Романовых стало возможным благодаря политическому консенсусу или, точнее, компромиссу. Род Романовых в меньшей степени запятнал себя сотрудничеством с «непатриотичным» польским правительством в 1610–1612 годах. В то же самое время патриарх Филарет, отец М. Романова, некоторое время состоял в лагере Лжедмитрия II, что давало надежду коллаборационистам на то, что новоизбранный государь не станет сводить с ними счёты за сотрудничество с интервентами. Еще одним мотивом для возведения на престол 16-летнего монарха стала надежда на институционализацию делиберативного диалога, связанного с возможностью заинтересованных боярских кланов и боярской думы в целом оказывать воздействие на государя при совместном обсуждении, решении и выработке ключевых социально-экономических и общественно-политических вопросов управления страной.

Но окончательный выбор отложили до тех пор, пока не выскажется народ. Города и провинция поддержали эту кандидатуру, и 21 февраля в Успенском соборе состоялось торжественное заседание Собора, на котором единогласно был избран царем Михаил Федорович Романов.

Так собор, избравший царя М. Ф. Романова от «всей земли», фактически сформулировал новый диалогический принцип государственного управления, который требовал дискурсивного участия в нем всех групп населения, разве что за исключением крепостных крестьян. Такой консенсус вечевого типа, пусть и ненадолго, но все-таки неформально институционализировал диалогический принцип в новом политическом управлении страной. В его основу была проложена договорная идея всеобщего

согласия и публичного происхождения власти, оттесняющая, пусть и временно, политический монолог на периферию общественно-политической жизни.

С. Ф. Платонов по этому поводу вполне резонно замечает, что политическое значение собора 1613 года заключалось не в том одном, что он избрал нового государя, но и в том, что он образовал новый порядок в стране. При М. Ф. Романове Россия начала медленно выходить из социальной катастрофы, постепенно, на основе унисонного диалога реанимируя государство и трансформируя политическую систему общества. «Восстановление государства шло трудно еще и потому, что царь Михаил не был государственным деятелем. Выход находили в постоянном диалоге с обществом в лице Земского собора» [262].

Земский собор стал постоянно действующим учреждением, заседавшим практически без перерывов все царствование М. Ф. Романова. Все важные решения разрабатывались при участии собора и подписывались следующим образом: «по царскому указу и по земскому приговору». Так собор стал главным органом законодательной власти, без которого царь не принимал ни одного закона.

К тому же еще Земский собор разделил с государем и исполнительную власть. Дело в том, что после Смутного времени невозможно было сразу восстановить порядок и закон, не опираясь на структуры, которые были выработаны самим ходом истории. Таким образом, власть нового правительства вынуждена была базироваться не на силе, а на народной поддержке и диалоге, в первую очередь, для того, чтобы восстановить порядок и власть в стране.

7.1.3. Институционализация авторитарного монолога в имперской России

Однако и высшая власть, и миллионы простых людей так и не сумели развить и укрепить культуру «соборного диалога». Конфликты оказались сильнее, чем социокультурная основа согласия. Если в 1613–1622 годах соборы заседали почти постоянно, то затем они стали созываться все реже и реже. А в 1653 году Земский собор состоялся в последний раз.

Укрепившаяся власть перестала нуждаться в легитимизации своих действий со стороны «всей земли», а «земские люди», в свою очередь, не смогли закрепить свое право на участие в решении государственных дел. Средневековое российское общество так и не выработало устойчивого диалогового механизма, способствующего социокультурной интеграции в процессе совместного разрешения противоречий и выработки политических решений. Итогом тренда к деинституционализации совещательного диалога стал возврат российской власти к архаической традиции решать общественно-политические проблемы путем насилия, тайком, без участия общества в широких совещательных процедурах, на основе кулуарности, закрытости, непрозрачности, монополизации власти и монологизации стиля политического управления.

Своего апогея российский авторитаризм достиг при Петре I. Его реформы, преобразования и утверждение имперской государственности заслонили память о «робких попытках народовластия» и делиберативного диалога власти со своим народом. Царь, а точнее император, пытался перестроить систему управления соответственно модели, сочетавшей авторитаризм с элементами бюрократической коллегиальности. Однако эта относительная коллегиальность поддержки в обществе не нашла и вскоре была упразднена. В итоге монаршество Петра I ознаменовало институционализацию авторитаризма в его крайних формах.

«Политика монологизации в период империи несла в себе веру в способность власти лепить из общества все, что угодно, – пишет А. С. Ахиезер. – Эта вера была обратной стороной слабой веры народа в собственную способность к государственному творчеству». На этом было основано убеждение власти в безграничной возможности реформировать общество собственными силами. «Но монологизация имела дорогую цену», поскольку благие намерения тонули в «массовом равнодушии к замыслам реформ, неприятию народом их ценностей» [16, с. 31].

Боярская дума при Петре окончательно утратила значение и даже формально перестала собираться. Гражданская бюрократия

соединилась с военным начальством. Милитаризация управленческих механизмов соответствовала крайнему авторитаризму и абсолютизму власти. Подавление вечевого и соборного начал блокировало и без того слабую народную инициативу, порождало апатию и неверие масс в собственные силы как полноценного субъекта политического процесса и равноправного партнера по диалогу с властью.

Сакрализованная личность монарха стал выступать как единственное воплощение правды и абсолютной истины, а все его решения и действия как благодать, нисходящая на подданных. Народ, следовательно, сам по себе, без монаршей благодати власти, был не способен следовать «правде». Так на практике осуществился идеал писателя Симеона Полоцкого, уподоблявшего отношение начальников к народу отношению пастуха к овцам. Подданные, подобно овцам, должны исправно снабжать власть молоком, мясом, шерстью. Пастух же обязан обеспечить охрану стада от хищников, а при стрижке не портить шкуры. По мысли С. Полоцкого, власть и право самодержавно повелевать вручил государю-императору сам Бог.

В 1704 году был создан кабинет Петра – личная канцелярия царя – как высшее государственное учреждение. В октябре 1721 года Петр провозгласил себя императором. Отныне никакие общегосударственные законы не могли исходить от какого-либо другого учреждения. При этом Петр I считал, что его указы являются «фортецией правды».

Поэт, общественный и церковный деятель Феофан Прокопович также придерживался точки зрения, что царь – наместник Бога на земле. Ю. Крижанич в книге «Политика» утверждал, что «самовладство», то есть самодержавие, «это – жезл Моисеев, которым царь-государь может творить все необходимые чудеса». Так монарх стал рассматриваться как единственный источник творческого начала в социуме и как монополярный актер всех позитивных инноваций.

В основе петровских реформ лежал механистическое мировоззрение, взгляд на людей и общество как на некий механизм,

которым может управлять на основе линейной и однонаправленной коммуникации с помощью приказа, окрика, администрирования и наказания. В социологической концепции стиля политического управления Петра I отчетливо проступают черты общества-машины, а человек как объект одностороннего манипулирования, как бездумная и безгласная деталь огромного механического целого. Государство беззастенчиво вторгалось в частную жизнь населения страны, в общину, семью, быт, навязывая ценности, до этого совершенно чуждые русскому сознанию и культуре. Тем самым крайний авторитаризм приобрел черты тоталитаризма, стремящегося превратить первое лицо государства в единственного и непогрешимого вершителя судеб миллионов не имеющих право голоса людей-винтиков.

Негативное значение петровских реформ заключалось в том, что их объективным результатом не стал более высокий рост уровня культуры общества в целом. Напротив, его преобразования привели к усилению общественного раскола, к еще большей поляризации и людей и власти, милитаризации общественного бытия и росту общественной апатии.

Авторитарная модернизация Петра I имела серьезные и продолжительные негативные последствия на традиции и характер взаимодействия общества и власти. Отчасти, видимо, и поэтому провалилась предпринятая через четыре десятилетия после его смерти попытка просвещенной императрицы Екатерина II «указом свыше» изменить русские социокультурные культурные стереотипы. Между тем, именно она внесла решающий вклад в последующее интеллектуальное пробуждение общества, а также в процесс возникновения такого уникального социально-политического феномена, как российской интеллигенции с ее неудержимой тягой к оппозиционности, диалогу, спору, полемике, диспуту с властью.

Манифест Петра III, Жалованная грамота 1785 года и «Наказ», изданные Екатериной II, закрепили за дворянами целый ряд привилегий (право на личную безопасность, частную собственность и др.), ознаменовав тем самым начало «золотого века

дворянства». К концу XVIII века именно дворянство стало единственным сословием, обладавшим относительной автономией и приватностью. Однако, оставаясь в большей своей массе политически консервативным, дворянство слабо использовало эту возможность для созидания фундамента гражданского общества. Исключение составлял достаточно узкий слой более или менее обеспеченного среднего дворянства, а также та его часть, которая возглавила революционно-демократическое движение [95, с. 22].

Екатерина II была по-настоящему просвещенным человеком, мечта о переустройстве России на либеральных основах. Для этого у нее был достаточный запас наблюдений, опыта и знаний. А отсутствие национальной социальной науки побуждало Екатерину обращаться к теориям западных просветителей. Такие понятия, как «общественность», а тем более «гражданское общество», были для России XVIII века во многом новыми и непривычными.

Формально понятие гражданского общества впервые определила именно Екатерина II как союз всех членов общества, соединившихся на основе общих чувств и для взаимной помощи. Сближая гуманизм и социальность, императрица писала так: «Человеколюбие есть основание общества». Сегодня такое определение представляется упрощенным, «но два столетия назад оно вводило в оборот совершенно новую доктрину, которая обосновывала социальную целостность, моральное единство и взаимосвязь людей, живших в ту пору в совершенно различных укладах и едва ли сознававших себя единым обществом» [60, с. 87].

Однако эта попытка ввести понятие гражданского общества «высочайшим повелением» имела весьма ограниченный успех, была чисто теоретической, не подкрепленной соответствующими изменениями в социальной сфере, на фоне которой термин мог бы приобрести устойчивый смысл. Позже нечто подобное произошло с понятием «общественность», которое в российской политической традиции отчасти выступало аналогом западного термина «гражданское общество». Понятие «общество» использовали Н. М. Карамзиным («дух общественности», а также

«мудрая связь общественности») и А. Н. Радищев («Житие Федора Васильевича Ушакова»).

Как указывает И. В. Мерсиянова, первый этап институционализации российского третьего сектора, составляющего сердцевину гражданского общества, пришелся на середину XVIII – 1860-е годы, когда в стране появились первые общественные, благотворительные, филантропические и другие негосударственные объединения [228, с. 30]. Среди них можно назвать Вольное экономическое общество (1765), Вольное российское собрание (1771), Дружеское ученое общество (1782) и другие. Порядок их создания, а также контроль над деятельностью, был возложен в соответствии с «Уставом благочиния» (1785) на органы полиции. В этом документе разграничивались общества, санкционированные властью («законом учрежденные»), которые следовало охранять и защищать, и тайные общества, «деятельность которых должна быть пресечена» [228, с. 32–33].

В этот же промежуток времени были трансформированы формы диалога крестьянства с властью, еще сохранившиеся как архаичные элементы прямой вечевой демократии в крестьянской общине. Главным органом общинного самоуправления являлся мирской сход («сходка», «совет», «собрание»). Ранее участники схода, на котором староста доводил до них приказы властей, поступавшие «сверху», не только их выслушивали, «но давали им оценку, нередко не соглашались с распоряжениями, отказывались их исполнять» [228, с. 32]. Но уже в XVIII веке правительство приняло несколько указов, регламентирующих порядок функционирования сельских сходов, «резко сужая компетенцию органов крестьянского самоуправления, ограничивая непосредственную демократию» [228, с. 32].

В целом можно сказать, что на первом этапе институционализации общественных объединений в России, первоначально при Екатерине II, а затем при Александре I и Николае II, в стране были созданы предпосылки для становления негосударственных общественных институтов, а вместе с тем и становления диалога между ними. Однако появлению слабых ростков диалога власти

и крайне немногочисленных элементов нарождающегося гражданского общества, его развития, становления и дальнейшей институционализации, «препятствовал барьер, существовавший между недоверчивым правительством и общественностью» [228, с. 33].

В 1792 году, по указанию Екатерины, без суда и следствия был заключен в Шлиссельбургскую крепость Н. И. Новиков. В издаваемых им журналах велась полемика с императрицей, высмеивались знать, судебные порядки, хотя до принципиального осуждения существовавшего режима дело так и не дошло. В лице Н. И. Новикова русская интеллигенция впервые выступила как независимая от власти сила. В том же году властью были запрещены масонские организации.

Но наиболее ярким фактом разрыва императрицы с либеральными идеями стала расправа с А. Н. Радищевым, который в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» прямо объявил самодержавие «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием». В повороте Екатерины II от ростков диалога, либерализма и просветительства, бесспорно, сыграл свою роль и страх перед разразившейся Великой Французской революцией. К тому же Екатерина осознала стойкое неприятие широкими слоями, как дворянства, так и крестьянства ценностей либеральной цивилизации. В этом была главная причина поворота ее политики в 1790-х годах и отказ от диалога с духовной элитой общества.

7.1.4. Публичная сфера и диалог с властью в дореволюционной России

Взаимоотношения художественной интеллигенции и власти принадлежат к кругу наиболее важных проблем, фокусирующих в себе ценностно-смысловое содержание той или иной исторической эпохи и специфики ее политической и гражданской культуры. На русской культурной почве, в условиях просвещенного абсолютизма конца XVIII – начала XIX века формируются как конфликтные, так и бесконфликтные формы диалога интеллигенции с властью. «Архетип идеального диалога-беседы, заяв-

ленный Г. Р. Державиным (“Истину царям с улыбкой говорить”), наиболее ярко был реализован в творческой практике Н. М. Карамзина, – пишет В. В. Есипов в диссертации, посвященной исследованию диалога художника и власти. – Кроме частных, взаимно доброжелательных бесед с императором Александром I, Н. М. Карамзин неоднократно подавал на его имя “записки” и “меморандумы”, в которых высказывал свои мысли и предложения по поводу решения государственных проблем» [116, с. 11]. При этом Н. М. Карамзин проявлял достоинство и даже смелость, касаясь острых и болезненных вопросов жизни государства. «Записка о древней и новой России», «Мнение русского гражданина» и другие послания содержат немало критики и в адрес самого государя.

Такой редкий тип диалога-беседы и спора «по правилам» с властью был возможен, благодаря либерализму Александра I и тому, что Н. М. Карамзин был искренне лоялен, считал органичной формой правления для России монархию (просвещенную), пользовался полным доверием власти. Кроме этого, критика его была достаточно реалистической и конструктивной.

В отличие от Н. М. Карамзина, представлявшего пример гармоничного и стабильно-конструктивного диалога с властью, у А. С. Пушкина формы диалога были многообразнее и более напряженные. И дело не только в том, что А. С. Пушкин жил и творил при разных императорах. Его диалогические отношения с монархическим государством как социально-политической системой никогда не были статичными: они проделали непростую эволюцию, трансформируясь вместе с эволюцией его мировоззрения. В. В. Есипов фиксирует наличие «трех форм (типов) диалога художника с властью» [116, с. 11].

Первый тип основывается «на романтическом миропонимании со свойственной ему субъективной установкой на волевою инновацию, на “изменение мира” средствами искусства. Этот тип диалогических отношений поэта с властью соответствует полемике в ее крайней, конфронтационной форме. Он представляет собой что-то вроде политического фрондерства, общественного

радикализма, юношеского максимализма или даже бунтарства и революционализма.

Второй тип диалога основан на политическом реализме и даже прагматизме А. С. Пушкина. Его диалог с властью в более зрелом возрасте связан «с разумным компромиссом и соответствующим ему конструктивным диалогом – спором или согласием» [116, с. 13]. В сфере политической культуры такому типу диалога тождественны понятия «центризма» или «конструктивной оппозиционности», подразумевающие стремление к определенным коррекциям действий власти. Но при этом А. С. Пушкин не отрицает ее легитимность, и диалог ведется им исключительно легальными, взвешенными средствами на основе поисков консенсуса.

Третий тип диалога можно охарактеризовать «как диалог “ухода”, молчания, или стоическое одинокое противостояние художника заведомо несовершенному миру с апелляцией не к власти, а к потомкам и к абсолюту, то есть к вечности» [116, с. 12]. Эта модель интеракции с властью – диалог-молчание, означающий «максимально возможную отстраненность от власти ради служения высшим трансцендентным целям искусства» [116, с. 13]. Такой путь резко сужает шансы на полнокровный диалог с обществом, но, по мнению В. В. Есипова, с точки зрения Вечности, «ценность подобного нравственного выбора художника и его художественных открытий, как правило, возрастает» [116, с. 13].

Декабристы, как и А. С. Пушкин в молодые и зрелые годы, казалось бы, тоже имели либеральные цели. Но в своих средствах они намеревались вступить на путь насильственного подавления политических противников. Изолированные как от власти, так и от народа, декабристы пошли по пути тайных организаций, следуя опыту дворцовых переворотов. «В планах у декабристов захват власти выступал как бесспорная практическая задача, как средство для достижения свободы, желая блага угнетенным соотечественникам, декабристы не были настроены на равноправный диалог с ними» [423].

Любопытен пример И. Д. Якушкина, одного из основателей декабристского движения, который, выйдя в отставку, завел в 1818 году в своем смоленском имении такой диалог с крестьянами о перспективах их освобождения. Первый же вопрос земледельцев коснулся их возможных прав собственности на землю. «Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?» – Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны ее нанимать у меня. – “Ну так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша”. Напрасно я старался им объяснить всю выгоду независимости, которую доставит им освобождение», – так писал о своем «диалоге» с крестьянами И. Д. Якушкин в мемуарах, созданных после возвращения из сибирской ссылки [438, с. 32].

Непродолжительный период либерализации и диалогизации общественной жизни сменился инверсионным разворотом к противоположному полюсу, к политическому авторитаризму и монологизации взаимодействия власти и общества. Эксперименты Екатерины II по примирению принципов абсолютизма и идей Просвещения вызвали во время правления Александра I активное стремление власти к конституционным реформам, вылившееся, однако, после восстания декабристов, в длительное торжество автократического полицейского государства в период правления Николая I (1825–1855). В царствование Николая I заявило о себе общественное мнение, выдвинувшее два направления русской общественной мысли: западническое и славянофильское.

Это были в собственном смысле слова два главных течения общественной мысли в России, благодаря которым шел рост самосознания образованных слоев: дворянства и разночинной интеллигенции. И западники, и славянофилы стояли за развитие в России начал общественной самостоятельности. Первые видели ее условие в юридических гарантиях прав личности, а вторые понимали как органическое развитие народа, исключаящее наложение форм, заимствованных извне. Диалог западников и славянофилов, порой переходящий в острую публичную полемику, стал

первой национальной общественно-политической дискуссией в истории России, не утратившей своей актуальности и злободневности и поныне.

Основной организационной формой общественной мысли 30–40-х годов XIX века стали «кружки» интеллигенции. Самые известные из них: кружок братьев Аксаковых, кружок Грановского-Станкевича, а также союз А. И. Герцена и Н. И. Огарева. В условиях хронического дефицита независимой мысли и способов ее выражения, российская образованная публика посредством кружков и генерируемых в них идей общалась, друг с другом, спорила, дискутировала, обменивалась взглядами, коммуницировала по неофициальным каналам друг с другом и распространяла на основе внутреннего диалога независимую от государства и власти информацию.

К началу царствования Александра II в 1855 году русское общество оказалось интеллектуально готово к обновлению, а ослабление цензуры привело к взрыву публичных дискуссий о направлении, путях и желательном размахе реформ. Отсутствие легальной возможности независимого высказывания и свободной дискуссии в сочетании с колоссальной инерционностью государственной машины, политизировало и радикализировало гражданское самосознание и общественно-политический дискурс.

Ослабление цензуры еще более активизировало общественные дискуссии о предстоящих политических и социально-экономических реформах, которыми буквально «бредило» российское образованное общество. В целом, со вступлением на престол Александра II отношения между общественностью и верховной властью то теплели (1860-е гг. – во время Великих реформ), то остывали (конец 1870-х – начало 1880-х гг.), то даже доходили до откровенной враждебности (середина 1890-х – 1907 гг.). Негативные отношения складывались чаще, и мало-помалу размежевание общества и верховной власти из-за отсутствия плодотворного общественного диалога перешло в раскол и, в конечном итоге, достигло полного разрыва.

Новая пишущая и читающая публика в России «стремилась противопоставить общественность обществу для того, чтобы отделить себя от светского (аристократического) общества» [61]. Общественностью стали называть думающую, критически настроенную «прогрессивную» часть общества, состоявшую из людей, ценивших идеи и дела (гражданские поступки), в то время как «обществом» пренебрежительно называли высший свет (типа салона Анны Шерер из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»), ориентированный исключительно на внешние факторы, эстетизированное поведение и изысканные манеры.

После поражения России в Крымской войне в стране начался социокоммуникативный процесс развития независимой коммерческой прессы, особенно издание ежедневных газет и ежемесячных литературно-критических журналов с массовыми тиражами распространения. Сформировавшаяся социокультурная среда и практика их чтения обусловила появление особой сферы – поля публичной информации и общественной коммуникации и дискуссии, объединивших образованные слои общества, которые имели статус принадлежности к некоторому воображаемому сообществу читающей и полемизирующей по общественно значимым проблемам разночинной публики.

В России термин «общественность» постепенно стал ассоциироваться с общественным мнением, с критически настроенной пишущей и читающей публикой. «Таким образом, – пишет В. Волков, – в российском контексте первым реальным элементом гражданского общества стала общественность как сфера открытых публичных дебатов и общественного мнения – в том важном значении, какое придал термину *Öffentlichkeit* (или *public sphere*) немецкий социальный теоретик Юрген Хабермас» [352а, с. 116]. Дореволюционная Россия отчасти повторяла европейскую социокультурную динамику конца XVIII–XIX веков и процесс зарождения публичной сферы и гражданского общества. «Российские участники политических дискуссий активно заимствовали образцы и идеи из европейского опыта, поэтому

можно было говорить о конвергенции траекторий развития публичных сфер в Европе и России» [352а, с. 116].

Еще один аспект развития общественности был связан с практиками местного самоуправления. Реформы местных институтов «в 1864 году стимулировали развитие земств, местных институтов самоуправления, образования, судебного производства и общественного порядка, а также самообеспечения местного населения, включая медицинскую помощь. Те, кто принимал участие в деятельности земств, также рассматривались как общественность» [62]. Созданные для того, чтобы сбалансировать последствия аграрной реформы 1861 года, земства имели значительную степень независимости от центрального правительства и способствовали коллективной социальной жизни.

Элементы общественного диалога в этот период действительно развивались, большей частью среди образованных слоев, и не охватывали основную массу населения, не приводили к обсуждению определяющих механизмов социально-политических процессов. Дебаты и дискуссии концентрировались вокруг взаимных обвинений (к примеру, публичная полемика между двумя демократическими журналами «Современник» и «Русское слово» в 1860-х гг., метко прозванная Ф. М. Достоевским «раскол в нигилистах»), поверхностных и уводящих от реальных проблем, провоцирующих новый виток смуты, массового насилия.

Освобождению крестьян Александром II не предшествовал, да просто и не мог состояться, реальный диалог власти и крестьян, что объяснялось полнейшим разрывом и ценностным расколом между «верхами» и «низами», образованной «общественностью» и безграмотной массой. Свою лепту в это вносила и радикальная, а по сути дела, экстремистки настроенная часть интеллигенции. Поэтому диалог с властью часто превращался в обоюдное непонимание, во взаимные обвинения, в митинг, служащий психологической тренировкой для освоения новых социальных явлений и политических практик на основе архаичной культуры, что само составляло важный элемент нового витка не прекращающейся смуты.

Постепенно общественность в России стала ассоциироваться с критическим общественным мнением и группами людей, выполняющими общественные обязанности или работающими на общие нужды за пределами или помимо сферы государственных служебных обязанностей, в том числе профессионально занимаясь революционной деятельностью по ниспровержению существующего политического строя и монархической власти.

7.1.5. От конфликтного диалога к революции

К сожалению, российская власть не успевала за «созреванием» общественной мысли, где идея насильственного упразднения самодержавия и радикальных преобразований пустила разветвленные корни. Террор против самодержавия «оправдывался эсерами тем, что его противники не имели никаких легальных средств для выражения своего протеста, что власть не допускала даже мысли о диалоге с оппозицией» [286, с. 184]. В результате этого коммуникативного дисбаланса после серии неудачных покушений 1866, 1867, 1879 и 1881 годов, весной 1881 года император Александр II был убит по приговору организации «Народная воля».

После убийства террористами Александра II правительственный авторитаризм стал перерастать в полицейское государство. «Правящая элита повернулась против либерализма, против реформ, против диалога, против начавшегося процесса разделения властей» [16, с. 279–280]. Однако это не означало ликвидации ростков формирующегося гражданского общества и его попыток установить диалог с властью.

Но уже к началу 1890-х годов, несмотря на реакционную политику правительства, апатия, охватившая русскую общественность после убийства Александра II, пошла на убыль. Как всегда, общественное оживление началось в кругах университетской молодежи. Среди студентов появились первые марксисты. Влияния они еще не имели, но в настроениях и вкусах университетской молодежи произошел какой-то перелом, благоприятный для восприятия марксистских идей.

В соответствии с периодизацией, предложенной И. В. Мерсиановой, второй этап институционализации российского третьего сектора (1861–1917) «характеризовался расцветом добровольных объединений граждан, расширением сфер их деятельности и повсеместным распространением, интенсивным вовлечением населения в сферу гражданской активности» [228, с. 33]. Появление и увеличение количества организаций гражданского общества создавало необходимые условия и предпосылки для перевода диалога между ними и органами власти в регулярное русло и последующей институционализации этого двухстороннего дискурса.

Утверждение уставов различных добровольных обществ, различающихся по сферам и видам деятельности, было передано руководителям отдельных министерств. Так, Университетским уставом 1863 года было разрешено студентам и преподавателям объединяться в кружки и ассоциации, а самим университетам с разрешения министра народного просвещения учреждать научные сообщества. В пореформенный период возникло большое количество не только научно-педагогических (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Русское физико-химическое общество, Русское историческое общество и др.), но и немало культурно-просветительских организаций (Товарищество передвижных художественных выставок, Общество художников «Мир искусства», Русское театральное общество и др.). В России, как в многонациональном государстве, были созданы украинские, польские, грузинские и еврейские национально-культурные общества.

Установление единообразного законодательного регулирования деятельности общественных организаций, по мнению Е. А. Дегальцовой, стало «окончательным закреплением альтернативного звена негосударственной структуры в государственной иерархии», таким образом, «отношения граждан с государством впервые стали опосредованы» [104, с. 83]. Однако эта исследовательница не считает возможным говорить об институционализации гражданского общества даже в позднеимперский период существования России, поскольку:

1) репрессивный характер правительственной политики и как ответ на него политизация общественных организаций не позволили сложиться партнерским отношениям в системе «государство – общественность»;

2) в результате репрессивной политики государства не сложилась «сфера свободного выражения идей»;

3) степень политической и общественной активности населения оставалась низкой [104, с. 87, 249, 251].

А вот А. С. Туманова более оптимистично оценивает проблему развития гражданского общества в Российской империи. Признаками его становления она считает не распространение концепции «гражданского общества», но и рост числа добровольных организаций, а также попытки правительства институционализировать этот процесс, создав правовую базу функционирования общественных организаций [390, с. 10].

Г. В. Косов и О. В. Паслер утверждают, что «зачатки гражданского общества по западному типу в России начали формироваться во второй половине XIX столетия в результате реформ Александра II» [193, с. 9]. Специфику российского гражданского общества, отличающего его от западноевропейских аналогов, указанные авторы видят в этатистском характере российского социума. А для формирования гражданского сознания и гражданского общества необходимо, «чтобы публичное обсуждение общественных запросов и средств их удовлетворения не ограничивалось участием небольшого круга людей». Такой делиберативный процесс начался, когда «с 1905 года подобные дебаты стали приобретать широкие масштабы и в них вовлекались широкие слои населения» [193, с. 10–11].

Б. Н. Миронов называет временем зарождения гражданского общества в России последнюю треть XVIII столетия, то есть период формирования оппозиционной общественности, обозначаемой им термином «интеллигенция», и независимого от официальной, то есть государственной точки зрения общественного мнения [217 а, с. 262]. «Добровольные организации являются необходимой составляющей гражданского общества, – пишет

Б. Н. Миронов, – генезис которого в России восходит к концу XVIII века, а основные элементы – общественное мнение, независимая пресса, политические партии, представительные организации и добровольные ассоциации – в развитой форме появились только в пореформенное время, 1861–1917 гг.» [217, с. 172]. При этом Б. Н. Миронов утверждает, что в России общественность, по сути дела, всегда была в состоянии диалога с верховной властью и с большим или же с меньшим успехом влияла на ее политику.

С позицией Б. Н. Миронова о времени зарождения и развития российского гражданского общества согласны и авторы аналитического доклада Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», которые полагают, что первый «этап институционализации российского гражданского общества» пришелся на 1760–1860-е годы. Этот отрезок времени «характеризовался становлением общественных организаций, осуществляющих научную, литературно-художественную, благотворительную, досуговую деятельность и др.» [87, с. 14]. Самодержавная еще власть достаточно настороженно относилась к проявлениям общественной инициативы и гражданской самодеятельности, «вследствие чего чередовались периоды относительного благоприятствования общественным инициативам и их сдерживания» [87, с. 13].

Проанализировав правительственную политику по реализации провозглашенного Манифестом от 17 октября 1905 года принципа свободы союзов и политических партий, А. С. Туманова пришла к выводу, что общественные организации, а затем и политические партии, хотя и вынужденно, но все-таки были признаны государством в качестве важных и институционально необходимых элементов общественно-политической жизни страны.

Таким образом, уже в начале XX века в России сложились определенные предпосылки для преодоления отчуждения власти и общественности и установления сотрудничества между ними. Сохраняющиеся препятствия к продуктивному диалогу, считает автор, лежали не в институциональной, а в личност-

ной, социально-психологической и социокультурной сферах, поскольку «ценности гражданских свобод не были укоренены в сознании правящей элиты, в особенности, бюрократии “среднего звена”, в чью компетенцию входило осуществление взаимодействия с общественными организациями» [390, с. 231].

Признаками становления гражданского общества А. С. Туманова считает распространение концепции «гражданского общества», рост числа добровольных организаций, попытки правительства создать правовую базу функционирования общественных организаций [390, с. 10]. Сам факт образования общественных организаций рассматривается исследовательницей как признание государством права различных общественно-профессиональных групп на юридический статус и узаконенную сферу свободной деятельности.

Дж. Брэдли развивает концепцию добровольных ассоциаций как автономных общественных институтов, являющихся, по его мнению, «стержнем» гражданского общества и средой самоактуализации складывающейся гражданской идентичности определенных слоев российского образованного общества [45, с. 63–64].

Значение феномена добровольных общественных ассоциаций в условиях самодержавного режима было обусловлено его полифункциональностью, нашедшей свое выражение в высокой эффективности этих объединений, процессе налаживания горизонтальных общественных связей, генезисе гражданского типа общественных отношений и практик, воспитании чувства гражданственности, в формировании партнерских отношений между образованным обществом и властными структурами [45, с. 97].

Обладая столь значительным социальным потенциалом, добровольные ассоциации дореволюционной России претендовали на право выражать «интересы нации», скрыто легитимизируя собственную оппозиционность и, таким образом, повышая «уязвимость» не только государственных, но и собственно гражданских структур общества перед лицом революционной угрозы [45, с. 98].

Самодержавие, иницилируя модернизационные преобразования, вызываемые как внешними, так и внутренними политически-

ми причинами, «не ставило цели заинтересовать общество, развивать общественную инициативу, вступать в открытый диалог с общественностью» [302, с. 192]. В условиях огосударствления не только церкви, но и общества в России вплоть до начала XX века отсутствовали публичные механизмы и институты агрегации общественных интересов. «За общество это делал государственный аппарат (высшая бюрократия), при этом политические приоритеты государства выдавались властной элитой за национальные (общественные) интересы. В России, с ее незрелостью гражданского общества и специфической политической культурой, «монолог-единство всегда превалировал над диалогом-сотрудничеством» [337, с. 249]. Со стороны монаршей власти всякая попытка диалога с собственным народом «воспринималась как открытый бунт, как измена...» [337, с. 249].

Впрочем, и «другая, революционная сторона общества так же не была склонна к диалогу». Ведь всякий диалог предполагает компромиссы – взаимные уступки. Однако в России «компромисс рассматривался, да и сейчас еще кое-кем рассматривается не как необходимое условие сотрудничества, а как временное отступление», как признак слабости или как «соглашательство», то есть, по сути дела, предательство. Недаром такое слово как «оппортунизм» (*лат.* удобный, выгодный) приобрело в России ярко выраженное отрицательное значение». Такая нонтолерантная и недиалогичная политическая культура в кризисных ситуациях толкала людей не к выслушиванию доводов противоположной стороны, не к поиску согласия и компромисса, не к медиации, а к инверсионному углублению конфликта, где противоборствующие стороны занимали и упорно защищали, в том числе с помощью силы, диаметрально противоположные полюса.

Так, 9 января 1905 года правительство России отдало приказ стрелять в народ, стрелять в иконы, стрелять в царские портреты. Люди, шедшие к Зимнему дворцу, рассчитывали на диалог. Петиция рабочих и жителей Петербурга являлась диалогичным документом, даже несмотря на категоричность некоторых требований: его планировалось вручить власти, легитимность которой

участники шествия тогда еще признавали. Что же вызвало такой безудержный гнев самодержавной власти? «Петербургские рабочие шли поговорить с царем, шли не против него, а к нему. Но они предложили диалог, они собирались не... повторять как попугаи, пусть и в иных выражениях то, что сказала власть... а сказать нечто свое. Этого оказалось достаточно, чтобы открыть огонь» [337, с. 249].

В результате отсутствия свободы диалога и права дискурсивного выражения как политического разногласия, так и согласия между властью и народными массами в России разразилась первая русская революция. В процессе вооруженной схватки между противоборствующими сторонами в июле 1905 года в России стихийно возникают первые Советы депутатов трудящихся, ставшие «своеобразным проявлением соборной традиции русского народа: искать сообща выход из трудной ситуации» [159, с. 169].

Право на свободу объединений в России впервые было провозглашено и законодательно закреплено императорским манифестом 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка». А 4 марта 1906 года был подписан «Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату о Временных правилах, об обществах и союзах», действовавшие вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Временные правила можно рассматривать в качестве определенного регулятора правового статуса обществ и союзов того времени, однако, в целом они представляли лишь обобщение, фиксацию и законодательное оформление традиций бюрократического нормотворчества и полицейской практики, сложившихся к началу XX века. Благодаря этому в сфере производственно-экономических, социальных, культурных и других общественных отношений стали возникать первые гражданские институты в виде самостоятельных, не являющихся государственными, самоуправляющихся земских, профессиональных, кооперативных, предпринимательских, общественно-политических и других организаций, союзов и объединений граждан. Однако негативное

отношение монархического государства к гражданским институтам, постоянное вмешательство в сферу их компетенции, жесткое регламентирование их деятельности резко тормозило развитие общественных структур и протогражданского общества того времени.

Именно этот период в социокультурной истории России становится временем генезиса многопартийной политической системы Российской империи. Прообразами политических партий были тайные и немногочисленные интеллигентские кружки 1820–1830-х годов, где в ходе дискуссий, споров и дебатов о судьбе страны изучались и пропагандировались передовые общественно-политические взгляды и идеи (тайные общества декабристов, кружки Станкевича, Петрашевского и др.). В период после отмены крепостного права появились новые нелегальные политические кружки и организации: «Земля и воля», «Россия молодая», «Народная воля», «Черный передел» и др.

В 1898 году за рубежом нелегально была создана РСДРП, а в 1901 году – партия социалистов-революционеров. Из них при определенных условиях вполне могли бы сформироваться полноценные легальные политические партии, способные агрегировать и артикулировать в политическом диалоге с властью интересы различных слоев общества. Но изданный 17 октября 1905 года царский Манифест, даровавший обществу долгожданные политические свободы, открыл дорогу легальному, то есть санкционированному государством партийному строительству, слишком поздно.

В результате процесса формирования политических партий, в первой четверти XX столетия количество функционировавших в России партий достигло 87 [289, с. 143]. Однако появление в дореволюционной России легальных партий и Государственной думы запоздало лет на 20–30. А встретившиеся в Таврическом дворце депутаты от разных слоев общества, не только плохо понимали друг друга, но и не вполне четко осознавали свою солидарную ответственность перед страной – точнее, понимали, но понимали ее каждый по-своему. В результате этого непонимания

многие возникшие предпосылки для налаживания продуктивного общественного диалога власти и Думы, государства и общества так и не были реализованы.

Так, премьер И. Л. Горемыкин, по воспоминаниям А. П. Извольского, «рассматривал Думу как собрание беспокойных лиц, действия которых не имеют никакой значимости, и публично заявил, что даже не сделает им чести рассуждать с ними, но будет поступать так, как будто их не существует». Депутаты же, в свою очередь, в ответе на тронную речь царя объявили, что «условия, в которых живет страна, делают невозможным истинно плодотворную работу». И здесь же потребовали упразднить «самовластие чиновников», отменить смертную казнь, ввести бесплатное всеобщее образование, установить ответственность министров перед Думой и принудительное отчуждение помещичьих, удельных, кабинетских (т. е. лично царских) и монастырских земель» и т. д. [201]. Не удивительно, что при такой политической, гражданской и правовой культуре народных избранников ни первая, ни вторая Дума эффективно функционировать не могли, и были распущены.

Февральская революция 1917 года дала мощный импульс развитию гражданского общества и диалога: в России начали развиваться по-настоящему демократические институты свободы слова, собраний, организаций, вероисповедания; возникли новые политические и неполитические организации. Февральская революция повлекла за собой взрыв чересчур долго подавлявшейся свободы в виде нескончаемого потока речей, митингов, резолюций, листовок, прокламаций, программ и других форм и жанров политического дискурса.

На какой-то момент Россия формально стала даже одной из самых демократических и свободных стран в мире. Упразднены были полиция и корпус жандармов; отменены смертная казнь, все вероисповедные и национальные ограничения в имущественных правах, выборе места жительства и поступления на службу и в учебные заведения. Исчезла цензура, а граждане могли свободно объединяться в общества и проводить любые собрания и в любом месте. Восстанавливался мировой суд, расширились

права суда присяжных, и отменялся для них имущественный ценз. В административных судах можно было обжаловать решения уездных и губернских властей. Выборы в земства и городские думы должны были проводиться на основе всеобщего и равного избирательного права.

Слабая государственная власть не смогла упорядочить вырвавшуюся на волю стихию политического процесса. Над страной нависла угроза анархии, с ужасающей быстротой нарастала дезинтеграция общества, по-прежнему расколотого на социокультурной, а теперь еще и на политической основе. «В стране господствовала атмосфера митинга, где все были заняты оттачиванием своего монолога. Времени на работу, естественно, уже не оставалось. Разгул вечевой стихии вел к параличу функций общества» [16, с. 330]. Постепенно политический энтузиазм и митинговая активность сменились апатией – и надеждой на любую власть, которая наведет, наконец, хоть какой-то порядок.

Либеральное Временное правительство пыталось продолжать либеральный курс, который старая власть, хотя и со значительными колебаниями и отступлениями, проводила, начиная с 1861 года. Но «абсурдность ситуации состояла в том, что власть с этими идеалами обращалась к обществу, где преобладала массовая вечевая стихия, массовое стремление... к уравнительности, к натуральному хозяйству, к слову власти» [16, с. 341]. Поэтому Временное правительство встречало все более возрастающую враждебность и даже массовое неповиновение. Его рассматривали как буржуазную власть, хотя постепенно, под давлением снизу, правительство превратилось по своему партийному составу в социалистическое.

Возрастающее сопротивление встречали попытки управлять посредством закона. Временное правительство воспринималось как что-то чужеродное, которое, также как чуть ранее государя-императора, никто не захотел защищать. И оно пало легко и бескровно, завершив тем самым глобальный инверсионный цикл российской истории. В сентябре – октябре 1917 года большевики, отказавшись от диалога с другими политическими силами, легко взяли власть в свои руки.

7.2. Общественный диалог в СССР

7.2.1. Монологизация политического дискурса советской власти

По мнению И. В. Мерсияновой, 1917 год стал отправным моментом для третьего этапа институционализации общественных объединений, ведущих диалог с государством. В целом общественные объединения в этот исторический промежуток времени хотя и выполняли целый ряд разнообразных социально значимых функций и задач, но самостоятельностью не отличались и «находились под партийным контролем и жестким руководством местных Советов народных депутатов и их исполкомов» [228, с. 51]. Октябрьская революция 1917 года коренным образом изменила задачи и функции общественных организаций, превратив их в полугосударственные органы. Процесс «огосударствления» шел по нескольким направлениям:

а) привлечение представителей общественных организаций (главным образом профсоюзов) при формировании государственных органов;

б) поручение или передача общественным организациям временно или постоянно некоторых функций государственных органов (внешкольное образование, охрана труда, государственное страхование);

в) включение представителей партии и государства в состав руководящих органов общественных организаций;

г) финансовая, материальная и иная помощь и содействие со стороны государства.

Власть партийно-государственного аппарата не признавала никакой не согласованной с партийными органами общественной инициативы. Поэтому все существующие общественные организации работали под руководством партийно-советских и репрессивно-карательных органов, исполняя роль «приводных ремней» между властью и гражданами. Как пишет Дж. Брэдли, разрушение гражданского общества происходило в СССР «постепенно в течение первых двух десятилетий после большевистской

революции и более интенсивно во время первой и второй пятилеток» [45, с. 77].

Февральская и, по инерции, октябрьская революции 1917 года дали новый импульс к развитию многопартийности в стране, развертыванию деятельности партий, формированию и отражению общественного мнения, созданию и обеспечению деятельности государственных институтов, участию в подготовке и принятии решений различных субъектов в процессе диалогового взаимодействия друг с другом и с государственной властью. Политический плюрализм и политический диалог, предполагавшие соперничество разных партий, представлявших множественность интересов социальных групп, борьбу партий за влияние на массы и возможность утраты одной из них статуса правящей, противоположен однопартийной политической системе общества и политической монополии одной партии. Однако подавление политического плюрализма и реальной многопартийности началось практически сразу после Октябрьской революции.

Начиная с 1925 года, ни одна из общественных организаций не могла самостоятельно собрать свой съезд или конференцию без предварительного согласования с ЦК партии. В такой иерархической и однонаправленной системе коммуникации мог существовать только монолог. Видимо, именно поэтому А. Ю. Сунгуров полагает, что «гражданское общество как таковое несовместимо с тоталитарным или полутоталитарным государством, которым был Советский Союз в разные периоды своего существования» [378, с. 22]. С точки зрения этого же автора, «прото-структуры гражданского в СССР» возникли только лишь в 1950–1980-е годы, а первые по-настоящему независимые от государства организации и движения появились лишь в ходе горбачевской перестройки [378, с. 4].

Дело в том, что «проблема недиалогичности, возникшего в XX веке социума» была, с одной стороны, связана с предшествующими этапами социокультурного развития страны, а с другой стороны, закреплена в новых «государственных формах», созданных большевиками, как особый идейно-психологический «ком-

плекс, владеющий массой и связанный с нетерпимостью к инакомыслию. ...Это также закрепляется в актуализации феномена врага...», без которого монологической власти достичь консолидации общества и мобилизационной «солидарности невозможно». [401, с. 74]. Идеократическая модель восприятия мира со стороны коммунистической власти содержала в себе лишь «две находящиеся в непримиримой схватке субстанции, два социальных субъекта всего миропорядка – добро и зло, интерпретируемые в большевизме как социализм и капитализм, бедные и богатые, рабочие и буржуазия и т. д.» [16, с. 374].

В отличие от либеральных партий, которые завоевывают свое политическое влияние в публичном диалоге, в дискуссии, в ходе конкуренции политических идей, взглядов, программ, «партия нового типа», то есть РСДРП, для того чтобы стать правящей позиционировала себя лишь в качестве носителя высшей истины и правды. Придя к власти, РСДРП стала предельно монологична, поскольку в соответствии со своей миссией только она, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, ведет народ к единой высшей правде, выступает в роли коллективного пророка и никогда не заблуждается. Кроме этого, она претендует «на то, чтобы стать комфортным монологическим тотемом массового архаичного сознания. Поэтому партия нового типа противоположна партиям либерального типа, которые постоянно спорят друг с другом... Монологическое сознание абсолютизирует цель и допускает обсуждение средств лишь в рамках, не ставящих ее под угрозу» [16, с. 375].

Отсюда вытекает враждебность к политическому плюрализму, к разнообразию, к любым организационным формам для обмена мнениями и диалога как обмана, как «говорильни», затемняющих совершенно ясное для партии нового типа и вполне очевидное лицо правды, что происходит либо по глупости, либо в результате злого умысла, заговора или же корысти. В своем самосознании такая партия права всегда и ее важнейшая обязанность «состоит в охране каналов информации от проникновения в них кривды. Это и определяет нетерпимость и организационную

жесткость партии, не допускающей ни перерастания взаимоотношений партии с народом в полемику по поводу правомерности монолога вообще, ни вторжения конкурирующего монолога» [16, с. 376].

Монолог – это не только основа тоталитаристской коммуникации власти с массами, но тот основополагающий принцип, на котором зиждется монолитное единство внутри самой партии. «Диалог, сохранение меньшинством своего особого мнения, фракций и т. д. могут разрушить единственный путь к правде, сделать его всего лишь одним из многих путей, что собьет народ с дороги социализма, оторвет авангард от масс» [16, с. 379].

Одним из результатов Октябрьского переворота стал постепенно все более нараставший процесс монополизации дискурса и монологизации политической жизни в советской России. Идея классового противоборства полностью вытеснила идею гражданского общества, а формализация общественной жизни и отсутствие гарантий личных прав и свобод привели к уничтожению не только большинства элементов гражданского общества, но и почвы для их возможного зарождения и развития. Фанатичная вера в коммунистическую идею, идеологический догматизм и схоластика не нуждались в оппоненте. Любой носитель какой-то иной отличной от ортодоксальной точки зрения воспринимался не как потенциальный партнер по диалогу, а как враг, с которым вместо дискурсивного поиска истины необходимо вести непримиримую и бескомпромиссную борьбу вплоть до его физического уничтожения.

Так, первоначально декретом «Об аресте вождей гражданской войны против революции» от 28 ноября 1917 года была запрещена сначала лишь одна партия – кадеты [102, с. 161–162]. Затем, в апреле 1918 года, анархисты были разогнаны большевиками. А летом 1918 года наступил черед меньшевиков и эсеров, сперва правых, а вслед за ними и левых эсеров.

Кроме кадетов и анархистов с большевиками в различной степени соперничали правые меньшевики и эсеры, выразившие интересы более умеренных слоев рабочих и крестьян, жаждавших

политической и экономической стабилизации в целях улучшения своего материального положения. Большевики, напротив, делали ставку на дальнейшее развертывание классовой борьбы, перенесли ее в деревню, что еще больше увеличило разрыв между ними и левыми эсерами, образовавшийся в связи с заключением Брестского мира.

Курс на окончательное искоренение политического плюрализма и многопартийности был подтвержден резолюцией XII Всероссийской конференции РКП(б) в августе 1922 года «Об антисоветских партиях и течениях», которой все антибольшевистские силы объявлялись антисоветскими, то есть антигосударственными, хотя в действительности большинство их посягало не на власть Советов, а на власть большевиков в Советах [251]. Гонения против небольшевистских партий начались сразу после победы Октябрьской революции и продолжались до их полной элиминации. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о решающей роли репрессий и насилия в конкурентной борьбе коммунистической партии со своими политическими и идейными оппонентами. В результате этого в Советской России надолго утвердилась монополия одной партии, убежденной, что только она одна знает истину в последней инстанции, а диалог, чужое мнение, обсуждения, дискуссии для нее совершенно не нужны.

Первая конституция Советской России, принятая в июле 1918 года и названная «конституцией переходного момента», провозглашала своей основной задачей «установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии...» [Конституция РСФСР]. Идея диктатуры единоначалия была связана с общей оценкой власти как диктатуры пролетариата. «Ленин стремился убедить общество, что все, что оно делает, надо централизовать, передать в руки центрального правительства. Он действовал как отец большой семьи, который утверждает свою власть над многочисленными детьми, пытающимися промышлять единолично и мешающими друг другу» [16, с. 432].

Едва ли не самым важным принципом «военно-коммунистического» мировоззрения был принцип независимости политики от морали и доминирования политической целесообразности над нравственностью и гуманизмом. Эпистемологическим обоснованием такого утилитарного подхода служила фанатичная уверенность носителей коммунистической идеологии в своей правоте и абсолютной истинности марксистско-ленинского учения.

Исходя из этих методологических принципов, формируется монологическая модель субъект-объектного общения между партией, рассматривавшейся как авангард общества, и обществом в целом. Субъект политического управления генерировал идеи, формулировал цели, пути, методы и средства их достижения, доводил до объекта свои директивы, команды, указания. Обратная связь между субъектом и объектом существовала исключительно для контроля исполнения объектом поставленных пред ним задач.

Дискуссии сворачивались и в среде русской творческой интеллигенции, выступавшей в роли оппонента большевистской власти. По словам А. М. Главацкого, «лидеры большевиков отказались от диалога с оппозицией, начали поход против инакомыслия, использовали более жесткие, по сравнению с царизмом, охранительные меры по защите устоев власти» [77, с. 208]. Логическим шагом новой власти в развитии внутренней политики стала экспатриация инакомыслящей интеллигенции в 1922 году.

Ее главной причиной можно назвать попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту, то есть тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, оппонировать власти и критиковать ее действия. «Они не хотели “придерживать” свои убеждения или менять их, они думали, писали и говорили так, как велела им совесть, оставаясь свободными в условиях крепнущей несвободы. Независимым словом они пытались убедить в своей правоте, чем бы это ни обернулось для них лично» [77, с. 24–25]. В итоге 29 сентября 1922 года на борту парохода «Обербургомистр Хакен», получившего в истории нашей страны печальное наименование «философ-

ского парохода», были насильно выдворены из России в Германию Н. Бердяев, С. Франк, И. Ильин, С. Трубецкой, Н. Лосский, С. Булгаков, М. Осоргин и многие другие, всего около 200 человек из числа лучших представителей российской интеллигенции.

Однопартийность до предела упростила проблему политического управления, сведя его к администрированию. Одновременно она предопределила деградацию партии, не знающей политических соперников и оппонентов. В самые первые годы советской власти в российском обществе еще существовала какая-то полифония и политическое многообразие, была определенная диалогичность в обществе, в партии и во власти. Однако, после X съезда ВКП(б), дискуссии были свернуты даже внутри правящей партии.

Дело в том, что на этом съезде была принята резолюция «О единстве партии». В этом документе обращалось внимание всех членов партии на необходимость сохранения единства и сплоченности ее рядов. Создание фракций и групп со своими платформами внутри партии признавалось недопустимым. В попытках привнесения раскола в деятельность политических единомышленников обвинялись «примазавшиеся к правительственной партии враги», действующие в интересах контрреволюции. «Эти враги, – указывала резолюция, – убедившись в безнадежности контрреволюции под открыто белогвардейским флагом, направляют теперь все усилия, чтобы, используя разногласия внутри РКП, двинуть контрреволюцию, так или иначе, путем передачи власти политическим группировкам, наиболее близким по внешности к признанию Советской власти» [54, с. 373–374]. Резолюция указывала, что партийная пропаганда должна обстоятельно объяснять вред и опасность фракционности с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха диктатуры пролетариата. Так дискуссии оказались под запретом даже в самой правящей партии.

В 1922 году была свернута деятельность партийных дискуссионных клубов, где высокопоставленные члены партии еще имели смелость делиться со своими однопартийцами возникавшими

у них сомнениями и альтернативами. Поэтому этот год можно считать точкой отсчета в становлении системы политического монополизма и завершения формирования однопартийной политической системы советской России, где просто не было и не могло быть равноправных партнеров для диалога с правящей партией и для свободного обмена мнениями внутри ее самой [3, с. 30]. Прежняя борьба мнений и соперничество идей к концу 1920-х годов сменились внутривнутрипартийным единством и политическим единомыслием. Единственным теоретиком стал генеральный секретарь, а этапами политико-идеологической жизни страны – его выступления. Это привело к тому, что партия, ранее гордившаяся научной обоснованностью своей политики, стала называть теорией последние текущие указания руководителей, интеллектуальный уровень которых все более снижался. Аналогичные процессы шли не только в партии, но и среди общественных организаций.

После образования СССР добровольные общества и союзы граждан строили свою деятельность в соответствии с общегосударственным планом народного хозяйства, участвовали в разрешении очередных задач советской власти по соответствующим отраслям социалистического строительства. Принятые в течение двух первых лет после этого события правовые акты способствовали наведению должного бюрократического порядка, который, по мнению С. А. Авакьяна, «хорошо учитывал интересы нового государства, но существенно ограничивал возможности создания и деятельности общественных объединений» [3, с. 36]. Типичными становятся массовые объединения, в наибольшей степени связанные с советской властью, максимально подходящие в использовании для проведения политики коммунистической партии» [228, с. 42–43].

Коммуникация власти и общества осуществлялась исключительно в форме пропаганды, агитации, убеждения, внушения, манипулирования информацией. Дискуссий, диалога, обсуждений по поводу спущенных сверху команд не предполагалось. Всякое отклонение от заданного идейно-политического стереотипа

подлежало немедленному уничтожению, запрещению, изгнанию, осуждению. Интересы и запросы индивидов игнорировались и нивелировались под предлогом достижения социально значимых интересов всего общества.

Вместо ожидавшегося архитекторами военного коммунизма невиданного роста производительности труда итогом этого курса стал не рост, а наоборот, резкое её падение. Монологическая политика изжила себя, поскольку сама жизнь требовала возрождения диалогического разнообразия. В результате был предпринят отказ от односторонних методов политики «военного коммунизма», цели которого признавались выполненными и, одновременно, вводилась более мягкая, а по сути дела экономически плюрализованная политическая линия, получившая название новой экономической политики (НЭП).

Общество частично вернулось к дореволюционным материальным ценностям дозированной частной инициативы и ограниченной торговли, рынка, производства, оказания частных услуг населению. Незначительная корректировка монологической идеологии получила в лозунговом названии «смычка». Смычка – это понятие, трактуемое как «союз, единение» [263, с. 737], а также «совместность действий, объединение и согласованность интересов» [407]. Появление этого термина стало модификацией старого лозунга В. И. Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства. В ходе вынужденного компромисса государство разрешило крестьянству торговлю зерном, оставшимся после выполнения продналога. Всеобщую трудовую повинность заменил закон о добровольном привлечении к труду. Стали развиваться и кооперативные, то есть коллективные негосударственные формы хозяйствования и собственности. В промышленности были введены механизмы хозяйственного расчета и так далее.

Однако уже после 1925 года началась попятное движение и в соответствии с прежней традицией стала осуществляться, набирая темпы, перекачка средств из деревни в сферу индустриализации и промышленности, что еще больше обострило ситуацию, обозначив ситуацию укрепление порядка в противовес

рынку. В результате «смычка» города и деревни, которую можно истолковывать и в плоскости диалогической полифонии, начала постепенно разрушаться и деградировать.

7.2.2. Реинституционализация властного монолога

С конца 1920-х годов ведущей тенденцией во взаимоотношениях с гражданским обществом со стороны власти стало последовательное подчинение его государственным и партийным органам. Отсутствие свободы деятельности, зависимость от партийных и государственных органов по различным вопросам, начиная с финансовых и заканчивая персональным составом, номенклатурный принцип подбора и расстановки кадров, – все это сопровождало развитие общественных инициатив в советский период.

В этот период многие из ранее созданных общественных объединений свернули свою деятельность или вовсе прекратили существование. Этому во многом способствовали партийный тезис об обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму и серия громких судебных процессов над «врагами народа», «шпионами» и «вредителями».

Серьезной перестройке и унификации подверглись творческие союзы писателей, композиторов, архитекторов и художников, которые были институционализированы тоталитарным режимом как «всесоюзные пирамидальные структуры» встроенные в государственную пропагандистскую машину, функционировавшую в сфере коммуникации с обществом исключительно в режиме монолога. В советский период приоритет был отдан развитию псевдообщественным структурам, именовавшимся обществами нового типа или массовыми общественными организациями. Сталинизм стремился к максимальному упрощению общественного бытия и общественного сознания, к их формированию, однородности и монолитности. Многочисленные и разветвленные горизонтальные связи, характерные для плюрализма гражданского общества, сменились связями чисто вертикальными, построенными по принципу иерархии. Все эти черты были

типичны для новой советской общественности, построенной на асимметричном бездиалоговом взаимодействии власти и общественных самодеятельных организаций [181а, с. 204].

Дело в том, что тоталитарная политическая культура базируется на идее принципиальной «одномерности» общественной жизни в целом и всех ее подсистем. В Советском Союзе доминирование такой культуры имело целый ряд хорошо известных практических следствий: нетерпимость к несанкционированной активности и любому инакомыслию, допущение только одной «единственно верной» идеологии, безальтернативные выборы на всех уровнях, борьба с проявлением специфических интересов различных социальных групп и так далее.

Крайний авторитаризм и тоталитаризм породил и культивировал одномерное массовое сознание, односторонний взгляд на мир с примитивной дихотомической точки зрения: «наши – враги», «свои – чужие», «кто не с нами, тот против нас», «если враг (оппонент) не сдастся, его следует уничтожить» и так далее. Попытки нахождения компромисса, учета интересов различных сторон рассматриваются в авторитарной политической культуре как проявления недопустимой слабости.

Тоталитарно-авторитарный тип российской политической культуры не следует связывать только с советским периодом истории государства. Как указывает немецкий политолог Г. Симон, в России издавна «сформировалась политическая культура единения (единогласия)». Единение, как правило, возникает не на основе добровольности, а является результатом принуждения и реализуется под угрозой санкций, примеры которых дают и древнерусское вече, и соборная политическая практика, и сельская община, и советский демократический централизм [356, с. 38]. Архаическую идею дискурсивного единения, единогласия и соборности удалось примирить не только с самодержавием, но и с неограниченной властью советских руководителей: вождь нации объявлял себя носителем и выразителем единого общественного идеала, а социум безгласно соглашался с этим. Сочетание принципа единения с принципом неограниченной

власти показало высокую эффективность, особенно в экстремальных условиях в виде войн, кризисов и устранением оппонентов [356, с. 38].

Ввиду отсутствия обратных связей в партии рядовые члены партии никакого реального воздействия на политику не оказывали. Они становились заложниками антидемократических внутрипартийных отношений. Тем более что они были отстранены от принятия решений и контроля за их реализацией, точно так же, как и простые беспартийные граждане. На протяжении десятилетий в стране искусственно создавался и формировался механизм формирования монологической политической культуры путем «партийных чисток», селекции конформистов, приспособленцев, соглашателей, подхалимов, конъюнктурщиков, лицемеров. Накопление определенного рода качеств в процессе такого «естественного отбора» и политической мимикрии привело к формированию нового качества работников аппарата управления: неспособности руководителей оценивать ситуацию и самостоятельно осуществлять выбор, прислушиваться к компетентному мнению со стороны, вести диалог с оппонентами, участвовать в публичных дискуссиях и так далее.

Однако полностью отказаться от внутрипартийной демократии, хотя бы на словах, сталинскому руководству было нельзя: еще слишком сильна была дореволюционная демократическая традиция, да и открытый отказ от формально демократических принципов разрушил бы пропагандистский имидж «самого демократического общества». Поэтому было бы не правильно говорить, что в эпоху сталинизма дискуссий вообще не существовало. Напротив, дискуссии были, и они очень умело организовывались и лично режиссировались И. В. Сталиным, который ловко использовал их сначала для идеологической победы над своими оппонентами, а затем для расправы над ними как идеологическими «еретиками»: врагами, изменниками, шпионами и так далее. Так, для разгрома философии, языкознания и политэкономии им были даже специ-

ально организованы «дискуссии», соответственно прошедшие в 1947, 1950 и 1951 годах.

Советское поколение философов очень хорошо усвоило уроки дискуссий 1920–1950-х годов, которые, как правило, заканчивались поражением всех участвующих в них сторон. В 1920–1930 годы полемика между «меньшевистствующими идеалистами» и «механицистами» вылилась в приклеивание политических ярлыков и охоту за «отступниками от марксизма» с последующим физическим устранением многих ее участников.

Развернувшаяся в 1940-е годы дискуссия по интерпретации немецкой классической философии, а затем по книге Г. Ф. Александра «История западноевропейской философии» имели своим следствием жесткие постановления ЦК КПСС и кадровую перетряску в Институте философии и на философском факультете МГУ. «Робкие попытки молодых марксологов МГУ в середине 50-х годов начать дискуссию по проблемам теории познания были квалифицированы как “гносеологизм”, отступление от марксизма, что вынудило инициаторов уйти с факультета, – пишет Н. С. Юлина. – Историческая память об этих событиях тяжелым грузом лежит и на нынешнем поколении философов; и сегодня люди избегают полемики, предпочитая тактику монолога» [432 а, с. 13].

В результате монологизм стал своеобразным фирменным знаком и стилевой характеристикой мышления и работы многих советских философов, экономистов, естествоиспытателей, селекционеров, генетиков, партийных и советских деятелей. «СССР представлял чисто монологический вариант цивилизации, – пишет Г. Г. Почепцов. – Общество строилось на основе жесткой иерархической системы, где, чем выше было положение человека, тем более правильными были его мысли... В этой моноцивилизации были свои четкие законы, которые не допускали диалога. Партийный работник был непререкаем» [296, с. 297].

7.2.3. Трагедия общественного диалога: от дискурсивной «оттепели» к коммуникативным «заморозкам»

Хрущёвская оттепель – это неофициальное обозначение периода в истории СССР, последовавшего после смерти И. В. Сталина (середина 1950-х – середина 1960-х годов). Этот период характеризовался во внутривнутриполитической жизни СССР некоторой относительной либерализацией и ограниченной диалогизацией правящего режима, ослаблением тоталитарной власти, частичным появлением свободы слова, внешней демократизацией политической и общественной жизни, большей степенью свободы творческой деятельности. Название «оттепель» связано с пребыванием на посту первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва (1953–1964) и ассоциируется с осуждением культа личности И. В. Сталина на XX съезде КПСС в 1956 году.

XX съезд партии буквально перевернул сознание миллионов советских людей. У многих из них появилась надежда, что жизнь общества изменится к лучшему. В жизнь вступало новое поколение советских людей, страстно веривших в торжество свободы и идеалы социализма. Позднее их станут называть «шестидесятниками». Элементы противоречивой и далеко не полной, урезанной диалогизации общественной жизни проявлялись, прежде всего, в сфере культуры, художественного творчества, в литературе, в кинематографии, живописи, журналистике.

Провозглашенная с подачи И. Эренбурга «оттепель» советской журналистики началась практически сразу после XX съезда партии. Курс на ликвидацию последствий культа личности, взятый новыми советскими руководителями, отразился и на печати. К концу правления И. В. Сталина немногочисленные газеты и журналы публиковали в основном отчеты о партийных и советских мероприятиях, постановления съездов и пленумов партии, да пропагандистские сообщения об очередных успехах или же с гневом вещали обществу об очередных разоблачениях «шпионов», «вредителей» и «врагов народа».

Но уже в первую половину 1950-х годов периодическая печать стала оказывать меньшее линейно-пропагандистское

воздействие на сознание советского общества. С подачи КПСС в это время создаются новые массовые СМИ: специализированная промышленно-экономическая газета «Экономическая жизнь», «Социалистическая индустрия», «Советская торговля», «Советская авиация», будущий флагман перестроечной прессы газета «Московские новости» и «Советская Россия». Сам доклад Н. С. Хрущева о культе личности тогда так и не был опубликован ни в одном советском периодическом издании. Но его основные положения были изложены в газете «Правда» в редакционной статье «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?» Так периодика положила начало общественным дискуссиям по этой проблеме.

Но «оттепель» сопровождалась и травлями (например, Б. Л. Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии), а разоблачение культа личности перемежалось с новыми чудовищными преступлениями власти, боявшейся диалога с собственным народом. Например, Новочеркасский расстрел 1962 года. Или, ранее, в 1956 году, разгромом восстания в Будапеште, возведение в 1961 году знаменитой Берлинской стены и так далее.

Н. С. Хрущев был крайне монологичен, отличался политическим максимализмом и большевистской нонтолерантностью, совершенно не умел слушать людей. А. С. Ахиезер отмечает, что «важнейшим условием роста компетентности власти должен был служить поиск путей диалога с духовной элитой». Но такой «диалог не получился» у Н. С. Хрущева [16, с. 579]. Хотя в стране и появилась некоторая свобода творчества и общения, однако в адрес художественной интеллигенции нередко звучала грубая брань, особенно в адрес тех, чье творчество по тем или иным, в основном идеологическим, мотивам Н. С. Хрущеву и партии не нравились. Так, 7 марта 1963 года Н. С. Хрущев устроил самый настоящий разнос поэту А. А. Вознесенскому, фактически не дав ему донести до вождя и аудитории свои мысли, обвинив в клевете на партию и пообещав помочь в выезде за рубеж: «Хотите завтра получить паспорт? Хотите?! И езжайте, езжайте к чертовой бабушке! <...> Я не могу спокойно слышать подхалимов наших врагов. Не могу!

(Аплодисменты.) – Кричал на своего партнера Н. С. Хрущев, демонстрируя несимметричный и откровенно хамский диалог, при этом используя всё ту же тоталитарную лексику, что и его прямой предшественник. – Я не могу слушать агентов. Вы скажете, что я зажимаю? Я, прежде всего Генеральный секретарь. Прежде всего, я человек, прежде всего я гражданин Советского Союза! (По восходящей.) Я рабочий своего класса, я друг своего народа, я его боец и буду бороться против всякой нечисти!!!» И далее продолжал: «Думают, что Сталин умер, и, значит, все можно... Так вы, значит... Да вы – рабы! Рабы!» – так осуществлял коммуникацию и вел диалог с интеллигенцией лидер СССР [59].

Период оттепели продлился недолго. Уже после подавления Венгерского восстания в позиции власти проявились чёткие границы политики открытости. Партийное руководство было напугано тем, что либерализация режима в Венгрии привела к открытым антикоммунистическим выступлениям и насилию, и, соответственно, подобная либерализация режима в СССР могла бы привести к тем же последствиям.

Когда на XXII съезде КПСС встал вопрос об отношении к инакомыслящим, Н. С. Хрущев сказал так: «Возможно ли появление различных мнений внутри партии в отдельные периоды ее деятельности, особенно на переломных этапах? Возможно. Как же быть с теми, кто высказывает свое, отличное от других мнение? Мы стоим за то, чтобы в таких случаях применялись не репрессии, а ленинские методы убеждения и разъяснения» [444, с. 586]. Однако реальная практика была далека от провозглашавшихся сентенций, реального диалога власти и общества по-прежнему не было, а острые общественные проблемы замалчивались, скрывались, игнорировались, перемещались из публичной сферы в область межличностной коммуникации и неформального общения граждан, которые находились за пределами жестко ограниченной государством официальной позиции секретности, умолчания, полуправды или даже лжи.

В 1964 году в связи с отставкой Н. С. Хрущева завершился процесс относительной либерализации общественно-политической

жизни в СССР, закончились начатые им преобразования. Вместо него к власти пришел Л. И. Брежнев, отличающийся большой осторожностью и консерватизмом в политике и в идеологии. В своей практической деятельности он стремился к информационной закрытости и стабильности общества на основе восстановления монологизма и отказа даже от намека на какую-либо открытость и диалог. Однако в обществе, даже несмотря на атмосферу полуправды и лжи, режим сверхсекретности по отношению к недавнему историческому прошлому, латентно развивался общественный диалог, накапливалась неизвестная ранее информация, а обмен ею в процессе неформальной коммуникации приводил к выработке системы общих неформальных ценностей.

Так, в интеллектуальной среде шестидесятников оформилось стремление к восстановлению «истинного марксизма-ленинизма» и к очищению его от сталинских деформаций. Возникали своеобразные «кружки», чем-то напоминавшие интеллигентские кружки и тайные организации XIX века. Зачастую они подвергались преследованиям, которые оставались практически незамеченными обществом.

И тем не менее, этот интеллектуально-нравственный процесс набирал силу, требовал пересмотра границ, форм и методов социальной коммуникации, подключению к общественному диалогу властных структур и государственных институтов. Однако власть игнорировала эти импульсы, исходящие от общества, что толкало часть социума к переходу на путь конфликтного взаимодействия с государством. В результате, хотя и не очень значительная, но наиболее активная часть интеллигенции, недовольная начавшимися «заморозками», перешла в оппозицию существующему режиму, составив костяк движения диссидентов. Этими оппозиционерами, требовавшими открытого публичного диалога с властью, стали наиболее радикально настроенные представители поколения «шестидесятников» – советские диссиденты и правозащитники.

Термин «диссиденты» (*лат. dissidens* – несогласный) обозначает инакомыслие, разлад, несовпадение, противоположность в политических или, как это было в средневековой Европе,

в религиозных взглядах. В 1960-е годы диссидентами стали именовать представителей оппозиционного движения в СССР и странах Восточной Европы, которые, в противоположность антисоветским и антикоммунистическим движениям предыдущего периода, не пытались бороться насильственными средствами против советского строя и марксистско-ленинской идеологии, а на основе правозащитного движения апеллировали к советским законам и официально провозглашаемым ценностям. Диссидентскими было принято называть разнообразные формы сопротивления правящему коммунистическому режиму.

Диссидентами в СССР стали именовать тех, кто открыто противопоставлял свои политические и идеологические взгляды господствующим в обществе доктринам. КПСС тоже «пыталась сформулировать свое отношение к диссидентскому движению, – пишет А. С. Ахиезер. – Теоретически оно заключалось в согласии с тем, что человек может иметь свое мнение по любым вопросам. Тем самым правящая элита косвенно признала, что господствующая идеология есть некоторый условный консенсус. Она согласилась с тем, что бессмысленно контролировать саму мысль в человеческой голове. Тем не менее, запрещались передачи, обсуждение, проповедь этой мысли, обнаружение ее перед иными лицами, распространение, а также хранение соответствующих текстов. Тем самым правящая элита вступила в ожесточенную борьбу с разномыслием, значение которого для общества, вопреки массовым представлениям, оказалось исключительно важным» [16, с. 606–607].

Первым знаковым событием брежневского поворота к «мягкой реставлизации» государства стал процесс А. Д. Синявского – Ю. М. Даниэля, состоявшийся в 1965 году. А 5 декабря 1965 года в 6 часов вечера на Пушкинской площади в Москве, у памятника поэту, несколько десятков человек провели манифестацию. Собравшиеся развернули небольшие плакаты, но их быстро выхватили сотрудники госбезопасности.

Спустя год несогласные снова пришли на эту же площадь. На этот раз это было молчаливое стояние со снятыми головными уборами. Сборы в день сталинской Конституции продолжались

до 1977 года, когда была принята новая Конституция, и день Конституции стали отмечать 7 октября. Поэтому молчаливые пикеты перенесли на 10 декабря, то есть на дату подписания Всеобщей декларации прав человека [378, с. 25].

Следующий период в развитии диссидентского и правозащитного движения в СССР – это 1968–1975 годы, он хронологически совпал с удушением «Пражской весны», приостановкой всяких попыток преобразования политических институтов и погружением политической жизни в СССР в состояние глубокого застоя. Как символический знак окончательной ликвидации либеральных тенденций в жизни советского общества была воспринята отставка А. Т. Твардовского с поста редактора журнала «Новый мир», произошедшая в начале 1970 года. В таких условиях среди части советской интеллигенции, разбуженной «оттепелью», возникли и оформились диссидентское и правозащитное движения, жёстко подавлявшиеся органами госбезопасности.

Правозащитное движение в СССР (Л. М. Алексеева, Л. И. Богораз, Е. Г. Боннэр и др.) было важной частью диссидентского движения, сосредоточенного главным образом, на отстаивании гражданских прав и свобод, гарантированных Конституцией государства, в том числе свободы слова, печати, демонстраций, ассоциаций и так далее. Однако, как отметит Л. М. Алексеева, за все время своего существования, «правозащитники не добились своей прямой цели – улучшения положения с правами человека в СССР. Власти отвергли предлагаемый им диалог на эту тему» [5а, с. 110].

В арсенал коммуникативного взаимодействия с властью со стороны диссидентов входили такие дискурсивные жанры, как петиции, коллективные письма, «последние слова» на судебных заседаниях, обращенные к властным инстанциям и одновременно распространявшиеся в самиздате. Даже «молчаливая» демонстрация на Красной площади 25 августа 1968 года против вторжения советских войск в Чехословакию была попыткой коммуникации и установления диалога с властью при помощи плакатов, которые участники акции держали в руках.

Основным оппонентом и адресатом диссидентского движения на этапе его первоначального существования была государственная власть, с которой диссиденты упорно пытались вступить в обоюдную коммуникацию, то есть в диалог. Первоначально такая «коммуникация с властью действительно преследовала цель убеждения – с помощью речевого воздействия произвести сдвиг в системе ценностей реципиента, а соответственно, в его поведении» [145, с. 58]. Но советское руководство принципиально отвергало даже саму мысль о возможности существования какой-либо оппозиции в СССР.

На этой основе категорически отвергалась возможность диалоговой интеракции власти с диссидентами и правозащитниками. Напротив, в СССР официально провозглашалось морально-политическое и идейное единство советского общества, поэтому существование организованного инакомыслия даже в микроскопических масштабах и какие-либо дискуссии и дебаты с оппозицией не отвечали генеральной идеологической линии КПСС под руководством Л. И. Брежнева. Исходя из этого, внутри СССР диссидентов либо не замечали, либо именовали «отщепенцами».

За полемику, разномыслие, публичный дискурс и толерантное обсуждение самых разнообразных взглядов и мнений активно выступал и боролся А. Д. Сахаров. Академик и будущий лауреат Нобелевской премии, призывал «покончить с “холодной войной”, вступить в “конструктивный диалог”» с развитыми капиталистическими странами для создания единой цивилизации с резким ограничением милитаризации.

Идеалистическое стремление к переубеждению КПСС и советской власти со стороны мыслящего меньшинства – это была своего рода «попытка советского интеллектуального сообщества найти Себя в Другом – интеллигента во власти, что свидетельствует о двустороннем процессе, происходившем в советском обществе» [145, с. 59]. Когда же становится ясно, что власть не приемлет иных голосов в политическом дискурсе и лишь делает вид, что верит в свои идиологемы, инакомыслие шестидесятников обнаруживает два пути своей собственной трансформации.

Это была либо эмиграция (внешняя или внутренняя в формате ухода в «другую», то есть в непубличную частную жизнь), либо открытое противостояние – диссидентство.

Сублимация части либеральной интеллигенции в открытое диссидентство и противостояние власти стала возможной благодаря ее идентификации со сформировавшимися в российском социуме неофициальными представлениями о внутригрупповых моральных нормах и моделях поведения образованной части общества. Данный коллективный архетип воссоздавал прежнее представление об интеллигенте как носителе особых морально-нравственных качеств и ценностей, «ведущем напряженный диалог с государственной властью о путях развития страны. Часть указанной социальной среды принимает соответствующую мифологическую модель “нравственного сопротивления” и трансформируется в правозащитное диссидентское движение» [145, с. 59].

Семиотика и эпистемология протестного дискурса периода застоя была органически связана с социокультурной коммуникативной матрицей и глубоко укорененной в политической субкультуре либеральной и наиболее образованной частью российского социума. С их точки зрения, настоящий интеллигент – это вечный оппонент власти, который даже в реально не состоявшемся диалоге всегда апеллирует к «высшей реальности», то есть к народу, обществу, общечеловеческим ценностям и к совести.

Власть же, как оппонент, отрицающий самую возможность диалога с мыслящим меньшинством, предстает в образе ее извечного протагониста, всесильного Левиафана, не чуждающегося для подавления инакомыслия применения грубой физической силы. Поэтому всякие попытки установления равноправной и симметричной коммуникации с властью неизбежно влекли за собой все новые и новые жертвы. Так было всегда в истории России. Известный правозащитник и диссидент А. А. Амальрик писал в мемуарах: «Попытки диалога с властью – то есть попытки власть в чем-то “убедить” своим поступком, письмом или речью – почти никто, я думаю, не избежал... По существу, этот “диалог” есть монолог, который в какой-то момент прерывается кляпом в рот...» [6, с. 47].

Другая часть либеральной интеллигенции, убедившись в бесперспективности установления двусторонней коммуникации и диалога с властью, отходит от активной общественно-политической деятельности, концентрируясь на творческой, интеллектуальной, духовной и иных формах деятельности, напрямую не связанных с политикой. В этом заключается главное отличие поколения «шестидесятников» и вышедших из их числа диссидентов.

По мнению другого советского правозащитника А. Ю. Даниэля, биография диссидента зримо отличается от биографии большинства его соотечественников, по его словам: «Она представляет собой некоторый специфический диалог с властью... Для самого диссидента это парадигма протеста: подпись под правозащитной петицией или жалобой в официальные инстанции (с обязательным преданием ее гласности через Самиздат, а позднее – через западные средства массовой информации), текст, обращенный к отечественной или международной общественности, пресс-конференция для зарубежных корреспондентов, изредка – участие в уличном митинге. Власть, в свою очередь... слежка, гласные и негласные обыски, увольнение с работы или исключение из вуза, вызов на допрос, арест, суд, лагерь или психиатрическая больница. Когда диалог достигает этой стадии, в дело идет специфический синтаксис борьбы в неволе: голодовка – карцер – голодовка – перевод на тюремный режим – голодовка – новое следствие и новый срок» [101, с. 116–117].

В 1977 году была принята новая («брежневская») Конституция СССР, которая упрочила контроль партии над государственными органами и закрепила достигнутые успехи на пути построения так называемого развитого социализма. Статья 6 Конституции законодательно закрепляла руководящую и направляющую роль КПСС в качестве ядра политической системы СССР. Среди общественных организаций, которые, хотя и с натяжкой, можно идентифицировать как специфические структурные элементы и институты советского гражданского общества, были профессиональные союзы, общественные организации, научные, просветительские и творческие объединения, кружки

самодеятельности и клубы по интересам, возрастные союзы (пионеров, ветеранов), общества трезвости и так далее.

А. Ю. Сунгуров считает возможным применять к таким структурам название «администрируемые массовые организации» [378, с. 23]. Общество под присмотром партии, государства и спецслужб вырабатывало институты гражданской саморегуляции, хотя и подконтрольные власти, но отнюдь не совпадавшие с ней. Эти общественные институты и добровольные ассоциации служили творческому самовыражению, удовлетворению потребностей граждан в общественной активности, во взаимопомощи, в кооперации, в борьбе с рядом антиобщественных проявлений. В СМИ этого периода поощрялись дозированной критика и самокритика, не затрагивающая фундаментальных идеологических и доктринальных организационных основ существующей системы. В этот период заседали товарищеские суды, работали домкомы, а отношения людей во многом регулировались нормами «советской морали», в важнейших пунктах совпадавшие с «общечеловеческой» нравственностью.

В отличие от А. Ю. Сунгурова Я. А. Пляйс полагает, что и тоталитарно-авторитарные государства, заботящиеся точно так же, как и демократические, об устойчивости и долговечности своего существования, не только вынуждены, но и заинтересованы в создании различных общественных организаций неполитического характера, которые служили бы власти и позволяли бы ей воздействовать на общество и общественное мнение в своих интересах. «Поэтому... и тоталитарное, и авторитарное государства позволяют своим гражданам самоорганизовываться и создавать всевозможные союзы, клубы и пр., но нередко сами инициируют их создание, веря в то, что они будут их надежными инструментами в воздействии на общество» [281, с. 72].

Основная функция общественных структур, создаваемых по воле или с великого благословения всемогущего тоталитарного или авторитарного государства – служение власти. Но в то же время нельзя игнорировать тот факт, что «эти организации не только служат действующим властям, но и своим членам, то есть

интересам определенной части общества, и именно это делает их де-факто структурами, функционально близкими к структурам подлинно гражданского общества» [281, с. 72]. Конечно, интеракции с властью в такой ситуации выглядят иначе, чем в условиях демократического правового государства и развитого гражданского общества, но элементы гражданского диалога просматриваются и здесь.

О коммуникативной ситуации в СССР в 1970–1980-х годах следует говорить не как о «модели информационного взаимодействия», а как о модели информационного воздействия и управления общественным мнением на основе пропаганды. Дело в том, что «подавляющее большинство информационных ресурсов в СССР реализовывало пропагандистскую функцию советского государства, направленную на формирование четко сформулированных идеологических установок в общественном сознании» [64]. В рамках государственной модели информационного управления реализовывался механизм внедрения сверху вниз, то есть от государства к обществу, определенного контента, имевшего следующую специфику:

- соответствие идеологическим установкам государства (цензурирование информации);
- дозированность (как в смысле малого объема предоставляемой о событиях информации, так и в смысле запрета на освещение определенных тем и событий);
- сквозное проникновение информации (от федеральных СМИ до политинформаций на предприятиях и в учреждениях образования);
- низкая степень оперативности информации (о многих событиях население узнавало через значительный промежуток времени);
- ограниченное число коммуникационных каналов;
- отсутствие интерактивности (горячих линий, прямых эфиров, голосований в режиме реального времени и т. д.) [64].

Безусловно, что в коммуникативной подсистеме политической системы СССР присутствовал ограниченный диалог,

и существовал довольно специфический механизм обратной связи от общества к государственным органам власти, без которого принципиально была бы невозможна даже минимальная коррекция и оптимизация государственного управления. Однако следует понимать, что это были достаточно специфичные коммуникативные каналы и инструменты, использовавшиеся преимущественно «компетентными органами» государственной безопасности и служившие лишь передаточным звеном между обществом и властью. В целом они были малоэффективны, а потому государство объективно было неспособно адаптировать свой механизм управления к социокультурной динамике и общественно-политическим импульсам, исходящим со стороны граждан и негосударственных организаций и институтов.

В СССР диалог государства и общества если и допускался, то типологически представлял собой диалог-унисон, заключающийся в сервильном взаимодействии власти и обслуживающей ее «общественностью». Либо же это был резко оппозиционный, предельно конфликтный диалог-вызов, обращенный диссидентствующим меньшинством не только к монологичной власти, но и ко всему российскому обществу, а также и к зарубежным адресатам. Эти сигналы редко достигали своей цели, но тем не менее готовили почву для последующего развития гражданского общества и возникновению каналов и механизмов осуществления двусторонних дискурсов граждан с государством.

В официальном публичном политической дискуссе этапа «застоя» в коммуникации власти и общества доминировали монологические жанры, направленные на мобилизацию масс, убеждение, пропаганду, агитацию, не предполагающие ответной речевой реакции со стороны адресата. Это был дискурс, призванный либо консолидировать и объединить единомышленников, либо разоблачить идеологических противников. Многие вопросы, интересовавшие общество оставались без ответа со стороны власти и государства, создавая почву для непонимания и, соответственно, для потенциальных политических угроз, социальных конфликтов и политических кризисов. Правящая номенклатура

все больше утрачивала представление о реальности и управляла, полагаясь не только на дискурсивные формы управления, но и возможность применения физического насилия по отношению к оппонентам и противникам.

Интересы общества в такой униполярной модели дискурса представлены не были, что позволяет сделать вывод об асимметричности вертикального выстроенной модели коммуникации государства и общества, где механизмы обратной связи почти полностью атрофированы. В конечном итоге, отсутствие устойчивых социокультурных традиций и институциональных матриц для полноценного общественного диалога во многом предопределило грядущий распад СССР. Перестройка, начатая сверху, лишь ускорила экзогенные центробежные процессы и, в итоге, привела к окончательному отторжению общества от субстанционально монологичного политического режима.

Доинституциональный этап функционирования диалога государства и социума не создал устойчивых коммуникативных практик и традиций дискурсивного разрешения возникающих проблем и противоречий. Отчасти этим обстоятельством объясняется традиция решать острые политические вопросы с помощью поиска реальных и мнимых «врагов» с их последующим физическим устранением. Короткие промежутки истории, связанные с диалогизацией общественных отношений в политической истории доперестроечной России, регулярно сменялась гораздо более продолжительными промежутками господства монологических дискурсивных практик. В результате диалогическая традиция не прижилась, попытки разрешать противоречия на основе переговоров, взаимных уступок, компромиссов, консенсуса воспринимались в социокультурной традиции и политической культуре как признак слабости, недостойный для носителя власти. Общественный диалог, хотя и присутствовал в социально-политической истории России, но занимал, по сравнению с монологом, маргинальное положение, не востребованный как в политической практике, так и в политической теории.

ГЛАВА 8

Преинституциональный период диалога государства и гражданского общества

Под преинституциональным периодом в длительном процессе институционализации диалога государства и гражданского общества мы понимаем отрезок времени, начало которому было положено процессом перестройки в СССР. Ну а завершение этой «подготовительной» и объективно необходимой фазы для начала процесса институционализации диалога государства и гражданского общества, мы считаем отставку Б. Н. Ельцина и приход к власти В. В. Путина.

Таким образом, преинституциональный период – это отрезок времени, начиная с апреля 1985 года и до прихода к власти В. В. Путина, когда в ноябре 2001 года под эгидой власти был проведен первый в России Гражданский форум. Данное событие, в соответствии с разработанной нами периодизацией процесса институционализации диалога государства и гражданского общества, стало началом первого этапа его институционализации и завершением преинституциональной фазы.

8.1. Общественный диалог в дискурсивном взаимодействии власти и общества: эпоха перестройки

Сложившаяся в позднесоветский период существования СССР коммуникативная модель взаимодействия власти и общества была детерминирована информационной политикой государства и требовала существенной корректировки и реформирования. Эту давно назревшую миссию и объективно назревшую потребность общества осуществил М. С. Горбачев.

11 марта 1985 года Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М. С. Горбачев, а уже 23 апреля 1985 на Пленуме ЦК КПСС он сообщил о планах широких реформ, направленных на всестороннее обновление общества и государства, краеугольным камнем которых было названо ускорение социально-экономического развития страны. Однако подлинным началом перестройки принято считать 1987 год, когда на январском пленуме ЦК КПСС «перестройка» была впервые объявлена новым направлением развития советского государства.

О гласности и диалоге заговорили на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 года. Однако термин «диалог» на этом съезде использовался М. С. Горбачевым лишь по отношению к сфере внешнеполитических отношений. Постепенно данный концепт наполняется новым эвристическим потенциалом и начинает применяться к иным – общественной и политической – сферам. Так, на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в октябре 1986 года М. С. Горбачев заявил: «Диалог, а не монолог, вот что является необходимым элементом действительно творческого процесса образования и воспитания молодежи». И далее: «Поиск истины должен идти через сопоставление различных точек зрения, дискуссии и обсуждения, ломку прежних стереотипов» [82, с. 6].

В 1988 году вышла в свет книга М. С. Горбачёв «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», которая была буквально «нашпигована» термином «диалог». Характерно, что в данной работе диалог применяется не только к сфере

внешней политики, но и внутривластными отношениям. Так, по мысли автора книги, процесс демократизации проявляется в оживлении прессы, а также в предпочтении «диалогических материалов монологическим формам»: «отчеты и самоотчеты все больше уступают место разнообразным интервью, беседам за “круглым столом”, публикациям писем читателей» [83, с. 74].

А. С. Ахиезер вполне справедливо утверждает, что суть нового мышления М. С. Горбачева «заключалась, прежде всего, в разрыве... со всей предшествующей идеологией, жестко противопоставлявшей своих и чужих» [16, с. 628]. Сам М. С. Горбачев об этом пишет так: «Процесс демократизации вносит существенные коррективы во взаимоотношения критикующих и критикуемых. Отношения должны стать партнерскими, строиться на почве общей заинтересованности. Тут более уместен диалог и совершенно неприемлемы всякого рода снисходительные нотации, назидательность и тем более прокурорский тон. А такое еще встречается даже у высокопрофессиональных, уважаемых авторов. Ни у кого нет права на истину в последней инстанции» [83, с. 75–76]. И далее: «Формирование нового мышления требует живого общения не только с единомышленниками, но и с людьми, представляющими иные взгляды, отличающиеся от наших и философских, и политических», «мы – сторонники широкого диалога, сопоставления точек зрения, спора, дискуссий. Это возбуждает мысль, не дает ей застаиваться, замыкаться в привычном кругу представлений» [83, с. 156].

На XIX Всесоюзной партконференции КПСС, развивая идею диалогизации внутривластных и общественных отношений, М. С. Горбачев сказал: «Неотъемлемыми чертами нашей жизни должны стать постоянный, конструктивный политический диалог, культура дискуссии, изучение и учет общественного мнения» [215, с. 75].

Провозглашенное М. С. Горбачевым новое мышление предполагало становление инновационных механизмов обратной связи и формирования двухсторонних каналов коммуникативного взаимодействия государства, его органов и должностных

лиц с собственными гражданами, общественными институтами и организациями, то есть с гражданским обществом на основе открытого публичного диалога. Уже позднее, 7 ноября 2009 года «Euronews» опубликовал интервью с М. С. Горбачевым, который так определил смысл проводившихся им во второй половине 1980-х годов политических реформ: «...перестройка – это участие людей, это информирование их, это дискуссия, это диалог в обществе. Власть через гласность, через свободу прессы осуществляется. Поэтому они взаимосвязаны, это две стороны одной медали» [84].

В конце 1980-х годов ситуация в сфере дискурса власти и общества, по сравнению со сталинско-брежневской монологовой моделью политической коммуникации, изменилась. Со стороны государства была предложена концептуально иная модель информационного взаимодействия с обществом, заключавшаяся в отказе от тотального контроля над информационным полем и предоставлении возможности появления первых независимых от власти информационных ресурсов. Символично, что два прежде сугубо партийных журнала – «Агитатор» и «Политическое образование» – были преобразованы в одно новое общественно-политическое издание, под названием журнал «Диалог». А после принятия Закона о печати, изменились и принципы партийно-государственной работы со средствами массовой информации и журналистскими кадрами. По словам самого М. С. Горбачева, в «отношениях с ними мы (то есть КПСС. – А. З.) перешли от диктата к диалогу и партнерству» [445, с. 132].

Именно в это время приходит создание таких независимых от КПСС источников массовой общественно-политической информации, как телепрограммы «Взгляд» и «Вести», «Радио России», ряда других электронных и печатных СМИ. Более того, учредителями многих СМИ становились сами редакционные коллективы, проводившие в большинстве случаев независимую от властей информационную политику в рамках своих изданий. В данный период времени сформировалось информационное публичное пространство, обладавшее следующими принципиально новыми для СССР дискурсивными характеристиками:

– деидеологизация и отсутствие тотальной цензуры со стороны государства;

– отсутствие ограничений на информационное освещение ранее подцензурных запретных по идеологическим основаниям тем и событий;

– оперативность получаемой обществом информации о происходящих событиях, как в самом государстве, так и за его пределами;

– поступательное увеличение количества доступных населению средств массовой информации и информационных каналов;

– внедрение интерактивных методов массмедийной коммуникации (к примеру, телемосты с США типа «Познер – Донахью»), «прямые» эфиры, где в режиме реального времени можно было высказывать свою точку зрения, интерактивные онлайн голосования и т. д.;

– коммерциализация СМИ и связанная с этим ориентация на информационные запросы общества, а не власти и государства;

– децентрализация коммуникационной политики и появление большого числа независимых от государства групп влияния, оказывавших информационное воздействие на формирование политической и информационной повесток дня и, соответственно, на общественное сознание и восприятие людьми тех или иных событий [64].

В связи с этим принципиально трансформировалась ранее существовавшая модель информационного взаимодействия общества и власти, которая стала в данный период именно моделью взаимодействия, а не воздействия и информационного управления со стороны государства как прежде. Именно в этот период появились и стали развиваться элементы двухсторонней коммуникации между властью и обществом. Посредством СМИ, общество получило возможность артикулировать свои запросы по отношению ко всем уровням государственной власти.

В отчетном докладе XXXVIII съезду КПСС М. С. Горбачев заявил, что в процессе «перестройки» в СССР вместо «сталинской модели социализма приходит гражданское общество свободных

людей», где на «смену атмосфере идеологического диктата» идет подлинное «свободомыслие и гласность, информационная открытость общества». В соответствии с этими коммуникативными процессами КПСС, по мысли ее Генсека, должна была трансформироваться в партию «диалога, дискуссии, сотрудничества и партнерства со всеми прогрессивными общественно-политическими силами страны» [445, с. 56, 90].

Перестройка действительно в качестве части нового политического мышления, как замечает Г. Г. Почепцов: «...приносит элементы диалогического общества. Рушатся старые иерархии. ...Горбачев говорил: критикуйте парткомы, а мы поможем. То есть реально инициировал диалог» [296, с. 297, 298]. В ходе перестройки, начатой М. С. Горбачевым, партийный контроль над средствами массовой информации был снят; гражданские организации и активисты получили свободу слова, собраний, ассоциаций, эмиграции, в результате чего основные требования первых диссидентов-правозащитников были полностью выполнены. «Отказ от цензуры, от однопартийного монолога означал возможность выхода наружу ранее скрытых голосов, которые даже не подозревали о существовании друг друга, – пишет А. С. Ахиезер. – Общая картина, однако, оказалась весьма специфической, не сводимой к формуле демократического плюрализма, господства либерализма» [16, с. 633]. Это означает, что в процессе мощной социокультурной инверсионной волны, произошла не медиация, а лишь очередная инверсия, то есть смена полюсов общественного развития.

Если раньше официальным курсом страны была провозглашена коммунистическая идеология, то теперь на ее место был водружен крайний либерализм со значительным оттенком антикоммунизма и прежними методами идеологической борьбы с политическими оппонентами. Утвердился не реальный плюрализм мнений, не полифония, не полноценный диалог взглядов, а слегка диалогизированный монолог, то есть, по сути дела, все та же пропаганда, но уже другой, диаметрально противоположной идеологии.

На практике это проявлялось «недопущением общественного диалога и цензурой, по своей жесткости несравнимой с той, которая была в “тоталитарном” СССР, – пишут С. Кара-Мурза и С. Братчиков. – Критика перестройки допускалась только в такой отталкивающей форме, чтобы ее можно было легко высмеять или использовать как пугало. Корректные рассудительные сообщения было невозможно опубликовать ни под каким видом, даже при содействии очень влиятельных лиц в ЦК КПСС. Была обеспечена информационная блокада той части интеллигенции, которая взывала к здравому смыслу» [167a].

В качестве примера можно привести историю с письмом (а скорее со статьей) преподавательницы Ленинградского технологического института Н. А. Андреевой «Не могу поступиться принципами», опубликованным 13 марта 1988 года в газете «Советская Россия», текст которого отражал точку зрения консервативного крыла КПСС и части ее высшего руководства.

В этом письме осуждались появившиеся в прессе после объявления перестройки материалы, критикующие социализм, и в частности политику И. В. Сталина. После выхода в свет газеты «Советская Россия», эта публикация Н. А. Андреевой была перепечатана целым рядом региональных, местных и даже зарубежных изданий. В итоге, сначала 23, а затем и 24 марта Политбюро ЦК КПСС по настоянию М. С. Горбачева обсуждало письмо Н. А. Андреевой. «В течение полутора часов мы выслушивали монолог генсека. Основной упор Горбачев сосредотачивал на Сталине, – вспоминал много позже о первом дне заседания Политбюро бывший тогда министром обороны Д. Т. Язов. – Репрессии, репрессии... И как бы для выяснения позиций генсек дал слово Лигачеву, Воронникову, Чебрикову, затем Яковлеву, Рыжкову. Выступающие по ходу разговора “перестраивались”, но желаемого М. С. Горбачев не получил» [432].

На следующий день Политбюро продолжило обсуждение письма Н. А. Андреевой, и слово было предоставлено А. Н. Яковлеву, который, по словам Д. Т. Язова, устроил настоящий разнос и автору опубликованного материала и самой газете «Советская

Россия». При этом «он крутил, вертел статью Нины Андреевой и хлестко обзывал ее “кликушей”, “сталинисткой”». Результатом обсуждения стала подготовленная А. Н. Яковлевым и вышедшая без подписи статья «Принципы перестройки, революционность мышления и действий», опубликованная в «Правде» 5 апреля 1988 года, где письмо Н. А. Андреевой было названо «идейной платформой, манифестом антиперестроечных сил» [432]. «После опубликования этой статьи началась пропагандистская кампания, стержнем которой было промывание мозгов всем сомневающимся в правильности “перестройки” и сочувствующим идеалам социализма и коммунизма» [432].

К осени 1989 года идея многопартийности стала находить все большую поддержку во всех слоях общества. Важным шагом на пути демократизации и диалогизации государства и общества стала отмена 6-й статьи Конституции о «главенствующей роли КПСС», что привело к возникновению альтернативных политических партий. Созванный в марте 1990 года внеочередной, третий Съезд народных депутатов СССР отменил 6-ю статью Конституции и тем самым признал существование многопартийности в стране. С принятием закона СССР от 9 октября 1990 года «Об общественных объединениях», стала возможной официальная регистрация политических партий, первыми из которых были ДПР, СДПР и РПРФ, зарегистрированные Минюстом РСФСР 14 марта 1991 года. Так, в СССР стала формироваться многопартийная политическая система.

Но М. С. Горбачёв получил известность не только как автор и инициатор перестройки в СССР, он еще «прославился» и таким высказываниями: «О плюрализме двух мнений быть не может»; «С оппозицией диалог невозможен»; «...Что очень наглядно демонстрирует его личное отношение к любым формам и методам диалогического общения, а значит и власти вообще!» [426, с. 98]

По словам Р. А. Медведева, М. С. Горбачев в отношениях с людьми был хотя и очень доступен, но также и крайне авторитарен, что, в конечном итоге, «не позволило ему стать сильным демократическим лидером». Так, например, разного рода совеща-

ния и заседания М. С. Горбачев «вел не слишком демократично». Это проявлялось как на заседаниях Верховного Совета СССР или на Съездах народных депутатов СССР, так и в ходе руководства работой Политбюро ЦК КПСС, где он, по утверждению Р. А. Медведева, «с трудом сдерживался, когда слышал возражения или критику. А часто и терял контроль над собой» [226].

Известный российский политический психолог Л. Гозман полагает, что «Михаил Горбачев, так много сделавший для демократии и свободы, в личном плане – глубоко авторитарный человек», который «декларируя на словах коллективный характер принятия решений, органически не способен выслушивать оппонента» [80]. С такой антидиалогической оценкой личности М. С. Горбачева и его реальной политики перестройки солидарен и американский политический психолог Л. Рестинг. По его мнению, М. С. Горбачев «глубоко авторитарный человек. С оппозицией для него диалог невозможен», который «так и не нашел в себе силы пойти навстречу Сахарову, сблизиться с ним и не использовал в полной мере политический капитал, который приобрел, освободив Сахарова и вернув его к активной политической жизни» [58, с. 198].

М. С. Горбачев в своем стремлении к диалогизации страны сам действительно был крайне монологичен. Это обстоятельство отмечают как его бывшие соратники, так и целый ряд исследователей. Опытный многолетний помощник многих генсеков А. Александров-Агентов в своих воспоминаниях писал, что М. С. Горбачеву присущ очень серьезный для большого руководителя недостаток: он совершенно не умеет слушать (вернее, слышать) своего собеседника, а целиком увлечен тем, что говорит сам... Монолог, лишь монолог...» [5, с. 290–291].

Бывший вице-президент СССР Г. И. Янаев вспоминал об особенностях рабочего диалога с М. С. Горбачевым так: «Приходишь на работу, вдруг “ревун” – прямой телефон: “Зайди ко мне”. И Горбачев полтора часа говорит... А ты... только головой киваешь. Если удалось два слова вставить – считай, диалог состоялся. Выходишь и думаешь, как в том анекдоте: может, сказать что хотел?» [39, с. 416].

В то же время М. С. Горбачев довольно эффективно использовал диалог в качестве личной PR-технологии. По мнению историков М. Я. Геллер и А. М. Некрич, «диалоги с простым народом» занимают в политической тактике М. С. Горбачева особое место, потому что он «превратил “диалог” в регулярную практику» [74, с. 398]. Горбачевский диалог обычно осуществляется как интервью: никто до него из советских лидеров не давал их столь много и так часто. Либо это был разговор между «народом» и «вождем». Вопросы, как правило, вращались в одном и том же кругу проблем, волнующих население: очереди и дефицит продовольственных товаров, жилищный кризис, кооперативы, вызывающие негодование, плохое качество товаров и т. п. Ответы трафаретны и то же не приносят в коммуникацию лидера с массой ничего нового, чего не было бы в его других официальных речах или в газетных статьях.

Такие дискурсы, по мнению М. Геллер и А. Некрич, создают лишь видимость диалога и иллюзию разговора по душам. «Прием “диалога” позволяет Горбачеву демонстрировать свою “откровенность”, человечность, заботу о людях, быть несколько более раскованным, чем в публичных выступлениях, оставаясь, тем не менее, Отцом, поучающим неразумных детей» [74, с. 398–399].

При каждой публичной встрече с народом, тиражирующей в массмедийном информационном пространстве с помощью телевидения, радио, газет и журналов, М. С. Горбачев «неизменно и обязательно задает свой главный вопрос: “Я хочу вас спросить: вы за настоящую перестройку? Или пусть она потихоньку идет?” И неизбежно слышит голоса: “За перестройку”. Диалог не прерывается. В Риге – Горбачев: “Есть у вас сомнения относительно нашей политики?” Голоса: “Нет...” Горбачев: “Поддержка?” Голоса: “Полная поддержка”. В Мурманске – Голос: “У нас перестройку все поддерживают”. Горбачев: “Да, я вижу. Вижу ваши дела. Сейчас так и надо”. В Москве – Горбачев: “Ваше рабочее мнение для нас очень важно. Из ваших слов я понял, что политика перестройки укоренилась в рабочей среде”. В Сибири – Голоса: “Хотим, чтобы Вы лично довели до конца перестройку, а мы в нее верим”. Горбачев: “Общее мнение?” Голоса: “Общее»» [74, с. 399].

Форма диалога, хотя и получила довольно широкое распространение, обеспечив свободу распространения информации, СМИ, гласность, но реального диалога, где обе стороны дискурса обладают одинаковыми правами, где они обоюдно интересны и нуждаются друг в друге, в коммуникативных практиках М. С. Горбачева отсутствуют. Для него диалог – это возможность высказаться лишь только самому, точка зрения партнера по коммуникации ему не интересна и не нужна. М. С. Горбачев все хорошо знает сам, и в публике он нуждается лишь для одобрения, а не корректировки своей политической линии.

Оппоненты, по сути дела, ему антипатичны. Их точка зрения признается либо антидемократичной, либо игнорируется без вступления с ними в аргументированную дискуссию. «Обратите внимание, как он умеет разговаривать на Западе, – говорил М. Я. Гефтер. – Теперь посмотрите, как он говорит с людьми на улицах наших городов. Он же никого не слышит! У него нет потребности услышать. Все, что они скажут, Горбачев знает наперед. Меня страшно интересует: с кем он говорит откровенно? И делится ли он с кем-нибудь? Если – нет, то его страшно жалко» [76].

Фактически диалог М. С. Горбачева это особая дискурсивно-риторическая технология, позволявшая ему в глазах населения СССР и, в особенности, зарубежных стран позиционировать себя, как нового демократического лидера, обладающего и поддерживающего, благодаря технологии диалога, принципиально иной имидж, нежели чем его предшественники. Это обстоятельство хорошо понимали не только в ближайшем окружении М. С. Горбачев, но, со временем, раскусили даже рядовые граждане СССР, которым сильно надоело своим славословием слишком словоохотливый политический лидер.

Страна, получившая долгожданную политическую свободу благодаря именно этому политическому лидеру, так и не обрела реального диалога между государством, унаследовавшим авторитарно-монологические традиции, и еще не готовым к нему гражданским обществом, находившимся в стадии формирования и институционализации.

8.2. Диалог и монолог власти в контексте политических реформ Б. Н. Ельцина

Формирование новых общественных ожиданий, связанных с Б. Н. Ельциным, проходило в рамках прямого диалога первого российского Президента с обществом. Подтверждением этому были и его многочисленные выступления на митингах, и признание за народом права самим избирать своего лидера. При Б. Н. Ельцине в стране развивалась политическая и экономическая конкуренция, формировались свободная пресса и гражданское общество. Люди перестали бояться власти, учились говорить ей в глаза то, что думают.

В то же время, у российского общества не было опыта ни гражданской самоорганизации, ни политической жизни при разделении властей, ни сопутствующего такому разделению опыта «согласования интересов посредством диалога и компромисса. Поэтому не утвердились в этом обществе и соответствующие ценности. И поэтому же в нем сохранялись инерционные установки, свойственные монологичной культуре» [20].

Вследствие этого в политических и социально-экономических реформах Б. Н. Ельцина присутствовало не только движение в сторону демократии, плюрализма, толерантности и диалогу общества и власти, но и вполне традиционный для российской истории тренд к инверсионному возрождению противоположного политического полюса в виде возврата к авторитаризму, монополизации власти и политическому монологу.

Для российского общества Б. Н. Ельцин был и остается крайне противоречивым политиком. Одни связывают с его именем экономические трудности и политический хаос 1990-х годов. Другие считают, что именно этот человек помог стране совершить переход от диктатуры к демократическим преобразованиям, к экономической и политической состоятельности, к рынку и частной собственности.

Вместе с тем, во имя сохранения личной власти Б. Н. Ельцин как политик был готов на все, на любую, кажущуюся спасительной политическую мимикрию и решительные силовые политические

меры. Демократия сама по себе не являлась для него ценностью, а была лишь средством завоевания и удержания личной власти. Это проявилось не только в процессе его коммуникации с КПСС и конфликтного диалога с М. С. Горбачевым, логически приведшего к распаду СССР, но и во все более усиливавшемся административно-волевым стиле политического управления. Так было и в случае с отказом от диалога в ходе противостояния Б. Н. Ельцина с Верховным Советом РСФСР, завершившегося стрельбой из танков по Белому дому, где в то время располагалась резиденция российского парламентаризма.

Значительное усиление власти Президента РСФСР произошло еще в период августовского путча 1991 г., когда в силу чрезвычайных обстоятельств Б. Н. Ельцин принял на себя командование Вооруженными силами СССР на территории РСФСР и ввел пост министра обороны РСФСР. С целью координации деятельности исполнительных органов в регионах учреждался институт представителей президента на местах. После отставки Председателя правительства РСФСР И. С. Силаева кабинет больше года оставался без главы – Президент сконцентрировал в своих руках полномочия по руководству народным хозяйством. «Большинство политологов и политиков согласны с тем, что политический режим при первом Президенте России не был диктаторским, – констатируют политологи Б. А. Исаев и Н. А. Баранов, – но в то же время демократическим его назвать сложно» [159, с. 187].

С целью восстановления баланса власти и ограничения личной власти Б. Н. Ельцина была проведена конституционная реформа, в результате которой Верховный совет РСФСР получил право отменять указы и распоряжения Президента, назначать главу правительства и ключевых министров. В ответ на это Б. Н. Ельцин выступил с инициативой проведения референдума по вопросам о доверии Президенту, об одобрении проводимой им социально-экономической политики и о досрочном переизбрании Президента. По всем этим вопросам он получил поддержку, но предложение о досрочных выборах не прошло.

Однако вместо конструктивного взаимодействия на основе двухстороннего диалога, проведения переговоров для разрешения возникающих противоречий в стране возникла острая конфронтация между исполнительной (президентской) и законодательной ветвями власти, которая переросла в открытое противостояние Президента и парламента. В итоге Б. Н. Ельцин пошел на разгон парламента (хотя такого права по действовавшей в то время Конституции РСФСР он не имел) и применение силовых мер (сентябрьско-октябрьские события 1993 года).

Президентская сторона и приверженцы радикально-либеральных взглядов видели в трагических событиях в Москве большой исторический смысл. По их мнению, в сентябре – октябре 1993 года рухнул последний оплот социалистического политического устройства. Система Советов в лице их высших органов – Верховного Совета и Съезда народных депутатов – явилась, по мнению сторонников этой точки зрения, дестабилизирующим по своей природе фактором, наследием тоталитарного (советского) государства и препятствием на пути успешных радикально-либеральных реформ.

Диаметрально противоположная оценка сентябрьско-октябрьским событиям 1993 года давалась теми, кто находился в оппозиции Президенту. Они характеризовали применение силовых мер и разгон парламента как государственный переворот, направленный против молодой российской демократии, системы разделения и механизмов сдерживания и противовеса властей, против легитимного конституционного строя и законности в стране. Цель этого переворота состояла в сосредоточении власти в руках Б. Н. Ельцина и утверждении в России авторитарного режима, призванного обслуживать интересы чиновничества и компрадорской части крупного капитала.

Действительно, несмотря на противоречия в конституционном устройстве молодого демократического государства, в годы, предшествовавшие трагическим событиям осени 1993 года, в стране все-таки существовало пусть и несовершенное, но реальное

разделение и хрупкий баланс властей. Представительная власть, обладавшая значительным объемом полномочий, являлась серьезным противовесом исполнительным структурам власти. Шел процесс институционализации президентской власти и становления системы независимого правосудия. Однако существование трех достаточно самостоятельных и равноправных ветвей власти, конфликтный, но цивилизованный, протекавший в рамках закона, диалог между ними и другие нормы парламентской демократии стали препятствием для авторитарных тенденций складывающегося политического режима.

Некоторые современные ученые характеризуют события осени 1993 года как локальную гражданскую войну, носившую ограниченный во времени и пространстве характер. Этот «московский эпизод гражданской войны» не привел к масштабному столкновению противостоящих друг другу социальных сил, а проявился в рамках борьбы за власть без участия гражданского общества между различными постсоветскими политическими кланами и элитами, интересы которых представляли Президент и Верховный Совет. Финалом процесса борьбы за перераспределение власти стало вооруженно-силовое разрешение парламентско-правительственного кризиса, инициированное Б. Н. Ельциным.

После драматических событий сентября – октября 1993 года российское общество находилось в состоянии страха, растерянности и апатии. Данное обстоятельство создавало благоприятную социально-психологическую почву, чтобы оперативно принять и ввести в действие новую Конституцию, осуществив это без какой-либо широкой публичной делиберации, диалога и общественного обсуждения. Принятая в спешном порядке новая Конституция закрепила в России новую конструкцию власти, новый конституционный порядок, базовые институты и механизмы осуществления политического процесса. Их сущностью стало установление гипертрофированной по своим полномочиям Президентской власти и приоритета исполнительной власти в целом, в том числе над представительной властью. Каркас власти, утвердившийся в России, по словам О. Н. Смолина,

это «демократический по форме, но авторитарный по содержанию политический режим» Б. Н. Ельцина [359, с. 203–204].

Конституция резко сузила prerogatives российского парламента, то есть Государственной Думы, и существенно ограничила роль высшей судебной власти, выводя их взаимодействие с Президентом и исполнительной властью за рамки диалога ветвей власти, обоснованному Ш. Монтескье и присущего странам с демократическим механизмом осуществления политической власти в правовом государстве. Дело в том, что новая конструкция власти, закрепленная в Конституции 1993 года, представляла собой крайне несбалансированную политико-правовую систему.

Над всеми тремя ветвями власти как бы возвышался Президент. Этим институт Президентства отчетливо ассоциировался с режимом монархической власти в Российской империи, различавшейся с ней разве что только своей выборностью. По мнению Б. А. Исаева и Н. А. Баранова, этот конституционный дизайн «имеет глубокие корни в институциональной и политико-культурной традиции моносубъективности власти, то есть сосредоточение властных ресурсов в одном персонифицированном институте при сугубо административных функциях всех других институтов» [159, с. 189].

Конституция 1993 года предоставила российскому Президенту колоссальные права и полномочия в области внутренней и внешней политики. Согласно тексту новой Конституции он овладел правом отлагательного вето в отношении решений представительной власти – Федерального Собрания. Для преодоления президентского вето в каждой из палат нужно было собрать не менее 2/3 голосов. Вероятность отмены Президентского вето при такой жесткой квоте голосов резко снижалась или практически равнялась нулю. По Конституции Президент получал право роспуска Государственной Думы. Помимо исполнительной власти Президент получил по Конституции очень большую законодательную власть – он не только владел правом законодательной инициативы, но и мог издавать указы, имеющие силу законов.

В отличие от Президента, Государственная Дума как законодательный орган теперь была ограничена крайне узким кругом полномочий. «Она не несла никакой ответственности за принимаемые законы и решения, не имела контрольных функций. В отличие от большинства демократических стран российский парламент не имел права формировать правительство. Его полномочия, в том числе и нормотворческие, могли быть присвоены президентом» [327, с. 88]. Дальнейшее развитие событий, по мнению историка Н. Н. Разуваевой, показали, что если до осени 1993 года Б. Н. Ельцин «все же время от времени соблюдал какой-то демократический ритуал: отчитывался перед съездами народных депутатов, представлял Верховному Совету кандидатов в правительство, участвовал в обсуждении законопроектов, то после событий 1993 года он отбросил даже слабые механизмы “коллегальности”. К концу 90-х годов президент не проводил никаких общественных консультаций и перешел к единоличному принятию решений» [328].

Консультативные и совещательные органы при Б. Н. Ельцине существовали лишь на бумаге и фактически не играли никакой роли или даже не функционировали вообще. Так, Президентский консультативный совет (ПКС) – постоянно действующий совещательный орган при Президенте РФ был образован распоряжением Б. Н. Ельцина от 3 апреля 1992 года. Этим же распоряжением было утверждено положение об этом Совете и его персональный состав. А уже в феврале 1993 года он был упразднен самим же его создателем. М. Н. Полторанин, первый министр печати в российском Правительстве, в своем рассказе о деятельности консультативного совета при российском Президенте, вспоминал: «На заседании... обычно выступают 5–6 человек. Ельцин молчит, а затем скажет 8 слов и поступит по-своему» [328].

11 октября 1993 года распоряжением Б. Н. Ельцина была создана Общественная палата Конституционного совещания для политических консультаций «по широкому кругу социально-политических вопросов». Ее основной задачей была определена выработка предложений, изменяющих и дополняющих

проект Конституции страны. В палату входили представители зарегистрированных Минюстом политических партий, массовых движений, общественных и молодежных организаций, предпринимательских объединений, религиозных конфессий, ассоциаций органов местного самоуправления и общероссийских профсоюзов.

16 февраля 1994 года, после принятия Конституции, на основе этого органа Б. Н. Ельцин создал Общественную палату при Президенте РФ. Палата включала в себя 250 представителей общественных объединений, где партии составляли всего лишь 7 % от ее членов. Решения Общественной палаты оформлялись в виде рекомендаций, которые передавались главе государства. «Смыслом ее работы должен был стать постоянный диалог общества и власти по самым актуальным вопросам», – пишет журналист Л. Андрусенко [7]. По свидетельству С. Г. Кара-Мурзы, Общественная палата при Б. Н. Ельцине был «хорошо финансируемый, но абсолютно бессмысленный орган, в котором заседала в основном интеллигенция», где «собирались люди совершенно аполитичные и безответственные и говорили, как им Бог на душу положит» [7].

После президентских выборов 1996 года Общественная палата прекратила свое функционирование. А 25 июня 1996 года был образован другой совещательный орган – Политический консультативный совет при Президенте РФ. В его состав входили представители политических партий, общественных движений, профсоюзов, предпринимательских союзов, религиозных организаций. Совет консультировал главу государства по социальным, экономическим и политическим вопросам, хотя задумывался как медиатор между федеральными органами государственной власти и общественными объединениями. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, «особой роли он тоже не играл, и все называли его “карманным” органом, но видимость политического плюрализма была налицо» [7].

Постепенно Б. Н. Ельцин практически перестал ездить по стране, встречаться с гражданами и разговаривать с людьми. Его публичные встречи и появления на телеэкране, если и не

прекратились, то резко сократились и пошли на убыль. Редкие публичные выступления перед особо подобранной аудиторией шли по заранее срежиссированному сценарию под бдительным контролем Президентской Администрации. Глава службы безопасности Президента А. В. Коржаков впоследствии вспоминал: «...чем хуже чувствовал себя Президент, тем сильнее раздражали его жаждущие общения граждане. Особенно если кто-то задавал неприятные вопросы» [190, с. 332].

Д. Я. Травин в очерках по истории либерализма в новейшей России пишет о том, что даже «весьма грамотные гайдаровские реформы осуществлялись вне, какого бы то ни было диалога с реформируемым народом» [391, с. 78]. Это же можно сказать и о чубайсовской ваучеризации и приватизации, которые фактически были навязаны обществу свыше, даже без попытки установить хоть какое-то подобие двухсторонней коммуникации: власть – граждане. А ведь демократия, «если она не культивирует диалог, компромиссы, согласие, то, – как пишет М. А. Краснов в своей книге по исследованию персоналистского режима в России, – перестает быть собственно демократией» [197, с. 158].

В период правления первого Президента РФ в стране появилось большое количество НКО, которые финансировались в основном за счет зарубежных грантов. Правительство РФ не осуществляло какой-либо целенаправленной политики в отношении быстро растущего сектора НКО. Но и не мешало его становлению, развитию и функционированию. «Предложение гражданских организаций наладить партнерские отношения ради решения проблем общества не получило в 1990-е гг. заметного развития, распространения и реализации, – пишет М. А. Молокова. – В то же время Президент Б. Н. Ельцин и другие ведущие политики страны всегда декларативно заявляли о своей поддержке формирующегося гражданского общества» [230, с. 201].

По мнению О. Ю. Малиновой, «главной отличительной чертой публичной сферы ельцинской поры был конфликтный плюрализм» [213, с. 69]. В этот период в публичном пространстве, хотя и шла борьба за общественное мнение, в которой принимали

участие различные акторы, но государственная власть «не проявляла стремления остаться единственным игроком на этом поле» [213, с. 70]. В этот период сохранялось ранее сложившееся критическое отношение значительной части СМИ к органам государственной власти. Это обстоятельство повлекло за собой существенный подрыв доверия со стороны населения к государству как основному институту власти. В то же самое время органы власти практически перестали реагировать на критику со стороны масс-медиа, что, естественно, не способствовало установлению опосредованного СМИ диалога государства и гражданского общества.

К тому же появление большого числа коммуникативных центров влияния, нередко обслуживавших партикулярные политические и экономические интересы, повлекло за собой развертывание на территории Российской Федерации широкомасштабных информационных войн. Различные группы влияния получили возможность артикулировать свои интересы на уровне государственной власти посредством манипулирования общественным сознанием, в первую очередь с помощью принадлежащих или подконтрольных им средств массовой информации. Характерными для данного периода времени стали такие явления, как утрата единой государственной информационной политики и использования эффективных механизмов влияния государства на формирование и трансформацию общественного сознания. Изменение механизмов и модели информационного взаимодействия власти и общества в 1990-е годы имело не только позитивные, но негативные моменты, которые выступали в качестве дестабилизирующего фактора во взаимоотношениях общества и власти.

В процессе массмедийного диалога связь от общества к государству приобрела весьма специфический характер в силу того, что сформированный посредством манипуляции социальный запрос общества к власти на самом деле нередко являлся опосредованным СМИ запросом именно тех олигархических сил, которые активно использовали доступные им информационные каналы с целью лоббирования своих частных интересов. «Слив» компромата, «черный» PR, информационное противоборство и публич-

ная конкуренция в информационном пространстве различных олигархических группировок превратили массмедийный диалог в инструмент борьбы за получение влияния над общественным мнением, а следовательно, и в механизм воздействия на государство через обратную связь от общества к власти. Сформированные таким образом массовые установки и общественные запросы к власти зачастую не имели ничего общего с объективными интересами гражданского общества, а отражали российский вариант олигархических интересов крупного бизнеса и спекулятивного капитала.

Более того, общество стало своего рода ресурсом во взаимоотношениях государства и артикулировавших свои интересы олигархических кланов, которые при этом еще и апеллировали к «общественному мнению», сформированному ими же самими. Можно констатировать, что в сформированной модели информационного взаимодействия и ограниченного диалога между властью и обществом появилось промежуточное звено, состоящее в основном из привилегированных олигархических групп, в интересах которых, нередко, и использовался этот коммуникативный механизм во взаимоотношениях между государством и его гражданами.

Возникла достаточно серьезная угроза вытеснения государственной власти из информационного пространства страны на его периферию. А это, в свою очередь, могло повлиять и на уровень информационной безопасности государства в целом. Данное обстоятельство вызвало необходимость корректировки политического дискурса власти, бизнеса и общества и формирования новой модели их информационного взаимодействия [64].

ГЛАВА 9

Институционализация диалога государства и гражданского общества в публичной политике современной России

9.1. Первоначальный этап институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России: противоречия и проблемы

Первоначальный этап институционализации диалога государства и гражданского общества охватывает собой отрезок российской истории, хронологически связанный с избранием В. В. Путина Президентом РФ и проведением первого Гражданского форума в ноябре 2001 года. Завершением этого, достаточно противоречивого этапа институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России, и, одновременно, началом второго этапа институционализации диалога мы признаем публичные протестные акции конца 2011 – начала 2012 годов. На митингах и других акциях, в процессе оппозиционного дискурса в адрес российской власти «повзрослевшее» гражданское общество артикулировало общественный запрос на отказ от симулятивных форм диалога и объективно назревшую необходимость перехода к полноценной и равноправной диалогической интеракции между государством и гражданским обществом современной России.

9.1.1. Диалогический нарратив публичного дискурса В. В. Путина и имитационные практики диалога государства и гражданского общества

31 декабря 1999 года произошла добровольная отставка Б. Н. Ельцина, а 26 марта 2000 года Президентом РФ был избран В. В. Путин. Именно при нем, несмотря на ряд существенных противоречий и одновременное проявление двух диаметральных трендов – к диалогизации и монологизации – в постсоветской России начался реальный процесс институционализации диалога государства и гражданского общества. Исследуя диалогический нарратив В. В. Путина, следует отметить, что проблема диалога государства и гражданского общества стала одним из важнейших лейтмотивов его политического дискурса, в том числе ежегодных посланий Президента Федеральному Собранию РФ.

В. В. Путин впервые выступил с таким обращением 8 июля 2000 года. И уже тогда глава страны заявил: «Политика, построенная на основе открытых и честных отношения государства с обществом, защитит нас от повторения прежних ошибок, явится базовым условием нового общественного договора» [314, с. 3]. М. А. Молокова, комментируя эти слова, отмечает: «Президент подчеркнул, что власть в нашей стране готова идти на диалог с гражданским обществом» [230, с. 201]. Эта же интенция красной нитью проходит и в других его публичных политических выступлениях.

В День России 12 июня 2001 года Президент В. В. Путин впервые встретился с представителями общественных некоммерческих негосударственных организаций России. В мероприятии, длившимся более двух с половиной часов, приняли участие представители 28 некоммерческих общественных объединений.

Открывая встречу, Президент заявил, что власть в России «достаточно окрепла, чтобы поддерживать и обеспечивать демократические права и свободы граждан, и готова это делать». Поэтому он желает, чтобы в нашей стране «власть и общественные организации были союзниками», чтобы «сложился позитивный диалог власти и гражданского общества». В. В. Путин сообщил

присутствующим, что в Министерстве юстиции уже зарегистрировано около 300 тысяч общественных организаций и подчеркнул, что все эти общественные структуры созданы вне зависимости от власти, и в этом их «основная ценность» [311]. Если предположить, что хотя бы половина из них добивается уставных целей, то это – «уже большая сила», заключил Президент. Так он риторически пригласил гражданское общество к совместной работе над реформированием России.

Кроме этого, на первой встрече с общественностью В. В. Путин «предложил созвать осенью текущего года Всероссийский конгресс общественных организаций, с тем, чтобы на этом конгрессе рассмотреть вопрос взаимоотношения власти и общественных организаций и проблемы становления гражданского общества» [311]. В целом, можно сказать, что данное мероприятие послужило определенным импульсом к развороту государства в сторону гражданского общества и стало первоначальным, хотя и достаточно противоречивым, этапом институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России.

21 ноября 2001 года – на открытии Гражданского форума в Москве – В. В. Путин выступил с пространной речью, где впервые в своей политической карьере очень подробно остановился на крайне актуальной для современной России проблеме взаимоотношений, взаимодействия и диалога государства и гражданского общества. Как подчеркнул глава государства, российское гражданское общество пока нельзя считать окончательно сформированным. По его мнению, даже в условиях развитой демократии вряд ли найдутся страны, где процесс формирования гражданского общества является окончательно завершенным. В России же этот процесс еще только-только начинается.

В. В. Путин попытался развеять витавшее в умах значительной части гражданского общества мнение о том, что якобы российское «государство пытается подмять под себя гражданское общество, сделать его управляемым». При этом он особо подчеркнул, что «гражданское общество не может быть сформировано

по инициативе власти, по ее желанию или указке». Поэтому перед государством, стоит «только одна задача – сформировать максимально благоприятную среду для его развития» [313]. Ведь без партнерских отношений между властью и гражданским обществом не может быть ни сильного государства, ни процветающего, благополучного общества.

Для по-настоящему партнерских отношений между государством и гражданским обществом крайне необходимы отлаженные механизмы равноправного диалога и обратной связи. «Диалога на равных», – как подчеркнул В. В. Путин. И добавил, конкретизируя эту важную и очень верную мысль: «И мы осознаем, что эффективность этого диалога в значительной степени зависит от нас, от представителей власти, от власти в целом. В этой связи мы готовы пойти на необходимые и организационные и, если потребуется, законодательные меры; готовы обеспечить эффективную “обратную связь” общества с госаппаратом». Поэтому государство готово «внимательно слушать и слышать» то, что говорит общество.

Такое сотрудничество, по словам В. В. Путина, может стать очень продуктивным, следовательно, оно просто необходимо для российского государства. Ведь по-настоящему демократичным государство сможет стать только при сильном и самостоятельном гражданском обществе. Только личная свобода и общественная активность способны «обезопасить государственную машину от инертности, а ее аппарат – от застоя» [313]. Власть сильно проиграет, если ее партнером окажется слабое и «несвободное» общество. И самым неудачным решением были бы попытки бюрократизации его институтов. Копирование методов работы государственных структур здесь явно не годится» [313].

В Президентском послании в 2005 году тема диалога получила новое продолжение. На этот раз В. В. Путин поднял, если так можно выразиться, проблему коммуникативной компетенции российской бюрократии, то есть умения чиновников устанавливать взаимодействие с обществом, владеть навыками демократического общественно-политического дискурса, вос-

принимать и понимать гражданских партнеров по диалогу и общаться с ними на паритетной основе. «Быть с обществом в ответственном диалоге – политически целесообразно, – заявил Президент. – И поэтому современный российский чиновник обязан учиться разговаривать с обществом не на командном жаргоне, а на современном языке сотрудничества. Языке общественной заинтересованности, диалога и реальной демократии» [316].

В 2007 году в послании Федеральному собранию В. В. Путин опять возвращается к ставшей уже традиционной теме диалога государства и гражданского общества. По словам В. В. Путина, его предшественник на посту Президента РФ Б. Н. Ельцин считал исключительно важным «прямой, открытый диалог с людьми. Считал необходимым выносить на публичное обсуждение и проблемы, и приоритеты государственной политики. И видел в этом один из значимых инструментов объединения общества, инструментов реальной демократии». Такой диалог должен иметь место и в новых политических условиях на основе паритетной интеракции институтов гражданского общества и государства современной России. «В условиях демократии невозможно представить себе политический процесс без участия неправительственных объединений, без учета их мнений и позиций, – отмечает В. В. Путин. – Такой диалог сегодня последовательно развивается, в том числе при конструктивном содействии Общественной палаты...» [317].

Позднее, уже будучи в третий раз избранным Президентом России, на официальном торжественном приеме в честь Дня России 12 июня 2012 года В. В. Путин заметил, что успешная модернизация экономики, политической системы и в целом общественных отношений «требуют от власти всех уровней открытости и постоянного диалога с обществом, особого внимания к решению проблем, которые волнуют граждан нашего государства». И далее: «... жаркие дискуссии – норма для свободной демократической страны, а именно такой курс выбрал наш народ... Поэтому важно слышать и уважать друг друга, стремиться к взаимопониманию и находить компромисс, объединять общество вокруг позитивной созидательной повестки» [318].

К середине 2000-х годов реальная политика государства по отношению к гражданскому обществу при сохранении прежней интенциональности дискурса приобрела новый тренд. В этот период оформились этатистские и патерналистские тенденции в коммуникации государства и институтов гражданского общества РФ, которые, отчасти, давали себя знать еще ранее в 2000–2003 годах.

Внутри «третьего сектора» произошла дифференциация на такие общественные организации, которые заняли резко критическую и даже, отчасти, конфронтационную позицию по отношению к властным структурам и проводимой ими внешней и внутренней политике. Противоположную позицию заняли общественные структуры, принявшие предложенные государством новые условия и формы диалога с властью.

Кроме этого, стали появляться и НКО другого типа, которые изначально были ориентированы на содействие и поддержку власти, а иногда и созданные по инициативе государственных органов. В западных странах подобные организации получили название GANGO (Government administrated NGO) – управляемые властью НКО. Именно с такого рода общественностью российская власть предпочитает вступать в диалог, понимая под ним коммуникацию государства и гражданского общества.

Нарративный анализ публичного политического дискурса и ряда личных дискурсивных практик В. В. Путина свидетельствуют о том, что глава российского государства осознает особую актуальность и значимость диалога государства и гражданского общества для политической стабильности и дальнейшего поступательного развития социума. Однако сопоставление нарратива публичного дискурса и реальной практики диалогического взаимодействия государства и гражданского общества, вскрывают существенные расхождения между желаемым идеалом и реальным положением дел. Поэтому не только президентский дискурс о важности диалога между государством и гражданским обществом характеризуют этот первоначальный этап институционализации диалога. Меняются и сами практики личного общения

Президента РФ с обществом, а вместе с этим характер коммуникации и всей государственной власти в целом. Интерактивность дискурса, диалогичность общения становятся фирменными чертами инновационных коммуникативных практик В. В. Путина.

Так, 24 декабря 2001 года Президент России В. В. Путин провел свой самый первый диалог в прямом эфире с гражданами страны, получивший официальное наименование «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение». Вопросы принимались в течение нескольких дней перед выступлением Президента. А затем в «прямом эфире» Президент страны отвечал на них в интерактивном формате опосредованного массмедийного диалога с населением страны. С тех пор эта форма общения со страной стала ежегодной традицией. При этом с каждым разом время общения В. В. Путина с россиянами и количество поступивших вопросов все более и более увеличивались.

Этот формат диалога с населением страны – «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» – стал традиционной ежегодной телепередачей, выходящей на телеканалах «Россия 1», «Россия 24», «РТР-Планета», «Мир» и «Russia Today»; радиостанциях «Радио России», «Вести FM» и «Маяк»; интернет-сайтах «Вести.ru» и «Moskva-putinu.ru». Начиная с 2008 года, В. В. Путин стал проводить свой ежегодный телевизионный марафон в качестве главы правительства. А затем, после избрания на третий срок в марте 2012 года, интерактивные практики общения в диалогическом режиме в статусе Президента В. В. Путина были продолжены.

15 декабря 2011 года состоялся десятый, юбилейный, «прямой эфир». В. В. Путин общался со зрителями 4 часа 33 минуты. В конце программы он заявил, что продолжит свой разговор в следующем году, даже если он станет Президентом. Первоначально «разговор с Путиным» планировалось провести в ноябре 2012 года. Однако 31 октября 2012 года стало известно, что в этом году Президент В. В. Путин не собирается вступать в теледиалог с гражданами. Позже пресс-секретарь В. В. Путина сообщил, что это «вовсе не означает, что президент отказывается от этого формата». Просто, по словам Д. С. Пескова, ставший доброй традицией интерактив-

ный диалог власти и общества, решили перенести на более теплое время года. А взамен его была анонсирована в самом конце уходящего 2012 года большая пресс-конференция «для федеральных, региональных, а также международных СМИ» [306]. И действительно, 20 декабря 2012 года пресс-конференция, ставшая восьмой по счету, была проведена президентом, в ней приняли участие более двухсот представителей российских и зарубежных СМИ.

25 апреля 2013 года состоялась одиннадцатая встреча в прямом эфире. При этом количество обращений граждан в адрес В. В. Путина превысило 3 миллиона человек. Характерно, что телевизионный диалог с гражданами сам В. В. Путин считает наиболее эффективной формой коммуникации. «Это очень хороший формат, – сказал глава государства, отвечая на вопросы журналистов по окончании «прямой линии» 27 сентября 2005 года. – Это дает возможность сориентироваться по проблемам, которые волнуют людей. Это хороший ориентир в практической работе» [326].

Российские исследователи отмечают диалогический характер инновационных коммуникативных практик В. В. Путина. В то же самое время нельзя не согласиться и с точкой зрения, что его диалог с обществом отчетливо асимметричен. Как отмечает К. П. Рамузино, ученый из Миланского государственного университета, в общении Президента с обществом всегда присутствуют «иерархическое неравновесие, асимметричность между участниками коммуникации». В результате чего в таком институциональном диалоге, как «прямая линия» с В. В. Путиным, он как субъект диалога, обладающий большим социальным статусом, нежели чем другие субъекты дискурса, всецело доминирует над другими участниками диалога [329].

При этом под асимметрией путинского диалога мы подразумеваем несоразмерность коммуникативных позиций его акторов, которая ограничивает дискурсивные возможности всех других участников intersубъективного взаимодействия по отношению к В. В. Путину, который, в силу своего статуса, занимает в этом диалоге доминантную коммуникативную позицию. По сути дела, ни один из акторов диалога, единожды задав вопрос президенту

и получив на него ответ, уже больше не может играть роль субъекта диалога и исключается из продолжения дискурса, когда следующий ход публичного диалога переходит к следующему участнику коллективного диалога с первым лицом государства. Это значит, что комментировать ответ, возражать, спорить, выдвигать контраргументы или же даже публично солидаризироваться с точкой зрения В. В. Путина ни один из участников дискурса, выполнившего свою вопросительно-коммуникативную функцию, уже больше не может. Именно такой теледиалог – нечто вроде огромной пресс-конференции для всего общества в целом – излюбленный формат диалога, характерный для интерсубъективной коммуникации с обществом. При этом еще следует учитывать фактор реального, а не виртуального адресата, в качестве которого выступает не конкретный индивид, задающий тот или иной вопрос, а весь социум в целом, которому адресован в действительности ответ президента в его публичном диалоге.

В режиме, если так можно выразиться, ограниченно симметричного диалога проходят встречи президента со своими сторонниками, членами ОНФ, лидерами парламентских партий. Так, к примеру, на всю страну по телевидению транслировалась встреча В. В. Путина с молодежными активистами из лагеря Селигер, состоявшаяся 3 августа 2013 года, где присутствовали и общались с президентом не только члены проправительственных молодежных организаций, но и их коллеги из КПРФ, Справедливой России и т. д. Здесь общение уже не ограничивалось возможностью задать президенту вопрос и получить на него ответ. Здесь участники встречи, в соответствии с регламентом, могли задать дополнительный вопрос, прокомментировать ответ главы государства и даже не всегда согласиться с ним. Президент слышал и понимал молодежь, она – слышала и понимала В. В. Путина [229а].

Коммуникативное неравенство между участниками дискуссии осталось, но симметрия в данном диалоге уже присутствовала. Правда неполная, но и могла ли она в подобной ситуации быть полной? Ведь это не предвыборные дебаты, где нормативно все участники равны и никто не имеет преимуществ не перед кем.

И количество таких дискурсов, где коммуникативные позиции участников диалога, если и не равны, то, по крайней мере, сближаются друг с другом, все более возрастает.

При этом, конечно, следует иметь в виду, что власть, в том числе государственная и политическая, по своей природе всегда асимметрична и иерархична. В отличие от государства, устроенного на основе вертикальных отношений, в гражданском обществе доминируют горизонтальные коммуникации, связи и отношения. Поэтому государство, имманентно сохраняя эндогенную асимметрию, в сфере экзогенных коммуникаций, в том числе с гражданским обществом, использует приближающийся к нормативному идеалу диалог симметричного типа. Тем более что симметрия диалога, в том числе и PR-диалога, заключается не только (в примерном, а в принципе объективно не измеримом и не сопоставимом) равенстве дискурсивных позиций участников коммуникации, но еще и результатах такого социального взаимодействия.

Если коммуникативные цели достигнуты, если участники взаимодействия обоюдно удовлетворены его результатами, то такой диалог вполне можно считать симметричным. То есть даже при сохранении социального неравенства и властной иерархии, такой взаимовыгодный для его субъектов диалог вполне можно считать симметричным по его конечным (стратегическим или же по прагматическим) коммуникативным результатам. Следовательно, диалогическая симметрия или асимметрия – это довольно субъективные критерии оценки идеальной или нормативной модели диалога, как двухстороннего субъект-субъектного коммуникативного взаимодействия.

9.1.2. Дискурсивные практики взаимодействия государства и гражданского общества: 2000-е годы

К моменту вступления В. В. Путина в должность Президента РФ в стране сложилась ситуация, которая, несмотря на определенные успехи в развитии, выражалась в слабости неформальных институтов гражданского общества и проявлялась в быстром переходе СМИ к обслуживанию крупнейших групп интересов,

в первую очередь олигархического капитала, в отсутствии навыков у сотрудников госаппарата поддержания двухсторонней коммуникации с социумом, в социокультурных традициях монологии политического управления и т. д.

В связи с этим Президентом В. В. Путиным были предприняты решительные шаги по централизации и укреплению государственной власти. Новая модель управления государством получила название «вертикаль власти». Как утверждает Ю. А. Нисневич, в идеологическом аспекте российская власть стала, действуя «агитационно-пропагандистскими методами массового информирования и информационного манипулирования, внедрять в сознание российских граждан эклектичные идеи и ценности этатизма» [241, с. 5]. Для этого властью используются разнообразные идеологические маркеры: возвращение советских символов, имитация ритуалов российской империи, установление новых государственных праздников и памятных дат, придание Русской православной церкви де-факто статуса государственного института, распространение идей «великой России, встающей с колен», «особой русской цивилизации» и другие.

В поисках ответов на злободневные вопросы о причинно-следственных связях явлений и событий, происходящих как внутри страны, так и за ее пределами, и о роли и месте России в современном мире российскому обществу предлагаются якобы все объясняющие и при этом предельно примитивные отсылки, с одной стороны, к особенностям «русского менталитета», а с другой – к неважно какому мировому, американскому, сионистскому, китайскому или исламистскому «заговору против России» [241, с. 5].

Эти процессы сопровождались этатизацией общества. Этатизм, как известно, это особая идеология, которая «оправдывает всевластие и позволяет укреплять позиции, приватизировавшей государственную власть политической и кадровой бюрократии, позволяет бюрократии внедрять в общественное сознание отождествление ее с государством и объявлять врагами государства всех, кто выступает против установленного ею политического и государственного режима» [241, с. 5]. Так, этатизм стал поли-

тико-идеологическим обоснованием процесса формирования в России так называемой вертикали власти.

Обычно под построением «вертикали власти» понимают комплекс мер по укреплению исполнительной власти всех уровней с целью централизации управления. По сути, «вертикаль власти» – это иерархический тип управления, при котором взаимодействие осуществляется разнонаправлено по единой «линии власти» с ключевыми узлами: муниципалитет, органы власти субъекта федерации, федеральный центр. Возведение вертикали власти обосновывалось необходимостью укрепления российской государственности, пошатнувшейся после «парада суверенитетов» и олигархизации власти.

В то время как подавляющая часть российского социума довольно безразлично относилась к укреплению монологической власти первого лица государства, либеральная и демократическая часть общества восприняла этот процесс как наступление на гражданские права и возрождение былого авторитаризма.

Построение «вертикали власти» представляет собой перераспределение государственно-властных полномочий для приведения их в систему жестких иерархических взаимодействий и связей. Это осуществляется за счет использования в политических целях всех типов административного ресурса государственной власти и соответствующих кадровых назначений. На вершине всей иерархической пирамиды государственной власти располагается институт президентской власти, который полностью доминирует и концентрирует в себе основные государственно-властные полномочия.

Возведение президентской вертикали власти, начатые еще Б. Н. Ельциным, сопровождавшееся существенным ущемлением гражданских и политических, в первую очередь избирательных прав населения, общество встретило крайне пассивно. Так инверсионная волна, связанная с массовым разочарованием общества в либеральных реформах и демократических институтах, создала благоприятную почву для возрождения симпатий населения к идеям державности, государственности, социальной

защищенности, патернализма, традиционализма, консерватизма, патриотизма, национальной идентичности, самости, ностальгии по былому геополитическому могуществу СССР и так далее. Этот общественный запрос, отчасти, уже осознавался Б. Н. Ельциным и его окружением. Но практическое воплощение такие традиционалистские общественные ожидания нашли в деятельности официального преемника первого Президента.

Еще 28 февраля 2000 года на встрече со своими доверенными лицами В. В. Путин впервые озвучил свой тезис «равноудаленного положения всех субъектов рынка от власти», дав СМИ термин обозначения своего нового курса в отношении крупного бизнеса – «равноудаление олигархов». В результате три основных телевизионных канала – ОРТ (Первый канал), «Россия» (РТР) и НТВ – стали принадлежать либо государству, либо Газпрому, полностью подконтрольному российской власти. Серьезному давлению со стороны государства подверглись и другие средства массовой информации, прежде занимавшие независимые или даже критические позиции по отношению к государству и власти.

25 октября 2003 года по обвинению в нарушениях, допущенных в ходе приватизации ЗАО «Апатит», был арестован, а затем и осужден владелец «НК «ЮКОС»» М. Б. Ходорковский. Уголовное преследование «началось вскоре после того, как он заявил о том, что будет финансировать оппозиционные партии – СПС, «Яблоко» [309]. Вслед за этим принимаются «меры устрашения» и в отношении ряда других, «слишком самостоятельных», с точки зрения власти, олигархов.

«Путин был прав, когда пытался найти выход из ельцинского олигархического капитализма, – пишет Л. Ф. Шевцова. – Правда, у него было всего два варианта: перейти к бюрократическому капитализму и окончательно развязать руки аппарату, либо... строить конкурентный, состязательный капитализм с опорой на гражданское общество. Путин выбрал первый вариант» [421а, с. 50]. Так «выборное самодержавие» Б. Н. Ельцина, постепенно, но все более отчетливо трансформировалось в «бюрократический авторитаризм» В. В. Путина. Власть от олигархов постепенно перетекла

к чиновникам, а поле публичной политики, гражданского диалога и самодеятельности граждан становились все уже и уже.

В. В. Путиным и его окружением в процессе укрепления государственной власти была осуществлена глубокая корректировка ранее сложившейся модели информационного взаимодействия власти и общества. Это выразилось в таких практических действиях со стороны государственной власти на массмедийном рынке, как:

- установление государственного контроля за всеми наиболее влиятельными и крупными информационными ресурсами страны;

- возрастание роли государства в формировании информационной повестки и массмедийного контента, доводимого до населения страны;

- противодействие деятельности информационных каналов, контролируемых оппозиционно или нелояльно настроенными по отношению к государственной власти группами влияния;

- росте интенсивности информационно-пропагандистского воздействия на общество со стороны государства;

- существенной корректировке содержания информации, доводимой до общества;

- восстановлению ряда механизмов информационного контроля за деятельностью СМИ со стороны власти;

- деполитизацией общественно-политического вещания на ТВ и заменой серьезных аналитических, дискуссионных и политических программ различными псевдодискуссионными и квазиполитическими, а, по сути дела, манипулятивными ток-шоу или массовыми развлекательно-увеселительными передачами и т. д.

Теперь масс-медиа используются государством и его структурами при помощи сервильных представителей интеллигенции «для оправдания собственной политики и откровенно манипулируют общественным мнением», жестко контролируя и формируя «политическое содержание дискурса» [365, с. 17]. Гражданам принадлежит лишь «роль пассивных потребителей информации, которым только иногда разрешается высказываться

(да и то с учетом того, что эти мнения не будут учитываться при принятии решения)» [365, с. 17].

В результате вертикализации власти, предпринятой В. В. Путиным, действительно были существенно деформированы горизонтальные основания коммуникативно-диалогической структуры еще только формирующегося и крайне слабого гражданского общества. В отличие даже от ельцинской эпохи, после начала создания В. В. Путиным властной вертикали, в стране существенно «сократилось число площадок, на которых могут публично обсуждаться и оспариваться альтернативные политические проекты» [213, с. 70]. А уцелевшие или созданные государством новые каналы коммуникации и диалоговые, точнее, псевдиалоговые, площадки «приобрели сугубо демонстративный характер». Стилистически ведущие политические дискурсы приобрели крайне официозный, символический и даже манипулятивный характер. Плюрализм публичной сферы сузился, хотя в целом все-таки сохранился, но формализовался и попал под контроль государственной власти. Оппозиция постепенно все более вытесняется за пределы публичного и массмедийного политического дискурса и маргинализуется. Открытый и честный политический диалог, свободные и «альтернативные дискурсы вытесняются на периферию» [213, с. 70].

Фактологический анализ показывает, что «правлящий в России режим держит под жестким контролем все федеральные и региональные электронные и печатные СМИ с массовой аудиторией и, прежде всего, федеральные каналы телевидения и радиовещания, используя их исключительно для агитации и пропаганды в своих интересах и целях, – пишет Ю. А. Нисневич. – Дозированная и ограниченная свобода мнений допускается только в СМИ, не имеющих массовой аудитории, но и такие СМИ находятся под контролем аффилированных с властью экономических групп» [243, с. 10].

Середина первого десятилетия 2000-х годов характеризуется значительной корректировкой государственной политики не только по отношению к СМИ, но и к НКО, составляющими

важнейшую субстанцию современного гражданского общества. Для понимания произошедших перемен и причин появления в конце 2005 года с последующими корректировками нового законодательства об НКО, существенно усиливавшего государственный контроль деятельности общественных организаций, необходимо учитывать процессы, произошедшие за пределами России. И прежде всего в странах СНГ, а также ту роль, которую сыграли в этих процессах международные фонды и местные НКО.

Речь идет о феномене «цветных революций», которые произошли в Грузии осенью 2003 года, в Украине – зимой 2004 года, в Киргизии – весной 2005 года, а позднее и в ряде государств Ближнего Востока. Во всех этих странах произошла смена политического режима во время проведения выборов. Выяснилось также, что большинство организаций, сыгравших важную роль в этих процессах, получали зарубежную финансовую поддержку и помощь в виде всевозможных грантов. Эти обстоятельства, на наш взгляд, привели к тому, что в России власть стала воспринимать НКО, получающие зарубежное финансирование, как потенциальную опасность и угрозу для политической стабильности общества.

Поэтому 10 февраля 2007 года в своей речи в Мюнхене на международной конференции по вопросам политики безопасности В. В. Путин сказал об этой проблеме так: «Когда эти неправительственные организации финансируются, по сути, иностранными правительствами, то мы рассматриваем это как инструмент иностранных государств в проведении политики в отношении нашей страны» [319]. Заметив при этом, что Россия заинтересована в том, чтобы развивалось свое гражданское общество, «чтобы оно ругало власти, критиковало, помогало власти определять свои собственные ошибки, корректировать свою политику в интересах людей» [319]. Поэтому, по словам В. В. Путина, Россия будет и поддерживать гражданское общество, и финансировать неправительственные организации.

Подготовленные в спешном порядке законопроекты, предоставившие государству возможности для досконального контроля

над деятельностью НКО, были восприняты как очередной шаг к сворачиванию демократических процедур и принципов. Часть наиболее одиозных положений законопроекта была удалена. Однако в 2012 году законодательство, регулирующее деятельность российских НКО, было дополнено навешиванием ярлыка «иностранных агентов» на неправительственные структуры, получавшие финансовую помощь от зарубежных спонсоров.

В конце 2012 года координатору «Левого фронта» и одному из лидеров несистемной оппозиции С. А. Удальцову была инкриминирована противоправная связь с Г. Торгомадзе, одним из идеологов и политтехнологов «цветных революций» на постсоветском пространстве. С. А. Удальцов, как это было продемонстрировано авторами фильма «Анатомия протеста – 2», показанном 5 октября 2012 года на телеканале НТВ, не только встречался с Г. Торгомадзе, но даже будто бы финансировался и организовывал беспорядки в Москве по заказу и под прямым руководством этого политтехнолога из Грузии.

В. В. Путин и ранее упрекал оппозиционеров в том, что они якобы «шакалят у иностранных посольств», то есть, с его точки зрения, находятся на содержании Госдепа США. А в послании Федеральному собранию РФ от 12 декабря 2012 года Президент акцентировал: «Деятель, который за свою политическую деятельность получает деньги из-за границы и обслуживает тем самым наверняка чужие национальные интересы, не может быть политиком в Российской Федерации» [324].

Важным, но в тоже время спорным и противоречивым шагом на пути становления гражданского общества и институционализации его диалога с государством стало формирование Общественной палаты РФ, учрежденной в соответствии с Федеральным законом от 4 апреля 2005 года. Появление данного закона было связано с реализацией замысла по усилению связи гражданского общества с органами государственной власти. Общественная палата была призвана стать площадкой для широкого общественного диалога, где должны были представляться и обсуждаться гражданские инициативы, осуществляться

общественный контроль над институтами публичной власти, обеспечиваться обратная связь между гражданами и государством. Приняв решение о создании Палаты, государство тем самым «признало недостаточность имеющихся в России институтов гражданского общества, непрочность связи гражданского общества и органов публичной власти, необходимость расширения форм контроля народа за государством» [437, с. 146].

Общественная палата была создана по инициативе государства, но механизм ее формирования достаточно долгое время подвергался обоснованной критике в связи с нерепрезентативностью ее членов, большинство из которых туда делегировалось не организациями гражданского общества, а, прежде всего, самой властью. В итоге 23 июля 2013 года Президент РФ подписал Федеральный Закон «О внесении изменений в Федеральный Закон «Об Общественной палате Российской Федерации». В соответствии с этим документом был изменен порядок формирования Общественной палаты РФ с целью повышения качества представительства в ней институтов гражданского общества, а также демократизации процедуры ее формирования с использованием прямого волеизъявления граждан и расширения участия региональных общественных структур. Теперь Общественная палата формируется из 40 граждан Российской Федерации, утверждаемых Президентом Российской Федерации, 83 представителей общественных палат субъектов РФ и 43 представителей общероссийских общественных объединений.

7 декабря 2006 года был принят Закон Костромской области № 92-4-ЗКО «Об Общественной палате Костромской области», в соответствии с которым в марте 2007 года начала свою деятельность Общественная палата Костромской области первого созыва.

Общественная палата Костромской области призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан РФ, общественных объединений, органов местного самоуправления и органов государственной власти для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения безопасности личности, общества и государства,

защиты конституционного строя государства и демократических принципов организации гражданского общества в РФ. 15 апрель 2013 года начала работу Общественная палата Костромской области четвертого созыва.

В настоящее время этот институт гражданского общества при всем его несовершенстве является по сути дела наиболее активным и востребованным каналом диалога между региональной государственной властью и региональным гражданским обществом Костромской области [112]. На базе этой диалоговой площадки регулярно осуществляется общественная экспертиза проектов нормативных региональных правовых актов по наиболее значимым вопросам установленной сферы деятельности (социальная сфера, трудовые отношения, здравоохранение, образование и т. д.). В своей работе Палата стремилась привлечь граждан и общественные объединения к реализации государственной политики, поддержке гражданских инициатив, имеющих областное или общегосударственное значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений. Итогом такой совместной работы являлась выработка рекомендаций органам государственной власти Костромской области в вопросах, оказывающих влияние на развитие гражданского общества в регионе, состояние благополучия различных слоев и социальных групп населения.

В качестве положительного примера, когда Общественная палата выступила в роли создателя эффективной диалоговой площадки можно привести ситуацию, сложившуюся в связи с решением проблемы общедолевого имущества (ОДИ) в многоквартирных жилых домах города Костромы. Дело в том, что нормы Российского законодательства, наделившие граждан обширным объемом прав как собственников многоквартирных жилых домов, зачастую не реализуются. А предоставленная Жилищным кодексом гражданам возможность самостоятельного управления своим жилищем не может быть реализована при отсутствии во владении собственников дома самого предмета управления – общего имущества собственников многоквартирного дома.

На уровне городских и поселковых муниципальных образований с середины 1990-х годов сложилась практика, когда общее долевое имущество собственников многоквартирных домов отчуждалось третьим лицам. Продавались или сдавались в аренду помещения водомерных узлов и тепловых пунктов, электрощитовых, колясочных, лифтерных, диспетчерских и даже мусоросборные камеры. И вплоть до 2012 года наличие системной проблемы нарушения прав собственников ОДИ не признавалось органами власти муниципальных образований и государственной власти Костромской области. Жалобы граждан или их объединений не находили поддержки.

22 августа 2012 года состоялось пикетирование здания отдела муниципального имущества, расположенного на площади Конституции в городе Костроме. Участники этой протестной акции потребовали отмены назначенного на 29 августа аукциона по продаже технических подвалов, колясочных и лифтовых помещений, а также возврата общего долевого имущества отчужденного муниципалитетом в многоквартирных домах города. Драйвером в этой предконфликтной ситуации со стороны собственников жилья выступил А. П. Пинчуков, председатель правления НКО «Костромская региональная ассоциация ТСЖ и ЖСК».

4 сентября 2012 года на заседании совета Общественной палаты Костромской области был рассмотрен вопрос «О соблюдении прав на общее долевое имущество собственников многоквартирных жилых домов города Костромы в ходе приватизации и отчуждения администрацией города нежилых помещений, расположенных в жилых домах и имеющих признаки общего долевого имущества в соответствии со статьей 36 Жилищного кодекса Российской Федерации». Заслушав и обсудив доклады председателя правления Костромской региональной ассоциации ТСЖ и ЖСК А. П. Пинчукова и исполняющего обязанности начальника Управления территориального планирования, городских земель, градостроительства, архитектуры и муниципального имущества администрации города Костромы А. В. Логутова, Совет ОПКО принял рекомендации. В частности, администрации города Костромы было рекомендовано:

1. Приостановить реализацию с торгов спорных помещений, расположенных в многоквартирных жилых домах.

2. Прекратить включение в состав муниципальной собственности новых помещений в многоквартирных жилых домах, имеющих признаки общей долевой собственности.

3. В целях недопущения нарушений прав граждан в отношении использования имущества, относящегося в соответствии со статьей 36 Жилищного кодекса Российской Федерации к общему долевому имуществу собственников помещений многоквартирных жилых домов, выявления таких помещений, на которые зарегистрировано право собственности города Костромы, и принятия решения о их передаче собственникам помещений многоквартирных жилых домов, создать экспертную комиссию, в состав которой включить представителей администрации и Думы города Костромы, организаций собственников жилья, специалистов строителей, экспертов и членов Общественной палаты.

4. Экспертной комиссии в первоочередном порядке организовать проверку объектов, включенных в план приватизации муниципального имущества города Костромы на 2012 год, и спорных помещений на предмет соответствия их критериям общего долевого имущества собственников помещений многоквартирных жилых домов, изложенным в статье 36 Жилищного кодекса Российской Федерации [311].

Благодаря этому решению администрацией города Костромы была создана специализированная диалоговая площадка в виде комиссии для пересмотра статуса нежилых помещений, оформленных в собственность муниципалитета и расположенных в многоквартирных жилых домах. В процессе состоявшихся обсуждений приватизация ОДИ была сначала приостановлена, а затем и вовсе прекращена. Кроме этого, некоторые из ранее приватизированных помещений были признаны помещениями, относящимися к общему долевому имуществу собственников многоквартирных домов, и впоследствии возвращены в распоряжение жильцов дома.

Впрочем, существует и масса других примеров, которые свидетельствуют о достаточно формальном характере функциониро-

вания Общественной палаты Костромской области, впрочем, как и в других регионах России, в том числе среди ее ближайших соседей, в Курской и Ярославской областях.

Чуть ранее, чем в Костромской области, был принят закон Курской области «Об Общественной палате Курской области» № 57-ЗКО от 22 июля 2005 года. А в 2006 году в Курской области была создана Общественная палата, куда вошли видные курские ученые, деятели культуры, представители деловых кругов, религиозных конфессий. Основной целью новой структуры стало осуществление общественного контроля над деятельностью органов государственной и муниципальной властей, выработка собственных рекомендации при определении приоритетов социально-экономического и политического развития региона, а также проведение слушаний по общественно значимым проблемам.

Еще в 2007 году члены Общественной палаты Курской области, признавая позитивное значение и явную необходимость включения в общественно-политическую сферу институтов гражданского общества, наличие накопленного опыта в сфере взаимодействия власти и общества, констатировали, «что многие граждане, в том числе люди с активной социальной позицией, оказались не готовы к внедрению принципов действия демократии на конкретной курской земле». А сложившаяся практика диалога с гражданским обществом в лице Общественной палаты Курской области еще «далека от идеала, который бы хотелось видеть во взаимоотношениях власти и общества»: региональная власть, по мнению членов палаты, привлекает гражданских активистов «к обсуждению уже на итоговой стадии принятия закона». Эта проблема особенно актуальна при осуществлении общественного «контроля за исполнением областного бюджета», в предварительном обсуждении которого, еще на стадии формирования, должны, по мнению членов Общественной палаты Курской области, участвовать «не только депутаты и чиновники, но и граждане» [252].

Закон Ярославской области № 50-з «Об Общественной палате Ярославской области» был принят Ярославской областной

думой 30 сентября 2008 года. Общественная палата Ярославской области является постоянно действующим консультативным совещательным органом, который обеспечивает взаимодействие между гражданами России, проживающими на территории Ярославской области, с федеральными, региональными и муниципальными органами власти РФ в целях защиты прав и свобод граждан, удовлетворения их потребностей и интересов, а также защиты демократических принципов развития гражданского общества [254].

Общественные палаты нередко создаются в откровенно симулятивных целях, без наличия в них объективно необходимой потребности, для создания видимости якобы широкого распространения диалоговых площадок институционализации диалога власти и организаций гражданского общества. Так, в Ярославской области общественные палаты были созданы во всех муниципальных районах и городских округах региона, за исключением лишь одного муниципального образования, категорически отказавшегося создавать данную диалоговую площадку.

Однако количество таких площадок не привело к качественным изменениям в сфере диалогической интеракции государства и гражданского общества. «Сформированные в области диалоговые площадки при их более пристальном анализе демонстрируют, как правило, свою неэффективность и неспособность выполнения возложенных на них функций» [160, с. 89]. При этом органы власти, регулирующие процесс формирования и персональный состав палат, еще и «стремятся избежать включения в их состав активно работающих, отстаивающих свою позицию лидеров общественного сектора» [160, с. 89]. Эти и другие факты, как утверждает Е. И. Исаева, свидетельствуют о существующем как в Ярославской области, так и в других регионах России, включая Костромскую и Курскую области, формальном и симулятивном подходе к созданию сети диалоговых площадок, которые принципиально «не способны содержательно выполнять возложенную на них миссию», что, в свою очередь, «влияет на доверие граждан к работе любых диалоговых механизмов» [160, с. 90].

Новейшие мировые тренды эволюции политики убедительно демонстрируют, что качество управления государством и перспективы развития социума напрямую зависят от степени и характера вовлеченности его граждан и институтов гражданского общества в процесс управления государством. Практика показывает, что государство, как ведущий актер в пространстве публичной политики определяет степень вовлеченности и формы участия гражданского общества в государственном и муниципальном управлении, а также в дискурсивном принятии соответствующих политических решений. «Причем, – подчеркивает А. И. Соловьев, – даже у демократических государств существует лишь определенный круг возможностей для поддержания диалога власти с обществом в сфере управления (и до своего предела, т. е. установления гражданского надзора за властью дело, как правило, доходит лишь в условиях резкого кризиса легитимности)» [365, с. 16].

Доминирующее положение государства в политической системе общества и в интеракции с гражданским обществом присуще и для России, причем в силу социокультурных традиций в гораздо большей степени, нежели в других поставторитарных государствах, находящихся в процессе демократического транзита. Однако вертикаль власти и «сложившийся в двухтысячных годах правящий режим постепенно сформировали такую модель взаимодействия государства и общества, которая отличается принципиальной нетерпимостью к гражданскому участию в процессах власти и управления» [365, с. 16]. Данная интенция обозначила себя перманентным «умерщвлением» любых независимых от власти субъектов, механизмов и институтов гражданского диалога и репрезентации во власти общественных интересов. Среди них наиболее важными являются:

– Электоральные процессы, которые перестали выступать в качестве поля публичной политической конкуренции, дебатов, полемики и селективного механизма для отбора и делегирования гражданским обществом во власть своих представителей с целью выражения и артикуляции на основе полноценного диалога с государством политических интересов, ожиданий и предпочтений.

– Сужение реального партийного рынка, который теперь представлен в Государственной Думе РФ лишь тремя политическими партиями (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), способными предложить альтернативу «партии власти» («Единой России»), фактически являющейся продолжением исполнительной (президентской) власти и используемой государством в качестве манипулятивного политического «инструмента» и «рупора» в сфере публичной политики и политической коммуникации.

– Утрата НКО (в связи с введением новых законодательных норм подавления гражданской активности) политической инициативы и самостоятельности для дискурсивно-диалогического влияния и воздействия на власть и на принимаемые ей решения.

– Маргинализация внепарламентской и несистемной оппозиции в результате ее последовательного вытеснения властью с поля публичной политики на периферию и категорического отказа государства от вступления с ней в равноправный и симметричный политический диалог.

– Симулякризация публичной политики путем создания властью псевдиалоговых площадок, сведения телевизионных политических дебатов до уровня шоу, создания фиктивных институтов гражданского общества, нерепрезентативных и откровенно зависимых от государства.

– Непрозрачность власти, ее неподконтрольность гражданам и безответственность перед обществом, отсутствие механизмов отзыва депутатов и глав всех уровней «вертикали власти» населением соответствующих территорий.

– Отсутствие нормативной базы, законодательно регулирующей, регламентирующей и институционализирующей систематическое диалоговое взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества, контроль общественности за деятельностью власти и формы их взаимодействия в процессе выработки и принятия политических решений.

В результате жесткого администрирования властью сферы публичной политики, возможности свободного публичного политического дискурса оказались существенно ограничены. «По-

литический формат диалога государства и общества оказался подмененный административным регулированием, а временами и прямым полицейским надзором, – констатирует сложившуюся в России коммуникативную ситуацию А. И. Соловьев. – В этой атмосфере нетерпимости к гражданскому участию переговорные технологии, способы вовлечения общества в дела государства, дискурсивные практики и прочие приемы совместного ведения общественных дел (складывавшиеся в хаосе 90-х) оказались разрушенными, либо так и не сформировались» [365, с. 17].

Сохраняя контроль над федеральными телеканалами и другими ведущими СМИ, государство монопольно формирует политическую повестку дня, профилирует по своему усмотрению тематику редких политических дискуссий, избирательно освещает или замалчивает неприятные для себя события, селектирует состав участников постановочных дебатов и политических дискурсов, манипулирует фактами, запугивает и поощряет внутреннюю самоцензуру журналистов и неформальных активистов гражданского общества и т. д.

Эти информационные стратегии дополняются активной политической риторикой руководства страны, в том числе с помощью дискурса о диалоге, имеющего достаточно условное отношение к реальной политической практике диалогического взаимодействия государства и гражданского общества и к институционализации равноправного, а не симулятивного диалога между ними. Эти, по сути дела, софистические заявления о готовности власти к диалогу сопровождаются элиминацией и выдвиганием как системной, так и внепарламентской оппозиции из информационного пространства, публичной компрометацией ее лидеров и криминализацией оппозиционных сил с помощью информационных, административных и репрессивно-силовых ресурсов власти.

Массовое использование постановочных и симулятивных технологий свидетельствует на данном этапе институционализации диалога не о желании власти наладить двухстороннее взаимодействие с гражданским обществом, а о превращении по-

литического медиамеджмента и манипулятивных коммуникативных технологий в главное дискурсивное орудие укрепления политической власти и ее «стабильности». Эта интенция со стороны власти сопровождалась курсом на профилактику и снижение оппозирующих настроений, поощрением публичного проявления лояльности и демонстративного выражения чувств преданности со стороны определенным образом ориентированной части общества.

Благодаря этому на руководящие государственные и политические должности выдвигаются не наиболее компетентные и подготовленные кадры, а карьерно настроенные личности, вроде И. Р. Холманских из Нижнего Тагила, Е. Н. Лапшиной из Иваново, Д. В. Травкина из Ульяновской области и ряда других. Многие деятели культуры, испытывая зависимость со стороны государства, вынуждены, якобы выступая от лица гражданского общества, публично выступать в поддержку действующей власти, получая взамен финансовые вливания и другие преференции (Е. Мионов, Ч. Хаматова и др.).

Именно с такого рода представителями общественности у В. В. Путина и у других представителей власти наиболее продуктивно выстраивался диалог. В отличие, к примеру, от явно неудавшегося диалога с известным рок-музыкантом Ю. Шевчуком, который 29 мая 2010 года поинтересовался у В. В. Путина, до каких пор власти будут разгонять «Марши несогласных». Данный вопрос вызвал у В. В. Путина, непривыкшего к такой прямой и откровенной манере общения, что-то вроде замешательства. Хотя чуть позднее, в интервью «Агентству Франс Пресс» и телеканалу «Франс 2» накануне своего визита во Францию, В. В. Путин назвал этот диалог, показанный по всем телеканалам, свидетельством существования демократии в современной России [325].

В целом можно сказать, что имитационные коммуникативные схемы пардиалогического дискурса государства и общества на начальном этапе институционализации диалога «выступают как сознательно конструируемая оболочка власти, инструмент ее самолегитимации и пролонгации установленным режимом по-

рядков». Благодаря этому в современном российском обществе начала складывается «подпольная публичность», означающая «перенос идейных споров, конкуренции программ и идеологий на неофициальный уровень (как, например, в позднесоветское время – на кухни, неформальные кружки, семинары, самиздат, диссидентские сходки, полупулегальные музыкальные вечера и т. д.), происходит формирование квазипубличного пространства» [366, с. 121].

При этом следует заметить, что публичная власть, по крайней мере, в лице В. В. Путина вполне владеет ораторским искусством, умеет вести публичный диалог и отвечать даже на самые острые и каверзные вопросы, однако коммуницирует лишь со «своими», не снисходя до участия в политическом дискурсе с оппонентами, критиками, а тем более политическими противниками. За все время существования института президентской власти – ни Б. Н. Ельцин, ни В. В. Путин, ни Д. А. Медведев – ни разу не приняли участия в предвыборных телевизионных дебатах наравне с другими претендентами на должность главы государства.

Об отношении к диалогу со стороны чиновников из высшего эшелона власти свидетельствует фраза, вошедшая в анналы российской истории и приписываемая Б. В. Грызлову о том, что Государственная Дума – это не место для дискуссий. В действительности же 29 декабря 2003 года, в день избрания председателем Государственной Думы РФ, отвечая на вопрос депутата Е. Драпеко о том, как «Единая Россия» собирается поддерживать межфракционный внутриполитический диалог, если в члены совета Госдумы предлагается ввести не лидеров фракций, Б. В. Грызлов сказал, согласно стенограмме заседания, следующие слова: «Мне кажется, что Государственная Дума – это не та площадка, где надо проводить политические баталии, отстаивать какие-то политические лозунги и идеологии, это та площадка, где должны заниматься конструктивной, эффективной законодательной деятельностью» [373]. Однако журналисты сократили эту мысль до фразы «парламент не место для дискуссий», которая прочно закрепились в сознании общества.

Не случайно С. Е. Нарышкин 21 декабря 2011 года в день избрания его новым спикером ГД РФ тут же заявил, что в новом составе парламента будет создана атмосфера для дискуссий. «Мое твердое убеждение в том, что, действительно, парламента – это место для самых серьезных и конкретных дискуссий», – заявил С. Нарышкин, выступая на первом заседании Госдумы шестого созыва. При этом он подчеркнул, что, поскольку парламента состоит из четырех партий, которые представляют интересы и мнения разных слоев населения, то «дискуссия просто необходима» [235]. При этом, по мнению С. Е. Нарышкина, основной площадкой для политического диалога должен быть парламента, а не уличные акции.

Кстати, позиция Б. В. Грызлова – это не какое-то печальное исключение, а вполне реальное отношение значительной части российской политической элиты к диалогу и дискуссии. Так, 4 июня 2012 года в Общественной палате РФ прошли слушания о насущной необходимости принятия федерального закона «О предупреждении и профилактике насилия в семье», член Общественной палаты РФ О. Н. Костина безапелляционно заявила своим оппонентам: «У нас здесь не место для дискуссий!» [253].

А ведь дискуссия – это тот же публичный диалог, в котором стороны стремятся выработать единое мнение, достигнуть соглашения по обсуждаемому вопросу. «Если единогласие достигнуто, дискуссия оканчивается» [428, с. 99]. В ходе дискуссии могут возникнуть споры, полемика, но цель не может состоять в победе над противником, иначе дискуссия будет безрезультатной (например, международные переговоры проходят именно в виде дискуссий: стороны выясняют позиции друг друга, достигают компромисса, если это возможно, и подписывают общий документ – меморандум, коммюнике, договор и т. п.).

К. Шмидт дает такое определение парламентской дискуссии: «Дискуссия означает обмен мнениями, главная цель которого состоит в том, чтобы рациональными аргументами убедить противника в некоторой истине и правильности, либо же дать убедить в истине и правильности себя самого» [425, с. 8]. Непременными предпосылками парламентской дискуссии, по мнению этого мыс-

лителя, должна быть внутренняя готовность парламентариев, чтобы дать себя убедить, их независимость от партийных обязательств и свобода от эгоистических интересов.

9.1.3. Коммуникативная инноватика Д. А. Медведева в диалоге государства и гражданского общества

Д. А. Медведев в период своего президентства старался быть предельно диалогичен с обществом. Об этом свидетельствует его программная статья «Россия вперед!», опубликованная 10 сентября 2009 года в интернет-издании «Газета.Ru» [222]. В ней он представил на суд общества своё представление о будущем развитии России и сформулировал задачи, которые предстоит решить в течение своего президентства. Сам Д. А. Медведев считал свою статью своеобразным меседжем в надежде установить с обществом продуктивный диалог и собрать на этой основе конкретные предложения.

В статье «Россия, вперед!» Д. А. Медведев заявил о необходимости сделать политическую систему «предельно открытой, гибкой», адекватной «динамичной, подвижной, прозрачной и многомерной социальной структуре». Обновленная политическая система должна соответствовать «политической культуре свободных, обеспеченных, критически мыслящих, уверенных в себе людей» [222]. При этом Президент обращал внимание на то, что демократию, политические традиции и политическую культуру нельзя «импортировать» из-за рубежа, как нельзя слепо копировать чуждый социокультурной истории России политический опыт.

Обсуждение статьи Д. А. Медведева развернулось не только в интернет-сфере. «Собирая мнения, глава государства провел целый ряд встреч с представителями самых разных сфер, несколько совещаний с членами своей администрации и правительства. Их логическим завершением становились конкретные поручения правительству» [200].

Впрочем, в этом обсуждении, несмотря на инновационный характер президентской коммуникации, участвовали в основном

профессиональные политики, парламентарии, эксперты, журналисты и другие приближенные к власти сегменты политической элиты страны. По данным социологов из Центра Ю. Левады, 80 % респондентов, принявших участие в опросе, вообще ничего не слышали о статье «Россия, вперед!» Еще 7 % о президентской статье хотя и слышали, но не представляли, о чем в ней идет речь, еще 11 % знали, о чем написана медведевская статья, но сам текст ее не читали. И лишь только 3 % из числа опрошенных граждан прочитали адресованное к обществу послание президента [63].

Тем не менее, программная статья «Россия, вперед!» положила начало множеству дискуссий по поводу дальнейшего реформирования России и ее политической системы. В процессе этого инициированного Д. А. Медведевым публичного дискурса появилась масса проектов и инициатив как во властных кругах, так и среди оппозиции. Все они, так или иначе, в процессе этого сознательно спровоцированного диалога выводили, ни много ни мало на проблему судьбы России и путей ее дальнейшего общественно-политического и социально-экономического развития. Постепенно контекст этого дискурса стал определяться понятием модернизации, в том числе политической системы и ее коммуникативной подсистемы.

Д. А. Медведев первым среди высокопоставленных чиновников в России стал постоянно использовать блоги, в том числе и для обратной связи с гражданами, призвав российских чиновников последовать его примеру. Свой видеоблог на сайте «Президент России» (www.kremlin.ru) появился у главы государства уже в октябре 2008 года, за этим последовала регистрация в 2009 году президентского блога в «Живом журнале», самой популярной на тот момент блог-площадке Рунета. Интернет-аудитория идею нового Президента оценила: уже спустя несколько часов число читателей сообщества превысило 2,5 тысячи человек.

Апробированный еще В. В. Путиным жанр прямого диалога с народом также использовался в коммуникации с обществом и Д. А. Медведевым, правда, несколько в ином формате: более частотно, с гораздо меньшим количеством приглашенных жур-

налистов и с более скромным охватом аудитории. Так, только в течение 2009 года он «провел восемь встреч в формате нового диалогического жанра, а завершающим этапом стало обсуждение итогов года с руководителями трех каналов: “Первого” (Константином Эрнстом), “России” (Олегом Добродеевым) и НТВ (Владимиром Кулистиковым)» [194, с. 229].

В целом, как и прямое телевизионное общение В. В. Путина с народом, так и формат коммуникации Д. А. Медведева типологически представляют собой смешение унисонного типа диалога с его персуазивной разновидностью. Либо же является «особым видом информационного диалога», характеризующимся асимметрией сторон, и, одновременно, эффективным механизмом PR-воздействия на общественное сознание [194, с. 331, 330].

Ни в первом, ни во втором президентских посланиях Д. А. Медведев проблему диалога государства и гражданского общества вообще не поднимал. Однако впервые в практике публичного оглашения текстов посланий в России, в президентском послании 2008 года, он выстроил свое собственное выступление в жанре диалога. Так, Д. А. Медведев неоднократно цитировал выдержки из обращений и писем граждан, а также подчеркивал важность механизмов обратной связи.

Д. А. Медведев, в отличие от В. В. Путина, концепту «диалог» предпочитал понятие «обратная связь». В «прощальном» президентском послании Федеральному Собранию РФ 2011 года Д. А. Медведев очень кратко, но все-таки остановился на проблеме диалога. Свое выступление он начал, выразив «готовность к диалогу по всем вопросам» с только что избранной нижней палатой Федерального Собрания, которая днем ранее провела свое первое пленарное заседание. Но уже не в статусе Президента, а в качестве премьер-министра.

Совсем иной пассаж был адресован гражданским активистам и тем силам, которые, по его мнению, стоят за спиной оппозиции: «Право людей выразить своё мнение всеми законными способами гарантировано, но попытки манипулировать гражданами России, вводить их в заблуждение, разжигать в обществе

социальную рознь неприемлемы. Мы не дадим провокаторам и экстремистам втянуть общество в свои авантюры, не допустим и вмешательства извне в наши внутренние дела» [225].

В начале 2010 года на заседании Госсовета по модернизации политической системы Д. А. Медведев отметил, фактически возвращаясь к выдвинутой еще М. С. Горбачевым идее плюрализма: «Наше общество усложняется, оно неоднородное, многомерное, составляющие его группы ведут разный образ жизни, имеют разные вкусы и взгляды, в том числе и политические взгляды. Таким обществом не нужно пытаться командовать – с ним нужно сотрудничать» [373]. Политическая система должна «обновляться и совершенствоваться при сохранении консенсуса по стратегическим вопросам», в том числе по вопросам внешней политики, социальной стабильности, национальной безопасности, основ конституционного строя, охраны суверенитета страны, прав и свобод граждан, защиты права собственности, неприятия экстремизма, поддержки структур гражданского общества, всех форм самоорганизации, самоуправления.

В конце 2010 года, на совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике Д. А. Медведев конкретизировал эту мысль: «На первом месте в работе по поддержанию гражданского согласия, конечно, должен быть диалог, общение, сотрудничество, просвещение, терпеливое и кропотливое, подчас, может быть, очень сложное сближение позиций (по миллиметру буквально нужно стараться этого достигнуть) и только в крайнем случае – принуждение. В то же время ни в коем случае нельзя заигрывать с теми, кто диалога не хочет, кто действует враждебно в отношении всего общества» [225a].

На протяжении всего достаточно противоречивого этапа первоначальной фазы институционализации диалога государства и гражданского общества шел постепенный, но поступательный процесс увеличения степени открытости и прозрачности государства перед обществом. При этом под открытостью мы подразумеваем особого рода демократичность в сфере государственного

управления информацией, сущность которой состоит «в наличии правовой и фактической возможности у граждан и их объединений участвовать в формировании государственной политики, государственных и муниципальных управленческих решений и в контроле их исполнения» [32, с. 178–179]. Прозрачность же – это законодательно закрепленная и гарантированная доступность для граждан и их объединений достоверной информации о деятельности институтов государственного и муниципального управления [32, с. 179].

В Концепции административной реформы на 2006–2010 годы одним из важнейших направлений деятельности было выделено «повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и общества». Планировалось повышение информационной открытости органов власти, которые обязывались проводить публичное обсуждение социально значимых решений. Была поставлена задача по созданию действенных каналов влияния гражданского общества на подготовку и принятие решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, организаций и делового сообщества. Кроме этого, ставилась задача создания при органах исполнительной власти общественных советов [330].

Важной вехой в процессе роста открытости российского государства стало принятие в феврале 2009 году Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», направленного на обеспечение доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Этим нормативным правовым актом были установлены основные принципы предоставления информации гражданам и юридическим лицам [139].

Этим же законом был установлен единый порядок, минимальный объем и формы предоставления информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Основными источниками получения информации для граждан стали официальные сайты органов государственной и муниципальной властей.

В середине 2010 года вступил в действие федеральный закон, в соответствии с которым судебная власть в РФ открывала доступ к информации о деятельности судов на территории всей страны [140].

В 2010 году Государственной Думой РФ был принят закон, регулирующий взаимодействие между теми, кто получает и предоставляет услуги. В основу нового правоустанавливающего документа были новые механизмы обеспечения открытости в деятельности органов и организаций, предоставляющих услуги, доступности обращения за предоставлением государственных и муниципальных услуг, а также возможности их получения в электронной форме [141].

В общественно-политическом дискурсе Д. А. Медведева по проблемам коммуникации государства и общества большое внимание уделяется проблеме открытого правительства. Открытое правительство (или открытое государство) – это доктрина государственного управления, которая поддерживает право граждан на доступ к документам и действиям власти с целью возможности эффективного общественного контроля государственного регулирования. В наиболее широком изложении она противостоит попыткам легитимизации режима секретности и непубличности деятельности государственных структур, органов и отдельных публичных по своему официальному статусу политиков.

Российская интенция в области расширения открытости и прозрачности государства является широкой мировой тенденцией и включает множество тем и направлений, которые правительства современных демократических стран выбирают для себя как наиболее существенные. В то же время, ряд направлений присутствуют повсеместно и считаются неотъемлемыми для обеспечения публичности государства, для осуществления коммуникации и диалога власти, бизнеса и гражданского общества. К таким направлениям могут быть отнесены:

– *Прозрачное государство*. Прозрачность государства связана с обеспечением подотчетности власти гражданскому обществу. Прозрачность позволяет гражданам контролировать госу-

дарство и уменьшать коррупцию, взятки и иные должностные преступления.

– *Свобода информации.* Свобода доступа к государственной информации для граждан.

– *Открытые данные.* Открытые государственные данные. Свободное использование государственных данных разработчиками и сотрудниками НКО.

– *Открытый диалог.* Открытый диалог между гражданами и государством. Возможность граждан влиять на государственные структуры.

– *Открытый бюджет.* Открытость государственных расходов, включая государственные и муниципальные бюджеты, государственные закупки, госконтракты, гранты и субсидии.

– *Открытый парламент.* Открытость представительных органов власти, включая свободу доступа к парламентской информации, доступность парламентской информации в структурированном и открытом формате, понятность и публичность процедур принятия законов, вовлечение граждан в процессы разработки законопроектов [260].

Выступая на Петербургском международном юридическом форуме «Правовая политика в XXI веке: новые вызовы права в глобальном мире» 17 мая 2012 года, Д. А. Медведев пояснил, что главная задача открытого правительства заключается в том, чтобы «сделать процесс государственного управления как можно более прозрачным». Это должно произойти за счёт «постоянного и активного участия гражданского общества» и новейших информационных технологий, призванных, в свою очередь, обеспечить эффективную обратную связь в коммуникации власти и общества. По словам Д. А. Медведева, компромисс в решении тех или иных спорных вопросов может быть достигнут только тогда, «когда люди хотят друг друга слышать, когда они не только формально, но и фактически хотят понять позицию тех, с кем они участвуют в дискуссии» [223].

По утверждению Д. А. Медведева, политическое многообразие и прямое включение граждан в политические процессы на

текущем этапе российской истории не приведут к возвращению хаоса, а напротив, сделают государство и прочнее, и эффективнее. Особая роль в этом процессе будет принадлежать системе «Открытого правительства». Эта система должна будет включить в себя четыре основных элемента.

Во-первых, это будут механизмы постоянного и прямого информационного обмена между органами государственной власти, иными официальными структурами и гражданским обществом. Прозрачность власти, ее действий – основное условие взаимного доверия в обществе и эффективности государственной политики».

Во-вторых, чем шире вовлеченность граждан в дела государства, тем успешнее станет развиваться и политическая, и экономическая сфера жизни общества. Именно поэтому Д. А. Медведев считает целесообразным совершенствовать институт общественных и экспертных советов при органах исполнительной власти.

В-третьих, «открытое правительство» должно будет стать еще одним источником постоянной обратной связи между властью и обществом. В интересах самого государства «разрушить абсолютную монополию чиновников на разработку и оценку результативности собственной деятельности». Для этого, по словам Д. А. Медведева, «необходимо тщательно анализировать информацию СМИ, роль которых в этом процессе переоценить невозможно». Для реализации этой цели было задумано создание Общественного телевидения.

В-четвертых, Интернет и «открытое правительство» представляют собой прозрачную и простую, но в то же время эффективную систему оказания гражданам государственных и муниципальных услуг. Прежде всего «это касается повсеместного внедрения бесконтактных электронных технологий, минимизации документооборота, а также возможности оценки действий тех, кто такие услуги оказывает, и, конечно, быстрого решения возникающих проблем» [224].

В целом, деятельность на посту Президента РФ Д. А. Медведева способствовала укреплению и дальнейшей институционализации инновационных механизмов в сфере диалога государства

и гражданского общества на основе современных инфо-коммуникативных интернет-технологий. В этом плане трудно не согласиться с М. В. Гавриловой, совершенно справедливо отметившей отчетливую «тенденцию расширения диалогического общения с гражданами» в период президентства Д. А. Медведева [68, с. 36], который, на наш взгляд, продолжил ранее уже существовавший тренд к диалогизации дискурса власти и общества. Это, в свою очередь, способствовало дальнейшему закреплению, углублению, опривычению практик диалогического взаимодействия государства и гражданского общества на этом первоначальном этапе его институционализации. В то же самое время многие благие пожелания Д. А. Медведева, особенно в сфере реформирования политической системы, придания ей большей диалогичности на основе внедрения эффективных механизмов обратной связи, прозрачности, понятности, респонзивности, в целом, остались, не реализованы.

Рассматривая инновационные практики Д. А. Медведева с позиции институционализации диалога государства и гражданского общества, следует отметить большую технократичность в его подходе, нежели это было присуще для дискурсивно-диалоговых практик В. В. Путина и ориентировавшихся на него других представителей власти, включая региональных лидеров. Именно при Д. А. Медведеве получили практическое развитие такие диалогические институции, как:

– *«Информационное общество»* – государственная программа РФ (принята распоряжением Правительства России № 1815-р от 20 октября 2010 года), разработанная для создания целостной и эффективной системы использования информационных технологий, при которой граждане получают максимум выгод, в том числе для получения качественных информационных услуг для общения и диалога. Именно благодаря данной программе 4 марта 2012 года в режиме реального времени осуществлялась прямая трансляция с избирательных участков на последних президентских выборах. Эта программа, кроме всего прочего, предусматривает создание так называемого «электронного правительства»

преодоление цифрового неравенства и развитие новейших технологий связи и коммуникации.

– *Электронное правительство (e-Government)*, представляющее собой современный способ предоставления информации и оказания государственных информационных услуг гражданам, бизнесу, а также коммуникации между ними и различными ветвями государственной власти, государственными и муниципальными чиновниками. При этом личное взаимодействие между государством и потребителями информационных услуг будет минимизировано на основе использования информационно-коммуникативных технологий. Разработка и реализация этого проекта началась с 2008–2009 года. Но именно в период президентства Д. А. Медведева идея «Электронного правительства» стала внедряться в практику диалога и межсекторного взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества.

– *Общественное телевидение России (ОТР)* – российский федеральный телеканал общественного направления, идея создания которого была выдвинута Д. А. Медведевым еще 22 декабря 2011 года во время оглашения своего президентского послания. Официально вещание ОТР было начато с 19 мая 2013 года, в настоящее время данный телеканал испытывает большие финансовые трудности, имеет ограниченную зону вещания и распространения сигнала. К тому же некоторые известные российские общественные деятели и журналисты в настоящее время выступают за закрытие этого телеканала, например, В. В. Познер, несмотря на то, что являлся одним из разработчиков концепции ОТР, сейчас поддерживает идею закрытия телеканала [284].

ОТР, по замыслу его основателей, должно было стать новой диалоговой площадкой для обсуждения актуальных общественных проблем, свободной от диктата политической и коммерческой цензуры. Также целями и задачами телеканала являются просвещение и образование, развитие в России гражданского общества и пропаганда общечеловеческих моральных ценностей.

ОТР, без сомнения, потенциально может сыграть исключительно важную роль как для дальнейшего развития и укрепления

гражданского общества в современной России, так и для последующей институционализации его диалога государством. Однако в его современном состоянии с этой задачей ему вряд ли удастся справиться.

– *Общественное обсуждение законопроектов на специально созданном для этого сайте* (www.zakonoproekt2012.ru) – это платформа для публичного обсуждения законопроектов, позволяющая комментировать, оценивать и просматривать результаты обсуждения законопроектов. Именно на этой диалоговой площадке в тестовом режиме в 2010 и 2011 годах прошло публичное обсуждение ряда остро дискуссионных проектов федеральных законов: «О полиции» (209 124 человека) и «Об образовании» (109 125 участников) и др.

А 9 февраля 2011 года Д. А. Медведев подписал Указ «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», где зафиксировано, что проекты федеральных конституционных законов и федеральных законов, затрагивающих основные направления государственной политики в области социально-экономического развития РФ «по решению Президента Российской Федерации могут быть вынесены на общественное обсуждение» [282]. Для этого тексты законопроектов должны будут размещаться в сети Интернет на официальных или специально созданных для этого сайтах.

– *«Российская общественная инициатива» (РОИ)* – интернет-ресурс по представлению и голосованию по предложениям граждан Российской Федерации в сети Интернет. Эта диалогическая институция в России появилась уже после того как В. В. Путин сменил на посту Президента РФ Д. А. Медведева, но ее возникновение вполне укладывается в технократическую логику последнего по институционализации процесса коммуникации государства, бизнеса и гражданского общества.

История появления РОИ началась с публикации в газете «Коммерсант» от 6 февраля 2012 года статьи В. В. Путина «Демократия и качество государства». Здесь он, находясь еще в статусе кандидата в Президенты, предложил рассматривать в парламенте

гражданские инициативы, собравшие более ста тысяч подписей в Интернете. Затем, уже после избрания и вступления в должность Президента РФ, В. В. Путин 7 мая 2012 года подписал Указ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [403].

Еще одним основополагающим документом для институционализации РОИ стала «Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ для рассмотрения в Правительстве Российской Федерации предложений, получивших поддержку не менее 100 тыс. граждан Российской Федерации в течение одного года», подписанная Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым 28 августа 2012 года [192].

2 апреля 2013 года состоялась официальная презентация платформы РОИ для представителей общественности и средств массовой информации. Вслед за этим на самой платформе началось выдвижение, обсуждение и сбор голосов поддержки различных общественных инициатив. 10 июля 2013 эгалитарная и популистская по своей сути инициатива А. А. Навального о запрете дорогих машин для чиновников, первой на данном сайте набрала необходимые для практической реализации 100 тысяч голосов.

В целом, можно констатировать, что на первоначальном этапе институционализации диалога государства и гражданского общества были созданы определенные коммуникативные механизмы, диалоговые площадки и диалоговые институции, был принят ряд законодательных актов, повышающих открытость и прозрачность власти, а также институционализирующих процесс общения и взаимодействия власти с отдельными гражданами, общественными объединениями и коммерческим сектором. При этом инициатива в этом процессе в основном исходила от государственной власти. Государство, образно говоря, выступало в роли «садовника», формируя и институционализируя достаточно формализованную модель диалога, который зачастую носил откровенно симулятивный и имитационный характер, не

затрагивающий по-настоящему злободневные и острые социально-политические вопросы. Основными типами диалога государства и гражданского общества в этот период был персуазивный и информационный разновидности диалога.

Между акторами диалога присутствовала вполне отчетливая асимметрия с доминированием государства и отведением гражданскому обществу второстепенной роли, где специально подобранные участники дискурса должны были участвовать по преимуществу в диалоге-унисоне безконфликтного типа. Делиберативный диалог носил формальный характер. Публичные обсуждения, слушания, экспертизы и другие делиберативные процедуры никакой реальной роли в последующем процессе принятия решения со стороны власти не играли, поскольку изначально все уже было predetermined еще до начала делиберативных процедур.

Что касается полемического диалога, то он, как, в целом, любой оппозиционный и конфликтный дискурс, искусственно элиминировался и вытеснялся за пределы публичной сферы и массовой коммуникации.

9.2. Второй этап институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России: состояние дискурса и его перспективы

Начало второму этапу институционализации диалога государства и гражданского общества было положено протестными акциями конца 2011 – начала 2012 годов. Своеобразными вехами этого начавшегося, но еще не завершившегося, а длящегося по настоящее время этапа институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России стали попытки власти пересмотреть формат взаимодействия с оппозицией и рядовыми гражданами на основе большей симметричности интеракций. Важную роль в углублении процесса институционализации диалога сыграли разработка, обсуждение и последующее принятие федерального закона «Об общественном контроле

в РФ», а также организация в ноябре 2013 года Общероссийского гражданского форума, который, в отличие от Гражданского форума 2001 года, был проведен без участия власти и окончательно закрепил со стороны гражданского общества запрос на равноправную диалогическую коммуникацию с государством в диалогическом формате.

9.2.1. Избирательный цикл 2011–2012 годов и диалогический запрос общества к власти

Избирательный цикл 2011–2012 годов вывел на первый план в публичном политическом дискурсе государства и гражданского общества, власти и оппозиции концепт диалога. О необходимости диалога заговорили все: средства массовой информации, депутаты, бизнесмены, правозащитники, эксперты, аналитики, политологи, чиновники и даже простые граждане. О диалогическом дискурсе вспомнил средний класс и представители политической элиты, власть и ее политические оппоненты, церковь и даже полиция.

И, что самое важное, о налаживании реальной конструктивной коммуникации с гражданами задумалась представители высшего эшелона власти политической и деловой элиты, включая В. В. Путина и Д. А. Медведева. «Сегодня качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать, – заявил в одной из предвыборных программных статей В. В. Путин. – Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным. Нам надо обновить механизмы нашей демократии. Они должны “вместить” возросшую общественную активность» [313а].

В институционализации диалога государства и гражданского общества электоральный цикл 2011–2012 годов, а также следующие события сыграли крайне важную роль. В целом можно сказать, что либеральный тренд политического курса и демократическая коннотация политического дискурса Д. А. Медведева, ориентированного на технологизацию диалога государства с гражданским обществом, довольно сильно отличалась от умеренно-авторитарных интенций В. В. Путина в его диалогическом

нарративе. Все это породило у наиболее интеллектуальной и политически продвинутой части общества надежды на наступление новой «оттепели» и постепенной либерализации политического режима и его курса в сторону диалога с обществом.

Несмотря на кажущуюся устойчивость тандема, символизирующего, с одной стороны, государственно-патриотическое (В. В. Путин), а с другой, либерально-демократическое (Д. А. Медведев) единство двух инверсионных полюсов социума, придающее устойчивость всей властной структуре, в обществе все более и более стало возникать сомнение в политической дееспособности и самостоятельности Д. А. Медведева, планы и предложения которого по модернизации политической системы и развитию реального диалога власти и общества либо существенно корректировались, либо сходили на нет.

В 2010 году появился получивший достаточно широкую известность аналитический доклад ИНСОП «Россия XXI века: образ желаемого завтра», который тогда стал восприниматься чуть не как новый программный документ, который, развивая ряд идей статьи «Россия, вперед!», вполне мог быть положен в основу новой политической программы Д. А. Медведева при условии его выдвижения кандидатом на второй президентский срок. В докладе ИНСОПа была дана развернутая картина образа ожидаемого будущего России в случае последовательного проведения в стране либеральных реформ.

Одним из важнейших моментов, содержащихся в данном документе, является идея о необходимости перезапуска механизма политической конкуренции с тем, чтобы и рядовые граждане могли получить реальную возможность участия в определении политического курса страны. Взаимодействие государства и гражданского общества должно избавиться от образовавшихся в этой сфере коммуникативных тромбов, а вертикаль исполнительной власти должна обрести «умение вести диалог с оппозицией и адекватно реагировать на ее критику» [338, с. 52]. Модернизационные вызовы и необходимость обновления закостеневшей политической системы России «открытости, диалога с “потреби-

телями”», учета как их объективных интересов, так и субъективных оценок социальной справедливости предпринимаемых мер [338, с. 10].

В качестве негативного примера, когда отсутствие внятного диалога между властью и обществом привело к созданию ситуации противостояния конфликта, авторы доклада назвали эпопею с монетизацией льгот. Протесты же со стороны льготников были вызваны «не столько содержанием реформы, сколько методами ее проведения и “продажи” обществу» [338, с. 10], то есть, иначе говоря, протестное состояние общества предопределило наличие коммуникативных тромбов, состояние общественного дискурса и качество диалога государства и гражданского общества.

Однако уже летом 2011 года как лидерские, так и реформаторские амбиции Д. А. Медведева стали угасать. А по негласному указанию консервативно настроенной части партаппарата и верхушки проправительственной партии «Единая Россия» был фактически разгромлен ряд политических проектов либеральной оппозиции (отказ в регистрации партии ПАРНАС и скандальное удаление М. Д. Прохорова из «Правого дела»). При этом созданный В. В. Путиным «Народный фронт» приобрел отчетливо выраженную консервативно-охранительную политическую окраску. Еще ранее, на заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России от 22 января 2010 года, В. В. Путин, явно в пику к реформаторским планам Д. А. Медведева, заявил, что «любой эффективной политической системе должна быть присуща здоровая степень консерватизма». А потому и в России «политическая система не должна дрожать как жидкий студень, при каждом к ней прикосновении» [373].

Как известно, 24 сентября 2011 года на съезде «Единой России» Д. А. Медведев публично отказался от второго президентского срока и официально объявил о возвращении В. В. Путина. Для реформаторской части политической элиты и общества это решение стало шоком. «Оно фактически закрывало “окно возможностей” для политической модернизации “сверху”. Этот тренд терпел публичное политическое поражение, а его потенциальный

лидер демонстративно отказывался от своих претензий и переходил в стан охранителей, возглавив на выборах список «Единой России». Охранительная тенденция, казалось, праздновала свою победу» [4, с. 10]. Сентябрьская 2011 года «обратная рокировка» Медведев – Путин возмутила общество, окончательно разочаровав в третьем Президенте РФ и в реальности воплощения его коммуникативных инноваций.

Судьба модернизационно-диалогического тренда переместилась в гражданское общество, в сферу массовой политики, в сферу политики «снизу». Казалось, что для политической реализации этой тенденции «снизу» потребовались бы годы. Но динамика исторического развития преподнесла сюрприз – условия для формирования массовой политики модернизации «снизу» начали складываться уже через 2,5 месяца, на фоне морального поражения охранительно-консервативных сил на выборах 4 декабря. Свообразным «спусковым крючком» дальнейшего развития событий стали, как известно, масштабные фальсификации результатов выборов в Москве, Санкт-Петербурге и других регионах России.

Начиная с 5 декабря 2011 года, то есть уже на другой день после выборов в Государственную думу VI созыва, по России прокатились многократные массовые политические выступления граждан, несогласных с итогами выборов. Эти выступления продолжались и во время кампании по выборам Президента России и после состоявшихся 4 марта 2012 года президентских выборов, на которых В. В. Путин официально победил уже в первом туре. Участники акций заявляли, что как думские, так и президентские выборы сопровождались многочисленными нарушениями законодательства и массовыми фальсификациями.

Сначала на улицу вышли активисты несистемной оппозиции, затем к ним присоединились десятки тысяч москвичей. Эти выступления поддержал Санкт-Петербург и другие города и территории страны. Еще больше – по опросам, миллионы – одобрили эти протестные действия. Наиболее многочисленные акции (около 100 тысяч человек) состоялись в Москве 10 и 24 декабря

2011 года, 4 февраля, 6 мая (первый «Марш миллионов»), 12 июня (второй «Марш миллионов») и 15 сентября (третий «Марш миллионов») 2012 года.

Уже после первых акций протеста власть была вынуждена отказаться от предпринимавшихся поначалу силовых вариантов разрешения этой, по сути дела, конфликтной ситуации. В ответ на массовые акции против фальсификаций на парламентских выборах 4 декабря В. В. Путин уже 8 декабря 2011 года заговорил о диалоге, сказав на заседании федерального координационного совета «Общероссийского народного фронта» следующее: «Мы должны вести диалог с теми, кто оппозиционно настроен, дать им возможность высказаться, используя их конституционные права на демонстрацию, на формулирование своего мнения» [198]. При этом он подчеркнул: следует понимать, что часть организаторов протестных акций действуют по сценарию так называемых «цветных революций».

15 декабря 2011 года во время прямой телевизионной трансляции «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» премьер-министр В. В. Путин ответил на вопрос о протестных митингах: «Там были разные люди... свежие, интеллигентные, здоровые, энергичные лица людей, которые активно высказывают свою позицию. Еще раз могу повторить, что, если это результат путинского режима, меня это радует, радует, что появляются такие люди» [305]. Вместе с тем В. В. Путин заявил, что некоторые люди, вышедшие на митинг, делали это за деньги, а символ протеста – белую ленточку – он сравнил со средствами контрацепции [305].

Во время этой же «прямой линии» В. В. Путин процитировал фразу: «Идите ко мне, бандерлоги», – которая практически сразу стала одной из самых цитируемых в СМИ и в Интернете [305]. Эти комментарии и высказывания вызвали массу возмущения в либеральных изданиях, которые заодно с непосредственными участниками протестных акций вступили в опосредованный полемический диалог оппозиции с властью в лице В. В. Путина. Всплеск народного творчества в русле традиционной смеховой

культуры вызвал к жизни массу афоризмов, аллюзий, плакатов и других креативных форм стихийного творчества масс, использовавшихся в ходе протестных акций и в интернет-коммуникациях в социальных сетях.

В ответ на ширящееся протестное движение, новые митинги и выдвинутые требования в адрес власти возникла объективно необходимая потребность вступить в обоюдный диалог и попытаться дискурсивно преодолеть возникшее взаимонепонимание и обиды. И 28 декабря 2011 года последовала новая реплика В. В. Путина по поводу диалога с оппозицией. По словам В. В. Путина, митинговавшей на проспекте академика Сахарова оппозиции, следует сформулировать общую позицию, чтобы можно было понять, чего же она хочет. При этом глава Правительства заявил, что он пока не знает, но подумает над формой диалога с оппозицией. «Общая платформа есть? Ее нет. С кем разговаривать? Надо, видимо, разговаривать с каждым – по их претензиям, по их проблемам. Это требует осмысления», – заявил В. В. Путин [320].

Диалог власти и общества (оппозиции) это не только то, что публично демонстрируется или же говорится в процессе вербальной или невербальной коммуникации, но еще и то, что делается одной из сторон интеракции в ответ на поступивший запрос или в качестве ответной реакции на действия другой стороны. Это, к примеру, может выражаться как в либерализации, так и в ужесточении действующего законодательства, регламентирующего какие-либо общественно-политические акции, процессы, нормы и процедуры.

Например, явно в ответ на протестные акции Д. А. Медведев 22 декабря 2011 года в своем финальном президентском послании Федеральному собранию подчеркнул: «Я слышу тех, кто говорит о необходимости перемен, и понимаю их» [225]. Уходящий Президент заявил о том, что он, в ответ на общественный запрос на перемены, предлагает «комплексную реформу нашей политической системы». А именно:

– переход к выборам руководителей субъектов федерации прямым голосованием жителей регионов;

- введение упрощенного порядка регистрации политических партий (по заявке от 500 человек, представляющих не менее 50 процентов регионов страны);
- отмена необходимости собирать подписи для участия в выборах в Государственную Думу и в региональные законодательные органы;
- сокращение количества подписей избирателей, необходимых для участия в президентских выборах до 300 тысяч, а для кандидатов от не представленных в Государственной Думе партий – до 100 тысяч;
- введение пропорционального представительства по 225 округам для депутатов Государственной Думы (однако, не предлагалось избрание половины депутатов по мажоритарным одномандатным округам);
- изменение порядка формирования Центральной и региональных избирательных комиссий с расширением представительства в них политических партий;
- перераспределение властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов, увеличение источников доходов региональных и местных бюджетов (до 1 триллиона рублей);
- создание общественного телевидения.

При этом Д. А. Медведев пообещал незамедлительно внести соответствующие законопроекты на рассмотрение в Государственную Думу [225]. Законы, облегчающие регистрацию политических партий, вводящие прямые выборы глав исполнительной власти субъектов федерации и уменьшающие число подписей, необходимых для выдвижения кандидатов на выборах Президента РФ действительно были приняты в апреле – мае 2012 года, правда, с существенными корректировками и ограничениями.

Диалог ведется как на невербальном, так и, в первую очередь, на вербальном, то есть собственно человеческом intersubъектном уровне. В том числе между властью и оппозицией. И если открытого, прямого и непосредственного диалога «лицом к лицу» не случается, то в таком случае может происходить

заочный опосредованный масс-медиа диалог. В том числе и тогда, когда речь идет о возможности установления такого диалога, а также о его формах, участниках, процедурах, акторах и т. д. Такой процедуралистский диалог осуществляется постепенно, втягивая в него все новых и новых участников дискурса, осознающих необходимость двухсторонней симметричной коммуникации и равноправного дискурсивного взаимодействия государства и гражданского общества. Впрочем, рецидивы симулирования диалога в таких дискурсивных практиках тоже присутствуют.

Так, 13 января 2012 года на День российской прессы на церемонию ежегодного вручения премий с участием В. В. Путина был приглашен целый ряд журналистов, издателей, работников средств массовой информации и литераторов. В том числе из числа оппозиционно настроенной интеллигенции и непосредственных участников акций протеста. Однако далеко не все из них явились на это, по сути дела, ритуализированное и строго регламентированное официальное мероприятие. Кого-то из них поздно известили об этом событии, кто-то был в отъезде, за пределами Москвы, кто-то просто проигнорировал приглашение, а у кого-то оказались иные планы, которые не захотелось менять из-за этого, в принципе, традиционного, регулярно из года в год повторяющегося события. Но, как оказалось, представителей оппозиции, удостоившихся этого санкционированного свыше приглашения, тут же обвинили в том, что они якобы не хотят участвовать в диалоге с властью.

Первым это сделал пресс-секретарь В. В. Путина Д. С. Песков, который назвал отсутствие на церемонии в Кремле оппозиционных журналистов и литераторов отказом от диалога с властью. «У всех приглашенных была возможность высказаться и наладить диалог с председателем правительства. Они сослались на занятость. Ранее многие из них говорили, что хотят довести свои соображения до власти. Жаль, что они не воспользовались возможностью», – так прокомментировал ситуацию высокопоставленный кремлевский чиновник [47].

18 января 2012 года во время встречи В. В. Путина с руководителями ведущих российских средств массовой информации

тема диалога власти и оппозиции получила дальнейшее развитие. «Мы недавно пригласили вышеназванных коллег – они не пришли, – продолжил тему несостоявшегося диалога В. В. Путин. – Они говорят – мы хотим дискуссии, власть нас не слышит; мы их пригласили, но они не приходят». При этом В. В. Путин даже подчеркнул, что он «лично готов с ними встретиться, поговорить» [321].

Вскоре выяснилось, что ни Б. Акунина, ни Д. Л. Быкова, да и других членов «Лиги избирателей» непосредственно на диалог, а тем более на политическую дискуссию или переговоры с премьер-министром никогда и никто не приглашал [322]. Поименно названные оппозиционеры из числа творческой интеллигенции, фактически обвиненные в преднамеренном уклонении от продуктивного и системного диалога с властью, дали свои пояснения и комментарии по этому поводу. Так, Д. Л. Быков в этом заочном диалоге возразил В. В. Путину и его пресс-секретарю, заявив в ответ, что «протокольное мероприятие» – это не диалог. И если «действительно Владимира Владимировича интересует диалог с оппозицией, давайте объявим диалог с оппозицией – желательно гласный, желательно в эфире... Давайте сделаем такой разговор – он очень назрел, прямой диалог. Никто, конечно, не будет от него отказываться» [323]. По утверждению этого оппозиционера, в том случае, если властью официально «будет заявлено, что такая встреча именно в формате разговора или круглого стола предлагается», то никто от таких переговоров отказываться не будет [322].

Схожую позицию высказали и другие представители оппозиции. Так, В. А. Рыжков заявил, что представители оппозиции готовы к обстоятельному диалогу с В. В. Путиным, «но не к трехминутной беседе на протокольном мероприятии...» [323]. Политолог В. В. Прибыловский, комментируя эту ситуацию, заявил, что он убежден в том, что диалог с оппозицией власти совершенно не нужен, она лишь ловко его имитирует. И в действительности со стороны В. В. Путина в адрес оппозиции «не было никаких предложений вести диалога» [323]. В итоге уже 20 января 2012 года пресс-секретарь Д. С. Песков публично заявил, что в графике

работы В. В. Путина не запланирована встреча с представителями оппозиции [273].

По мнению О. Ю. Малиновой, избирательный штаб В. В. Путина в начале кампании не исключал «перспективу ее развития в формате аргументированной полемики с оппонентами (хотя и заочной – не в публичных дебатах, но в “заменяющих” их статьях)» [214, с. 19]. Но вместо диалога власть обратилась к архитектурно-консервативным социокультурным стереотипам массового сознания для трансформации своего оппонента во врага государства и общества, а также к «нагнетанию консервативно-охранительных тенденций, – пишет В. С. Авдонин. – Вышедшей на улицу политике модернизации она решила противопоставить “вышедшую на улицу” охранительную политику» [4, с. 11].

Еще в мае 2011 года из полузабытого лексикона времен поиска «врагов народа» и эпохи «холодной войны» было реанимировано и в процессе апробации вновь вошло в активный политический дискурс устаревшее и изрядно подзабытое слово «фронт». А поскольку его эксгумация из политического небытия себя вполне оправдала, то уже в феврале – марте 2012 года в ход пошли действительно боевые слова – символы типа «Бородино», «Сталинград», «Победа», апеллирующие к коллективному бессознательному и требующие инстинктивного единения и сплочения перед лицом общей угрозой. Эта фронтовая экзальтация избирательной кампании В. В. Путина «была нужна власти для того, чтобы любой ценой и в кратчайший срок подменить проявившийся на выборах 4 декабря раскол между обществом и бюрократически-олигархической властью (в лице “партии власти”) расколом другого рода – между народом во главе с “любимым руководителем” и “оранжистами”, управляемыми “из-за бугра”, “пятой колонной”» [4, с. 11].

Отсутствие реального диалога власти и оппозиции действительно привело к весьма специфическим формам коммуникации, которые условно можно назвать диалогом конфликтного и даже конфронтационного типа между митингами с различной политической окраской. Так, одновременно с митингом на Болотной

площади «За честные выборы» 4 февраля 2012 года сторонниками действующей власти была проведена альтернативная акция: «антиоранжевый» митинг на Поклонной горе. По словам его организаторов, основной задачей этого митинга было создание противовеса в виде асимметричного ответа митинговому дискурсу на Болотной площади, который критиковался ими как подготовка к «оранжевой революции» [285].

В митинге на Поклонной горе по разным оценкам приняли участие от 50-ти и до 138-ми тысяч человек. Ряд оппозиционных и независимых СМИ сообщали о том, что людей, главным образом сотрудников государственных предприятий, принуждали к участию в мероприятии при помощи административного давления также оплачивали участие в нём.

Весьма символично, что именно в такой общенациональный праздник, как День защитника Родины, то есть 23 февраля 2012 года, еще на одном «антиоранжевом» митинге лично присутствовал В. В. Путин. Скорее всего, это было вызвано тем, что он сам и его избирательный штаб решили не консолидировать общество на основе диалога с оппозицией, а сплотить накануне голосования своих сторонников с помощью еще большего повышения остроты вполне реального противостояния полярных, по отношению друг к другу, политических сил. Об этом намерении более чем красноречиво свидетельствует риторика кандидата в Президенты, выступившего на митинге в Лужниках.

Речь премьер-министра более чем изобиловала милитаристской лексикой, патриотическими фразами и боевыми лозунгами. Кандидат в Президенты призвал «не заглядывать за бугор» и «не изменять Родине», не допускать, «чтобы кто-то вмешивался в наши дела, чтобы кто-то навязывал нам свою волю!». Напомнил, своим сторонникам: «Мы – народ-победитель». Затем процитировал хорошо известные всем строки из поэмы «Бородино» М. Ю. Лермонтова: «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали!..» И, в завершение речи, предвыборную борьбу за президентский пост поставил в один ряд с реальными победами российского народа на поле брани. «Битва за Россию продолжается!

Победа будет за нами!» – этими словами В. В. Путин, не только подвел итог своего героико-патриотического выступления, но и символически мобилизовал свой электорат на вполне реальную, в случае необходимости, борьбу с новыми врагами, угрожающими России на предстоящих выборах [324].

В результате, В. В. Путин одержал победу на президентских выборах 2012 года, так и не прибегнув к политическому диалогу с оппозицией, чья точка зрения в вопросе о допустимости коммуникации с, как они считали, «нелегитимной» властью тоже была весьма противоречива. С одной стороны, участники митингов требовали отставки В. В. Путина и назначения новых выборов депутатов Государственной Думы. Но, одновременно, они обвиняли власть, то есть того же В. В. Путина в нежелании вступить с ними в диалог. Однако при этом и сами оппозиционеры не пожелали вступить в диалог с «Единой Россией» и проигнорировали приглашение принять участие в организованном партией власти «круглом столе».

Кроме этого следует учесть, что по составу оппозиция представляет собой довольно эклектичное, амальгамное и аморфное множество сторонников самых различных политических идеологий, взглядов, убеждений, между которыми нередко в результате неумения вести диалог друг с другом возникают серьезные разногласия, противоречия и конфликты. И, естественно, чтобы власть могла вступить в переговоры с оппозицией, ей самой, то есть оппозиции, следовало бы сначала договориться друг с другом и создать некий релевантный и уполномоченный на диалог с властью орган. В период наиболее острого конфликтного противостояния зимой 2011 – весной 2012 года сделать этого не удалось. Зато потом, когда волна протестной активности пошла на спад, такой орган действительно появился.

На московском митинге 12 июня 2012 года было объявлено о предстоящих выборах в Координационный совет российской оппозиции – постоянный орган, который предназначен для того, чтобы легитимно представлять оппозицию. Интернет-голосование по выборам в этот орган оппозиции состоялось 20–22 октября

2012 года. Координационный совет из 45 человек был избран сроком на один год, затем должны быть назначены и проведены новые выборы. Однако в обществе тут же развернулась критика по поводу непрозрачности состоявшихся выборов, легитимности и репрезентативности избранного совета. Впрочем, после череды внутренних конфликтов, демонстративных выходов из его состава бывших союзников он уже к лету 2013 года фактически прекратил свое существование, так и не сделав реальной попытки вступить в диалог с властью.

Проблема заключается в том, что у гражданского общества, в отличие от государства, нет, и не может быть какого-то одного общего органа, репрезентативного ему и наделенного правом выступать от имени всего общества. Данное обстоятельство, с одной стороны, затрудняет диалог государства и гражданского общества, с другой стороны, позволяет власти создавать некие институты вроде Общественной палаты, якобы и представляющей гражданское общество в целом. Видимо, не случайно в Президентском послании Федеральному собранию от 12 декабря 2012 года, озвученному в День российской Конституции, В. В. Путин сказал: «Цивилизованный диалог возможен только с теми политическими силами, которые цивилизованным же образом выдвигают, обосновывают и формулируют свои требования, отстаивают их в рамках закона» [324].

В целом можно сказать, что избирательный цикл 2011–2012 годов дал мощный импульс для политического развития нашей страны и гражданского диалога. «Непризнание официальных результатов парламентских и президентских выборов значительной частью общества стало причиной первого в новейшей истории России массового уличного протеста – как новой формы диалога с властью», – говорится в заявлении Комитета гражданских инициатив [188a].

По мнению Л. Н. Тимофеевой, «нормальный политический дискурс» между властью и оппозицией немислим без двух дискурсов: конфликтной и согласительной. В нашей стране мы до сих пор «имеем неполноценный политический дискурс, кото-

рый сужает поле согласия, а расширяющего поле согласия – согласительного дискурса не получается» [385, с. 165]. Власть по-прежнему не хочет слушать и слышать оппозицию, принимать во внимание ее даже конструктивные предложения, идеи и взгляды. А оппозиция игнорирует то позитивное, что удается на практике сделать власти, в том числе в сфере институционализации пока все еще достаточно ограниченного и несимметричного диалога государства и гражданского общества.

9.2.2. Ведущие коммуникативные тренды в процессе

второго этапа институционализации диалога государства и гражданского общества (2012 – начало 2014 годов)

В конце 2012 года Аналитический центр Ю. Левады провел социологическое исследование о неоправдавшихся надеждах россиян. Опрос выявил разочарование значительной части респондентов в связи с так и не состоявшимся в конце 2011 – начале 2012 годов равноправным диалогом власти и гражданского общества [246]. Этот, а также ряд других опросов, проведенных этим же социологическим центром, показали, что общественное мнение россиян рассматривает диалог власти и оппозиции как необходимое условие существования в обществе гражданского мира, общественного согласия и стабилизации общественно-политической ситуации в стране в целом.

На вопрос о том, как будет действовать В. В. Путин после его избрания Президентом РФ на третий срок, следует ли ему обсуждать свои действия с представителями общественности, протестного движения, лидерами оппозиционных партий, 27 % респондентов ответили определенно «да», 41 % скорее «да», 13 % скорее «нет» и лишь 4 % определенно «нет» [389].

На вопрос: «Как вы считаете, Путин будет скорее стремиться вступить в диалог с представителями протестного движения и оппозиционных партий или постарается отомстить им за критику его действий во время предвыборной кампании?» – 45 % респондентов посчитали, что В. В. Путин будет стремиться вступить в диалог с представителями протестного движения

и оппозиционных партий; 15 % от числа опрошенных высказали мнение, что Президент постарается отомстить представителям протестного движения и оппозиционных партий за критику его действий во время предвыборной кампании; 28 % высказали мнение, что он не будет делать ни того, ни другого и 13 % затруднились с ответом на этот вопрос [389]. Как видим, большинство (хотя и менее половины респондентов) высказали мысль о необходимости налаживания конструктивного взаимодействия на основе диалога в переговорном формате с лидерами оппозиции и протестного движения.

В то же самое время социологические исследования показали, что общественное мнение стало более скептически относиться к способностям В. В. Путина идти на компромиссы и диалог. Если в 2007–2008 годах способность идти на компромиссы и умение вести диалог в качестве одной из сильных сторон личности В. В. Путина оценивал каждый четвертый (25 %) россиянин, то электоральный цикл 2011–2012 годов существенно изменил общественное мнение и снизил количество лиц, разделяющих данную точку зрения, уменьшив их количество практически в два раза. По данным аналитического центра Ю. Левады, этой точки зрения остались привержены лишь 13 % респондентов в феврале 2011 года, 11 % в августе этого же года и 12 % в апреле 2012 года [339].

Видимо для того, чтобы изменить общественное мнение, В. В. Путин уже во время «прямой линии» 25 апреля 2013 года заявил так: «Я с оппозицией не только готов – я и разговариваю постоянно. Что касается так называемой несистемной оппозиции, мы и им предлагаем этот диалог. Некоторые оппозиционные деятели просто уклоняются от этих диалогов». И далее: «Мы не просто готовы, а хотим этой дискуссии, но цивилизованной и профессиональной, открытой и понятной». Дискуссия, по словам Президента, очень полезна, «но только тогда, когда она приобретает здоровые и цивилизованные формы» [312].

Развитие дискурсивных практик с конца 2012 и по начало 2014 годов, которые мы рассматриваем в данной части нашего исследования, свидетельствует и о трансформации диалогических

жанров, используемых властью, в целом, и Президентом В. В. Путиным, лично, к их большей симметричности, делиберативности и полемичности. Об этой тенденции, в частности, свидетельствует проведенный нами анализ десятой встречи в рамках дискуссионного клуба «Валдай», которая прошла 16–19 сентября 2013 года в президентской резиденции «Долгие Бороды 2».

Его участниками стали более двухсот экспертов, интеллектуалов, политических, общественных и духовных лидеров из более чем тридцати стран мира. Оппозицию на Валдайском форуме представляли один из сопредседателей партии РПР-ПАРНАС В. А. Рыжков, бывший депутат Госдумы Г. В. Гудков, депутат от партии «Справедливая Россия» И. В. Пономарев и телеведущая К. А. Собчак. В связи с этим напомним, что международный дискуссионный клуб «Валдай» был создан еще в 2004 году и стал уникальной площадкой взаимодействия в формате диалога между российской и международной интеллектуальной и политической элитами. За время существования этой диалоговой площадки в ее работе приняло участие более 600 представителей международного научного сообщества из 48 стран мира, и 70 экспертов являются постоянными членами клуба. В числе постоянных членов клуба – представители мировой интеллектуальной элиты, крупнейших мировых университетов: Гарвардского, Колумбийского, Джорджтаунского, Стэнфордского, Лондонского, Каирского, Тегеранского, Восточно-Китайского, Токийского, Тель-Авивского, Мессинского, Лондонской школы экономики, МГИМО, Высшей школы экономики, МГУ, Сорбонны и многих других.

У всех представителей оппозиционных сил на сентябрьском форуме 2013 года была реальная возможность высказать свою позицию и принять участие в дискуссии с представителями государственной власти РФ, в том числе с главой президентской администрации С. Б. Ивановым, его заместителем В. В. Володиным, министром иностранных дел С. В. Лавровым, а также и с самим В. В. Путиным. По мнению В. А. Рыжкова, люди, которые выходили на акции протеста в конце 2011 – начале 2013 годов впервые получили реальную возможность в процессе диалога донести

до власти свои требования. Работу дискуссионного клуба Валдай-2013 этот представитель несистемной оппозиции назвал еще и «в какой-то степени» событием исторического масштаба [342]. Как пояснил сам В. А. Рыжков, «впервые за многие годы представители несистемной оппозиции – Илья Пономарев, Ксения Собчак и я сам – получили возможность прямого диалога с Путиным по главным проблемам, которые вывели на Болотную и Сахарова десятки тысяч граждан России» [343]. Реальный диалог власти и оппозиции на Валдае отметили не только российские эксперты и журналисты, но также приглашенные на форум западные политологи [430].

А 20 ноября 2013 года прошла официальная встреча В. В. Путина с лидерами непарламентских оппозиционных партий, на которой присутствовали «Яблоко», «Патриоты России», «Правое дело», «Гражданская платформа», «РПР-ПАРНАС», «Родина», «Коммунисты России» и «Партия пенсионеров». Наиболее принципиальных оппонентов Кремля – партию А. А. Навального «Народный Альянс», «Другую Россию» Э. В. Лимонова, национально-демократическую партию, «Партию 5 декабря» – не пригласили, поскольку в Министерстве юстиции они до сих пор официально не зарегистрированы.

От Валдая и до встречи в Кремле с непарламентскими партиями в «РПР-ПАРНАС» прошла острая дискуссия о целесообразности участия в данной встрече с В. В. Путиным, где мнения разделились в широком диапазоне: начиная от позиции, что на встречу с «диктатором» и «нелегитимным» Президентом идти нельзя, и «до нельзя не идти» на встречу с властью (Д. Б. Орешкин и др.). «Недоверие к этой встрече понятно, – так комментировал сложившуюся ситуацию сам В. А. Рыжков. – Велика вероятность, что это будет имитация диалога – для галочки». Но наряду с такой ригидной позицией в рядах оппозиции существует еще и иная точка зрения, суть которой состоит в том, что оппозиции надо быть гибкой и, в зависимости от контекста ситуации, пытаться добиваться своих целей разными методами, в том числе и встречаясь с властью и выдвигая четкие ясные требования и предложения.

«Такая попытка оправдана морально и политически, – полагает сам В. А. Рыжков. – Для освобождения политзаключенных, для политической реформы, для организации честных выборов – надо делать все от нас зависящее» [55].

Как и на Валдае, так и на встрече с В. В. Путиным в Кремле В. А. Рыжков вновь поднял проблему политических преследований «блогеров, участников мирных акций протеста, экологических активистов». По его словам, «репрессии – это первое, что подрывает доверие к власти». Тем более что эти люди, по мнению оппозиционера, «преследуются по политическим мотивам». В этом В. А. Рыжков усмотрел не только факты реального противостояния и конфронтации власти и оппозиции, но также и элементы гражданской войны. В связи с этим он в ходе диалога предложил В. В. Путину объявить амнистию и в целом скорректировать политику по отношению к оппозиции: «пусть люди высказываются, пусть люди выходят на митинги». Отсюда главное требование: «гражданский мир, прекращение конфронтации, широкая амнистия, прекращение политических репрессий» [65].

В процессе своего диалога В. А. Рыжков передал Президенту «список из 70 политзаключенных», составленный по оценкам общества «Мемориал». Одновременно с этим В. В. Путину был вручен доклад «Комитета 6 мая» по Болотной, где собраны 600 свидетельств и доказательства того, что никто из тех, кто был задержан по этому делу, никаких насильственных действий не применял или, в худшем случае, оборонялся от насилия полиции, но не более того [56].

Сам В. В. Путин так прокомментировал эту фактически первую в его президентской практике ситуацию диалога «лицом к лицу» с лидерами оппозиции: «Это нормальное явление, когда есть конфликт. Вопрос в том, чтобы найти цивилизованные инструменты решения конфликта и выходить из конфликта, укрепляя общество и государство, а не разрушая его. То, что мы сегодня дискутируем на эту тему, мне кажется, это уже шаг в этом направлении, так и будем действовать дальше» [65].

Некоторые коллеги по партии «РПР-ПАРНАС» обрушились на В. А. Рыжкова с резкой критикой, считая, что такие контакты с властью могут нанести ущерб партии. А И. В. Яшин и вовсе обвинил В. А. Рыжкова в «заискивании с властью», с «нелегитимно» избранным Президентом. По его словам, «подобные встречи никакого отношения к реальному диалогу не имеют: оппозиционеры просто используют для массовки. Задача Путина – лицемерно продемонстрировать собственную открытость» [442].

Позиция В. А. Рыжкова диаметрально противоположна точке зрения на диалог с властью, присущей И. В. Яшину и его сторонникам. «Я исхожу из того, что этот круглый стол, переговоры власти и оппозиции необходимы, – заявил В. А. Рыжков в интервью радио «Свобода». – Кто-то рассматривает то, что произошло, как имитацию, а я это рассматриваю как шаги в этом направлении, которых общество добились, которых оппозиция добилась» [57]. По словам В. А. Рыжкова, это был полноценный формат симметричного диалога с В. Путиным: «Я мог говорить все, что считая нужным. Никто не ограничивал время, то есть можно было говорить, сколько это нужно было для дела». «Эта встреча была беспрецедентная, – заявил В. А. Рыжков в интервью телеканалу “Дождь”, – потому что Путин раньше с несистемными партиями не встречался. За 13 лет, что он президент, это первая встреча, поэтому она по-своему уникальна» [344]. В то же самое время, по утверждению В. А. Рыжкова, у него нет иллюзий в отношении личности В. В. Путина, поскольку «он создатель той системы, авторитарной и коррумпированной» власти, которая «сегодня есть в стране» [257].

Однако И. В. Яшин придерживается противоположных взглядов, отстаивая и защищая их в основном посредством интернет-коммуникаций: «Действительно, мы все выступаем за диалог о широкой политической реформе и заинтересованы в том, чтобы в России состоялся круглый стол между властью и оппозицией на эту тему. Но мы прекрасно понимаем, что... это такой спектакль, который в очередной раз ставят в Кремле, исключительно из корыстных соображений. Для того чтобы пока-

зять открытость власти, для того, чтобы лицемерно посадить вот лидеров оппозиций перед Путиным, который выступит в роли арбитра. И по сути, никаких вопросов решить на этой встрече не удастся. Оппозиции отводится роль такой декорации.... Мы уже наблюдали много таких встреч... Недавно была встреча на Валдае... Ну, и к чему это привело?..» [235а]. Себя этот оппозиционер причисляет к сторонникам «реального диалога, предмет которого – политическая реформа и мирная смена власти в России. Круглый стол вроде того, что был создан в Польше конца восьмидесятых – как альтернатива революции и крови» [235а].

Диалог с В. В. Путиным по поводу амнистии велся и в других аудиториях с иным составом участников коммуникации с властью. Так, 21 декабря 2013 года этот же вопрос был озвучен на Российском литературном собрании, где присутствовало более 500 представителей различных профессий: писателей, поэтов, публицистов, книгоиздателей, литературоведов и переводчиков, преподавателей и учителей литературы, работников музеев и библиотеки, театральных деятелей России, стран ближнего и дальнего зарубежья. На этом публичном мероприятии, где присутствовал и Президент РФ, вопрос об амнистии политически ангажированных уголовных дел был поднят, в частности в выступлении С. А. Шаргунова и ряда других литераторов [336].

Трудно сказать, насколько сказался на общественно-политической ситуации в стране и последующей амнистии диалог В. А. Рыжкова с В. В. Путиным, однако последующие события фактически подтвердили его правоту, а не радикализованной оппозиции, отрицающей роль переговорного диалога в урегулировании разногласий с властью. Под амнистию в самом конце 2013 года попали «восемь узников Болотной», две участницы группы «Pussy Riot» (Н. Толоконникова и М. Алехина), тридцать экологов «Гринпис», три нижегородских члена молодежной группировки «Антифа-RUSH». Неожиданно для многих обрели свободу М. М. Ходорковский и П. Л. Лебедев.

Сопредседатель НКО «Гражданский контроль», член Совета по правам человека при Президенте РФ А. С. Брод утверждает,

что амнистия политически ангажированных уголовных дел стала результатом диалога власти и общества, плодом большой работы, проделанной и институтами гражданского общества, и депутатами, и экспертным сообществом, которая в целом затронула судьбы более чем 20 тысяч человек. «В данном смысле, – утверждает этот правозащитник, – такое проявление гуманизма действительно плод диалога власти и общества» [44]. И не только одного В. А. Рыжкова, но и гражданского общества в целом, в диалог с которым, включая наименее радикализированную часть несистемной оппозиции, вступил Президент В. В. Путин, ответив, таким образом, на общественный запрос и ожидания общества.

23 ноября 2013 года в Москве прошел Общероссийский гражданский форум. Его организатором выступал «Комитет гражданских инициатив» (КГИ) А. В. Кудрина. Как заявили организаторы, Общероссийский гражданский форум – это «открытая дискуссионная площадка, предназначенная для выработки стратегий дальнейшего развития российского гражданского общества» [255]. Форум проводился с целью формирования общественно-политической повестки дня и закладки фундамента для «коммуникации гражданских активистов». В качестве главной своей задачи участники форума рассматривали «определение ключевых проблем, препятствующих развитию России, и разработку способов решений этих проблем гражданским обществом». В форуме приняли участие около одной тысячи гражданских активистов практически из всех субъектов РФ. В рамках форума была организована работа четырех дискуссионных площадок: «Власть», «Экономика», «Жизнь» и «Общество». При этом получилось так, что «несмотря на то, что тематика у площадок была разная, они в итоге резюмировали одну и ту же проблему – недостаточный уровень диалога при решении тех или иных проблем» [287].

Главным выводом, по итогам форума, стал тезис о том, что в стране пока еще слабо развито взаимодействие между властью и обществом. Но, одновременно с этим была отмечена и тенденция к увеличению роли и значения институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля за органами

государственной власти [255]. В процессе работы форума был выработан целый ряд рекомендаций, в том числе по совершенствованию диалога власти, бизнеса и гражданского общества. Автор данной работы, лично принимавший участие в данном мероприятии, также внес свои предложения, в том числе по институционализации диалога, которые были учтены при выработке итоговых рекомендаций [298].

Предыдущий гражданский форум проходил в 2001 году в Кремле под эгидой власти и открывался большой программной речью Президента В. В. Путина, что, как это было отмечено выше, и положило начало процессу институционализации диалога государства и гражданского общества. Этот этап институционализации протекал в формате патерналистской модели взаимодействия государства и гражданского общества. В рамках этой модели в обмен на политическую лояльность властные структуры обеспечивают определенную поддержку деятельности наиболее «популярных» организаций – путем предоставления бесплатных помещений или льготной аренды, путем прямого финансирования, оказание преференций при распределении грантов и иными способами» [279, с. 2]. В сфере коммуникации патерналистская модель проявлялась в том, что на первоначальном этапе институционализации диалога государство осуществляло тщательную селекцию и отбор акторов для коммуникации, исключая из дискурса общественные организации, которые, с точки зрения власти, проявляли излишнюю самостоятельность, нелояльность и тем более резко критический настрой по отношению существующему режиму.

Отличительной чертой начальной фазы второго этапа институционализации диалога государства и гражданского общества, стал переход к конфронтационной модели взаимодействия с резким усилением эристической направленности дискурса к попыткам нащупать почву для диалога с оппозицией. Причем, как выше было отмечено, накал противостояния и борьбы был присущ обеим сторонам, то есть как гражданскому обществу в лице его наиболее активной и радикализованной части, так и государству, особенно контролируемым властью СМИ.

Однако вслед за этим последовала плавная трансформация дискурса от преобладания эристических типов дискурса к персуазивным, а затем и переговорным видам диалога. Данная особенность коммуникативного тренда означала отказ от модели противостояния и постепенный переход к партнерству во взаимодействии и в диалоге государства и гражданского общества. Подтверждением этому служит то, что общегражданский форум 2013 года прошел не в Кремле, в Центре международной торговли, без присутствия представителей власти и чиновников всех уровней и рангов, включая президента В. В. Путина. Что, по мнению М. А. Федотова, главы президентского Совета по правам человека глубоко символично и свидетельствует о том, что «гражданское общество выходит из-под опеки власти, государства и становится самостоятельным» [287]. Партнерская модель взаимодействия государства и гражданского общества объективно требует институционализации новых, еще только складывающихся форм взаимоотношений на основе усиления роли диалогического дискурса и коммуникативных механизмов обратной связи от общества к власти.

Институционализация диалога государства и гражданского общества немыслима без нормативно-правового закрепления новых форм, процедур и механизмов этого диалога. С этой точки зрения трудно переоценить ту институциональную роль, которую призван сыграть федеральный закон «Об общественном контроле в Российской Федерации» для начавшегося и все более разворачивающегося в публичной политике и в публичной сфере российского общества для процесса институционализации диалога государства и гражданского общества. На момент написания данной работы этот закон официально еще не был принят и даже не был вынесен на осуждение депутатов Государственной Думы РФ. Поэтому об этом исключительно важном документе мы будем судить на основании проекта данного законопроекта, опубликованного на сайте Общественной палаты РФ.

Под общественным контролем в проекте закона «Об общественном контроле в Российской Федерации» понимается деятельность субъектов общественного контроля по наблюдению, провер-

ке и оценке соответствия общественным интересам деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных объектов общественного контроля. К общественным интересам данный законопроект относит широчайший круг проблем диалога государства и гражданского общества, включая защиту окружающей среды, социальное обеспечение, актуальные вопросы труда, образования, здравоохранения, культуры, науки, санитарно-эпидемиологического благополучия, контроль за расходованием бюджетных средств, правоохранительной деятельности, обороны. К сфере общественных интересов так же могут быть отнесены общественные интересы «в иных сферах, рассматриваемых гражданским обществом непосредственно или через его представителей в качестве общественно значимых» [299].

Что касается субъектов общественного контроля, то в качестве таковых, в соответствии с пунктом 2 статьи 4 проекта федерального закона «Об общественном контроле в Российской Федерации», могут действовать: Общественная палата РФ и общественные палаты субъектов федерации в регионах РФ, общественные советы федеральных и региональных органов исполнительной власти, общественные наблюдательные комиссии, а также руководящие органы саморегулируемых некоммерческих организаций, объединяющих субъектов предпринимательской деятельности. В качестве субъектов общественного контроля могут выступать «граждане, некоммерческие негосударственные организации и инициативные группы, осуществляющие общественный контроль» [299]. Проект закона предлагает установить такие формы общественного как:

- 1) общественный мониторинг;
- 2) общественную экспертизу;
- 3) общественное слушание;
- 4) общественное обсуждение;
- 5) общественную проверку;
- 6) общественное расследование;
- 7) публичный отчет руководителей федеральных, региональных органов исполнительной власти, органов муниципального самоуправления [299].

Например, предметом общественных обсуждений, а фактически делиберативного вида диалога государства и гражданского общества могут стать:

- 1) проекты нормативных правовых актов;
- 2) проекты ненормативных правовых актов органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- 3) действующие нормативные и распорядительные правовые акты;
- 4) иные документы и материалы, имеющие значение с точки зрения их соответствия общественным интересам [299].

Эффективное государственное управление в сфере публичной политики объективно требует формирования целостной системы общественного контроля над его деятельностью государства со стороны организаций и институтов гражданского общества. Гражданский контроль обеспечивает надежное функционирование системы обратной связи между гражданским обществом и государством, помогая общественным объединениям, НКО и отдельным гражданам вести честный и открытый диалог о стратегических целях и тактике социально-экономического и политического развития современной России. Мировая практика и исторический опыт России свидетельствуют, что власть, свободная от общественного контроля, утрачивает связь с социумом, теряет ответственность перед ним и неизбежно эволюционирует в сторону авторитарных форм политического управления. С помощью действенного механизма обратной связи с гражданским обществом государство начинает не только слышать, но еще и поддерживать гражданские инициативы и справедливые требования граждан по корректировке существующего курса и проведения социально значимых институциональных реформ.

Возможно, что какие-то положения «Об общественном контроле в Российской Федерации» будут изменены, скорректированы, дополнены или изъяты из текста закона. Однако уже сам факт разработки, обсуждения и последующего принятия этого документа будет означать начало законодательного оформления и институционализации ранее стихийно складывавшихся нере-

гулярных практик диалога государства и гражданского общества. По итогам заседания президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 4 сентября 2013 года, В. В. Путин поручил в срок до 1 марта 2014 года внести на рассмотрение Государственной Думы РФ проект федерального закона «Об общественном контроле в РФ».

Для перехода к третьему, более значимому этапу институционализации диалога государства и гражданского общества, объективно необходимо принятие и других нормативно-правовых актов, в том числе на региональном и муниципальном уровнях публичной политики. Эти законы и подзаконные нормативные акты придадут процессу институционализации двухстороннего дискурса власти и общества более устойчивый, динамичный, целостный и концептуально развернутый характер, протекающий в русле практической реализации теоретических идей новейших нормативных моделей и современных концепций демократии. В первую очередь демократии участия, делиберативной демократии, а также диалогической демократии, контуры которой становятся заметны по мере институционализации диалога государства и гражданского общества.

9.3. Диалог государства и гражданского общества в контексте публичной политики в регионах России: сравнительный анализ (на примере Костромской, Курской и Ярославской областей)

Феномен коммуникативного действия Ю. Хабермасом крепко связывался с понятием публичности. Публичная сфера, в понимании Ю. Хабермаса, – это особая коммуникативная среда, где рождается и циркулирует в процессе публичного диалога общественное мнение, которое выполняет функцию критики и контроля по отношению к государству. Но публичная сфера не ограничивается коммуникациями граждан и общением граждан друг с другом, она выходит на уровень диалога общественных

ассоциаций с государством и его институтами. Граждане вовлекаются в процесс принятия политических решений посредством вынесения проблемы на всеобщее обсуждение. В результате обсуждения, то есть делиберативного диалога формируется общественный консенсус по проблеме, дебатированной в процессе общественного диалога [133, с. 183].

Публичная сфера – это особое открытое общественное пространство, где протекает диалог государства и гражданского общества в процессе публичной политики. На диалоговом характере публичной сферы и публичной политики акцентируют внимание как зарубежные, так и многие отечественные авторы. Так, к примеру, российский политолог Н. А. Баранов вполне справедливо отмечает, что «сущность публичной политики заключается в отражении интересов общества через диалог с властью посредством налаженного коммуникационного процесса, в котором принимают участие, с одной стороны, государство, с другой – институционализированное гражданское общество» [27, с. 149].

Л. И. Никовская и В. Н. Якимец утверждают, что полноценное представительство социально-политических интересов общества «может осуществляться только в публичной сфере – сфере диалога, общения, договора с государством по общезначимым вопросам» [239, с. 84]. Диалогична не только публичная сфера, но и публичная политика. Вот что по этому поводу замечают два вышеназванных автора: «Публичная политика – система работающих механизмов диалога государства и общества при принятии значимых решений» [241, с. 42].

По мнению С. А. Гадышева, публичная политика – это «дискурсивная коммуникация, в основе которой находится многоуровневый диалог, где... преобладает субъект-субъектное взаимодействие» [70, с. 134]. Публичная сфера и публичная политика неразрывно связаны с гражданским обществом и с имманентно присущим ей гражданским диалогом, диалогом государства и гражданского общества, с последовательным и поступательным процессом институционализации их двухсторонней коммуникативной интеракции.

На диалогическом характере публичной политики и публичной сферы как области диалога государства и гражданского общества заостряет внимание Г. В. Синекوپова, она пишет, что «идеальный характер публичной сферы заключается в его принципиальной диалогичности» [257].

Посредством диалогического дискурса общество и отдельные граждане включаются в дискурсивный процесс выработки и принятия решений. А государственная власть посредством такого дискурса в публичной сфере и на основе публичной, прозрачной и вынужденной публичной политики увеличивает свою собственную легитимность и легитимность принятых на основе публичного делиберативного процесса политических решений.

Публичный характер политики предполагает, что политические решения и программы не только осуществляются в интересах общества и направлены на удовлетворение его наиболее важных потребностей, но и подлежат общественному контролю на каждом из этапов их реализации. В этом заключается не только легитимация принимаемых решений, но и легитимность самой власти.

В нашем сравнительном исследовании публичной политики в регионах России (на примере Костромской, Курской и Ярославской областей) мы будем использовать методологию, инструментарий, критерии оценки и некоторые конкретные результаты исследования состояния региональной публичной политики, разработанные и проведенные Л. И. Никовской и В. Н. Якимцом [433, 434, 435, 436, 237, 238], в том числе в 2012 и 2013 годах в Костромской области, при непосредственном участии автора данной работы [137].

В проведенном социологическом исследовании во всех трех областях участвовали в качестве респондентов представители трех секторов общества:

- 1) государственные и муниципальные служащие, депутаты, сотрудники законодательной и исполнительной власти области;
- 2) представители малого и среднего бизнеса: владельцы и наемные работники;

3) представители «третьего сектора», включая руководителей и членов, некоммерческих и общественных организаций.

Опросная анкета представляла собой набор из 22 вопросов, раскрывающих степень развитости субъектов и институтов публичной политики в регионе. Каждый показатель необходимо было оценить по 10-балльной шкале респондентам из всех трех целевых групп. При этом каждый из 22 вопросов характеризовал различные аспекты проявления публичной политики и публичной сферы в регионе, а также активных субъектов (акторов) этого процесса – партии, бизнес, НКО, региональную исполнительную и законодательную власть, местное самоуправление, профсоюзы и т. д.

Респондентам было предложено оценить состоятельность и эффективность таких институтов и механизмов региональной публичной политики как:

1. Выборы.
2. Механизмы освещения проблем в СМИ.
3. Верховенство закона и институт суда.
4. Терпимость к конфессиям и вероисповеданию.
5. Институты защиты собственности.
6. Механизмы противодействия коррупции.
7. Институты образования.
8. Система здравоохранения.
9. Механизмы поддержки гражданских инициатив.
10. Механизмы публичного контроля.
13. Механизмы отстаивания общественных интересов.
14. Общественно-консультативные институты.
15. Правила и условия для работы конструктивной оппозиции.

К субъектам и акторам, то есть к участникам региональной публичной политики были отнесены:

1. Население.
2. Бизнес.
3. Представительная власть.
4. Исполнительная власть.
5. Местное самоуправление.

6. Партии.
7. Профсоюзы.
8. Общественные и некоммерческие организации.
9. Экспертные организации и СМИ.

Кроме этого была обоснована и разработана типология пяти разновидностей (типов) публичной политики в различных регионах РФ [237, 436]:

1. Регионы с консолидированными низкими оценками – где респонденты из всех трех секторов одинаково низко оценивают состояние публичной политики.

2. Центрированные регионы – где консолидировано была дана средняя оценка.

3. Регионы с разрывами оценок – где оценки публичной политики респондентами из разных секторов характеризуется значимым разрывом.

4. Регионы с партнерскими отношениями между секторами – где, по крайней мере, респонденты из двух секторов дали консолидировано высокие оценки состояния публичной политики.

5. Регионы с неконсолидированными оценками публичной политики – где между оценками респондентов из разных секторов большие разрывы в зоне низких оценок.

В результате обработки полученных данных социологических исследований в 2010 году Курская и Ярославская области оказались отнесены ко второму (центрированному) типу регионов с консолидировано средней оценкой состояния и уровня развития публичной политики [239, с. 86.]. В эту же группу регионов попали Алтайский край, Амурская и Нижегородская области [239, с. 86].

А вот Костромская область по итогам аналогичного социологического исследования, проведенного в мае 2012 года, оказалась в группе регионов с консолидировано низкими оценками состояния публичной политики [137], где, в соответствии с ранее проведенными исследованиями, оказались республики Дагестан и Коми, Мурманская и Иркутская области. По результатам анализа итогов исследования выяснилось, что мнения респондентов из всех трех секторов – государственного, бизнес-сообщества

и некоммерческого – оказались очень близки друг к другу и указали на достаточно слабый, но в то же время очень низкий уровень развития публичной политики и состоятельности политических институтов в Костромской области [137].

Социологическое исследование, проведенное годом позже, в принципе подтвердило это же место Костромской области в рейтинге регионов с точки зрения развитости институтов, механизмов и субъектов публичной политики. Но в то же время был выявлен ряд новых как позитивных, так и тревожных трендов в сфере публичной политики Костромского региона. Дело в том, что еще в апреле 2012 года, то есть фактически во время проведения первого социологического исследования, был отправлен в отставку крайне непопулярный в народе губернатор-варяг И. Н. Слюняев, который впоследствии (не смотря на негативное общественное мнение и плачевные результаты его работы) был назначен министром регионального развития РФ. Поэтому, анализируя динамику результатов за 2012–2013 годы следует иметь в виду эту кадровую рокировку, которая, без сомнения, оказала позитивное влияние как на отношение населения к региональной власти в целом, так и на оценку ее места в публичной сфере региона и на ее роль в публичной политике региона.

Согласно с методикой исследования респонденты оценивали состоятельность институтов и субъектов публичной политики по шкале от одного и до 10 баллов. В соответствии с выработанными критериями оценки институт (механизм) или субъект публичной политики признавался состоятельным в том случае, если более 50 % респондентов дали ему оценку в диапазоне от 6 до 10 баллов, если менее 33 % респондентов дали институту (механизму) или субъекту публичной политики оценку от 6 до 10 баллов, то он считается несостоятельным. Слабо состоятельным институт или субъектом публичной политики является тот, которому от 33 и до 50 % респондентов дали оценку в интервале от 6 до 10 баллов.

Рассмотрим сначала состояние институтов и механизмов публичной политики Костромской области в сравнении результатов социологического исследования 2012 года в сопоставлении с ана-

логичным исследованием 2013 года (рис. 1). По итогам исследования 2012 года, из 13 институтов публичной политики Костромской области 10 институтов попали в число несостоятельных (на рисунке 1 и других рисунках несостоятельные институты и механизмы публичной политики обозначены жирными черными точками). И лишь только три (толерантность, образование и правосудие) оказались состоятельными, причем два из них – слабо состоятельны.

Рис. 1. Состоятельность институтов ПП в Костромской области: сравнение результатов исследования в 2012 и в 2013 годах

Социологическое исследование 2013 года выявило положительную динамику в оценке состоятельности институтов публичной политики Костромской области. Всего лишь за год количество несостоятельных институтов с 10 в 2012 году сократилось до 6 в 2013 году. Произошло это за счет перехода в группу состоятельных институтов общественно-консультативных структур (в том числе и Общественной палаты Костромской области), средств массовой информации, защиты прав собственности, а также повышения роли свободных и честных выборов.

Несколько улучшились оценки респондентов, данные таким институтам и механизмам публичной политики, как правила и условия для работы конструктивной оппозиции, региональной системы здравоохранения, поддержки гражданских инициатив и объединений. За прошедший год возросли оценки, данные механизмам по формированию и отстаиванию общественных интересов (с 14 и до 28 %), публичному контролю за деятельностью власти (с 13 до 23%), борьбе с коррупцией (с 9 до 20 %).

Вот наиболее характерные оценки, прозвучавшие в процессе проведения фокус-группы:

– Власть в области, после смены губернатора, начинает обращать внимание на гражданское общество. СМИ стали более свободны. Появились иные, альтернативные точки зрения. Стало легче бизнесу, который прежний губернатор держал в «ежовых рукавицах». Тенденция к изменению взаимоотношения между властью, бизнесом и НКО видна. Но пока говорить о кардинальном изменении ситуации еще рано.

– Слюняев все контролировал лично, никого никуда не допускал, зажимал прессу, боролся с интернет-сообществом, пытался за критику его личности на «Форуме Костромских Джедаев» закрыть этот интернет-ресурс. Сейчас такого уже нет. Но с выводами пока торопиться не стоит. Новый губернатор только еще приступил к работе и время покажет, как он будет взаимодействовать с общественностью.

Схожие тенденции показывает и сравнительный анализ оценок состояния субъектов политики Костромской области, данный респондентами в 2012 и в 2013 годах (рис. 2). Результаты социологического исследования 2012 года выявили в регионе наличие лишь двух слобостоятельных субъектов публичной политики. Это экспертные организации и СМИ, а также некоммерческие и общественные организации. Исполнительная и представительная региональная власть, органы местного самоуправления и бизнес, политические партии и профсоюзы, по мнению респондентов, являются несостоятельными субъектами публичной политики. При этом, как выяснилось, самым слабым субъектом публичной

политики, является население Костромской области, которое, по мнению респондентов, практически не участвует в открытом диалоге с властью.

Рис. 2. Состоятельность субъектов ПП в Костромской области: сравнение результатов исследования в 2012 и в 2013 годах

Социологическое исследование 2013 года показало, что в число слабосостоятельных субъектов попали региональные отделения политических партий, что, скорее всего, было связано с их достаточно активным и продуктивным участием в избирательном процессе. Вплотную к грани, отделяющей состоятельные и несостоятельные субъекты публичной политики, приблизился и бизнес, а также местное самоуправление и профсоюзы. Оценка представительной и законодательной власти региона в 2013 году, по сравнению с 2012 годом так же выросла, но не настолько, чтобы их рассматривать в качестве состоятельных субъектов публичной политики. При этом в 2013 году, как и в 2012 году, население региона оказалось самым слабым и неэффективным субъектом

региональной публичной политики. Иными словами, население Костромской области фактически не принимает участия в диалоге с властью.

Данную региональную особенность в процессе проведения фокус-групп подтвердили интервью с экспертами и специалистами. Вот наиболее характерное высказывание по данному вопросу:

– Сам губернатор С. К. Ситников общается с населением, встречается с людьми, но его заместители, начальники департаментов, другие региональные чиновники боятся публичного взаимодействия с обществом. Они страшатся диалога, потому что не готовы к диалогу с обществом...

– НКО есть, но они все находятся в «детском» возрасте и не могут вести на равных диалог с властью. Они разрознены, не поддерживают друг друга, причем каждая из НКО преследует только свои интересы. Надо сначала научиться договариваться друг с другом, а уже потом вступать в диалог с властью.

– Путин ведет диалог. А как исполняются его указы в регионах? Тишина... Поэтому в реальности никакого диалога нет, одна только его профанация...

– Наш регион не богат, малочислен, слаб. Слабы у нас и НКО. А власть это видит и не хочет общаться со слабыми и не умеющими отстаивать общие интересы организациями. Поэтому диалога нет. Он появится тогда, когда созреет для этого гражданское общество, то есть тогда, когда власть увидит в НКО полноценного партнера, умелого, компетентного и сильного.

– Общественная палата – это площадка для диалога. Но за ее пределами полноценного диалога с властью нет...

Одна из любопытных деталей, выявленных в ходе проведения и первого и второго социологических исследований в Костромской области, заключается в том, что, в отличие от двух первых секторов (служащих и бизнеса), третий сектор (НКО) в своих оценках институтов публичной политики в 2013 году оказался менее оптимистичен, чем даже в 2012 году, при губернаторе И. Н. Слюняеве. В то же время второй и, особенно, первый сектора, в 2013 дали более высокие оценки состояния институ-

тов публичной политики Костромской области, нежели это было раньше. Динамика этого тренда видна из схемы, характеризующей субиндекс институтов публичной политики (рис. 3).

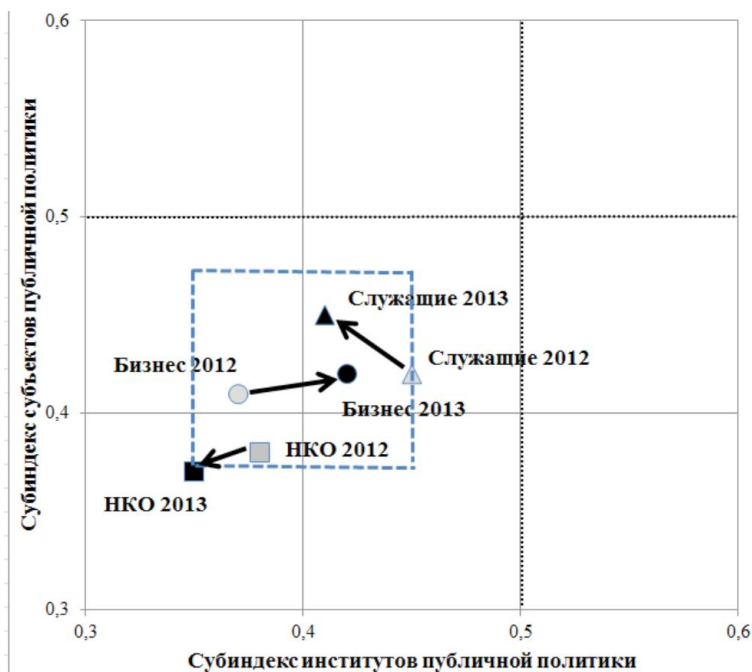

Рис. 3. Субиндекс институтов публичной политики Костромской области (2012–2013 годы)

В чем же причина такой ситуации? На наш взгляд, это обстоятельство оказалось тесно переплетено с хронологическим фактором, суть которого заключается в том, что время проведения социологического исследования (май 2013 года) совпало с судебным процессом над НКО «Костромской центр общественных инициатив» (апрель – май 2013 года).

В результате судебного разбирательства эта НКО получила неофициальный статус «иностранный агент № 2», а состоявшееся судебное преследование этой структуры регионального гражданского общества негативно сказалось на оценках состоя-

ния публичной политики в Костромской области со стороны значительной части респондентов из числа членов и руководителей общественных организаций и НКО.

Формальным основанием для судебного процесса, инициированного прокуратурой города Костромы, стало одно из мероприятий, проведенное в рамках региональной диалоговой площадки под названием Костромская школа публичной политики, которая действовала под эгидой НКО «Костромской центр общественных инициатив» и на участие в которой ранее приезжали многие известные российские политики, депутаты, политологи, экономисты, общественные деятели. Речь идет о «круглом столе», который был посвящен российско-американским отношениям и прошел в «Костромской школе публичной политики» под названием «Перезагрузка перезагрузки: Куда движутся российско-американские отношения?» В данном мероприятии 28 февраля 2013 года принял участие Г. Соломон, заместитель министра-советника по политическим вопросам посольства США в России.

А вскоре после этого к НКО «Костромской центр общественных инициатив», получавшей гранты из-за рубежа, начались претензии со стороны прокуратуры города Костромы, обвинившей общественную организацию в участии в политической деятельности и не зарегистрировавшейся в качестве иностранного агента. В ходе состоявшихся в апреле – мае 2013 года серии судебных заседаний НКО «Костромской центр общественных инициатив» была официально признана иностранным агентом. Ее исполнительный директор А. Замарянова оштрафована на 100 тысяч рублей, а на саму организацию наложен штраф в размере 400 тысяч рублей. Это обстоятельство, как представляется, и оказало влияние на представителей некоммерческого сектора, которые, в отличие от двух других секторов, в 2013 году дали более низкие оценки состояния публичной политики в Костромской области по сравнению с 2012 годом.

Сопоставление оценок состоятельности институтов и механизмов публичной политики между тремя секторами – властью, бизнесом и НКО – выявляет дифференцированность позиций в этом вопросе (рис. 4).

Различия оценок состоятельности институтов ПП, Костромская Состоятельность институтов ПП, НКО, Костромская обл., 2013

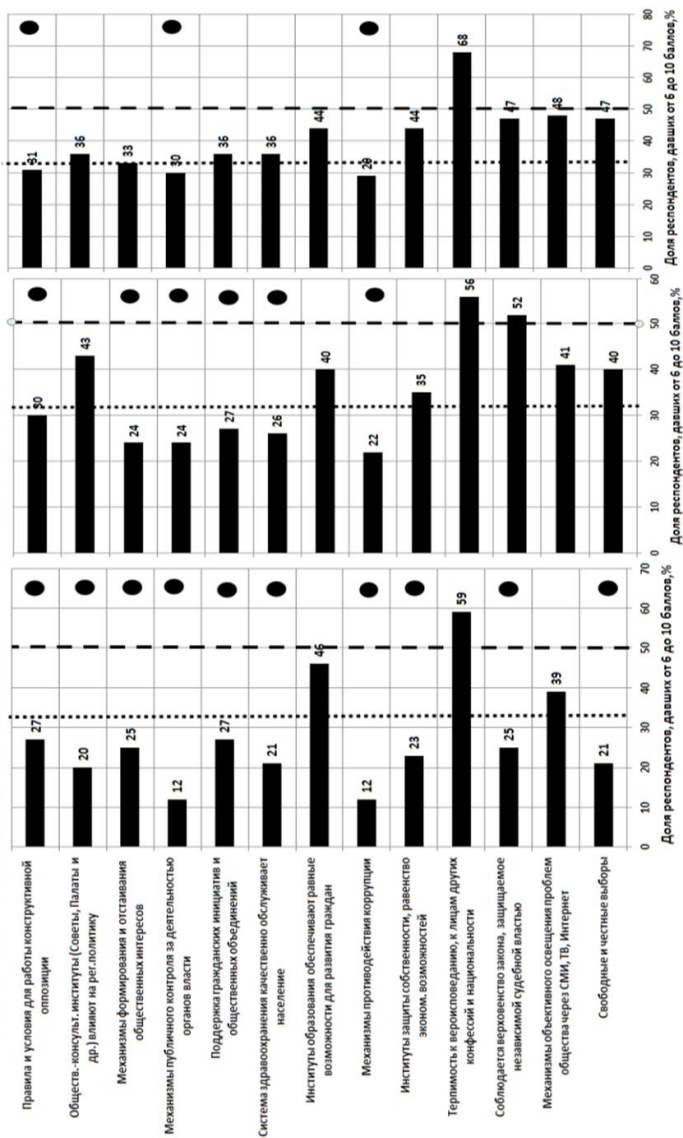

Рис. 4. Межсекторная дифференциация оценок состоятельности институтов ПП

Межсекторный разброс мнений не слишком велик, позволяя отнести Костромскую область к числу регионов с консолидировано низкой оценкой состояния публичной политики. Но при этом вполне ощутим тренд, в соответствии с которым для государственного сектора (власти) характерна более оптимистичная оценка состоятельности региональных институтов публичной политики, нежели у бизнеса и, особенно, НКО. Оценки состоятельности институтов публичной политики со стороны НКО гораздо более критичны и даже пессимистичны, чем у госсектора и коммерческого сектора. Бизнес в оценке состоятельности региональных институтов публичной политики более взвешен, занимая промежуточную позицию между властью и НКО.

При этом наиболее контрастна негативная оценка НКО состоятельности таких институтов и механизмов публичной политики, как свободные и честные выборы (оценка НКО в два раза ниже, чем у коммерческого и государственного секторов), публичный контроль деятельности органов власти (в два раза ниже, чем у бизнеса, и в два с половиной раза меньше, чем оценка со стороны госсектора) и соблюдение верховенства закона, защищаемого независимой судебной властью (в два раза ниже, чем у бизнеса, и в 1,8 раза меньше, чем у госсектора). Гораздо более критично расценили респонденты со стороны НКО уровень борьбы с коррупцией.

В оценке института толерантности, правил и условий для работы конструктивной оппозиции, институтов образования оценки всех трех секторов оказались наиболее близки друг к другу. Характерной деталью стало то обстоятельство, что бизнес не только более высоко оценил степень влияния на региональную политику общественно-консультативных органов, включая Общественную палату Костромской области и деятельность общественно-консультативных советов, нежели это сделали представители НКО, но и превзошел в оценке этого института публичной политики представителей власти и госсектора.

По данным управления юстиции по Костромской области на 31 декабря 2013 года в регионе было официально зарегистрировано 591 общественное объединение, 235 некоммерческих организаций (НКО) и 138 религиозных объединений граждан. Большое количество в структуре регионального гражданского общества составляют профсоюзные организации, но на настоящий момент ощущается снижение их влияния в общественной сфере деятельности. Особое место в общественной жизни области занимают традиционные для «старого» гражданского общества объединения: ветеранские организации, уделяющие большое внимание вопросам социальной защиты ветеранов и пенсионеров, а также проблемам патриотического воспитания молодежи; профсоюзы; творческие союзы художников, композиторов, писателей, театральных деятелей. Активную работу проводят и организации, решающие вопросы защиты материнства и детства, просветительские и образовательные, экологические, правозащитные, природоохранные и др. [112].

В сфере социальной защиты и реабилитации людей с ограниченными возможностями в области работают организации инвалидов. Значительно слабее представлена деятельность благотворительных фондов, общественных организаций, связанных с заботой о неимущих, бездомных, реабилитацией бывших заключенных, наркоманов, алкоголиков и других слоев населения, вытесненных на обочину жизни и оказавшихся в роли социальных изгоев. Уже не первый год ведет активную работу по поддержке и адресной помощи для детей с тяжелыми врожденными заболеваниями самодеятельный общественный фонд под названием «Седьмой лепесток», который был создан в 2011 году в память о маленькой девочке Маше [112].

Сбором средств и пожертвований для решения неотложных проблем здравоохранения ведет антираковый благотворительный фонд «Пока беда не коснулась всех», организация «Красный крест», Российский детский фонд, «Костромской областной союз женщин» и другие некоммерческие и общественные организации нашей области. Активную работу по социальной

поддержке неимущего населения и многодетных семей осуществляет общественная организация «Воскресение».

В целом надо сказать, что в Костромской области публичная политика, а вместе с ней и диалог власти и общества постепенно начинают развиваться и институционализироваться в региональной публичной сфере. Так, 16 декабря 2013 года на пленарном заседании Общественной палаты Костромской области впервые в ее истории был рассмотрен и утвержден доклад Палаты «О состоянии гражданского общества в Костромской области за 2013 год», подготовленный с непосредственной помощью автора данной работы [112]. Общественная палата все более и более начинает выступать в роли диалоговой площадки при рассмотрении различных проблем и конфликтных ситуаций.

Региональному гражданскому обществу Костромской области присущи взаимопонимание между различными стратами общества и отсутствие социальных конфликтов. В январе 2009 года было создано молодежное правительство Костромской области. В этом же году была сформирована молодежная палата при Костромской областной Думе. Обе эти общественные структуры стали каналом диалоговой коммуникации органов областной власти с молодежью, студентами, молодыми специалистами, являющимися кадровым резервом действующей власти. Однако в целом, за исключением Общественной палаты Костромской области, нет других постоянно действующих диалоговых площадок, которые способствовали бы участию в коммуникативном разрешении возникающих проблем и урегулированию проблем на основе переговоров и делиберации.

Вместе с тем необходимо признать, что состояние и степень развитости публичной политики, качество функционирования диалоговых площадок в Костромской области сильно отстает от соседних регионов, в том числе от Курской и Ярославской областей. Ярославская область, в отличие от Костромской области, это экономически более сильный субъект РФ, отличающийся от соседнего региона достаточно высоким жизненным

уровнем населения, большей развитостью гражданского общества, общественной активности и общественно-политической жизни.

Например, в Ярославской области еще в 2003 г. был принят областной закон «О взаимодействии органов государственной власти Ярославской области и общественных объединений» [142]. Данный правовой акт впервые в практике этого субъекта закрепил формы, механизмы и процедуры взаимодействия региональной власти и общественных объединений. В том числе на основе привлечения представителей гражданского общества к участию в работе органов государственной власти Ярославской области в качестве общественных советников, консультантов по социально-экономическим вопросам, а также проведение с участием общественности совместных «круглых» столов, слушаний, семинаров и конференций с целью установления коммуникации, диалога и обоюдного обмена информацией. Благодаря этому в Ярославской области достаточно длительный промежуток времени сохранялась общественно-политическая стабильность и гражданский мир.

Лишь только после избрания на пост мэра Ярославля Е. Р. Урлашова во взаимоотношениях власти и области, как это следует из диссертационного исследования К. А. Крайновой, в области началось нарастание конфликтного потенциала [196, с. 102]. Еще больше оно усилилось после задержания оппозиционного мэра и возбуждения против него уголовного дела по обвинению в попытке получения взятки, а также вследствие избрания депутатом Ярославской областной думы Б. Е. Немцова. Однако в целом, несмотря на эти эксцессы, как показывает динамика проводившихся здесь на протяжении вот уже ряда лет социологических исследований, ситуация в сфере взаимодействия власти и гражданского общества здесь остается достаточно спокойной и мирной.

По итогам исследования публичной политики в Ярославской области, которое было проведено в 2013 году, здесь лишь только четыре института или же механизма публичной политики

оказались несостоятельны: механизмы противодействия коррупции, публичного контроля за деятельностью власти, формирования и отстаивания общественных интересов и региональная система здравоохранения (рис. 5).

Рис. 5. Оценка состоятельности институтов и механизмов ПП в Ярославской области (2013 год)

В Ярославской области, в отличие о Костромской, на протяжении ряда лет достаточно эффективными субъектами публичной политики признаются профсоюзы и население. В то же самое время участие населения как субъекта публичной политики в обсуждении социально значимых вопросов на основе открытого диалога с властью в регионе – это один из самых низких параме-

тров публичной политики и в Ярославской, и в Курской, и, особенно, в Костромской областях. С одной стороны, столь низкие оценки могут быть обусловлены как невысоким уровнем вовлечения граждан во взаимодействие с властью в этих двух регионах, так и, с другой стороны, тем, насколько эффективны и доступны для рядовых граждан существующие площадки для диалога.

В Ярославской области в настоящее время нормативно закреплены многочисленные диалоговые механизмы и формы взаимодействия власти и общества. В этом регионе сеть площадок, включающих общественные и консультативные советы, является достаточно разветвленной и охватывает целый ряд сфер общественной жизни: это межнациональные отношения, молодежная политика, поддержка семьи, ветеранов, инвалидов и др. При этом каждый новый консультативный орган, предполагающий диалог с властью, гражданское участие, привлекает к себе внимание общественности, давая надежду людям на улучшение сотрудничества с властью в решении самых различных проблем.

Ситуация в сфере публичной политики Курской области, хотя и близка к положению дел в Ярославской области, но в то же время отличается по ряду параметров. Как и Ярославская область, Курская, в отличие от Костромской области, по типу публичной политики относится к группе регионов с центрированным типом публичной политики. Это означает, что оценка и интерпретация публичной политики в данном регионе представителями всех трех групп общества: бизнеса, государственной и муниципальной власти, НКО-сообщества носит сбалансированный и достаточно солидарный характер. Представители власти в своих оценках не отрываются от мнения бизнес-сообщества и некоммерческого сектора. Это говорит о существовании в Курской области, как и в Ярославской, достаточно устойчивого климата доверия в межсекторном взаимодействии и диалоге власти, бизнеса и гражданского общества. Благодаря этому уже на протяжении целого ряда лет на территории Курской области сохраняется политическая стабильность и отсутствуют социальные, политические, межнациональные и межрелигиозные конфликты [231, с. 441–453].

Большое внимание в Курской области уделяется формированию механизмов прозрачности и открытости органов государственной власти. В качестве одного из наиболее показательных примеров можно сослаться на проект под названием «Доверие», который призван расширить рамки взаимодействия власти и общества, создать дополнительную площадку для обсуждения социально значимых вопросов, обеспечивая тем самым более активный диалог между органами власти и жителями Курской области. Проект «Доверие» подразумевает установку веб-камер для организации онлайн трансляции совещаний и заседаний исполнительной и представительной ветвей власти, а также предоставление возможности для комментариев и предложений по рассматриваемым вопросам.

Теперь, начиная с 2010 года, онлайн-трансляции заседаний Курской областной думы ведутся на официальном сайте Курской областной думы. Посмотреть запись заседаний можно в архиве трансляций. Также в рамках проекта организовано народное обсуждение законопроектов Курской областной думы [300].

На рисунке 6 показано, что, по итогам социологического исследования 2012 года, в Курской области ситуация с институтами публичной политики выглядит несколько хуже, чем в Ярославской, но лучше, чем в Костромском регионе. В результате проведенного опроса в качестве несостоятельных респондентами были признаны 6 из 13 институтов публичной политики, получившие от 71 до 77 % неудовлетворительных оценок (от 1 до 5 баллов). В том числе, как и в Костромской области, это региональная система здравоохранения, механизмы противодействия коррупции и механизмы публичного контроля деятельности органов власти и др.

Четыре института и механизма публичной политики в Курской области попали в категорию слабо состоятельных (от 33 до 50 % оценок в диапазоне 6–10 баллов). Среди них институт судебной власти, институт защиты собственности, институт образования и правила и условия деятельности для конструктивной оппозиции.

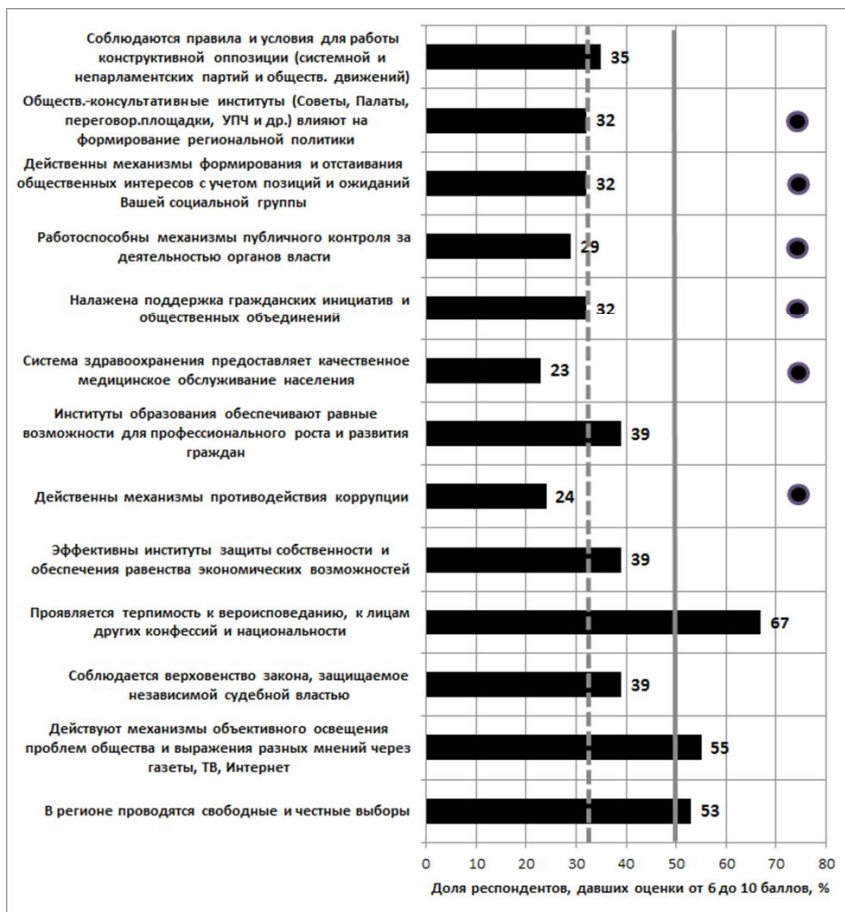

Рис. 6. Оценка состоятельности институтов и механизмов ПП в Курской области (2012 год)

Еще три института публичной политики в Курской области попали в категорию состоятельных, это: терпимость к вероисповеданию, к лицам других конфессий и национальности, механизмы объективного освещения проблем общества в СМИ и институт выборов.

В целом необходимо отметить, что состояние диалога на уровне субъектов федерации и региональных гражданских обществ

в Костромской, Курской и Ярославской областях во многом различается, имеет свою территориальную специфику и обусловлено дифференциацией социально-экономического уровня развития, а также разными социокультурными и общественно-политическими традициями. При этом проведенный сравнительный анализ показывает взаимную заинтересованность в диалоге со стороны всех региональных субъектов публичной политики.

Это свидетельствует о том, что диалог региональных органов и структур государственной власти, с одной стороны, и организаций гражданского общества, а также бизнеса, нуждается в дальнейшей институционализации на основе законодательного закрепления его процедур, правил, механизмов и новых настоящею дискуссионных площадок. Целью такого диалога является не только вовлечение в сферу публичной политики и политического управления представителей НКО, но и выработка на основе широкой публичной делиберации наиболее взвешенных решений, легитимирующих в глазах общества, как саму публичную власть, так и конкретные ее действия и шаги.

Заключение

Проведенный нами сравнительный анализ институционализации диалога государства и гражданского общества выявил наличие в данном поступательном процессе как ряда отличительных особенностей, так и присутствие целого ряда сходных признаков. Среди универсальных свойств процесса институционализации можно зафиксировать, во-первых, определенные этапы, которые последовательно сменяют друг друга и отличаются друг от друга большей хабиитуализацией, то есть опривычиванием, рутинизацией, внедрением в реальную практику процесса диалогического взаимодействия между субъектами коммуникации. Во-вторых, институционализация диалога закрепляется не только как определенные неформальные правила, статусы и роли, но и на уровне законов и подзаконных норм, которые юридически устанавливают и закрепляют механизмы, процедуры и формы диалогового взаимодействия между государственными институтами и учреждениями, с одной стороны, и организациями гражданского общества, с другой.

В соответствии с этим можно сделать вывод, что процесс институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России, в целом, а также на уровне субъектов федерации, продвигается вперед от «слабой» институционализации к более «сильной», развиваясь от стихийно складывавшихся и спорадических коммуникативных практик к рационально конструируемой и устойчивой коммуникативной системе, с наличием эффективного механизма обратной связи. При этом в оценке процесса институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России следует избегать двух крайних точек зрения.

Первая из них состоит в отрицании наличия такого диалога. Она исходит из того, что для российской политической культуры и политической истории не присуще диалогическое

взаимодействие власти и общества. В настоящей работе сделана попытка достаточно подробно рассмотреть доинституциональный и прединституциональный периоды процесса институционализации диалога государства и гражданского общества. При этом на достаточно большом количестве фактологического материала было продемонстрировано, что амбивалентность диалогического и монологического была отличительной чертой на протяжении всей политической истории России, начиная с древнейших времен. Поэтому необходимые предпосылки к началу институционализации диалога начали складываться еще в рамках доинституционального и прединституционального периодов. Эти социокультурные предпосылки вызревали и формировались достаточно противоречиво и постепенно, медленно, но неуклонно создавая необходимую институциональную среду, структуру и инфраструктуру диалога, коммуникативную и гражданскую культуру, объективно необходимы для запуска процесса институционализации диалога вместе с началом реальных процессов демократизации и демократического транзита.

Другая крайность в оценке институционализации диалога государства и гражданского общества состоит в излишне оптимистической оценке этого процесса. Процесс институционализации набирает динамику и темп, но это не значит, что данные процессы приобрели необратимый характер. Исторически сложившийся тренд к монололизации общественно-политических отношений не исчез, и поэтому процесс институционализации диалога может быть прерван. Поэтому процесс институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России должен быть закреплён нормативно на основе систематизированной базы юридических актов в формате ряда федеральных и региональных законов и разработанных на их основе системы подзаконных актов.

В частности, для процесса придания еще большей динамики и устойчивости процессу институционализации диалога государства и гражданского общества необходимо предпринять ряд практических мер. В том числе:

1. *Реконфигурация диалога государства и гражданского общества.* Дизайн формирующейся модели диалога носит ярко выраженный асимметричный характер.

Во-первых, повестку (тему) диалога задает сама власть.

Во-вторых, гражданское общество все еще не является полноценным и коммуникативно компетентным субъектом диалога.

В-третьих, средства массовой коммуникации, в том числе негосударственные, по-прежнему контролирует власть. Система гражданских коммуникаций остается слаборазвитой и не эффективной (ОТР и др.).

Государству (власти) принадлежит более сильная коммуникативная позиция, нежели гражданскому обществу. В результате, имея возможность включить в повестку дня какой-либо актуальный для общества вопрос и даже получить на него ответ, гражданские активисты лишены реальной возможности его комментировать, возражать, продолжать диалог или в ответ далее артикулировать свое мнение или точку зрения в адрес власти. Для изменения ситуация необходима реконфигурация диалога, то есть корректировка модели коммуникации с асимметричного на симметричный субъект-субъектный дискурс государства и гражданского общества, где второму актору будет принадлежать равновеликая коммуникативная позиция в сопоставлении с первым из этих двух акторов.

2. *Юридическое закрепление понятия «диалог» и процесса институционализации диалога государства и гражданского общества* в виде разработки и принятия комплекса нормативно-правовых актов, призванных законодательно закрепить равноправную (симметричную) модель коммуникации и установить процедуры, порядок, ресурсы, механизмы и иные актуальные аспекты институционального дискурса гражданского государства и гражданского общества.

3. *Репрезентативность гражданского диалога.* В ныне институционализирующейся модели диалога государства и гражданского общества партнеров по коммуникации отбирает, а фактически, назначает сама власть. В ряде случаев они вообще никого

не представляют и посредством такой коммуникации лишь лоббируют свои партикулярные (хотя и локально важные) интересы, добиваясь от государства различных преференций. В результате данного обстоятельства – мотивированной вовлеченности в квазидialog с властью нерепрезентативных акторов – страдает гражданское общество и его репутация.

Отсюда необходимость разработки критериев для признания того или иного актора репрезентативным для участия в гражданском диалоге и наделение данного агента вотумом на диалог с властью со стороны гражданского общества, но не государства.

4. Необходимо *формирование сети школ гражданского диалога*, то есть создание ряда региональных структур, занимающихся просвещением, обучением, развитием коммуникативных навыков, компетенций и переговорного мастерства среди гражданских активистов, специализирующихся на GR-коммуникациях с государством, бизнесом и СМИ.

5. *Репрезентация общественных палат и других общественных формирований при органах власти* путем внесения изменений в федеральное и региональное законодательство, определяющее порядок формирования этих совещательных структур, призванных осуществлять симметричный институциональный диалог общества и власти. Эти изменения еще больше должны усилить роль гражданского общества в формировании общественно-консультативных органов с тем, чтобы туда делегировались гражданские активисты, а не кооптировались, как ныне, представители псевдообщественных организаций. Эта мера позволит повысить качество диалога государства и гражданского общества, сместив акцент в обсуждении на наиболее злободневные и актуальные вопросы, волнующие все общество и рядовых граждан.

6. *Новые диалоговые площадки горизонтального типа*. Создание силами организаций и институтов гражданского общества при поддержке малого и среднего бизнеса независимых от государства (власти) площадок гражданского диалога. Это позволит усилить коммуникативную силу гражданского общества на основе развития диалога внутри самого общества, научит

гражданских активистов договариваться друг с другом для совместного и солидарного отстаивания в процессе последующего диалога с государством общих интересов.

7. *Социальный диалог – собрат гражданского диалога.* На-лаживание конструктивного взаимодействия с профсоюзами и всесторонняя поддержка процесса реанимации социального диалога, без которого неформальная институционализация гражданского диалога невозможна. Социальный диалог должен стать «школой гражданского диалога». ФНПР – это часть гражданского общества. Однако российские профсоюзы так и не научились вести переговоры с работодателями и государством, не создав необходимую культуру общественного диалога в целом, включая диалог государства и гражданского общества.

8. *Общественный координационный совет по развитию гражданского диалога.* Создание и организация работы данных советов на федеральном и региональном (а возможно, что и на местном) уровнях даст дополнительный импульс к ускорению процесса институционализации диалога на основе его целенаправленной селекции и социального конструирования.

Представляется, что внедрение в политическую практику этих теоретических положений будет способствовать развитию и укреплению диалога государства и гражданского общества на последующих этапах его институционализации в сфере публичной политики и политической коммуникации современной России.

Библиографический список

1. *Абрамов А. В.* Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // *Власть*. 2010. № 5. С. 53–55.

2. *Абрамов А. И.* Платон в России. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=838>.

3. *Авакьян С. А.* Политический плюрализм и общественные объединения в РФ: конституционно-правовые основы. М. : Рос. юрид. дом, 1996. 359 с.

4. *Авдонин В. С.* Борьба модернизационных и охранительных тенденций в избирательном цикле 2011–2012 // *Всерос. науч.-практ. симпозиум «Пути развития современной России: новые возможности и ограничения»* : сб. тезисов. М., 2012. С. 9–12.

5. *Александров-Агентов А. М.* От Коллонтай до Горбачева / под общ. ред. И. Ф. Огородниковой. М. : Междунар. отношения, 1994. 304 с.

5а. *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. М. : РИЦ «Зацепа», 2001. 382 с.

6. *Амальрик А. А.* Записки диссидента. М. : Слово, 1991. 432 с.

7. *Андрусенко Л.* Ума палата. Вертикаль гражданского общества выстроит не хуже государственной // *Политический журнал*. 2004. № 36 (39). URL: <http://www.politjournal.ru>.

8. Аргументации теория // *Ивин А. А.* Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 25–29.

9. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; под ред. М. Носова. СПб. : Алетейя, 2000. 437 с.

10. *Аристотель.* Политика // *Сочинения* : в 4 т. М., 1983. Т. 4. 830 с. (Филос. наследие; Т. 90).

11. *Арутюнян Р. Э.* Типология институтов общественного контроля при органах государственной власти России // *Закон и право*. 2009. № 11. С. 38–39.

12. *Асвацатурова М. А.* Общественный диалог в системе институтов гражданского общества в полиэтническом регионе // Проблемы становления гражданского общества на юге России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 апреля 2005 г.). Ставрополь, 2005. С. 310–316.

13. *Аузан А. А.* Экономическое значение гражданского общества / А. А. Аузан, В. Л. Тамбовцев // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 28–49.

14. *Ахиезер А. С.* Монологизация и диалогизация управления (опыт российской истории) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. – С. 24–34.

15. *Ахиезер А. С.* От диалога к диалогизации (в свете концепции В. С. Библера) / А. С. Ахиезер, М. А. Шуровский // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 58–70.

16. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. 804 с.

17. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология: словарь. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. 600 с.

18. *Ахиезер А. С.* Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 51–76.

19. *Ахиезер А. С.* Социокультурная динамика России. К методологии исследования. URL: <http://www.civisbook.ru>.

20. *Ахиезер А. С.* История России: конец или новое начало? Ч. 5. Постсоветское государство в ретроспективе и перспективе / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/ahiez/17.php.

21. *Баева С. С.* Коллективный договор как самостоятельный правовой институт (история и современность) : дис. ... канд. юридических наук. СПб., 2006. 168 с.

22. *Бажалкина Н. С.* Роль афористики в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2009. № 3. С. 63–66.

23. *Базаров А. А.* Институт философского диспута в тибетском буддизме. СПб. : Наука, 1998. 184 с.
24. *Балаян А. Р.* Основные коммуникативные характеристики диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 19 с.
25. *Баранов А. Н.* Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич // Новое в жизни, науке, технике. Сер. Наука убеждать – риторика. № 10. М., 1991. 64 с.
26. *Баранов А. Н.* Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108–118.
27. *Баранов Н. А.* Публичность в контексте российской политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2013. № 3 (16). С. 149–153.
28. *Баталов Э. Я.* Место для дискуссий: демократическая гражданственность и общественный диалог // Независимая газета. 2012. 25 мая. URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-05-25/5_discussion.html.
29. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М. : Искусство, 1979. 424 с.
30. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 434.
31. *Белковец Л. П.* История государства и права России : курс лекций / Л. П. Белковец, В. В. Белковец. Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 2000. – 216 с. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/belkovez_histgosiprava/04.aspx.
32. *Белозор Ф. И.* Расширение открытости и прозрачности государственного управления // Реформирование системы государственного управления в субъекте Российской Федерации: традиции и инновационные практики : сб. статей и материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / под общ. ред. Т. С. Болховитиной. Брянск : Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2012. Ч. 1. С. 177–186.
33. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М. : Медиум, 1995. 323 с.

34. Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII–XVIII веков (комедия, интермедия, диалог, игрище и др.) // Труды Отдела древнерусской литературы (Институт русской литературы АН СССР). XI. М. ; Л., 1955. С. 289–290.

35. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.

36. Бешлер Ж. Демократия. Аналитический очерк. М. : UNESCO, 1994. 208 с.

37. Библер В.С. О гражданском обществе и общественном договоре. URL: http://www.bibler.ru/bim_ng_o_grazhd.html.

38. Блэк С. Введение в публик рилейшнз. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 320 с.

39. Богданова О. ЧП союзного масштаба. Ч. 1: 6 Ноября 2000. URL: <http://www.stringer.ru>.

40. Большой толковый социологический словарь : в 2 т. Т. 1 (А–О). / сост. Д. Джерри ; пер. с англ. Н. Н. Мапчук. М. : Вече-АСТ, 1999. 544 с.

41. Бондарь Н. Ю. Институт общественного контроля за органами государственной власти в России // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 213–218.

42. Борисов А. М. Институт общественной экспертизы в оценках российской научной общественности // Ученые записки : [Электронный научный журнал Курского государственного университета]. 2010. № 3–2. С. 7–13.

43. Бородина Т. В. Социальный диалог: коммуникативные стратегии личностной репрезентации общественных отношений : автореф. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2003. 26 с.

44. Брод: Амнистия – это плод диалога власти и общества. URL: <http://www.vz.ru/news/2013/12/9/663542.html>.

45. Брэдли Дж. Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX–XX века / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер и Г. Н. Ульянова. М. РОССПЭН, 2007. С. 63–99.

46. Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой ; науч. ред. А. И. Мигунов. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. 296 с.
47. В День печати Кремль недосчитался журналистов. URL: <http://www.sostav.ru/news/2012/01/13/cod14/>.
48. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие. М. : Логос, 2001. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-009.htm>.
49. Велиева Д. С. Институциональные основы социального диалога в конституционно-правовом пространстве // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: материалы общерос. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной Всемирному дню прав человека, 2–3 декабря 2011 г. Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. С. 64–74.
50. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. 224 с.
51. Веселовский С. Б. Род и предки Пушкина в истории. М., 1990. 336 с.
52. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983. 344 с.
53. Винокур Т. В. Стилиевой состав говорящего и слушающего // Русский язык. Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст. М., 1983. С. 135–154.
54. ВКП(б) в резолюциях и решениях. Ч. 1. М., 1941. 738 с.
55. Владимир Рыжков. Диалог с Путиным. 25.11.2013. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/2214271/post300961831/>.
56. Владимир Рыжков считает, что Путин откликнулся на его предложения // Известия. 2013. 21 нояб. URL: <http://izvestia.ru/news/561137>.
57. Владимир Рыжков: Нужно ли говорить с Владимиром Путиным? // Радио «Свобода». 2013. 25 нояб. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/25179265.html>
58. Водолазская Е. С. Раиса Горбачева. Ростов н/Д : Феникс, 2000. 320 с.

59. Вознесенский и Хрущев. URL: http://users.livejournal.com/_starley_/978131.html.

60. Волков В. В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 77–91.

61. Волков В. В. Общественность: российский вариант концепции гражданского общества. URL: http://www.cisr.ru/files/publ/wp3/wp3_Volkov.pdf.

62. Волков В. В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской Империи : автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Кембридж, 1995. URL: <http://www.dissercat.com>.

63. Волков Д. Россияне о статье Д. А. Медведева «Россия, вперед!». URL: <http://www.levada.ru/press/2009092402.html>.

64. Володенков С. В. Модель информационного взаимодействия общества и власти в современной России // Моделирование в социально-политической сфере. Научный альманах. 2007. № 1. URL: <http://www.g3-group.ru/projects/infvz.php>.

65. Встреча с представителями непарламентских партий 20 ноября 2013 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19659>.

66. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2011. 288 с.

67. Гавриленко В. И. Гражданское общество и правовое государство: проблема обеспечения синхронного развития // Конституционное развитие России : межвуз. сб. науч. статей. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 36–44.

68. Гаврилова М. В. Некоторые тенденции развития российской президентской риторики // Политические коммуникации в изменяющейся России : сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М., 2013. С. 33–38.

69. Гаврилова И. Н. Вопросы развития гражданского общества на примере института общественных слушаний // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. URL: <http://teoria-practica.ru/-8-2012/politics/gavrilova.pdf>.

70. Гадышев А. С. Современные подходы к определению публичной политики // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (27). С. 132–134.

71. *Гайдар М.* Отповедь 13. Ходить или не ходить к Путину. URL: <http://m-gaidar.livejournal.com/210156.html>.

72. *Галкина Е.* Защитник земли (Памяти А. Г. Кузьмина) / Е. Галкина, Ю. Колинченко // Наш современник. 2006. № 7. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=7&id=5>.

73. *Гарифуллина Г. А.* Сопоставительные органы при исполнительной власти – институт диалога с бизнесом? // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 6. С. 29–41.

74. *Геллер М.* История России, 1917–1995 : учеб. пособие для студентов высш. учебных заведений : в 4 т. Т. 3: Утопия у власти. Кн. 3: Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева / М. Геллер, А. Некрич. М. : МИК, Агар, 1996. 476 с.

75. *Герасимова Г. И.* Связи с общественностью как социальный институт российского общества // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2008. № 2. С. 21–24.

76. *Гефтер М.* «Пусть жестокий, но компромисс!» Беседа театрального критика Андрея Караулова с Михаилом Гефтером // Театральная жизнь. 1990. URL: <http://gefter.ru/archive/4833>.

77. *Главацкий М. Г.* Философский пароход: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2002. 224 с.

78. *Глухова А. В.* Политическая ситуация в России после президентских выборов 2012 г.: конфликт или компромисс? // Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития : сборник статей / редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец. – М. : Ключ-С, 2013. С. 178–193.

79. *Глухова А. В.* Россия 2012: запрос на политические перемены // Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций // Политическая наука : Ежегодник 2013 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А. И. Соловьев. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 49–67.

80. *Гозман. М.* Человек десятилетия. Штрихи к психологическому портрету Михаила Горбачева. Огонек. 1991. № 49. URL: <http://zadocs.ru/pravo/32854/index.html?page=27>.

81. *Гончаров В. В.* Об институтах общественного контроля за исполнительной властью в Российской Федерации / В. В. Гончаров, Л. И. Ковалёва // *Власть*. 2009. № 1. С. 72–75.

82. *Горбачев М. С.* Учить по-новому мыслить и действовать : Речь на всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений 1 октября 1986 года // *Избранные речи и статьи*. Т. 4. М., 1986. С. 110–116;

83. *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М. : Политиздат, 1988. 271 с.

84. *Горбачев М. С.* Что такое перестройка? 19.12.2009. URL: <http://www.kabmir.org/news/1609-m-gorbachev-chno-takoe-perestroyka.html>.

85. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.

86. *Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е. С. Петренко*. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. 392 с.

87. *Гражданское общество в модернизирующейся России : аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» / Л. И. Якобсон, И. В. Мерсиянова, О. Н. Кононыхина и др.* М. : НИУ ВШЭ, 2011. 61 с. URL: <http://www.mosportal.ru>.

88. *Гражданское общество – ресурс развития России : аналитический доклад*. М. : Центр политических технологий, 2013. 121 с.

89. *Грачев М.* Введение в элементарную диалектическую логику. URL: <http://www.proza.ru/2012/05/24/1046>.

90. *Грекова Г. И.* Институционализация социального партнерства в России / Г. И. Грекова, М. В. Киварина // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2010. № 2. С. 57–61.

91. *Гришина Н. В.* Психология конфликта. 2-е изд. СПб. : Питер, 2008. 544 с. : ил. (Мастера психологии).

92. *Громогласова Е. С.* Теория и практика политического управления в Европейском союзе. М. : ИМЭМО РАН, 2009. 116 с.

93. *Грязнова А. Г.* Диалог между обществом и властью нуждается в современных формах институционализации // Роль государства и гражданского общества в развитии человеческого потенциала и обеспечении рационального использования природных ресурсов России : сб. материалов ; Стенограмма заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ 10 октября 2006 года. С. 73–82.

94. *Гончаров Л. А.* Гражданская экспертиза как институт демократической политической системы современной России: организационные и социокультурные барьеры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 256–260.

95. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. Институт мировой экономики и международных отношений российской Академии наук / отв. ред. В. Г. Хорос. М. : Эдиториал УРСС, 1998. 312 с.

96. *Григорьева В. С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. университетата, 2007. 288 с. URL: http://window.edu.ru/resource/733/56733/files/k_Grigoreva.pdf.

97. *Гудкова Е. Г.* Развитие института обращения граждан как формы непосредственной демократии // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. № 2. Ч. 2. С. 131–140.

98. *Давиденко В. В.* Соціальний діалог в контексті взаємодії громадянського суспільства і держав : автореф. дис. ... д-ра політ. наук. Киев, 2008. 35 с.

99. *Даль Р.* О демократии. М. : Издательство: «Аспект Пресс», 2000. 208 с.

100. *Даль Р.* Демократия и ее критики / пер. с англ. ; под ред. М. В. Ильина. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. 576 с.

101. *Даниэль А. Ю.* Диссидентство: культура, ускользающая от определений? // Россия/Russia. Вып. 1 [9]: Семидесятые как предмет истории русской культуры. М. : О.Г.И., 1998. С. 111–124

102. Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. (25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.). М. : Гос. изд-во полит. литерат., 1957. 627 с.

103. *Деметрадзе М. Р.* Социокультурная методология как основа современной политологии // Вестник РГГУ. Сер.: Международные отношения. Регионоведение. 2009. № 14. С. 224–237.

104. *Дегальцева Е. А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917) / М-во образования Рос. Федерации. Алт. государственный техн. университет. Бийск : Технол. Институт, 2002. 287 с.

105. *Демьянков В. З.* О методах контрастивной лингвистики в политологии // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). URL: http://journal.mosinyaz.com/page_9_34/.

106. *Демьянков В. З.* Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс. История и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32–43.

107. *Демьянков В. З.* Тайна диалога // Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования. М. : ИНИОН РАН, 1992. С. 10–44. URL: http://www.infolex.ru/Taj.html#_Toc32158951.

108. *Дзялошинский И. М.* Гражданские коммуникации и гражданское общество // Эмпирические исследования гражданского общества : сб. материалов общественных слушаний. М. : Общественная палата, 2009. С. 32–34.

109. *Дзялошинский И. М.* Гражданские коммуникации: общее и особенное // Гражданские коммуникации и гражданское общество / науч. ред. и сост. И. М. Дзялошинский. М., 2009. С. 41–55.

110. *Джохадзе Д. В.* Античный диалог и диалектика // Философия и общество. 2012. № 2 (66). С. 23–45.

111. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и автор вступ. ст. А. Ф. Лосев ;

перевод М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М. : Мысль, 1986. 571 с. (Филос. наследие).

112. Доклад Общественной палаты Костромской области «О состоянии гражданского общества в Костромской области». URL: <http://www.opkostroma.ru/dokumenty/zakonodatelnye-akty/30-o-sostoyanii-grazhdanskogo-obshhestva-v-kostromskoj-oblasti.html>.

113. *Дубровина В.* Развитие социального партнерства и предпринимательства в условиях рыночной трансформации. URL: <http://www.cpoi.narod.ru>.

114. *Дука А. В.* Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 1. С. 91–113.

115. *Ермакова О. П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М., 2000. С. 32–66.

116. *Есинов В. В.* Диалог «художник и власть» как инновационный ресурс культуры : автореф. ... канд. культурологии. СПб., 2007. 25 с.

117. *Ефимов В. М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2011. Т. 2. № 3. С. 5–79.

118. *Жуковский А. Г.* Специфические парадигмальные черты институционализма и возможности его применения в политологии // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1 (09). URL: <http://sisp.nkras.ru>.

119. *Зайцев А. В.* Теоретико-методологические основания институционализации диалога и государства и гражданского общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. № 1. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. 21. С. 231–236.

120. *Зайцев А. В.* Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 3. С. 313–318.

121. *Зайцев А. В.* Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 1. С. 203–206.

122. *Зайцев А. В.* Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества: опыт в ЕС и современная Россия // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 2. С. 188–191.

123. *Зайцев А. В.* К вопросу об институционализации диалога государства и гражданского общества в социально-политическом дискурсе современной России // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 13–22.

124. *Зайцев А. В.* Структурный функционализм и институциональный диалог государства и гражданского общества в современной России // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 1. С. 351–354.

125. *Зайцев А. В.* Диалогическая модель связей с ответственностью Дж. Грюнига и современность // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 3. С. 84–88.

126. *Зайцев А. В.* Механизм обратной связи в институциональном диалоге государства и гражданского общества в современной России // Государство будущего: политико-правовой аспект : статьи докладов и выступлений Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Изд-во «Нефтегазовое дело», 2012. С. 138–142.

127. *Зайцев А. В.* Диалогическая модель связей с ответственностью: возникновение, состояние, перспективы // *Ars administrandi*. 2013. № 3. С. 5–23.

128. *Зайцев А. В.* Институциональный диалог государства и гражданского общества в современной России: структурно-функциональный анализ // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1. С. 30–35.

129. *Зайцев А. В.* Институционализация практики диалогового взаимодействия государства и гражданского общества в современной России // Государство и гражданское общество в России: новые практики взаимодействия. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2013. С. 249–258.

130. *Зайцев А. В.* Гражданский диалог в Евросоюзе и Евразийский интеграционный проект // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2012. № 1 (17). С. 97–102.

131. *Зайцев А. В.* Гражданский диалог в ЕС и диалог государства и гражданского общества в современной России: опыт сравнительного анализа // Политика и общество. 2012. № 10 (54). С. 28–36.

132. *Зайцев А. В.* Лиссабонский договор и институционализация гражданского диалога в Евросоюзе // Общество: политика, экономика, право. № 4. 2011. С. 24–32.

133. *Зайцев А. В.* Диалогика гражданского общества. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. 443 с.

134. *Зайцев А. В.* Взаимодействие власти и гражданского общества (на примере Костромской области) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 2. С. 166–169.

135. *Зайцев А. В.* Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 1. С. 203–206.

136. *Зайцев А. В.* Публичная политика в Костромской области: субъекты и институты (по результатам социологического исследования) / А. В. Зайцев, Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 4. С. 146–153.

137. *Зайцев А. В.* Политическая культура и политический диалог в демократическом транзите современной России // Диалог культур – культура диалога : материалы междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 6–10 сентября 2010 г. / под ред. Л. Н. Ваулиной. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. С. 166–170.

138. *Зазнаев О. И.* Политическая институционализация: концептуальный анализ // Вестник КГТУ им. А. Н. Туполева. 2005. № 4. С. 70–73.

139. Закон Российской Федерации от 9 февраля 2009 года №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности

государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета : Федеральный выпуск. 2009. № 4849. 13 февр. URL: <http://www.rg.ru/2009/02/13/dostup-dok.html>.

140. Закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Российская газета : Федеральный выпуск. 2008. № 4822. 26 дек. URL: <http://www.rg.ru/2008/12/26/sud-internet-dok.html>.

141. Закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета : Федеральный выпуск. 2010. № 5247. 30 июля. URL: <http://www.rg.ru/2010/07/30/gosusl-dok.html>.

142. Закон Ярославской области от 23 октября 2003 года № 61-з «О взаимодействии органов государственной власти Ярославской области и общественных объединений». URL: www.adm.yar.duma.

143. *Зиновьев О. А.* Категория «гражданское общество», как элемент описания политического процесса в России // Политэкс: Политическая экспертиза. 2006. Т. 2. № 2. С. 77–84.

144. *Иванова А. А.* Институционализация взаимодействия власти и общественных объединений: доверие и сотрудничество // Государственная служба. 2013. № 3 (83). С. 45–48.

145. *Иванов А. А.* Советское диссидентство: иллюзия коммуникации с властью // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : научно-теоретический и прикладной журнал. 2011. № 3 (9). Ч. 1. С. 58–61.

146. *Игнатьев Н. П.* Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России: проблемы, перспективы // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Сер.: Гуманитарные науки. Т. 151. Кн. 1. С. 131–140.

147. Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования / под ред. Т. В. Павловой и С. В. Патрушева. М. : ИСПРАН, 2005. 226 с.

148. Институты самоуправления: историко – правовое исследование/ Графский В. Г., Ефремова Н. Н., Карпец В.И. и др. М. : Наука, 1995. 301 с.
149. Институциональные аспекты взаимодействия власти, общества и бизнеса на постсоветском пространстве. Омск : Изд-во ОмГУ, 2012 . 302 с.
150. Институционализация // Политология : энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та. 1993. 431 с.
159. *Исаев Б. А.* Политические отношения и политический процесс в современной России : учеб. пособие / Б. А. Исаев, Н. А. Баранов. СПб. : Питер, 2009. 395 с.
160. *Исаева Е. В.* Диалоговые площадки власти и общества в Ярославской области: оценка эффективности // III Всерос. науч.-практ. симпозиум с международным участием «Стратегия поиска баланса между стабильностью и развитием: соотношение властного и общественного выбора» : сб. тезисов. М. ; Истра, 2013. С. 88–90.
161. *Исакова Ю. И.* Гражданский контроль как институт мониторинга и надзора за государственными органами // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 2. С. 121–123.
162. История и культурология / Н. В. Шишова, Т. В. Акулич, М. И. Бойко и др. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2000. 297 с.
163. *Какабадзе Ш. Ш.* Институты согласования интересов федерального государства и структур гражданского общества // Право и политика. 2008. № 10. С. 2430–2437.
164. *Какабадзе Ш. Ш.* Согласование интересов в федеративной системе России; особенности институционализации // Политическая наука. 2009. № 3. С. 141–158.
165. *Какабадзе Ш. Ш.* Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов / Ш. Ш. Какабадзе, Д. Г. Зайцев, Н. А. Звягина, В. Е. Карастелев // Полис: Политические исследования. 2011. № 3. С. 88–108.
166. *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М. : Языки русской культуры, 1998. 416 с.

167. *Карабушенко П. Л.* Российская элита на пути к гражданскому обществу // Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России : материалы Всерос. науч.-практ. симпозиума с международным участием. Истра ; М., 2011. С. 57–60.

167а. *Кара-Мурза С.* Опыт разрушения Советского Союза / С. Кара-Мурза, С. Братчиков. URL: <http://www.intellectual.org.ua/InformWar59.htm>.

168. *Карасик В. И.* Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж : ВГУ, 2007. Вып. 5. С. 78–86.

169. *Карпушкина А. В.* Особенности формирования института социального партнерства в России // Вестник ИНЖЭКОНа. Сер.: Экономика. 2009. № 7. С. 61–65.

170. *Касьянова Л. Ю.* Семантическая неологизация в русском языке конца XX – начала XXI века // Вестник ТГПУ. 2006. Сер.: Гуманитарные науки (филология). Вып. 5 (56). С. 5–10.

171. *Катлип С.* Паблик рилейшенз. Теория и практика / С. Катлип, А. Сентер, Г. Брум ; пер. с англ. 8-е изд. М. : Издат. дом «Вильямс», 2001. 624 с.

172. *Кашкин Ю. С.* Лиссабонский договор – новый этап развития права в Европейском Союзе // Право в современном мире. 2010. № 3. URL: <http://law-journal.hse.ru/data/2011/03/01/1211537272/1-%202010-9.pdf>.

173. *Квят А. Г.* Новые медиа как фактор «перезагрузки» идеологии PR. URL: http://connect-universum.com/blog/connectuniversum2012_ru/34.html.

174. *Киселева Н. В.* Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ. Ростов на/Д : Рост. гос. ун-т, 1998. 210 с.

175. *Климов И. А.* Выписки из книги Д. Уолтона «Аргументы ad hominem» // Социальная реальность. Фонд «Общественное мнение». 2006. №10. С. 122–139. URL: <http://socreal.fom.ru/english/?link=ARTICLE&aid=230>.

176. *Клиньшанс Е. В.* Институционализация гражданского контроля над системой исполнения наказания в современной

России // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 2. С. 120–130.

177. *Ключник И. В.* Институционализация толерантности в Конституции Российской Федерации // Обеспечение прав личности и интересов государства в современном обществе : сб. тезисов всерос. науч.-практич. Конф., Муром, 17–18 декабря 2004 г. Муром : Изд-во: МИ ВлГУ, 2004. С. 27–28.

178. *Кимягарова Р.* Диалог // Русский язык в школе. 1968. № 6. С. 89–91.

178а. *Кин Дж.* Демократия и гражданское общество / пер. с англ.; послесл. М. А. Абрамова. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 400 с.

179. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М. : ТЕИС, 2000. 213 с.

180. *Кирдина С. Г.* Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 23–32.

181. *Кирдина С. Г.* Гражданское общество: уход от идеологемы // СОЦИС: Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63–73.

181а. *Киселева Н. В.* Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ. Ростов на/Д : Рост. гос. ун-т, 1998. 378 л.

182. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М. : Синодальная типография, 1906. Ч. 2. 508 с.

183. *Кокорхоева Д. С.* Современные исследования институтов политической власти (сравнительный анализ теорий) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 10. № 14. С. 208–210.

184. *Колокольцева Т. Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во Волгоградского университета, 2001. 260 с.

185. *Колокольцева Т. Н.* Современная диалогическая коммуникация и проблемы ее изучения // Речевое общение: специ-

ализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 8–9 (1617). Красноярск, 2006. URL: http://library.krasu.ru/ft/_articles/0113885.pdf.

186. *Колокольцева Т. Н.* Современная диалогическая коммуникация и проблемы типологии диалогических дискурсов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 62. № 2. С. 56–66.

187. *Комарова В. В.* Институт публичных слушаний – форма народовластия (понятие, виды, правовые основы) // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 9. С. 18–21.

188. *Комаровский В. С.* Государственная служба и средства массовой информации : курс лекций. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2003. 114 с.

188а. Комитет гражданских инициатив. 2012: власть и наши общие риски. URL: <http://komitetgi.ru/news/news/310/#.UMBL3VНIЬZI>.

189. *Комлева Н. А.* Специфика политической системы Евросоюза / Н. А. Комлева, Д. А. Миронов, Е. М. Петров // Известия Уральского государственного университета. Сер.: Общественные науки: философия политики и политология. 2006. № 42. С. 106–112.

190. *Коржаков А. В.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М. : Интербук, 1997. 480 с.

191. Конституция РСФСР 1918 года. Статья 9. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_\(1918\)#](http://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1918)#).

192. Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для рассмотрения в Правительстве Российской Федерации предложений, получивших поддержку не менее 100 тыс. граждан Российской Федерации в течение одного года. URL: <http://archive.government.ru/docs/20405/>.

193. *Косов Г. В.* Модели взаимодействия гражданского общества и государства в глобальной общественно-политической системе / Г. В. Косов, О. В. Паслер. Ставрополь, 2010. 154 с.

194. Кошкарлова Н. Н. «Разговор с президентом» как тип диалогического жанра // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 328–331.
195. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория : пер. с англ. / Дж. Коэн, Э. Арато; общ. ред. И. И. Мюрберг. М. : Изд-во «Весь Мир», 2003. 784 с.
196. Крайнова К. А. Управление политическими коммуникациями в субъекте Российской Федерации (на примере Ярославской области) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 170 с.
197. Краснов М. А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М. : Либеральная миссия, 2006. 180 с.
198. Кремль поздно вато решился на диалог с оппозицией, так как системная оппозиция уже присоединилась к несистемной и готовится выйти на митинг 10 декабря. URL: <http://www.rb.ru/article/kreml-pozdnovato-reshilsya-na-dialog-s-oppozitsiey/6837437.html>.
199. Кузьменкова М. А. Связи с общественностью: гражданский диалог : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 2010. 288 с.
200. Кузьмин В. Послания к посланию. По «электронке» и через блог в Кремль поступило 35 тысяч сообщений. URL: <http://www.rg.ru/2009/11/12/poslanie.html>.
201. Курукин И. Блеск и нищета отечественного народоправства. Заметки историка на полях политологических сочинений // Отечественные записки. 2005. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/blesk-i-nishcheta-otechestvennogo-narodopravstva>.
202. Кулинченко А. В. О современных формах взаимодействия гражданского общества и государства (к вопросу о развитии новых форм институционализации общественного диалога в современной России) // Без темы. 2007. № 1(3). С. 90–98.
203. Кумкин И. А. Публичная сфера как предпосылка формирования гражданского согласия // Вестник СевГТУ. Вып. 78: Философия. Севастополь : Изд-во Севастоп. нац. техн. ун-та, 2006. URL: <http://sevntu.com.ua/jspui/bitstream/123456789/1788/1/78Fhils ofh.2006.159-169.pdf>.
204. Кумкин И. А. Общение как условие осуществления гражданского согласия // Культура народов Причерноморья: научный

журнал. 2006. № 82. URL: http://www.nbuu.gov.ua/Articles/KultNar/knp82/pdf/knp82_62-67.pdf.

205. *Кумкин И. А.* Гражданское согласие как основание идеологий общества переходного периода // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Философия. Социология. Т. 21 (60). № 1 (2008). С. 355–363.

206. *Курбатов В. И.* Социальный диалог в гармонизации социальных отношений // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 121–125.

207. *Лихачев Д. С.* Стиль произведения Грозного и Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л. : Наука, 1976. С. 183–213.

208. *Лобанова Т. Н.* Особенности и функционирование концептов и прецедентных феноменов в китайской политической метафоре / Т. Н. Лобанова, В. О. Кибалина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 105–108.

209. *Луканин А. В.* Государство и общество: институционализация новых форм взаимодействия в условиях информатизации / А. В. Луканин, Е. В. Еремина // Власть. 2012. № 12. С. 22–25.

210. *Лукашев А. В.* Анатомия демократии, или Черный PR как институт гражданского общества / А. В. Лукашев, А. В. Пониделко. СПб. : Бизнес-пресса, 2001. 272 с.

211. *Луман Н.* Что такое коммуникация? / пер. с нем. Д. В. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–125.

212. *Макаров М. Л.* Отражение межличностных отношений во взаимодействии коммуникативных стратегий в диалогическом дискурсе // Прагматика и логика дискурса. Ижевск, 1991. С. 66–73.

213. *Малинова О. Ю.* Символическое пространство современной политики. Основные тенденции трансформации публичной сферы // Публичная политика в современной России: субъекты и институты : сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Ю. Беляева ; Гос. ун-т «Высшая школа экономики» . М. : ТЕИС, 2006. С. 60–71.

214. *Малинова О. Ю.* Между агитацией против «других» и демонстрацией «единства»: избирательная кампания В. В. Путина 2012 г. // Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Политическая наука : Ежегодник 2013 / Российская ассоциация политической науки ; гл. ред. А. И. Соловьев. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. С. 8–29.

215. Материалы XIX Всесоюз. конф. Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. – М. : Политиздат, 1988. 160 с.

216. *Милосердина І. М.* Принцип зворотнього зв'язку в сучасному політичному управлінні // Вісник Одеського національного університету: Соціологія і політичні науки. Т. 13. Вип. 5. С. 651–652. URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/16389>

217. *Мионов Б. Н.* Добровольные ассоциации и гражданское общество в поздней имперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 3. С. 164–176.

217а. *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 2. 583 с.

218. *Михалева О. Л.* Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

219. *Михеев В. А.* Институционализация диалога власти и общества: реалии и перспективы / В. А. Михеев, А. А. Иванова // Государственная служба. 2012. № 3. Май – июнь. С. 70–74.

220. *Михеев В. А.* Институционализация диалога власти и общества: реалии и перспективы // Всерос. науч.-практ. симпозиум «Пути развития современной России: новые возможности и ограничения» : сб. тезисов. М., 2012. С. 87–90.

221. *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 230–284.

222. *Медведев Д.* Россия, вперед! URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml.

223. Медведев Д. А. Выступление на Петербургском международном юридическом форуме «Правовая политика в XXI веке: новые вызовы права в глобальном мире» 17 мая 2012. URL: <http://government.ru/special/docs/18984/>.

224. *Медведев Д. А.* Выступление на расширенном заседании Госсовета (полная версия) 24 апреля 2012. URL <http://www.1tv.ru/news/polit/205261>.

225. *Медведев Д. А.* Послание Президента Федеральному Собранию. 22 декабря 2011 года. URL: <http://kremlin.ru/news/14088>.

225 а. *Медведев Д. А.* Диалог, общение, сотрудничество, просвещение – залог гражданского согласия. URL: Видеоблог Дмитрия Медведева//<http://blog>.

226. *Медведев Р. А.* Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М. : АСТ. Полиграфиздат, 2010. 640 с. URL: <http://lib.rus.ec/b/281567/read>.

226а. *Межуев В. М.* Гражданское общество и современная Россия. URL: <http://www.mzst.ru/pages/14-v.m.-mezhujev-grazhdanskoe-obshhestvo-i.html>.

227. *Меркель В.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях / В. Меркель, А. Круассан // Политические исследования. 2002. № 2. С. 20–30.

228. *Мерсиянова И. В.* Институционализация общественных объединений в местном самоуправлении / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2003. 176 с.

229. Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю. С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. 336 с.

229а. Молодёжный форум «Селигер-2013». URL: <http://www.kremlin.ru/video/1553>.

230. *Молокова М. А.* Гражданское общество и модернизация : монография. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2011. 496 с.

231. *Молокова М. А.* Публичная политика как фактор развития территорий и местного сообщества (на примере Курской области) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1. С. 46–54.

232. Морозова Е. В. Институционализация социальной сети в сфере публичной политики (на примере кадетского движения в современной России) / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. 2011. № 4. С. 97–111.

233. Мурзина И. А. Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России // Университетское образование : сб. ст. 16-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 6–7 апреля 2011 г.) / под ред. В. И. Волчихина, Р. М. Печерской. Пенза, 2011. С. 325–327.

234. Навальный собрал 100 тысяч подписей за запрет дорогих машин для чиновников. URL: <http://lenta.ru/news/2013/07/10>.

235. Нарышкин: парламент – место для дискуссий. URL: <http://actualcomment.ru/news/35243/>.

235а. Не ходите к нему, бандерлоги. Илья Яшин о целесообразности диалога с властью. URL: <http://svpressa.ru>.

236. Никовская Л. Социальные основания гражданского общества на Западе и в России: состояние и проблемы // Проблемы становления гражданского общества в России. Вып. 3. М., 2003. С. 33–58.

237. Никовская Л. И. Типология публичной политики в российских регионах / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 56–66.

238. Никовская Л. И. Проблемы и приоритеты развития публичной политики в современной России / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Власть. 2013. № 9. С. 4–9.

239. Никовская Л. И. Публичная политика в регионах России / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Полис: политические исследования. 2011. № 1. С. 80–96.

240. Никовская Л. И. Оценка действенности институтов публичной политики в России / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Полис: политические исследования. 2013. № 5. С. 77–86.

241. Никовская Л. И. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Полития. 2007. № 1. С. 30–51.

242. *Никовская Л. И.* Гражданские инициативы и модернизация России / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец, М. А. Молокова. М. : Ключ-С, 2011. 336 с.

241. *Нисневич Ю. А.* «Вертикаль власти» и конкурентоспособность российского государства // Россия и современный мир. 2010. № 3. URL: <http://lap.hse.ru/data/2011/02/14/1208716783/Artnis71-1.pdf>.

242. *Нисневич Ю. А.* Государственный режим в России: особенности формирования и качество управления // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 4 . Ч. 2. М. : ИНИОН РАН, 2009. URL: <http://lap.hse.ru/data/2010/09/14/1229488574/Artnis60.pdf>.

243. *Нисневич Ю. А.* Стала ли Россия демократией? URL: <http://lap.hse.ru/data/2012/05/31/1252374904/Artnis90.pdf>.

244. *Новикова О. В.* Проблемы институционального взаимодействия государства и гражданского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. Т. 3. С. 69–78.

245. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. Э. Мильнера. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

246. Неоправдавшиеся надежды россиян в этом году // Аналитический центр Ю. Пресс-выпуск от 27.12.2012. URL: <http://www.levada.ru/27-12-2012/неоправдавshiesya-nadezhdy-rossiyan-v-etom-godu>.

247. Независимая газета-политика. 2009. 9 сент.

248. Ностальгия по агоре: противоречивость современной демократии // Актуальные проблемы современной политической теории и права. Екатеринбург : Изд-во УрЮИ МВД России, 2003. 139 с. URL: http://www.pravo.vuzlib.net/book_z2162_page_9.html.

249. *Нудельман В. Я.* Обращения граждан в органы публичной власти как институт гражданского общества: понятие, сущность, содержание // Юридическая мысль. 2010. № 3. С. 48–52.

250. О социальном диалоге в Украине. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2862-17>.

251. Об антисоветских партиях и течениях. Резолюция XXII Партийной конференции РКП(б). Москва. 4–7 августа 1922 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898–1925. М. : Институт Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПСС, 1953. С. 669–673.

252. Общественная палата Курской области: куряне не готовы к внедрению принципов демократии. URL: <http://www.kurskcity.ru/news/firstline/16922>.

253. Общественная палата – не место для дискуссий. URL: <http://arks.org.ru>.

254. Общественная палата Ярославской области // О палате. URL: <http://орпо.yarregion.ru>.

255. Общероссийский гражданский форум «Повестка дня для России». 23.11.2013. URL: <http://civil-forum.ru>.

256. Окружающая среда для Европы: Конвенция о доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. Орхус, Дания, 23–25 июня 1998 года. URL: <http://www.unepse.org>.

257. Они: Владимир Рыжков. В. Роменский и Т. Олееневский // Эхо Москвы. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/oni/1203434-echo/>.

258. *Осипов Е. М.* Методология социологического анализа социального партнерства как социального института. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-1-2011/sociologiya/osipov.pdf>.

259. *Остапенко А. С.* Социальное партнерство как способ формирования институтов гражданского общества // Татищевские чтения: актуальные проблемы юридической науки : материалы 5-й юбилейной науч.-практ. конф. Тольятти : Изд-во: ВУиТ, 2008. Ч. 1. С. 181–192.

260. Открытое государство. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Открытое_государство.

261. От редколлегии // Цивилизации. Вып. 7. Диалог культур и цивилизаций / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 1992. С. 5–8.
262. Отечественная история: учебное пособие / под ред. Л. Н. Булдыгеровой, Н. Т. Кудиновой, С. М. Нечитайлова. Хабаровск : Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 2004. URL: http://09403.khstu.ru/studentsbooks/othistory/otucheb/posobie/v_13.htm.
263. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд. М. : ООО «ИТИ Технология», 2003. 944 с.
264. Омеличкин О. В. Гражданская культура (Теоретико-методологические проблемы). Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. 227 с.
265. Очеретина М. А. Становление и развитие института публичных слушаний // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. Вып. 9. Екатеринбург : Изд-во УрОНА, 2009. С. 433–443.
266. Панарин И. Н. Реализация доктрины «Москва – Третий Рим» Иваном Грозным. URL: <http://viperson.ru>.
267. Панарин И. Н. От Единой России к Евразийской Руси. URL: http://www.panarin.com/doc/106#1_2.
268. Патрушев С. В. Институциональная политология в российской перспективе // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 142–148.
269. Панов П. В. Трансформация политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // Полис: политические исследования. 2002. № 6. С. 58–70.
270. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект-Пресс, 1997. 270 с.
271. Пелипенко А. А. Человек и культура как субъекты диалога // Цивилизации Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций / отв. ред. А. О. Чубарьян ; Ин-т всеобщ. истории РАН. М. : Наука, 1992. С. 64–81.
272. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л. : Наука, 1976. 432 с.
273. Песков: В планах Путина нет встречи с оппозицией. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/President/m.194997.html>.

274. *Пескова Е. Н.* Политический дискурс: проблема институционализации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7 (47). С. 186–187.

275. *Петрушенко Л. А.* Принцип обратной связи (Некоторые философские и методологические принципы управления). М. : Мысль, 1967. 277 с.

276. *Петров А. В.* Профсоюзы – институт гражданского общества // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 3. С. 55–66.

277. *Пильгун Е. В.* Теоретические основы политического дискурса. URL: http://www.fir.bsu.by/chairs/ee/publications_ee/pilgun/pilgun_2012_sbornik_molod_uchen.pdf.

278. *Питерс Б. Г.* Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М. : Вече, 1999. С. 218–232.

279. *Платонов С. Ф.* К истории московских земских соборов. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1905. 68 с.

280. *Плахотная Ю. И.* Речевое воздействие в диалогическом политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 121–124.

280а. *Плеханова Т. Ф.* Текст как диалог. Минск : МГЛУ, 2002. 253 с. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1143>.

281. *Пляйс Я. А.* Возникновение и этапы развития гражданского общества // Обозреватель. 2007. № 5. С. 53–60.

282. Подписан Указ об общественном обсуждении проектов федеральных законов. URL: <http://kremlin.ru/acts/10288>.

283. *Подьячев К. В.* Институт обращений граждан в органы власти: возможности возникновения нового канала влияния // Политические исследования. 2007. № 5. С. 68–81.

284. Познер предложил закрыть Общественное телевидение России. URL: <http://www.aif.ru/society/media/1088027>.

285. Поклонная выступит против Болотной. Организаторы «антиоранжевого митинга» опасаются повторения ливийского сценария в России. URL: <http://www.mn.ru/politics/20120203/310967353.html>.

286. Политические партии России: история и современность. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. 631 с.
287. *Политов Ю.* Горизонталь отношений. В Москве прошел Общероссийский гражданский форум // Российская газета : Федеральный выпуск. № 6241 (265). URL: <http://www.rg.ru/2013/11/25>.
288. Политология : Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
289. Политология : учеб. пособие для вузов / сост. и отв. редактор А. А. Радугин. М. : Центр, 1988. 224 с.
290. Политические коммуникации: учеб. пособие для вузов / под ред. А. И. Соловьева. М. : Аспект Пресс, 2004. 32 с.
291. *Полякова И. С.* Роль прецедентного имени в формировании эзотеричности политического текста // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 146–149.
292. *Пономарев И.* Свет в конце амнистии // Известия. 2013. 31 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/563556>
293. *Поцелуев С. П.* Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества : автореф. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2010. 46 с.
294. *Поцелуев С. П.* Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. Ростов н/Д : СКАГС, 2010. 496 с.
295. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М. : Релф-бук ; Ваклер, 2003. 656 с.
296. *Почепцов Г. Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов. Изд. 2-е, испр. М. : Релф-бук ; Ваклер, 2003. 624 с.
297. Предложения А. В. Зайцева по развитию гражданского диалога с участием в нем в первую очередь гражданского общества и государства (власти). URL: <http://civil-forum.wiki-help.ru/group/5908/topic/6178>.
298. *Пригожин И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М., 1986. 432 с.
299. Проект Федерального закона «Об общественном контроле в Российской Федерации». URL: <http://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/18428>.

300. Проект «Доверие» : официальный сайт Курской областной Думы. URL: <http://oblduma.kursknet.ru/doverie/index.php>.

301. *Проконий из Кесарии*. Война с готами / пер. с греч. С. П. Кондратьева ; вступ. ст. З. В. Удальцовой. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 519 с.

302. *Проскурякова Н. А.* Проблемы формирования гражданского общества в России в конце XIX – начале XX вв. в социально-политическом и социокультурном контексте. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Proskur_problems.pdf.

303. *Проскурякова Н. А.* Концепт «гражданское общество» и истории : препринт WP19/2012/01 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 40 с.

304. *Проскурякова Н. А.* Гражданское общество как предмет изучения обществознания. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/10/06>.

305. Прямая линия «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» 15.12.2011. URL: http://ria.ru/trend/Putin_call_in_show_14122011.

306. «Прямую линию» Путина перенесли на лето, чтобы у народа не «отмерзли уши и ноги». URL: <http://www.newsru.com/russia/31oct2012/line.html>.

307. *Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19825>.

308. *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761>.

309. Путин Владимир Владимирович. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

310. Президент Путин впервые встретился с представителями общественных некоммерческих негосударственных организаций России. URL: <http://smolprovince.narod.ru/socpartner/socpar180601-1.htm>.

311. Приостановить приватизацию и продажу общедолевой собственности : [Сайт Общественной палаты Костромской области]. URL: <http://www.opkostroma.ru/dokumenty/zakonodatelnye>

akty/113-priostanovit-privatizacziyu-i-prodazhu-obshhedolevoj-sobstvennosti.html.

312. Прямая линия с Владимиром Путиным 25 апреля 2013 года. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/17976>.

313. Путин В. В. Выступление Президента РФ на открытии Гражданского форума 21 ноября 2001 года. URL: <http://2002.kremlin.ru/events/380.html>.

313а. Путин В. В. Демократия и качества государства // Коммерсант. 2012. 6 февр. № 20. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753>.

314. Путин В. В. Какую Россию мы строим: послание президента РФ Федеральному Собранию 8 июля 2000 г. // Российская газета. 2000. 11 июля.

315. Путин в очередной раз выходит на «прямую линию». URL: <http://izvestia.ru/news/386393>.

316. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета : Федеральный выпуск. 2005. № 3755. 26 апр.

317. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета : Федеральный выпуск. 2007. № 4353. 27 апр.

318. Путин В. В. Выступление на приёме в честь Дня России 12 июня 2012 года. URL: <http://президент.рф/выступления/15629>.

319. Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374t.

320. Путин не понимает, как вести диалог с оппозицией (28.12.2011). URL: <http://vybor-naroda.org/stovyborah/10976-putin-ne-ponimaet-kak-vesti-dialog-s-oppoziciey.html>.

321. Путин готов встретиться с представителями «Лиги избирателей». Но они не идут сами, а Акунин – грузин. URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/putin-gotov-vstretitsya-s-predstaviteleyami-ligi-izbiratelej-no-oni-ne-idut-sami-a-akunin-gruzin>.

322. Путин пожаловался на оппозицию: Быкова приглашают, но он не приходит, а Акунин – вообще грузин. URL: <http://www.city-n.ru/view/296179.html>.

323. Путин и оппозиция: разные планы. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24456971.html>.

324. Путин читал на своем митинге «Бородино»: «Умерте ж под Москвой...». URL: <http://charter97.org/ru/news/2012/2/23/48418/>.

324. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/news/17118>.

325. Путин: диалог с Шевчуком – свидетельство демократии в России. URL: http://www.dp.ru/a/2010/06/09/Putin_dialog_s_Shevchukom.

326. Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/.Разговор с Владимиром Путиным](http://ru.wikipedia.org/wiki/.Разговор_с_Владимиром_Путиным).

327. *Разуваева Н. Н.* История России: конец XX века : курс лекций. Уфа : Академия ВЭГУ, 2010. 248 с.

328. *Разуваева Н. Н.* Б. Н. Ельцин – лидер новейшей российской истории (штрихи к политическому портрету) // Вестник ВЭГУ. 2010. № 6. С. 30–37. URL: http://www.work.vegu.ru/vegu/vestnik/DocLib/30-37_Разуваева.pdf.

329. *Рамузино К. П.* Непосредственный институциональный диалог. Опыт прямой линии с президентом. В. В. Путиным. Дискурсивные стратегии // Материалы междунар. конф. «Диалог 2009». URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009>.

330. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/126820/>.

331. *Рахманин В. С.* Диалог политических культур как демократический процесс // Логос: философский журнал. 2005. № 4. С. 243–252.

332. *Рева Ю. В.* Институционализация связей с общественностью в современном российском бизнесе // Регионоведение. 2007. № 1 С. 264–270.

333. Регель Р. Лиссабонский договор: новый вариант евроконституции? Ч. 1. URL: <http://n-europe.eu/article/2008/07/28>.

334. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.

335. *Родос В. Б.* Теория и практика полемики. Томск : Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева, 1989. 55 с.

336. Российское литературное собрание. 21.12.2013. URL: <http://kremlin.ru/news/19665>.

337. *Ронкин В. Е.* Проблема диалогичности в социально-культурном развитии // Ронкин В. Е. Сочинения. Наблюдения, исследования, размышления. Кн. 1 / под ред. А. Н. Алексеева и И. Т. Ронкиной. СПб. : Норма, 2012. С. 244–251.

338. Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М. : Экон-Информ, 2010. 66 с.

339. Россияне о политических взглядах: своих и В. В. Путина // Аналитический центр Ю. Левады : пресс-выпуск от 15.05.2012. URL: <http://www.levada.ru/15-05-2012/rossiyane-o-politicheskikh-vzglyadakh-svoikh-i-vvputina>.

340. *Ротстайн Б.* Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М. : Вече, 1999. С. 149–180.

341. *Рыбакина А. В.* Проблемы политического дискурса. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/II/uch_2009_II_00039.pdf.

342. Рыжков считает исторической встречу Путина и оппозиции на Валдае. URL: http://ria.ru/valdaiclub_anniversary_session/20130919/964514597.html.

343. *Рыжков В.* Валдайская реакция. URL: <http://rbcdaily.ru/politics/opinion/562949988987883>.

344. Рыжков после диалога с Путиным: я уверен, что будет амнистия по «болотному» делу // Телеканал «Дождь». 2013. 21 нояб. URL: http://tvrain.ru/articles/ryzhkov_posle_dialoga_s_putinym_ja_uveren_chno_budet_amnistija_po_bolotnomu_delu-357187.

345. *Рузавин Г. И.* Логика и аргументация : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ, 1997. 351 с.

346. *Русакова О. Ф.* Политический медиадискурс: опыт концепт-анализа // Российский человек в «разломе эпох»: quo vadis? :

материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Гуманитарного университета, 26–27 апр. 2012 г.: / редкол. Л. А. Закс и др. : в 2 т. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. Т. 2. С. 254–257.

347. *Русакова О. Ф.* PR и дискурс: теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. Екатеринбург : Ин-т философии и права УрО РАН ; Ин-т междунар связей, 2008. 282 с.

348. *Садков В. Г.* Становление, проблемы и повышение общественно-экономической эффективности института социального партнерства в регионах России / В. Г. Садков, О. Б. Кузнецова, Л. И. Старикова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 5. С. 7–15.

349. *Сакова Ю. И.* Функции современных институтов гражданского контроля в России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 31–32.

350. *Самородова Л. Л.* Информационная функция институтов гражданского общества / Л. Л. Самородова, К. Л. Крутская // Вестник Кузбасского гос. техн. ун-та им. Т. Ф. Горбачева. 2011. № 1. С. 142 – 146.

51. *Селиванова Е. С.* Особенности институционализации общественного контроля над деятельностью органов внутренних дел // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 2. С. 123–133.

352. *Семенова Е. А.* Некоторые проблемы института публичных слушаний как формы общественного контроля // Труды филиала МПОА им. О. Е. Кутафина в г. Вологде. Вып. 9. Вологда, 2010. С. 135–140.

352а *Семенов А. В.* Столкновение публичных сфер: «режимы обсуждения» отношений Европейского Союза и России // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: История. 2012. № 1 (17). С. 114–121.

353. *Сенж П.* Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации. URL: Composed by Max Vasilyev. Kharkov, 2006. 384 с.

354. *Сергеев В. М.* Демократия как переговорный процесс. М. : Московский общественный научный фонд, 1999. 145 с.

355. *Сидельник Э. А.* Институционализация паблик рилейшенз в современном российском обществе : автореф. ... канд. социолог. наук. Таганрог, 2007. 24 с.

356. *Симон Г.* Мертвый хватает живого. Основы политической культуры России // *Общественные науки и современность*. 1996. № 6. С. 29–43.

357. *Синекопова Г. В.* Нормативные основания публичной сферы и их критический анализ // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2007. № 2. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/002-12.pdf>.

358. *Скрипник К. Д.* Философия. Логика. Диалог. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1996. 146 с.

359. *Смолин О. Н.* Политический процесс в современной России : учеб. пособие. М., 2006. 336с.

360. *Скурко Е. В.* К проблеме становления институтов общественной экспертизы в законотворчестве Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2010. № 2. С. 2–5.

361. *Соколов А. В.* Особенности развития гражданского общества в Ярославской области / А. В. Соколов, Т. В. Антонова // *Куда пойдет Россия: новые возможности ограничения современного развития : сборник статей / редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец. М. : Ключ-С, 2013. С. 367–378.*

362. *Соловьев А. И.* Диалог Российского государства с обществом: проблемы и направления // *Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России : сб. статей / редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец. М. : Ключ-С, 2012. С. 72–82.*

363. *Соловьев А. И.* Коммуникация и культура: противоречия поля политики // *Полис: политические исследования*. 2002. № 6. С. 6–17.

364. *Соловьев А. И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // *Полис: политические исследования*. 2002. № 3. С. 5–18.

365. *Соловьев А. И.* Диалог государства с обществом: проблемы и направления // *Культура конфликта во взаимодействии*

власти и гражданского общества как фактор модернизации России : материалы Всерос. науч.-практ. симпозиума с междунар. участием. Истра ; М., 2011. С. 16–18.

366. *Соловьев А. И.* Имитация публичности как инструмент консолидации авторитарной власти // Всерос. науч.-практ. симпозиум «Пути развития современной России: новые возможности и ограничения» : сб. тезисов. М., 2012. С. 122–124.

367. *Соловьев А. И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис: политические исследования. 1996. № 6. С. 29–38.

368. *Соловьев А. И.* Медиаспособности государства как фактор развития российского общества: проблемы и практики // Политические коммуникации в изменяющейся России : сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М., 2013. С. 17–24.

369. *Соловьева А. К.* О некоторых общих вопросах теории диалога // Вопросы языкознания. 1965. № 6. С. 103–110.

370. Социальный диалог. Международная конференция труда, 102-я сессия, 2013 г. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_210128.pdf.

371. *Соцкая Е. В.* Гражданский диалог как форма социокультурного взаимодействия. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3907.

372. *Старцев Я.* Артикулирование требований и проблема институционализации обратной связи в российской политической системе // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3 (60). С. 143–149.

373. Стенографический отчёт о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России (22 января 2010 года). URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6693>.

374. Стенограмма заседания Государственной Думы, заседание – 1 (715) от 29.12.2003 // Сб. : Бюллетень № 1(715) Ч. 1. С. 4–31. URL: <http://www.cir.ru/docs/duma/302/420464?QueryID=3739136&HighlightQuery=3739136>.

375. *Степаненко В.* Политическая публичность в трансформации: дискурсы, символизации и практики в Украине в 2000-х гг. // Постсоветская публичность: Беларусь, Украина : сб. науч. тр. / под ред. М. Соколова, В. Фурса. Вильнюс : ЕГУ, 2008. 224 с.

376. *Стернин И. А.* Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. URL: http://tpl1999.narod.ru/teoreticheskaya_i_prikladnaya_lingvistika/vipusk_2_2000/iasternin_sotsialnie_faktori_i_razvitie_sovremennogo_russkogo_yazika/.

377. *Стернин И. А.* Риторика. Воронеж : Кварта, 2002. 224 с. (Системы и коммуникации).

378. *Сунгуров А. Ю.* Гражданское общество и его развитие в России. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf.

379. *Сунгуров А. Ю.* Модели взаимодействия структур гражданского общества и органов власти: российский опыт. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_modeli.pdf.

380. *Сунгуров А. Ю.* Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // Полис: Политические исследования. 2009. № 6. С. 165–178.

381. *Тимофеева Л. Н.* Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса (К «совершеннолетию» российской оппозиции) // Власть. 2007. № 4. С. 10–20.

382. *Тимофеева Л. Н.* Состояние политического дискурса между властью и инакомыслием в России // Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества в современной России : сб. ст. / редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец. М. : Ключ-С, 2012. С. 321–326.

383. *Тимофеева Л. Н.* Политическая коммуникативистика: в поисках предмета и признания // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М. : Рос. ассоциация полит. науки (РАПН) ; Рос. полит. энцикл. (РОСПЭН), 2012. С. 25–42.

384. Тимофеева Л. Н. Медиапорядок в современной России // Политические коммуникации в изменяющейся России : сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М., 2013. С. 12–17.

385. Тимофеева Л. Н. Состояние политического дискурса между властью и инакомыслием в России // Материалы Всерос. науч.-практ. симпозиума с международным участием «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». Истра ; М., 2011. С. 163–166.

386. Титало Е. Е. Общественная палата Российской Федерации как институт гражданского общества : автореф. ... канд. социолог. наук. Ростов на/Д, 2011. 29 с.

387. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. СПб. : ИЛИ РАН, 1998. 701 с.

388. Топольская Т. А. О понятии диалог в психологических исследованиях общения и консультативной практике. Ч. 1 // Консультативная психология и психотерапия. № 4. 2011. С. 69–90.

389. Третий срок Владимира Путина – каким будет политика президента, выполнит ли он обещания // Аналитический центр Ю. Левады. Пресс-выпуск от 3.04.2012 г. URL: <http://www.levada.ru/03-04-2012/tretii-srok-vladimira-putina-kakim-budet-politika-prezidenta-vypolnit-li-obeshchaniya>.

390. Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России: 1905–1917. Тамбов, 2002. 487 с.

391. Травин Д. Я. Очерки новейшей истории России. Кн. 1: 1985–1999. СПб. : Норма, 2010. 368 с.

392. Тюгашев Е. А. Диалог культур и цивилизаций: методологический анализ. Проблематизируя понятие диалога // Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сб. Вып 8. / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 7–13.

393. Тюгашев Е. А. «Диалог культур» и «межкультурная коммуникация» как понятия-химеры в культурологии // Идентичность и диалог культур в эпоху глобализации : Междунар. науч.-практ.

конф. Исссык-Куль, 27–29 августа 2007 г. URL: <http://podelise.ru:81/docs/34746/index-2487.html>.

394. *Федотова В. Г.* Наука и модернизация / В. Г. Федотова, А. Ф. Яковлева // *Философия и культура*. 2012. № 9 (57). С. 61–72.

395. *Фролов С. С.* Социология : учеб. М. : Гардарики, 2004. 256 с.

396. *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России : избр. Ст. по философии истории и культуры : в 2 т. / сост., вступ. ст., примеч. В. Ф. Бойкова. СПб. : София, 1991. Т. 1. 352 с.

397. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого : очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001. 417 с.

398. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 380 с.

399. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. 480 с.

400. *Хоценко В. П.* Виды социального контроля, осуществляемые институтами гражданского общества // *Дискуссия*. 2011. № 7. С. 150–153.

401. *Хренов Н. А.* От имперского монолога к диалогу в его цивилизационном понимании // *Диалог цивилизаций в эпоху становления глобальной культуры*. М. : Гос. ин-т искусствознания, 2012. С. 68–84.

402. Пленарное заседание «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/075_N.A.Hrenov.pdf.

403. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1610860>.

404. *Усватов И. С.* К вопросу о структуре гражданского общества: определения понятия института гражданского общества // *Пробелы в российском законодательстве*. 2009. № 4. С. 82–84.

405. *Уолтон Д.* Аргументы ad hominem / пер. с англ. Н. Я. Мазлумяновой. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2002. 352 с.

406. Уолтон Д. Аргументы ad hominem: характер, рассуждение и практическое обоснование. URL: <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-00walt.html>.

407. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-70173.htm>.

408. Цинпаева Ф. С. Социальное партнерство как институт взаимодействия власти и общества // Вопросы структуризации экономики. 2009. № 2. С. 281–284.

409. Человек институциональный: коллективная монография (Homo institutus) / под ред. проф. О. В. Иншакова. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. 854 с.

410. Чернобровкина Е. П. Институционализация межсекторного социального партнерства: региональный аспект (На примере Республики Бурятия) : дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2006. 152 с.

411. Четвериков А. О. Договор о Европейском Союзе (в редакции Лиссабонского договора). URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu>.

412. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53–59.

413. Шабров О. Ф. Политическая кибернетика // Политическая энциклопедия : в 2 т. Т. 2. / рук. проекта Г. Ю. Семигин. М. : Мысль, 1999. С. 171–172. URL: http://shabrov.info/Statji/pol_kib.htm.

414. Шабров О. Ф. Эффективность политического управления (системно-кибернетический подход) : дис. ... д-ра полит. наук. М., 1998. URL: http://shabrov.info/dis_doc.htm.

415. Шабров О. Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. Гл. 5. Политическая обратная связь. М. : Интеллект, 1997. 200 с.

416. Шаповал Ю. Как гэкачеписты страну из кризиса выводили. Исполнилось 15 лет со дня краха ГКЧП – Государственного комитета по чрезвычайному положению, созданного 19 августа 1991-го группой государственных руководителей СССР. URL:

http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/kak_gekachepisty_stranu_iz_krizisa_vyvodili_ispolnilos_15_let_so_dnya_kraha_gkchp__gosudarstvennogo_.html.

417. *Шатаев И.* Лиссабонский договор – правовая модель демократии, диалога и европейского развития. URL: <http://www.google.ru/search?hl=ru&source=hp&biw=1271&bih=598&q>.

418. *Шикина Т.С.* Динамика институционализации диалога // Регионология. 2011. № 3. С. 323–330.

419. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

420. *Шейгал Е. И.* Власть как концепт и категория дискурса URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php.

421. *Шелеп И. А.* Утопия Джеймса Грюнига: к вопросу об эволюции PR-моделей в XX веке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2010. № 2. С. 70–76.

421а. *Шевцова Л. Ф.* Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3. С. 36–55.

422. *Шилихина К. М.* Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 177–182.

423. *Шкерин В. А.* Бывшие члены тайных обществ декабристов и крестьянское движение в России в 1830–1840-е гг. // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. Сер.: Гуманитарные науки. Вып. 10. История. С. 87–95. URL [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0039\(01_102005\)](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0039(01_102005)).

424. *Шмелева О. Ю.* Проблема институционального политического участия в современной России в контексте перспектив развития гражданского общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2011. Т. 18. № 7 (102). С. 258–264.

425. *Шмидт К.* Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) // Социологическое обозрение. Т. 8. № 2. 2009. С. 6–20.

426. *Шпаковский В. О.* История связей с общественностью : электр. учеб. для дистанционной формы обучения специальности «Связь с общественностью» / В. О. Шпаковский, С. В. Шпаковская. Пенза : ПГУ. 2004. 132 с.

427. *Шпет Г. Г.* Соч. М. : Правда, 1989. 604 с.

428. Штельцнер В. Логические проблемы дискуссии // Вопросы философии. 1962. № 6. С. 98–107.

429. *Шустров А. М.* Институционализация гражданского контроля над деятельностью государства в регионах современной России : автореф. ... канд. полит. наук. М., 2009. 21 с.

430. Эксперты Валдая рассказали о самых важных заявлениях Путина. URL: http://ria.ru/valdaiclub_tenth_anniversary/20130919/964521946.html.

431. *Эссенгул Ч.* Политические уроки: институционализация диалога между неправительственными организациями и правительством : аналитическая записка. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode>.

432. *Язов Д. Т.* Сталин и пигмеи // Завтра. 1998. № 18 (231). 5 мая. URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/1998-05-0513st/>.

432а *Юлина Н. С.* Философская ситуация в России // История философии. Вып. 10. М. : ИФ РАН, 2003. С. 8–25.

433. *Якимец В. Н.* Индекс для оценки и мониторинга публичной политики // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М. : РАПН ; РОС-СПЭН, 2008. С. 107–121.

434. *Якимец В. Н.* Состояние гражданского общества и публичной политики в субъектах РФ: индексы, региональная специфика и межрегиональные сравнения // Оценка состояния и развития гражданского общества России: проблемы, инструменты и региональная специфика. М. : Тр. ин-та системного анализа РАН, 2010. Т. 57. С. 113–128.

435. *Якимец В. Н.* Оценка состоятельности институтов и механизмов публичной политики // Сетевые ресурсы и практики в публичной политике. Краснодар : Просвещение-Юг, 2012. С. 236–241.

436. Якимец В. Н. Типология публичной политики в регионах России // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики : сб. науч. статей / В. Н. Якимец, Л. И. Никовская / отв. ред. Л. В. Сморгун, Е. В. Морозова. Краснодар : Изд-во КубГУ, 2010. С. 42–50.

437. Яковлев Р. Р. Особенности формирования и функционирования гражданского общества в современной России // Вестник ВЭГУ. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2010. № 4. С. 145–151.

438. Якушкин И. Д. Записки. М., 1905. 202 с.

439. Юлина Н. С. Философская ситуация в России // История философии. Вып. 10. М. : ИФ РАН, 2003. С. 6–22.

440. Янов А. Л. Методология анализа политической традиции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 71–75.

441. Яровая Л. В. Украинская модель социального диалога в контексте европейской политики // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. Вип. 112. Серія: Політологія. Севастополь, 2010. С. 39–43.

442. Яшин И. Зачем Рыжков идет в подтанцовку к Путину? // Ежедневный журнал. 2013. 20 нояб. URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=23769#>.

443. 10-й съезд РКП (б) (8–16 марта 1921 года) : протоколы. М. : Партиздат, 1933. 954 с.

444. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенограф. отчет : в 3 т. М., 1962. Т. 2. 608 с.

445. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г. : стенограф. Т. 1. М. : Политиздат, 1991. 639 с.

446. Abels G. Citizens deliberations and the EU democratic deficit Is there a model for participatory democracy. URL: <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/045.pdf>.

446a. Agrément et représentativité des associations : une réforme qui pose question. URL: <http://www.generations-futures.fr/non-classe/representativite-des-associations-quels-risques-pour-les-ong-expertes-telles-que-generations-futures/>.

447. *Arnett P.* Dialogue as an «Enlarged Communicative Mentality»: Review, Assessment, and Ongoing Difference / *P. Arnett, C. Grayson, C. McDowell* // *Aq Uarterly Review of Communication Research*. 2008. Vol. 27. № 3. URL: http://cscs.scu.edu/trends/v27/CRT_v27_n3_Sept_2008.pdf. P. 1–44.
448. *Barber B.* Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley : University of California Press, Ltd. London, England. 1984.
449. *Barber B.* Démocratie forte. Desclée de Brouwer, 1997. 329 p. URL: <http://mediatheque.territoiresmemoire.be/index>.
450. *Blatrix C.* La «Démocratie participative», de Mai 68 aux Mobilisations anti-TGV: Processus de consolidation d'institutions sociales émergentes. These pour l'obtention du Doctorat en Science Politique. Université Paris I ; Pantheon Sorbonne. 2000. 20 janvier. 634 p.
451. *Blatrix C.* Devoir débattre. Les effets de l'institutionnalisation de la participation sur les formes de l'action collective // *Politix*. 2002. Vol. 15. № 57. Premier trimestre. P. 79–102.
452. *Blatrix C.* La loi Barnier et le débat public: quelle place pour les associations // *Ecologie et politique*. 1997. № 21. P. 77–92.
453. *Blondiaux L.* Débat public : la genèse d'une institution singulière // *Le débat public: une expérience française de démocratie participative*. M. Revel et autres (dir.). Paris : Éditions La Découverte, 2007. P. 37–41.
454. *Botan C.* Ethics in strategic communication campaigns: the case for a new approach to communication with the public // *Journal of Business Communication*. 1997. Vol. 34. № 2. P. 188–202.
454. *Botan C., Taylor M.* Public Relations: State of the Field // *Journal of Communication*. 2004. Vol. 54. № 4. P. 645–661.
455. *Bohm D.* On Dialogue. In L. Nichol (Ed.). London and New York: Routledge. 1996.
456. *Boucher S.* If citizens have a voice, who's listening? Lessons from recent citizen consultation experiments for the European Union // *Working Paper*. 2009. №. 24. June. URL: <http://www.ceps.eu/files/book/1856.pdf>.
457. *Burkart R.* On Jürgen Habermas and public relations // *Public Relations Review*. 2007. Vol. 33. № 3. P. 249–254.

458. *Burkart R.* Verständigungsorientierte Öffentlichkeitsarbeit// Bentele G., Fröhlich R, Szyszka P. (eds.) Handbuch der Public Relations. 2nd rev. and extd. edn. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. P. 223–240.

459. *Callon M., Lascoumes P., Barthe Y., Burchel G.* Acting in an Uncertain World: An Essay on Technical Democracy (Inside Technology). The MIT Press Cambridge, Massachusetts, London, England. 222 p.

460. *Callon M., Barthe Y.* Décider sans trancher. Négociations et délibérations à l'heure de la démocratie dialogique // *Négociations*. 2005. № 4. P. 115-129.

461. Circulaire du 15 décembre 1992 relative à la conduite des grands projets nationaux d'infrastructures. URL: <http://www.debat-public.fr/docs/pdf/circulaire-bianco.pdf>.

472. Co-creation. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Co-creation>.

473. Débat. URL: <http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/definition/debat>.

474. *Boucher S.* If citizens have a voice, who's listening? Lessons from recent citizen consultation experiments for the European Union // Working Paper. 2009. №. 24. June. URL: <http://www.ceps.eu/files/book/1856.pdf>.

475. Civil Dialogue. Making it work better. Report researched and written by Elodie Fazi and Jeremy Smith. Civil Society Contact Group, 2006. 98 p. URL: <http://act4europe.horus.be/module/FileLib/Civil%20dialogue,%20making%20it%20work%20better.pdf>.

476. Civil society supporting dialogue and deliberation Ute Kelly with Lisa Cumming, University of Bradford. Published on behalf of the Commission by the Carnegie UK Trust. 2010. March. URL: http://www.bradford.ac.uk/ssis/media/ssis/conferences/Civil_society_supporting_dialogue_and_Deliberation.pdf.

477. Commission of the European Communities, Brussels, 13.10.2005. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and Committee of the Regions. The Commission's contribution to the period of reflection and beyond: Plan-D for Democracy, Dialogue

and Debate. URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/site/en/com/2005/com2005_0494en01.pdf.

478. Comparison of Dialogue and Debate. URL: <http://www.odec.umd.edu/CD/ACTIVITI/BERMAN.pdf>.

479. *Damiris N., Wild H.* Internet: A New Agora? / N. Damiris, H. Wild. URL: http://hexagram.concordia.ca/~xinwei/pub/img/sources/Damiris/Internet-A_New_Agora.pdf.

489. Débat. <http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/definition/debat/>.

490. *De Carlo L.* The TGV, Very High Speed Train, Méditerranée Decision Process Or The Emergence of Public Consultation Procedures on Important Infrastructutre [ie Infrastructure] Projects in France. Documents de recherche du Centre de recherche de l'ESSEC (Vol. 2003). Groupe ESSEC, 2002. 58 p.

491. *De Carlo L.* The TGV (Very High Speed Train) Méditerranée Decision Process or the Emergence of Public Consultation Procedures on Important Infrastructutre Projects in France. 2002. February. URL: http://www.essec.edu/faculty/showDeclFileRes.do?declId=3968&key=__workpaper/.

492. Décret N° 2008-1163 du 13 novembre 2008 relatif au Haut Conseil du dialogue social. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affich-Texte.do?cidTexte=JORFTEXT000019758158>.

493. Décret N° 2011-832 du 12 juillet 2011 relatif à la réforme de l'agrément au titre de la protection de l'environnement et à la désignation des associations agréées, organismes et fondations reconnues d'utilité publique au sein de certaines instances. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000024357948&categorieLien=id>.

494. Democratic deficit. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Democratic_deficit_in_the_European_Union.

495. Dialogue. URL: <http://www.la-definition.fr/dialogue>.

496. Dialogue social. URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Dialogue_social.

496a Dialogue as of Means of Collective Communication/21st Century Agora. URL: <http://21stcenturyagora.org/>.

497. *Deetz S.* Critical Organizational Dialogue: Open Formation and the Demand of «Otherness» / S. Deetz, G. Simpson. URL: http://www.colorado.edu/Communication/comm4600880/Deetz_Simpson2003.pdf.

498. *Dryzek J.* Discursive Democracy: Politics, Policy and Political Science. Cambridge University Press. 1994. 268 p.

499. *Eemeren F.* Fundamentals of Argumentation Theory / F. Eemeren, R. Grootendorst, F. Henkemans. New Jersey, 1995. 440 p.

499. EU Civil Society Contact Group. Representativity of NGOs taking part in civil dialogue. 2006. 16 March. URL: <http://act4europe.horus/modul/FileLib/Briefing%20representativity.pdf>.

500. *Ellinor L.* Dialogue: Rediscover the Transforming Power of Conversation / L. Ellinor, G. Gerard. London: Wiley, 1988. P. 19–27.

501. *Escobar O.* Public Dialogue and Deliberation. A communication perspective for public engagement practitioners. Edinburgh: Edinburgh Beltane ; UK Beacons for Public Engagement. 2011. 76 p. URL: <https://dl.dropboxusercontent.com/u/11082373/Public>.

502. *Escobar O.* The dialogic turn: dialogue for deliberation // Journal of Law, Politics and Societies. 2009. № 4(2). P. 42–70.

503. *Fourniau J.-M.* L'institutionnalisation du modèle français controversé du débat public // *Télescope*. Vol. 17. № 1. P. 70–93.

504. *Fourniau J.-M.* L'institutionnalisation du débat public // *Revue Projet*. 2007. № 297. P. 13–21.

505. *Fourniau J.-M.* Mésentente et délibération dans les conflits d'aménagement: l'expérience du débat public institutionnalisé // J. Ion, C. Gillio et J.-P. Blais (dir.). *Dynamiques associatives, environnement et cadre de vie*, Meltt-PUCA, 2001. P. 261–301.

506. *Giddens A.* Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics. Cambridge : Polity Press. 1994. 276 p.

507. *Gerard G., Teurfs L.* Dialogue and Organizational Transformation// *The community of the Spirit: Renewal in the Spirit, and teaching business* / Kazimierz Gozdz, ed. San Francisco : New Press leaders, 1995. P. 143–153.

508. Grenelle Environnement. URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Grenelle_de_l'environnement.

509. Grenelle de la mer. URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Grenelle_de_la_mer.

510. *Grunig J.* Managing public relations / J. Grunig, T. Hunt. New York : Holt, Rinehart & Winston, 1984.

511. *Grunig J.* Managing public relations / J. Grunig, T. Hunt. New York : Holt, Rinehart & Winston, 1984. 550 p.

512. *Grunig L.* Models of Public Relations / L. Grunig, J. Grunig, D. Dozier // Excellent public relations and effective organisations: A study of communication management in three countries Mahwah: new jersey. Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 306–383.

513. GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством : учеб. пособие / под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. М. : РОССПЭН, 2012. 407 с.

514. *Habermas J.* Moral Consciousness and Communicative Action. Cambridge : Mass, 1990. 228 p.

515. *Hawes L. C.* The dialogics of conversation: Power, control, and vulnerability// Communication Theory. Vol. 199. № 9. P. 229–264.

516. *He B.* Western Theories of Deliberative Democracy and the Chinese Practice of Complex Deliberative Governance // The Search for Deliberative Democracy in China. Ed. By E. J. Leib and H. Baogang. New York: Palgrave, 2006. P. 133–148.

517. *He B.* Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn: Chinese Political Development / B. He, M. E. Warren // Perspectives on Politics. 2011. Vol. 9. № 2. P. 269–289.

518. *Ivic S.* Dialogue and debate: The path towards deliberation? // Journal of Law and Conflict Resolution. 2011. Vol. 3 (2). February. P. 14–19. URL: <http://www.academicjournals.org/jlcr/PDF>.

519. *Isaacs W.* Dialogue and the art of thinking together. New York : Random House, 1999. 428 p.

520. *Isaacs W.* The Process and Potential of Dialogue in Social Change // Educational Technology. 1996. Jan.-Feb. P. 20–30.

521. Institutions et représentativité des acteurs. Rapport final au Premier ministre et au Ministre d'Etat, Ministre de l'Ecologie, de

l'Energie, du Développement durable et de l'Aménagement du Territoire. URL: http://www.developpement-durable.gouv.fr/IMG/pdf/rapport_final_comop_24.pdf.

522. *Jiang M.* Authoritarian deliberation on Chinese Internet. URL: http://pcmlp.socleg.ox.ac.uk/sites/pcmlp.socleg.ox.ac.uk/files/MinJiang_SpacesOfAuthoritarianDeliberation_BookChapter.pdf.

523. *Kent M.* Toward a dialogic theory of public relations / M. Kent, M. Taylor // *Public Relations Review*. 2002. Vol. 28. № 1. P. 21–37.

524. *Kent M.* Building dialogic relationships through the World Wide Web / M. Kent, M. Taylor // *Public Relations Review*. 1998. Vol. 24. № 3. P. 321–334.

525. *Kinter Yu.* Historical Athenian Agora Metamorphosis: Changing communication technologies and the search for the ideal foundation of the public sphere The Pennsylvania State University, 2009. 519 p. URL: <http://gradworks.umi.com/33/74/3374501.html>.

526. *Lane A.* Is Dialogue the Key to Pandora's Box? // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Sheraton New York, New York City, NY, 2005. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://eprints.qut.edu.au/10318/1/10318.pdf>.

527. *Lavelle P. S.* Le principe dialogue et l'activité humaine. Technique, travail, culture // *Ergologia*. 2010. № 4. Novembre. P. 55–101.

528. *Lavelle P. S.* Démocratie constructive et gouvernance de la technique: Les conditions de la gouvernance démocratique dans un processus technique et social complexe : l'exemple du projet européen Cowam-in-Practice dans la gestion des déchets radioactifs / P. S. Lavelle, G. H. Dubreuil, S. Gadbois, C. Mays, T. Schneider // *Revue gouvernance hiver*. 2010. http://www.revuegouvernance.ca/images/content/Spring2007/lavelle_et_al.pdf.

529. *Latour B.* Politique delanature. Comment faire entrer les science en démocratie. Paris: La Découverte, 1999. 382 p.

530. *Levi M.* A logic of institutional change // *The limits of rationality* / Ed. by K. S. Cook, M. Levi. Chicago : University of Chicago Press, 1990.

531. *Leeper R. V.* Moral objectivity, Jurgen Habermas's discourse ethics, and public relations // *Public Relations Review*. 1996. Vol. 22. № 2. P. 133–150.

532. Loi № 83-630 du 12 juillet 1983 relative à la démocratisation des enquêtes publiques et à la protection de l'environnement. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000692490>.

533. Loi № 95-101 du 2 février 1995 relative au renforcement de la protection de l'environnement. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000551804>.

534. Loi № 2002-276 du 27 février 2002 relative à la démocratie de proximité. URL: http://www.debatpublic.fr/docs/pdf/loi_2002_02_27.pdf.

535. *London S.* Thinking Together: The Power of Deliberative Dialogue. URL: <http://www.scottlondon.com/reports/dialogue.html>.

536. *Lombardo E.* The Participation of Civil Society in the Debate on the Future of Europe: Rhetorical or action frames in the discourse of the Convention? URL: http://www.unizar.es/union_europea/files/workPapers3_UE.pdf.

537. Le Livre Bleu des engagements du Grenelle de la Mer. URL: http://www.developpement-durable.gouv.fr/IMG/pdf/Livre_bleu.pdf.

538. *Macagno F.* Types of Dialogue, Dialectical Relevance, and Textual Congruity // *Anthropology and Philosophy*. 2000. Vol. 8. № 1–2. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1746743.

539. *Moravcsik A.* Lemythe du déficit démocratique européen. URL: <http://www.princeton.edu/~amoravcs/library/mythe.doc>

540. *Nahtigal N.* Institutionalising Civil Dialogue – Overview of existing Policy measures. 2010. Sept. URL: <http://www.cnvos.si/User-Files/File/Zagovornistvo/Analize>.

541. *Palazzo B.* An Introduction to Stakeholder Dialogue // *Responsible Business: How to manage a CSR strategy successfully*. P. Manfred / N. Tolhurst (eds.). Wiley, 2010. S. 17–42. URL: <http://www.palazzo-palazzo.com/dld/Stakeholder Dialogues-BP.doc>.

542. *Parker J.* Dialogue Methods: A Typology of Community Dialogue Processes / J. Parker, P. Duignan. URL: <http://www.parkerduignan.com/documents/132pdf.PDF>.

543. *Pearson R.* A theory of public relations ethics. Unpublished doctoral thesis. State University, USA, 1989.

544. *Pearson R.* Business ethics as communication ethics: Public relations practice and the idea of dialogue // C. Botan (ed.); Public relations theory. Hillsdale. NJ : Erlbaum, 1989. P. 111–131.

545. *Pearson R.* Beyond ethical relativism in public relations: Co-orientation, rules, and the idea of communication symmetry // Journal of Public Relations Research. 1989. Vol. 1. № 1. P. 67–86.

546. *Pearson R.* Reviewing Albert J. Sullivan's theory of public relations ethics // Public Relations Review. 1989. Vol. 15. № 2. P. 52–62.

547. *Pederson E.* Making corporate social responsibility (CSR) operable. How companies translate stakeholder dialogue into practice // Business and Society Review. 2006. Vol. 111. № 2. P. 137–163. http://www.crsdd.uqam.ca/pages/docs/dialoguestk_rahbek_20061.pdf.

547a. *Perelman Ch.* The new rhetoric and the humanities: essays on rhetoric and application. Dordrecht, 1979. 197 p.

548. *Pieczka M.* Public relations as dialogic expertise? // Journal of Communication Management. 2011. Vol. 15. № 2. P.108–124.

549. *Pieczka M.* Dialogue and science: Innovation in policy-making and the discourse of public engagement / M. Pieczka, O. Escobar // Science and Public Policy. 2013. № 40 (1). P. 113–126.

550. Policy process reform: institutionalization of consultations between government institutions in the CIS count RITS. Conditions, form, practice. – United Nations Development Programme. Bratislava, 2002. 76 p.

551. *Prémat C.* Pourquoi délibérer ? Le cas du débat public portant sur le grand contournement de Bordeaux // Les Enjeux de l'information et de la communication. 2009 (Dossier 2009). P. 37–49. URL: www.cairn.info/revue-les-enjeux-de-l-information-et-de-la-communication-2009--page-37.htm.

552. Rada ministrow. Zasadi dialogu spolecznego. Dokument programowy. 22 pazdzdziernika 2002. URL: [http://opzz.info.pl/assets/file/opinie 2/\(ZASADY DIALOGU SPOLECZNEGO\).pdf](http://opzz.info.pl/assets/file/opinie%20(ZASADY%20DIALOGU%20SPOLECZNEGO).pdf)

552. Rapport au Président de la République Française sur «La concertation au service de la démocratie environnementale». 2012.

February. URL: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/124000098/0000.pdf> - 158 p.

553. *Revel M.* Pratiques délibératives et engagement des profanes: la montée en généralité des associations. URL: <http://halshs.archives-ouvertes.fr/docs>.

554. Structured Dialogue with Commissioner Margot Wallström. EU Communication Policy and EC Plan D. URL: http://www.cor.europa.eu/migrated_data/Wallstrom_2387.pdf.

555. *Schmidt V.* Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth «new institutionalism»// *European Political Science Review*. 2010. Vol. 2. № 1. P. 1–25.

556. *Schmidt V.* Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse// *Annual Review of Political Science*. 2008. № 11. P. 303–326.

557. *Sullivan A. J.* Values in public relations // O. Lerbinger & A. Sullivan (Eds.), *Information, influence, and communication: A reader in public relations*. New York : Basic Books, 1965. P. 412–439.

558. *Suraud M.-G.* L'espace public: entre autonomie et institutionnalisation// *Communication*. 2006. Vol. 24. № 2. P. 9–28. URL: <http://communication.revues.org/3353>.

559. *Tannen D.* *The Argument Culture: Moving from Debate to Dialogue*. Maryland, USA, 1998. 348 p.

560. *Tannen D.* How to Turn Debate into Dialogue. Adapted by D. Tannen from her book «*The Argument Culture: Moving from Debate to Dialogue*». Copyright 1999. URL: [http://academic.luzerne.edu/shousenick/102--Tannen article.doc](http://academic.luzerne.edu/shousenick/102--Tannen%20article.doc).

561. Talk. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/en-ru/talk>.

562. *The Oxford Handbook of Political Institutions* / Ed. by R. A. W. Rhodes, S. A. Burder, B. A. Rockman. Oxford, 2006. 869 p.

563. *The Search for Deliberative Democracy in China* / By E. J. Leib and H. Baogang (Ed.). New York : Palgrave, 2006. 296 p.

564. Towards a structured framework for European Civil Dialogue. Brussels, 15 February 2010. URL: http://www.civicforum.fr/documents_towards_a_structured_framework_for_european_civil_dialogue.pdf.

565. *Van Eemeren F. H.* Speech Acts in Argumentative Discussions / F. H. Van Eemeren, R. Grootendorst. Dordrecht : Foris Publications, 1984. 215 p.

566. What is public dialogue? URL: <http://www.sciencewise-erc.org.uk/cms/assets/Uploads/Publications/What-is-public-dialogue-FAQ-Report-V2.pdf>.

567. *Wei Z.* In Search of Deliberative Democracy in China // Journal of Public Deliberation. 2012. Vol. 8. № 1. Article 8. URL: <http://www.publicdeliberation.net/cgi/viewcontent.cgi?article=1192&context=jpd>.

568. *Walton D., Krabbe E.* Commitment in Dialogue / D. Walton, E. Krabbe. Albany : State University of New York Press, 1995. 235 p.

569. *Walton D.* Media argumentation: Dialectic, persuasion and rhetoric. New York ; Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 400 p.

570. *Walton D.* Informal logic: a handbook for critical argumentation. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 310 p.

571. *Walton D.* Dialog Theory for Critical Argumentation. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. Amsterdam ; Philadelphia, 2007. 308 p.

572. *Walton D.* Dialogue Theory for Critical Thinking // Argumentation. 1989. № 3. P. 169–184.

573. *Walton D.* Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies // Argumentation Illuminated / F. H. van Eemeren wt al. (eds.). Amsterdam : SICSAT, 1992. P. 133–147.

574. *Walton D.* Commitment, types of dialogue, and fallacies // Informal Logic. 1993. Vol. 14. № 2–3. P. 93–104.

575. *Walton D.* Arguer's position. Westport, Conn. : Greenwood Press, 1985. 301 p.

576. *Walton D.* The Place of Emotion in Argument. University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 1992. 294 p.

577. *Walton D.* The New Dialectic. Toronto : University of Toronto Press, 1998. 304 p.

578. *Yankelovich D.* The magic of dialogue: Transforming conflict into cooperation. New York : Simon and Schuster, 1999. 240 p.

579. 俞可平 协商民主：当代西方民主理论和实践的最新发展. URL: <http://www.china.com.cn/xsbs/txt/2006-11/06>.

Научное издание

Зайцев Александр Владимирович

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГА
ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Подписано в печать 28.05.2014.

Формат 60x90/16.

Тираж 500 экз.

Уч.-изд. л. 21,9.

Усл.-печ. л. 27,9.

Изд. № 46.

Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
156961, Кострома, ул. 1 Мая, 14